

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2023. Том 72

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русины

2023. № 72

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2023. Nr. 72

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodoľ

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2023

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

<i>Пашин С.С.</i> Семь шляхетских родов Галицкой земли XV века: генеалогический комментарий к указу 1510 г. короля Сигизмунда I об амнистии шляхтичей-изменников	11
<i>Погорлецкая И.И.</i> Наследственное право молдавского государства XVI–XVII вв.	30
<i>Суляк С.Г.</i> Элизе Реклю о русинах и русском народе	45
<i>Чучко М.К., Грябан В.В.</i> Життя та діяльність Євгенія Козака (1857–1933), відомого славіста, ректора чернівецького університету, архіпресвітера-ставрофора, професора	83

Лингвистика и язык

<i>Пекунова И.С.</i> Образец эталонного описания акцентуации средневековых текстов (и-глаголы в двух старошотокавских памятниках XV в.)	138
<i>Щеглова О.Г.</i> О лексико-словообразовательных вариантах в русских чтениях Стишного Пролога	161
<i>Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И.</i> Аксиологические коннотации славянских этнонимов	178
<i>Филь Ю.В., Конончук И.Я., Дударева А.И.</i> Пространственные и отпространственные смыслы глагольной рефиксации в старославянском языке	196
<i>Шишигин К.А., Лебедева Н.В.</i> Формальные и семантические сходства славянских и германских языков: белорусские, русские и украинские префиксальные глаголы и существительные для немецкоязычных	215
<i>Дронова Л.П.</i> Русинское шум, слав. <i>šitъ</i> в контексте исторических связей	233

<i>Диброва В.С.</i> Мотивация выбора языка билингвами в системе современных социо-культурных практик (русско-тюркское языковое взаимодействие в Южной Сибири)	244
<i>Толстик С.А.</i> Понятие «скорость» в истории русинского языка	259
<i>Коршунова И.С.</i> Оценка вклада доминирующих аудиальной и визуальной модальностей в семантику слов, контактирующих языков (славянско-тюркское языковое взаимодействие)	280
<i>Меркулова И.А.</i> Длина слова в русинском языке	293

CONTENTS

Editorial	9
-----------------	---

History

Pashin S.S.

Seven noble families of Galicia in the 15th century: A genealogical commentary on the decree of King Sigismund I of 1510 on the amnesty of traitor nobles	11
--	-----------

Pogorletskaya I.I.

Inheritance law in Moldova of the 16th – 17th century	30
--	-----------

Sulyak S.G.

Eliséé Reclus about the Rusins and Russians	45
--	-----------

Chuchko M., Hryaban V.

The life and work of Professor Eugeniu Kozak (1857–1933), prominent Slavist, Rector of the Chernivtsy University, archpresbyter-stavrophorus	83
---	-----------

Linguistics and Language

Pekunova I.S.

A model description of accentuation in medieval texts (i-verbs in two Old Shtokavian manuscripts of the 15th century)	138
--	------------

Shcheglova O.S.

About lexico-derivational variants in Russian readings of the Stishnoy Prologue	161
--	------------

Alefirenko N.F., Chumak-Zhun I.I.

Axiological connotations of Slavic ethnonyms	178
---	------------

Fil Yu.V., Kononchuk I.Ya., Dudareva A.I.

Spatial and transdimensional meanings of verbal prefixation in the Old Church Slavonic language	196
--	------------

Shishigin K.A., Lebedeva N.B.

Formal and semantic similarities of Slavic and Germanic languages: Belarusian, Russian, and Ukrainian prefixed verbs and nouns for German speakers	215
---	------------

Dronova L.P.

The Rusinian <i>shum</i>, Slavic <i>šumъ</i> and their historical links	233
--	------------

<i>Dibrova V.S.</i>	
Motivation of bilinguals' language choice in the system of modern sociocultural practices (Russian-Turkic language interaction in Southern Siberia)	244
<i>Tolstik S.A.</i>	
The concept of "speed" in the history of the Rusinian language	259
<i>Korshunova I.S.</i>	
Evaluation of the contribution of dominant auditory and visual modalities to the semantics of words in contacting languages (Slavic-Turkic language interaction)	280
<i>Merkulova I.A.</i>	
Word length in the Rusinian language	293

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

В 72-м номере журнала «Русин» мы завершаем публикацию статей, подготовленных на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая прошла 15–16 мая 2023 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете в сотрудничестве с редколлегией международного журнала «Русин».

Как и в предыдущем номере, наряду со статьями участников конференции в журнале предоставлены плановые материалы по русинской тематике.

В последующих выпусках журнала будут размещены материалы VII Международной научной конференции «Славянский мир в условиях современных вызовов», которая состоится в Томске 5–6 октября 2023 г. на базе Национального исследовательского Томского государственного университета (сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavworld>) и Международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Двенадцатые чтения памяти И.А. Анцупова)», которая пройдёт 27–28 октября 2023 г. в г. Тараклия (Республика Молдова) на базе Тараклийского государственного университета им. Гр. Цамблака (сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov>).

Ещё одна новость: в Web of Science Core Collection стали присваивать квартили гуманитарным журналам. Журнал «Русин» с прошлого года имеет Q1 в категории «История» в Web of Science Core Collection, в её базе данных Emerging Sources Citation Index (ESCI).

*С.Г. Суляк,
главный редактор*

**DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD,
AUTHORS AND READERS!**

This volume of *Rusin International Journal* publishes articles based on the reports at the International Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges* held by the National Research Tomsk State University in partnership with *Rusin International Journal* on May 15–16, 2023. The volume also includes the scheduled materials on Rusin topics.

Subsequent volumes of *Rusin* will contain materials from the Seventh International Conference *The Slavic World: Responding to New Challenges*, which will be held in Tomsk on October 5–6, 2023, at the National Research Tomsk State University (conference official website: <http://conference.tsu.ru/slavworld>) and the International Conference *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Twelfth Ivan A. Antsupov Readings)*, which will be held on October 27–28, 2023, in Taraclia (Republic of Moldova) at Gregory Tsamblak Taraclia State University (conference official website: <http://conference.tsu.ru/antsupov>).

The Web of Science Core Collection began to assign quartiles to the journals on Humanities. Since last year, *Rusin* is Q1 in “History” in the Web of Science Core Collection, Emerging Sources Citation Index (ESCI) database.

Sergey G. Sulyak,
Chief Editor

УДК 94(438)13:323.31(045)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/2

Семь шляхетских родов Галицкой земли XV в.: генеалогический комментарий к указу 1510 г. короля Сигизмунда I об амнистии шляхтичей-изменников

С.С. Пашин

Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматриваются основные события польско-молдавских войн конца XV – начала XVI в. Акцент сделан на влиянии этих войн на положение шляхты Галицкой земли (Восточная Галичина, ныне Ивано-Франковская область Украины). В 1510 г., после заключения мира, польский король Сигизмунд I амнистировал 24 галицких шляхтича (из 12 родов), перешедших на сторону молдавского господаря Богдана III. Почти все они проживали в сёлах, которые оказалась на пути молдавского войска в 1509 г. Исследована история 7 (из 12) шляхетских родов XV в.: их происхождение, родственные связи, земельные владения, отношения с соседями. Шляхтичи были потомками не только древнерусских бояр, но и непривилегированных военных слуг русинского и волошского происхождения, которые стали шляхтичами благодаря земельным пожалованиям польских властей в конце XIV – начале XV в. В 1510 г. 10 из 24 амнистированных шляхтичей были жителями двух сёл в небольшом пограничном регионе (Покутье). Все изменники составляли только малую часть шляхетского населения Галицкой земли. Ошибочно мнение, что во время польско-молдавских войн переходы шляхтичей-русинов на молдавскую сторону носили массовый характер.

Ключевые слова: польско-молдавские войны, королевский указ 1510 г. об амнистии, галицкие шляхтичи, генеалогия, XV в.

Seven noble families of Galicia in the 15th century: A genealogical commentary on the decree of King Sigismund I of 1510 on the amnesty of traitor nobles

Sergey S. Pashin

Tyumen State University
23 Lenina Street, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article analyses the main events of the Polish-Moldovan wars of the late 15th – early 16th century with the focus on their impact on the position of Galician noblemen (Eastern Galicia, now Ivano-Frankivsk region of Ukraine). In 1510, after the conclusion of peace, the Polish king Sigismund I granted amnesty to 24 Galician noblemen (from 12 families) who sided with the Moldavian Hospodar Bogdan III. Almost all of them lived in the villages that were on the way of the Moldavian army in 1509. The author has studied the history of 7 (out of 12) szlachta families in the 15th century: their origin, family ties, land allods, and relations with neighbors. The Polish noblemen were descendants not only of Old Russian boyars, but also of unprivileged military servants of Rusinian and Wallachian (Moldavian) origin, who became noblemen due to land grants from the Polish authorities in the late 14th – early 15th century. In 1510, 10 out of 24 amnestied noblemen were residents of two villages in a small border region (Pokuttia). All the traitors made up only a small part of the noble population in Galicia. It would be wrong to assume that during the Polish-Moldavian wars the transitions of the Rusinian szlachta to the Moldavian side were numerous.

Keywords: Polish-Moldovan wars, royal decree of 1510 on amnesty, Galician noblemen, genealogy, 15th century

Современные отечественные и зарубежные историки с редким для исторической науки единодушием описывают основные события польско-молдавских военных конфликтов рубежа XV–XVI вв. (см., напр.: [8: 97–101, 129–130; 10: 80–81; 11]). Ничего удивительного в этом нет, поскольку все авторы ограничиваются пересказом скудной информации, содержащейся в нескольких славяно-молдавских летописях XVI в., польских хрониках XVI в. М. Бельского и М. Кромера, а

также их компиляторов и толкователей XVII в. вроде автора «Летописи земли Молдавской» Г.Уреке или безымянного составителя Густынской летописи. Что же случилось в конце XV в.?

Летом 1497 г. многотысячная польская армия во главе с Яном Ольбрахтом выступила в поход. Король пытался уверить молдавского господаря Стефана III Великого, что его войска отправятся отвоевывать у Турции черноморские города Белгород и Килию. Однако 26 сентября 1497 г. поляки начали осаду молдавской столицы Сучавы, которая закончилась для них бесславно через три недели. Противоборствующие стороны пошли на переговоры, закончившиеся подписанием перемирия. По его условиям польская армия должна была вернуться по той же (разоренной) дороге, что и пришла. Нарушив условия перемирия, Ян Ольбрахт решил идти через Буковину. 26 октября 1497 г. в «крае Козмин буков» поляки были разбиты молдавскими войсками. Уцелевшие в битве понесли тяжелые потери при переправе через пограничную реку Прут.

В 1498 г. червонорусские земли неоднократно подвергались разорению турками и крымскими татарами. 22 июня 1498 г. «пойде Стефан воевода до Ледска земля и плени ее». Молдавскими войсками были сожжены города Галицкой земли: Теревовль, Бучач и Подгайцы. Затем они «плениша» жителей до Львова, на обратном пути переправились на правую сторону Днестра и «плениша» у Галича, «и приведе многы люди в свою землю» [9: 31–34, 73, 109–110]. Татары с турками также не оставили без внимания окрестности Галича. Польско-молдавский мир был заключен в 1499 г. [6: 140–141].

В 1503 г. Стефан, «воевода Волоский, пришед на Покутя и попленивши взят его, глаголющее свое его быти. Король же Александерь посла такожде на его землю Волоскую и не преста ю пленити, дондеже уступи Стефанъ из Покутя» [6: 143].

В 1506 г. преемник Стефана Великого Богдан III захватил Покутье, «но не по мнозе изгнаша его оттуда» [6: 144]. Еще через 3 года, в июне 1509 г., молдавские войска во главе с Богданом III переправились на левый (северный) берег Днестра в район столицы Подольского воеводства, «и хоте взяти Каменецъ, и не може, таже Галичь, но и тамо бияху его крепко и дела отъяша ему. Потом пойде под Львовъ, мечемъ и огнем пленяя, и три дня его доставаль; и погубив тамо немало своихъ отъиде нищимъ». Уклонившись от сражения с приближающейся польской армией, Богдан III на обратном пути «Рогатин сжег, и забрал очень много сокровищ, людей и всякой добычи... и под Львовом... много замков и городов сжег, и людей много привел в Молдавию» [6: 144–145; 9: 121]. Мирный договор между Молдавией и Польшей был подписан 7 февраля 1510 г. [7: 27].

У нас есть все основания утверждать, что описанные выше события оказали огромное влияние на положение шляхты Галицкой земли. Начнем с того, что галицкая шляхта активнее шляхтичей из других земель и воеводств Польского королевства участвовала в походе 1497 г. на Молдавию и, соответственно, понесла бóльшие потери. Этот вывод можно сделать на основании обширного списка земельных владений, конфискованных польскими властями за неучастие в Молдавском походе 1497 г. в составе посполитого рушения. Список содержит сотни имен шляхтичей из этнических польских земель и около 100 шляхтичей из Саноцкой, Перемышльской и Львовской земель Русского воеводства [18: 256–309].

Что касается Галицкой земли, то в ней 2 марта 1498 г. было конфисковано только одно шляхетское владение – принадлежавшее пяти родичам (Гриню, Ивану, Василию, Петру и Григорию) село Березов на юге Коломыйского повета [18: 302]. Данное село находилось в междуречье верхнего Прута и Черемоша – спорной территории на польско-молдавском пограничье. Источники XV в. (в отличие от памятников XVII в.) именно здесь локализуют сёла т. н. Покутья (Pocucze, Pokucze) [13: 193, 210, 302]: «они тако долго держат наш город Снятинь и Коломыю и Покутьскую землю» (1411 г.) [12: 77].

Последнее в XV в. заседание галицкого земского суда состоялось 22 мая 1497 г. [14: 275], за месяц до начала похода Яна Ольбрахта на Молдавию. Еще 1 марта 1510 г. польский король Сигизмунд I выражал сожаление, что в Галицкой земле и Подолии долгие годы не функционируют земские и городские суды [4: 71]. В этих условиях мы имеем сведения только о некоторых галицких шляхтичах. Известно, что 11 ноября 1509 г., через 4 месяца после окончания похода Богдана III на Червонную Русь, Сигизмунд I пожаловал шляхтичу Ивашко Кнегининскому конфискованное у его родных братьев Васька и Марка село Кнегинино за то, что они «без какой-либо законной причины» бежали в Молдавию (in Valachiam) [4: 69–70].

9 февраля 1510 г., через 2 дня после заключения польско-молдавского мирного договора, Сигизмунд I «очистил» от бесчестья и амнистировал 24 шляхтича, принадлежавших к 12 родам. Их вина заключалась в том, что «в прошлом валашском походе» они, «отставив верность, по доброй воле и без принуждения, к тому воеводе (Богдану III. – С.П.) перешли и ему без законной причины подчинились». Однако теперь, «после окончания войны и заключения мира, они возвращаются из Молдавии (ex Valachia)». Амнистированными шляхтичами, которым вернули их дедичные сёла, оказались Илья Шумлянский, Иванко Дутудецкі; Иванко, Яцко и Васько Mysschensczy (Мышинские); Федько Переросльський Зубрович, Зань Цуциловский, Сенько Wythowyczski,

уже известные нам Васько и Марк Кнегининские; Семен, Иван, Сенько, Сидор Дрогомирецькие; Сенько Bałuczki; Дмитр Данискович, Herchor, Сенько, Гринча, Herchor, Фица, Ивашко Березовские (Brzozowscy); Ивашко Pysznyński и Андрей de Lucza [4: 70–71].

Нам удалось локализовать 7 из 12 дедичных сёл, от названий которых произошли фамильные прозвания. Эти сёла выстраиваются в линию строго с севера на юг, длиной примерно 100 км: Шумляны, Кнегинин (ныне микрорайон Ивано-Франковска Княгинин), Драгомирчаны, Цуцилов, Переросль, Мышин, Березов. Шумляны (ныне на крайнем западе Тернопольского района) находились севернее Днестра, между упомянутыми выше Рогатиным и Подгайцами. Четыре сёла локализуются в бассейне правого притока Днестра, Быстрицы: Кнегинино и Драгомирчаны – в низовьях Быстрицы-Солотвинской, Цуцилов и Переросль – в среднем течении Быстрицы-Надворнянской. Мышин и Березов расположились на правобережье верхнего Прута, на территории многострадального Покутья.

Упомянутое в налоговом реестре 1515 г. еще одно колумыйское село, Lucza, находилось на левом берегу Прута, 12 км восточнее Коломыи (ныне часть села Замулинцы) [23: 173]. Иванко Dymydecki, скорее всего, также проживал на юге Колумыйского повета. В списке колумыйской шляхты 1427 г. фигурировал Стецко Volkanowicz de Dymicze [22: 193], колумыйским шляхтичем был свидетель Ходько Dymydeczki в составленной в Коломые записи галицкой земской книги от 8 июля 1475 г. [13: 375]. Кстати, конфискованное в марте 1498 г. у пяти Березовских село Березов было отдано Петру Dimideczsky [18: 302]. В далеко не полном налоговом реестре Колумыйского повета 1515 г. село отсутствует, однако в реестре 1579 г. упоминается село Dimithcze с владельцем русинского происхождения [23: 103]. Судя по историческому атласу А. Яблоновского, это село не ранее конца XVI в. поглощено соседним селом Хлебычин, на левом берегу Прута, 18 км от Коломыи и 6 км от Замулинцев (прежней Лючи).

В контексте приведенных выше летописных известий напрашивается предположение, что названные галицкие сёла в 1509 г. оказались на пути молдавской армии – от Рогатина до Покутья, и владевшие ими шляхтичи перешли на сторону Богдана III не совсем по своей воле. Они просто спасали жизни – свои и своих семей. Сигизмунд I, понимая это, не стал затягивать с амнистией. Что же представляли собой в XV в. семьи амнистированных шляхтичей?

Шумлянские

Родоначальник Шумлянских Андрей Кундей упоминается в источниках 1427–1447 гг. Л. Выростек ошибочно писал о Кундее из

списка галицкой шляхты 1427 г. [17: 29; 22: 183] и его сыне Андрее в протоколах заседаний галицкого земского суда. Можно согласиться с историком в том, что прозвище Андрея указывает на волошское происхождение Шумлянских [21: 102, 169].

Шумляны находились в густонаселённом районе на речке Бебелка, 20 км на северо-восток от Галича и 20 км западнее Подгайцев и граничили по крайней мере с семи сёлами: шляхетскими Свистельниками, Стрельче, Славятином, Боковым, Гнильче, Дидятиным, а также с принадлежавшим львовскому католическому архиепископству селом Быбло.

Прославившийся своей неуживчивостью, Андрей Кундей за 12 лет после введения в 1435 г. в Червонной Руси польского права успел поспорить практически со всеми соседями. Свистельники и Ядвига Славятинская неоднократно обвиняли его в нежелании установить точные границы между их сёлами, Ян Гнилецкий – в нанесении ему «четырёх кровавых ран», Завиша Гнилецкий – в набеге на его село и похищении 50 свиней [13: 2, 8, 86, 103, 134, 144]. Больше всего не повезло убитому Шумлянским бродячему портному Бартоломею [13: 109–110, 132].

Временами Кундею приходилось отвечать за свои действия. Например, в 1439 г. недовольный им Адам Кромидовский – вместе со своими друзьями и слугами – разграбил усадьбу Шумлянского и вывез из нее деньги, 30 голов скота, запасы зерна, а также служанку [13: 54, 61]. Ничего хорошего не принесла и тяжба 1442–1447 гг. с галицким можновладцем Яном Буцацким [13: 104, 124, 127, 131].

Андрей умер в конце 1447–1448 гг., а 1 января 1449 г. Олухна Шумлянская, скорее всего, его вдова, направила на заседание галицкого земского суда своего поверенного – галицкого воеводу (Woyewoda) Яна Скорчицкого [13: 188]. Андрей имел двух сыновей: Ивашка и Богдана. Богдан, упомянутый в галицких записях только один раз, в апреле 1467 г. продал свою половину Шумлян за 100 гривен старшему брату и бесследно исчез [13: 318].

Ставший единственным владельцем Шумлян Ивашко в марте 1470 г. получил 50 гривен приданого за женой Федькой – дочерью коломыйского шляхтича Максима Ланчинского [13: 333], однако их брак был заключен несколькими годами ранее. В записях галицкого земского суда конца 1460-х – 1480-х гг. Ивашко неоднократно фигурирует как судебный заседатель [13: 319, 345, 353, 360, 375; 14: 205–207, 217, 260, 264], уважаемый всеми член местного шляхетского общества, а с 1476 г. выступает в роли земельного стяжателя и кредитора галицких шляхтичей. Осенью 1476 г. супруга Стецка Ветвицкого Настасья продала Ивашко за 50 гривен унаследованную от родителей часть села

Ляцкое, в августе 1482 г. Сенько Баламут Ляцкий продал свою часть того же села за 47 гривен [14: 174, 188]. Галицким записям известны и сёла, которые находились у Ивашка в залоге [14: 182, 193].

У Ивашка сложились прекрасные отношения с тестем Максимом Ланчинским. В подтверждение этого достаточно привести два факта. Когда дочь Ивашка Маруся в марте 1483 г. выходила за соседа Данила Боковского (сына Андрея Свистельницкого), она получила в качестве приданого 30 гривен от отца и 40 – от деда Максима. А 11 месяцев спустя, в феврале 1484 г., пан Максим доверил зятю опеку над своими несовершеннолетними внуками, сыновьями его покойного (и единственного) сына Стефана. Опека распространялась на все владения Максима Ланчинского «in territoriis Colomiensi et Pokucze» [14: 198, 204].

Ивашко умер в первой половине 1490-х гг. Согласно записи галицкой земской книги от 27 апреля 1495 г., его сын Вацлав был опекуном своего кузена Василя Ланчинского, сына покойного Стефана. Вплоть до достижения Василем совершеннолетия он может распоряжаться коломыйскими владениями сироты – сёлами Ланчин, Педиковцы (ныне Пядики) и Косов. Вацлав должен ежегодно платить сироте 20 злотых, а в случае неуплаты дать въезд в сёла Шумляны, Ляцкое и Ворона (Wrona). Последнее село было дедичным владением Станислава Шапаровского (Колы), но по крайней мере с 1479 г. находилось в залоге у Шумлянских [14: 182, 230].

Амнистированный в 1510 г. Илья Шумлянский должен быть сыном пана Вацлава и братом Марка и Станислава Шумлянских. В марте 1519 г. Марк выкупил половину села Косов (в Покутье) у брата Станислава [20: 202].

Указ короля Сигизмунда I от 24 марта 1523 г. разрешал Марку Шумлянскому выкупить у его тетки Балицкой ее часть Косова. Указ от 19 февраля 1527 г. уточнял, что село Косов было заложенным королевским имением, и что Марк Шумлянский получил свою часть из рук «Маргариты Ланчинской, супруги Сенька Балицкого» – еще одного амнистированного в 1510 г. галицкого шляхтича [19: 240, 305].

Напрашивается вывод, что упомянутая Маргарита была родной сестрой Василя Ланчинского и кузиной Вацлава Шумлянского. Судя по указам 1519 и 1523 гг., материальные интересы Шумлянских с конца XV в. постепенно смещались на юг, в Покутье [Ср.: 16: 141–146, 209].

Кнегининские

История Кнегининских и их соседей и близких родичей Креховских (с конца XV в. Креховецких) восходит к периоду не ранее первой четверти XV в. Л. Выростек получил в свое распоряжение несколько разрозненных фактов. Первый факт: согласно люстрации заложенных

королевских имений 1469 г., Васько Crechowski «представил грамоту вечного пожалования древнего короля на два села: Креховиц (ныне фактический пригород Ивано-Франковска село Криховцы. – С.П.) – в Галицком, другое также Креховиц – в Жидачовском (поветах. – С.П.) и добавил монастырь Святая Пятница», с обязанностью службы одним копьем и двумя лучниками» [23: 35(В)]. Второй факт: в двух списках шляхты Галицкого повета от 28 июня 1427 г. упоминаются Ходор Кнегининский (de Knechun) и Александр Lay de Krechanicze [22: 182, 184].

Эти разрозненные сведения позволили Л. Выростеку составить сложную генеалогическую схему. Согласно ей, родоначальником Креховских и Кнегининских был пожалованный в 1387–1400 гг. королем Владиславом-Ягайло двумя Креховцами шляхтич с волошским именем Влайко. Он имел трех сыновей: Александра Креховского и Ходора и Матвея Кнегининских. Матвей был отцом Яна и Сидора и дедом не имевшего детей Гриня. Известный только по списку 1427 г. Ходор имел сына Михаила, у которого также было трое сыновей: Васько, Марк и Иван (Ивашко) [21: 94–95, 162].

Составленное польским историком родословие уязвимо для критики по многим пунктам. Скажем, нет никаких гарантий, что пожалованного Владиславом-Ягайло шляхтича звали Влайко: на роль отца Александра Lay Креховского вполне подходит свидетель разграничения в 1404 г. галицких сёл Грабовец и Тысменичаны (15 км от Криховцев) «пан Лань Креховичь» [12: 68]. Отцом Михаила Кнегининского мог быть не Ходор, а какой-нибудь неизвестный по имени брат Матвея Кнегининского и т. д. Однако состав следующего поколения Кнегининских Л. Выростек указал без ошибок.

Представитель выморочной ветви Кнегининских Матвей умер ранее 1435 г. При жизни он «отличился» тем, что убил шляхтича Васька – слугу галицкого можновладца русинского происхождения Волчка Рогатинского и в счет уплаты головничества лишился принадлежавшей ему половины села Кнегинино. Осенью 1441 г. Александр Креховский вместе со своим племянником Яном, сыном покойного Матвея, заплатили штраф за убийство и вернули роду свое дедичство [13: 101].

Ян(ец) не смог сохранить отцовское имущество: в конце 1450 г. продает свою половину Кнегинина кузену Васько Креховскому за 100 гривен [13: 204]. В последующие годы он упоминается только два раза. В мае 1461 г. речь идет даже не о нем, а о его жене Гане Дрогомирецкой, которая за долг 10 злотых держит в залоге от Михана Кнегининского луг на границе с Креховичами. В мае 1464 г. Ян собирался судиться с северным соседом Николаем Угриновским [13: 272, 297]. Далее его следы теряются.

Сидор Кнегининский в галицких земских книгах появляется всего один раз: в декабре 1458 г. он продал за 30 гривен свою часть Кнегинина «на вечные времена» двоюродному брату Михаилу Кнегининскому [13: 259]. На наш взгляд, эта часть входила в половину села, отличную от половины, проданной Яном, и Сидор не был родным братом Яна. Впрочем, в любом случае он перестал быть Кнегининским.

Гринь(ко) Балук(ович) является представителем уже следующего поколения Кнегининских. В июне 1476 г. его вызывал в суд из-за 9 гривен владелец половины Кнегинина и двоюродный дядя Васько Креховский [14: 277]. Записи 1482, 1486, 1487 и 1488 гг. информируют об одном и том же: за долг в 10 гривен пан Гринь закладывает свою часть Кнегинина (двух кметов на двух дворищах) жидачовскому шляхтичу Ивану Гольньскому [14: 187, 210, 213, 254]. Последнее упоминание Гриня датируется апрелем 1492 г.: он заложил свою часть Кнегинина уже за 14 гривен троюродному брату Васько Кнегининскому [14: 224].

Двоюродный брат Сидора и Яна Михаил (Михно) Кнегининский упоминается в записях 1458, 1461, 1464 и 1472 гг. В 1458 г. он купил у Сидора за 30 гривен часть Кнегинина и продал часть своих земель за 10 гривен Васько Креховскому, в 1461 г. заложил за 10 злотых луг супруге Яна Кнегининского, а в августе 1472 г. представлял в галицком земском суде интересы все того же Васька Креховского [13: 259, 272, 294, 405–406].

Записям галицкого земского суда известен только один (вероятно, старший) сын Михаила – Васько (Василий). В июне 1490 г. он получил 10 гривен приданого за женой Васькой и записал 20 гривен вена на половине части Кнегинина, доставшейся ему по разделу с братьями; в апреле 1492 г., видимо, воспользовавшись деньгами приданого, одолжил Гриню Балuku 14 гривен и до уплаты долга получил в залог принадлежавшую должнику часть Кнегинина [14: 218, 224]. Указы 1509 и 1510 гг. Сигизмунда I сообщают имена младших братьев Васька – ими были Марк и сохранивший верность Короне Ивашко. В конце XV в. более половины Кнегинина принадлежала сыновьям Васька Креховецкого (Креховского), так что материальное положение троих Кнегининских явно оставляло желать лучшего.

Дрогомирецкие

Дрогомирецкие получили свое фамильное прозвание по селу Дрогомирчаны, на правом берегу Быстрицы-Солотвинской, недалеко от Кнегинина (ныне село Драгомирчаны, рядом с Криховцами, в 1,5 км от Ивано-Франковска). Село, в свою очередь, стало называться по имени родоначальника Дрогомирецких. В 1378 г. управлявший Червонной Русью по поручению польского и венгерского короля

Людовика князь Владислав Опольский, «узревши еси на верную службу Драгомиру и на Некрину», пожаловал Драгомиру и его брату Станко село Новое, а Некре – село Старуня, которое «осадила отец Некринь пустиню». Оба села находились «на Малой Быстрици». За это пожалование «Драгомир и Некра съ братиею своею, и съ их детми» должны служить «трими стрелци». Опубликовавший эту грамоту в 1903 г. М.С. Грушевский писал, что сильно измельчавшие Дрогомирецкие неоднократно – в 1527, 1611, 1622, 1628, 1662 гг. – предьявляли в различные инстанции для подтверждения своих прав оригинал и копии этой грамоты. Строго говоря, она была главным аргументом в пользу их шляхетского происхождения, хотя умолчание про обязанность служить копьем заставляет сомневаться в принадлежности пожалованных в 1378 г. людей к шляхетству [2: 2, 4–5]. Село Новое не позднее 1420-х гг. стало называться Дрогомирчанами.

Упомянутый в списке «сведцев» жидачовской разъезжей грамоты князя Федора Любартовича 1411 г. «пань Драгомиръ Володимирецкий» [12: 80], вопреки убежденности Л. Выростека [21: 93], был жидачовским шляхтичем, и с галицким Драгомиром его связывали только имя и волошское происхождение. Зато свидетель в галицкой купчей грамоте 1424 г. «пань Влакой Драгомирецкий» [12: 106] явно был сыном Драгомира. С этим же Влакым (Влайко) можно связать приуроченную к 1427 г. печать *Wlasko Drohomcziczki* в «геральдично-сфрагистических» заметках Яна Замойского. Возможно, одним из Дрогомирецких был Дмитрий *de Drohomycz* в тех же заметках [17: 104] и Дмитрий *de Drohomirzecz* в списке шляхтичей Галицкого повета от 28 июня 1427 г. [22: 184].

За 50 лет после 1378 г. появилось довольно многочисленное потомство Драгомира (и Станка?). Дюжине записей в галицких земских книгах 1430–1450-х гг. известны семеро Дрогомирецких мужского пола. Это сын Влайка Оначко (1437 г.), разведенный с женой Вронкой Андрей (1439 г.), Михаил (1440 г.), судившийся с паном Бидловским и Анной Дрогомирецкой Дмитр (1445, 1447, 1453 гг.), продающий Ходько и Григорию за 12 коп грошей часть дедичного села сын Михаила Иванко (1452 г.) [13: 16, 64, 102, 143, 164, 213, 222–223, 259, 430, 440]. Тот же Иван(ко) в 1458 г. за 30 гривен продавал дворище в Дрогомирчанах соседу Василию Креховскому [13: 259].

В 1460–1470-е гг. в галицких записях появляются новые лица. В первую очередь, обращают на себя внимание сыновья Дмитра Лука, Иван и упомянутый только один раз (в 1472 г.) Прохор. Чаще упоминается Лука, который, по-видимому, представлял интересы и младших братьев. Записи 1464, 1472 и 1473 гг. сообщают о залоге Лукой соседям одного и того же дедичного дворища [13: 282, 283,

298, 305, 347, 350, 396]. В 1472–1473 гг. совладельцем Дрогомирчан выступает и некий Андрей [13: 347, 407].

В записях 1480–1490-х гг. Дрогомирецькие выступают только один раз: все тот же Лука 21 июня 1488 г. заседал в галицком градском суде [14: 318]. Четверо амнистированных в 1510 г. Дрогомирецьких, скорее всего, были потомками не только Луки. Согласно налоговому реестру 1515 г., в Дрогомирчанах было всего 3 лана земли [23: 170].

Цециловские

Цециловские (с XVI в. Цуциловские) назывались по селу Цецилов, на правом берегу Быстрицы-Надворнянской (ныне село Цуцилов Надворнянского района, 18 км южнее Ивано-Франковска). Родоначальник семейства Жюрж Цециловский впервые упоминается в списке из 18 свидетелей грамоты 1412 г. о разграничении сёл Крылос (домонгольский Галич) и Комаров [5: 532–533]. Второй и последний раз он появился в списке галицких шляхтичей 1427 г. [22: 184]. Его имя косвенно указывает на волошские корни. Жюрж имел двух сыновей: Ивашка и Василя (Василянту).

Ивашко впервые упоминается (последним из шести свидетелей) в грамоте 1424 г. галицкого старосты Михаила Бучацкого о продаже половины села Переросль Жюржу Переросльскому («пань Ивашко Жчюрь(ж)вичь») [12: 106]. Присутствие среди свидетелей не только соседа Переросльских – Михаила Грабовецкого, но и живших на расстоянии не менее 15 км Шандро Опришовского и Влакоя Драгомирецького вновь напоминает о волошском происхождении Цециловских. Ивашко был женат на Марусе Обельницкой – уроженке села между Рогатиным и Галичем. Шурин Ивашка Федько Обельницкий в 1442 г. в счет приданого закладывал ему свое село Барлуй и окончательно расплатился только в 1448 г. [13: 106, 179].

После раздела с братом Ивашко владел половинами сёл Цецилов и Пнев (12 км выше по течению Быстрицы-Надворнянской), а также полем Владычин(о). Все эти владения в ноябре 1454 г. были проданы им за 150 гривен Павлу Куропатве. В мае 1460 г. сын Ивашка Ганнуш и брат Василий заявили об отказе от претензий на проданные земли [13: 239, 258, 265]. Далее следы Ивашка и Ганнуша теряются. В 1488 г. один из сыновей покупателя, Станислав Куропатва, продал свою часть Цецилова Василю Жураковскому [14: 215].

Младший сын Жюржа, Василий, не позднее января 1447 г. женился на соседке Олухне Грабовецкой, получив в качестве приданого от успешной овдовевшей тещи 60 коп грошей и 20 коней. Последнее упоминание его в записях галицкого суда датируется июлем 1461 г. [13: 132, 135, 383].

Получивший в июне 1482 г. за женой Марухной 40 золотых приданого и записавший вено на половинах своих частей Цецилова и Пнева, Иванко должен быть сыном Василя [14: 188]. Этот шляхтич – единственный Цециловский, упомянутый (да и то всего один раз) в галицких записях 1470–1490-х гг. Амнистированный в 1510 г. Зань Czuczolowski, скорее всего, был его сыном или внуком [Ср.: 16: 100–102, 202; 21: 95, 156]. Согласно налоговому реестру 1515 г., в Цецулове было 3 лана земли и содержалась сотня овец [23: 169].

Переросльские

Переросльские (Пшерослские) назывались по граничившему с Цециловом селу Переросль, на маленькой речке Стрымба, в среднем течении Быстрицы-Надворнянской. Вопрос о родоначальнике Переросльских до сих пор остается нерешенным до конца. А. Бонецкий в очень краткой статье «Джурджевичи», не известной позднейшим польским генеалогам, со ссылкой на неопубликованную и недоступную нам галицкую гродскую книгу XVI или XVII в. пишет буквально следующее: «Владислав-Ягайло пожаловал в 1420 г. слуге своему Ивашко Джорджевичу Переросль, в Галицком повете. Это пожалование в 1460 г. король Казимир Ягеллончик подтвердил Олексе и Васько, родным братьям, и их двоюродному брату Петру» [15: 217]. Несмотря на отдельные нестыковки с датами и именами, приведенными в галицких земских книгах XV в., данная версия выглядит более правдоподобной, чем не подкрепленная ссылками на источники гипотеза П. Домбковского и Л. Выростека о происхождении Тарнавецких, Переросльских и Ляцких от единого предка, родившегося в середине XIV в. [16: 83–85, 198; 21: 92, 161].

Более надёжный источник – сохранившаяся в оригинале купчая 1424 г. на староукраинском языке старосты Михаила Буцацкого – сообщает, что «пан Ходько Головенчичь» за 30 гривен продал свою «деднину», половину Переросли, «брату своему Жюржеви» [12: 106]. Этот (явно не родной) брат пана Ходька Жюрж вполне подходит на роль вероятного родоначальника Переросльских. А. Бонецкий по недоразумению превратил Ивашка Жюржевича Цециловского в сына Жюржа Переросльского.

Дюжине коротких записей в галицких земских книгах первой половины XV в. известны совладельцы Переросли Балко (1444–1448), Ходько (1444–1447), Олекса (1446–1447), Юрко (1447 г.), а также Иваниш «со своими родными братьями» (1450 г.) [13: 124, 127, 149, 151, 153, 156, 186, 202]. Большинство записей связано с длительным имущественным спором Переросльских с их родственницей Настасьей (Настькой) – супругой самборского шляхтича Грицка Ступницкого

и вдовой дрогобычского шляхтича Грицка Криницкого. Оба ее мужа были потомками волохов, пожалованных сёлами соответственно королем Владиславом-Ягайло (1400 г.) и князем Владиславом Опольским (1377 г.). Волошское происхождение, скорее всего, имел и Жюрж Переросльский. В отличие от П. Домбковского и Л. Выростека, мы не уверены в том, что Балко, Ходько и Олекса были родными братьями.

Иваниша П. Домбковский осторожно называет кузеном упомянутых шляхтичей, сыном их гипотетического дяди Ивана. Единственную запись про Иваниша историк дважды (в тексте статьи и генеалогической таблице) почему-то датирует 1460 г. (вместо 1450 г.) и не замечает наличие у Иваниша родных братьев. 1 января 1450 г. шляхтич Матвей Гольньский за 30 гривен закладывал им свое село Жураки [13: 202].

Запись в галицкой земской книге от 14 марта 1463 г. информирует, что уже известный нам Максим Ланчинский с женой Настькой за 8 гривен заложил свою часть Переросли Олексе Переросльскому [13: 447]. Судя по упоминанию супруги, заложенная часть села была приданым, и Настька, скорее всего, была дочерью (и наследницей) какого-то Переросльского. Вопреки мнению П. Домбковского, кредитор должен быть не Олексой записей 1446–1447 гг., а сыном одного из живших в селе в 1440-е гг. шляхтичей.

Запись колумыйского суда от 16 октября 1475 г. упоминает «родных братьев из Переросли» Олексу и Василия: можновладец Ян Прокоп(ович) за 50 гривен закладывал им свое село Ключев (в Покутье) [13: 375].

Братья неоднократно выступали кредиторами земляков и в 1480-е гг., получая в залог то или иное село. Василий одалживал небольшие суммы, а Олекса в 1482 г. дал займы Яну Прокопу 162 гривны под залог колумыйского села Мышин [14: 184, 185, 195, 199, 207]. Упомянутый А. Бонецким кузен Олексы Петр галицким судебным книгам неизвестен.

Галицкие книги сообщают только об одном представителе следующего поколения Переросльских: в марте 1485 г. жидачовский шляхтич волошского происхождения Ивашко Гошовский получил 30 гривен приданого за женой Пелагеей – дочерью Олексы [14: 199].

В 1490-е гг. братья ни разу не упоминаются, и мы не знаем, когда они ушли из жизни, и кто им наследовал. Однако нет сомнений, что у них было несколько сыновей. На это указывает, во-первых, имя амнистированного в 1510 г. Переросльского: Федько Зубрович. Зубрович – это название придомка, а придомки появляются только в многочисленном семействе. Во-вторых, заслуживают внимания данные налогового реестра 1515 г., согласно которому село Перерось разделено между двумя налогоплательщиками. Меньшая часть

(sors Fetko, 0,5 лана), возможно, принадлежала амнистированному шляхтичу. Совладелец Переросли Иванко должен заплатить налоги с 3 ланов пашенной земли и сотни овец, а также 15 грошей за наличие в селе православного священника [23: 169].

Мышинские и Березовские

Известия о происхождении и ранней истории Мышинских и Березовских крайне скудны и противоречивы [3: 111–112; 16: 111–112; 21: 90–91, 155]. В рамках данной статьи уместно ограничиться надёжной информацией галицких земских книг и налогового реестра 1515 г. Единственная запись с упоминанием Мышинских гласит о том, что Иван Мышинский в апреле 1497 г. хотел получить 30 гривен головничества от шляхтянки Фенны за преступные деяния ее покойного мужа Яцка [14: 274]. В 1515 г. в Мышине было 5 ланов населённой и 3 лана пустующей земли и две сотни овец [23: 173].

Немногим больше известно о Березовских. В марте 1470 г. Иванко, Данко и Тимко Березовские (de Brzeszowo) купили за 90 злотых у галицкого подкомория Яна Колы поле Пенатков и луг Глодище. Всей требуемой суммы у покупателей не нашлось, но они обещали выплатить 40 злотых до Рождества Девы Марии, т. е. до 21 сентября. В противном случае им предстоит дать въезд в село Нижний Березов (Brzeszow Inferior) [13: 334]. Полагаем, что именно эта купля привела к разделению села на Верхний и Нижний Березов.

Финансовые проблемы Березовских со временем не исчезли. В июне 1482 г. четверо совладельцев Нижнего Березова – Иван Юркович, Семен Данилкович, Ивашко Донишкович и Иван Тимша – неизвестно за сколько продали половину села (вместе с лугами, пастбищами, лесами, соляными колодцами и третью мельницы) шляхтичу Сенько Баламуту, который в записи о покупке уже зовётся Березовским, однако другая сделанная в тот же день запись галицкой земской книги сообщает, что Сенько Баламут, будучи дедичем части села Ляцкое (ныне село Липовка, 12 км от Ивано-Франковска), за 46 гривен продал всю свою часть «навечно» Ивашко Шумлянскому. Сенько явно успел распрощаться с родовым гнездом и хочет продолжить жизнь в Нижнем Березове – на малой родине своей не названной по имени жены.

Договор требует от Баламута выполнения необычного условия: он должен предоставить своему шурину Ивану Тимше право пожизненно пользоваться половиной дворища и частью доходов с объекта купли-продажи. Еще одна сделанная в тот же день в Коломые запись передает заявление одного из продавцов, Семена. Он информирует, что его покойный отец Данил полностью расплатился за приданое

и вено со своей родственницей Екатериной, уступив ей дворище стоимостью 10 гривен [14: 188, 280].

Указ Яна Ольбрахта от 2 марта 1498 г. о конфискации шляхетских владений говорит о пяти шляхтичах de Brzozow, без разделения на Нижний и Верхний Березов [18: 302]. Согласно налоговому реестру 1515 г., в Нижнем Березове были 3 осаженных и 2 пустующих лана земли, мельница и 250 овец; в Верхнем Березове – 3 осаженных лана, мельница, православный священник и сотня овец [23: 173]. В начале XVI в. шляхетское население обоих сёл, скорее всего, мало отличалось от проживавших там кметов как по численности, так и по уровню материального достатка.

М.С. Грушевский в 6-м томе знаменитой «Истории Украины-Руси» поименно перечислил всех 24 амнистированных шляхтичей и посвятил им целую страницу. События 1509 г. он характеризовал как «массовый переход украинской шляхты Галицкой земли» к воеводе Богдану и сомневался в правдивости шляхетских оправданий. По мнению ученого, «верные своей народности» шляхтичи-русины действовали не по принуждению, а на почве «определенной внутренней связи» между православными народами Западной Украины и Валахии (Молдавии) [1: 242–243].

Привлечение данных генеалогии и географии позволяет пересмотреть выводы М.С. Грушевского. Прежде всего, бросается в глаза, что 10 из 24 перешедших в 1509 г. на сторону молдавского господаря шляхтичей были жителями двух соседних покутских сёл. Благодаря жене с Покутьем была связана и жизнь держателя части Косова Сенька Балицкого – судя по фамильному прозвищу, уроженца Жидачовского повета Львовской земли. Еще два амнистированных шляхтича (Андрей Лючский и Иван Дымидецкий) владели соседними сёлами вдоль левого берега Прута. Таким образом, уже не 10, а, как минимум, 13 шляхтичей (более половины!) проживали в небольшом пограничном регионе, который в течение XV в. не раз оказывался под молдавским контролем.

Осталось 11 шляхтичей. Двое из них пока не поддаются локализации. Илья Шумлянский оказался единственным владельцем села севернее Днестра, однако он был тесно связан и с Покутьем. Наконец, 8 шляхтичей (включая соседей – двоих Кнегининских и четверых Дрогомирецких) проживали в бассейне Быстрицы – правого притока Днестра. 24 владельца или держателя дюжины небольших сёл – это очень малая часть шляхетского населения Галицкой земли. Только в бассейне Быстрицы жили не замеченные в измене Польской Короне Креховецкие, Опышовские, Братковские, Грабовецкие, Ляцкие и другие православные роды русинского происхождения или обрусевшие

волохи. Поляков среди местных землевладельцев практически не было, поэтому едва ли уместно акцентировать внимание на национальности шляхтичей, перешедших в 1509 г. на молдавскую сторону.

Судя по всему, только некоторые рассмотренные в этой статье шляхтичи были измельчавшими потомками древнерусских бояр. Заметная часть шляхетских семейств русинского и волошского происхождения вели свое начало от непривилегированных военных слуг, получивших земельные пожалования на рубеже XIV–XV вв. от польских властей и благодаря этому оказавшихся среди местного шляхетства. У них точно не было поводов для недовольства порядками, которые сложились к началу XVI в.

Разумеется, это всего лишь предварительная гипотеза. Отношение местной шляхты русинского происхождения к молдавским правителям окончательно прояснится только после изучения более широкого круга шляхетских родов Галицкой земли. Считаю своей первоочередной задачей исследование шляхты Покутья и всего Коломыйского повета.

Список сокращений

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie.

MRPS – Matricularium Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur / Ad. T. Wierzbowski.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Київ: Наукова думка, 1995. Т. 6. 680 с.

2. Кілька грамот Володислава Опольського / подав М. Грушевський // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1903. Т. LI. С. 1–8.

3. *Кіцелюк В.В.* Шляхетський галицький рід Березовських у XV–XVIII ст. Генеалогічне дослідження: дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2017. 270 с.

4. Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин західньої України / Подає М. Грушевський // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1905. Т. LXIV. С. 47–94.

5. *Михайловський В.* Історія одного розмежування біля Крилоса в 1412 році // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2010. Вип. 45. С. 521–544.

6. Полное собрание русских летописей. М.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40: Густынская летопись. 202 с.

7. *Ренида Л.Е.* Суверенная Молдова: история и современность. Кишинев: ИПФ Центральная типография, 2008. 383 с.

8. Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). М.: Индрик, 2006. 432 с., ил.
9. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / сост. Ф.А. Грекул; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1976. 152 с.
10. *Стати В.* История Молдовы. 2-е изд. Кишинев: Б. и., 2014. 482 с.
11. *Чучко М.К.* Козмин (1497): буковинська перемога Стефана Великого. Чернівці: Місто, 2019. 96 с.
12. Южнорусские грамоты / собр. В. Розовым. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1917. Т. 1. 176, 75, IX с.
13. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1887. T. XII / wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 551 s.
14. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1906. T. XIX / wyd. A. Prochaska. XXXIV, 855 s.
15. *Boniecki A.* Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1906. T. V. 400, IV s.
16. *Dąbkowski P.* Zwierciadło szlacheckie. Lwów: Wszchod. Wydawnictwo do dziejow i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej, 1928. IV, 216 s.
17. Jana Zamoyskiego notaty heraldyczno-sfragistyczne / wyd. F. Piekosiński // Studya, rozprawy i materyały z dziedziny historii polskiej i prawa polskiego. Kraków: Druk W.L. Anczyca i sp., 1907. T. VII. S. 18–138.
18. Materyały do dziejow pospolitego ruszenia z lat 1497 i 1509 / wyd. S. Kutrzeba // Archiwum komisji historycznej. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności Skład Główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1902. T. IX. S. 235–388.
19. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1910. Pars IV. Vol. 1. VII, 479 p.
20. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1912. Pars IV. Vol. 2. 477 p..
21. *Wyrostek L.* Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego, 1932. 192 s.
22. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materyały do dziejow Rusi i Litwy w XV wieku / opr. O. Halecki // Archiwum komisji historycznej. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności Skład główny w księgarni G. Gebethnera i sp. w Krakowie, Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1919. T. XII. Cz. I. S. 146–218.
23. Źródła dziejowe. Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. T. XVIII. Cz. I / Ziemie ruskie. Ruś Czerwona / Opis. przez A. Jabłonowskiego. 252, XVIII, 72, 66 (B) s.

REFERENCES

1. Grushevskiy, M. (1995) *Istoriya Ukraïni-Rusi* [The history of Ukraine-Rus]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.
2. Grushevskiy, M. (ed.) (1903) Kil'ka gramot Volodislava Opol's'kogo [Several diplomas of Vladislav Opolsky]. In: *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. LI. Lviv: [s.n.]. pp. 1–8.
3. Kitselyuk, V.V. (2017) *Shlyakhets'kiy galits'kiy rid Berezovs'kikh u XV–XVIII st. Genealogichne doslidzhennya* [The Berezovsky noble family of Galicia in the 15th–18th century. Genealogical research]. History Cand. Diss. Lviv.
4. Grushevskiy, M. (ed.) (1905) Materiali do istorii suspil'no-politichnikh i ekonomichnikh vidnosin zakhidn'oi Ukraïni [Materials to the history of social-political and economic relations of the western Ukraine]. In: *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. 63. Lviv: [s.n.]. pp. 1–56.
5. Mikhaylovskiy, V. (2010) Istoriya odnogo rozmezhuvannya bilya Krilosa v 1412 rotsi [The history of one demarcation near Krylos in 1412]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 45. pp. 521–544.
6. Kuchkin, V.A. (ed.) (2003) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Russian Chronicles]. Vol. 40. Moscow: Dmitriy Bulanin.
7. Repida, L.E. (2008) *Suverennaya Moldova: istoriya i sovremennost'* [Sovereign Moldova: History and Modernity]. Chisinau: IPF Tsentral'naya tipografiya.
8. Semenova, L.E. (2006) *Knyazhestva Valakhiya i Moldaviya. Konets XIV – nachalo XIX v. (Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii)* [Principalities of Wallachia and Moldavia. The late 14th – early 19th century. (Essays on foreign policy history)]. Moscow: Indrik.
9. Grekul, F.A. (ed.) (1976) *Slavyano-moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [Slavic-Moldavian Chronicles of the 15th – 16th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Stati, V. (2014) *Istoriya Moldovy* [The History of Moldova]. 2nd ed. Chisinau: [s.n.].
11. Chuchko, M.K. (2019) *Kozmin (1497): bukovins'ka peremoga Shtefana Velikogo* [Kozmin (1497): The Bukovina victory of Stefan the Great]. Chernivtsi: Misto.
12. Rozov, V. (ed.) (1917) *Yuzhnorusskie gramoty* [South Russian charters]. Vol. 1. Kyiv: Kyiv-Pechersk Lavra.
13. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1887) AGZ. Vol. 12. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.
14. Prochaska, A. (ed.) (1906) AGZ. Vol. 19. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.
15. Boniecki, A. (1906) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. V. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie.

16. Dąbkowski, P. (1928) *Zwierciadło szlacheckie*. Lwów: Wschod. Wydawnictwo do dziejow i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej.
17. Piekosiński, F. (ed.) (1907) Jana Zamoyskiego notaty heraldyczno-sfragistyczne. *Studia, rozprawy i materiały z dziedziny historii polskiej i prawa polskiego*. 7. pp. 18–138.
18. Kutrzeba, S. (ed.) (1902) Materiały do dziejów pospolitego ruszenia z lat 1497 i 1509. *Archiwum komisji historycznej*. 9. pp. 235–388.
19. Wierzbowski, T. (ed.) (1910) *MRPS*. Part IV. Vol. 1. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.
20. Wierzbowski, T. (ed.) (1912) *MRPS*. Part IV. Vol. 2. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.
21. Wyrostek, L. (1932) *Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej*. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego.
22. Halecki, O. (ed.) (1919) Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku. *Archiwum komisji historycznej*. 12(1). pp. 146–218.
23. Jabłonowski, A. (ed.) (1902) *Źródła dziejowe*. Vol. XVIII(I). Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna.

Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Россия).

Sergey S. Pashin – Tyumen State University (Russia).

E-mail: pashin-s@yandex.ru

УДК 340.15(075.8)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/3

Наследственное право молдавского государства XVI–XVII вв.

И.И. Погорлецкая

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, Тирасполь, ул. 25 октября, 107
E-mail: begass.iren@mail.ru

Авторское резюме

Нормы наследственного права молдавского государства стали складываться одновременно с институтом права собственности ещё до образования молдавского государства в 1365 г. Наследственное право молдавского государства в своей основной массе составляли нормы обычаев (обичеул пэмынтулуй). Поскольку рецепция римско-византийского права относится к XVIII в., следует отметить, что вплоть до второй половины XVII в. в области наследственного права в подавляющем большинстве применялись нормы обычного права. При этом Уложение Василия Лупу 1646 г. содержало лишь единичные нормы, посвящённые вопросам наследственного права, например, переход вотчины и иного имущества по наследству, а также возможности наследования сестёр наряду с братьями. В качестве объекта наследования могли выступать как движимые, так и недвижимые вещи. Начиная с XV в. в Молдавии было известно наследование как по закону, так и по завещанию. При этом наследование по закону выступает исторически первой формой распоряжения имуществом после смерти. Круг наследников по закону (обычаю) был очень широк. Нормы обычного права в области наследования предусматривали пять очередей наследования. При отсутствии наследников имущество признавалось выморочным и поступало в государственную казну. К наследованию могли призываться дети от разных браков, усыновлённые, а с XVIII в. даже незаконнорожденные обоих полов. Девушки наследовали вотчину наравне с их братьями. Женщина имела одинаковое право с мужчиной владеть землями и сёлами, могла самостоятельно распоряжаться своей собственностью, отчуждать её. Со временем, в результате эволюции наследственного права в системе обычного права появляется обычай, согласно которому дочь, получившая ранее приданое, могла стать наследницей, присоединив приданое к общему наследованному имуществу. Данный обычай получил название си-

нисфора. Важным отличием средневекового молдавского права выступали черты минората, т. е. приоритета младшего сына или младшей дочери, получавших, как правило, родительский дом.

Ключевые слова: наследственное право, наследование по закону (обычаю), наследование по завещанию, синисфора, минорат

Inheritance law in Moldova of the 16th – 17th century

Irina I. Pogorletskaya

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25th Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: begass.iren@mail.ru

Abstract

The Moldovan inheritance law norms began to take shape simultaneously with the institution of property rights even before the formation of the Moldovan state in 1365. The Moldovan inheritance law consisted mostly of customary norms (*obicheyul pamyntului*). Since the reception of Roman-Byzantine law dates back to the 18th century, the norms of customary law were overwhelmingly applied for inheritance law until the second half of the 17th century. At the same time, the Code of Vasily Lupu of 1646 contained only single norms on issues of inheritance law, in particular, the transfer of patrimony and other property by inheritance, as well as the possibility of inheritance of sisters, along with brothers. Both movable and immovable things could act as the object of inheritance. Since the 15th century, inheritance was known in Moldova, both by law and by will. Inheritance by law is historically the first form of disposition of property after death. The circle of heirs according to the law (custom) was very wide. The rules of customary law in the field of inheritance provided for five lines of inheritance. Provided there were no heirs, the property was recognized as escheated by state. Children from different marriages, adopted children, and since the 18th century even illegitimate children of both sexes were capable of inheriting. Girls could inherit the patrimony along with brothers. Women had the same right as men to own land and villages and could independently dispose of and transfer their property. Over time, the evolution of inheritance law brought about a custom in the customary law, according to which a daughter who had previously received a dowry could become an heiress by adding the dowry to the common inherited property. This custom is called *Sinisphora*. An important

feature of medieval Moldovan law was ultimogeniture (junior right), that is, the priority of the youngest son or daughter, who, as a rule, received the parental home.

Keywords: inheritance law, inheritance by law (custom), inheritance by will, sinisphora, ultimogeniture

Институт наследственного права имеет давнюю историю и восходит к периоду разложения общины и формирования частной собственности. Нормы наследственного права стали складываться одновременно с институтом права собственности ещё до образования молдавского государства в 1365 г. Наследственное право молдавского государства составляли в основной массе нормы обычаев (обичеул пэмынтулуй). Так как рецепция римско-византийского права относится к XVIII в., следует сказать, что вплоть до второй половины XVII в. в области наследственного права в подавляющем большинстве применялись нормы обычного права. При этом Уложение Василия Лупу 1646 г. содержало только незначительное количество норм, посвящённых вопросам наследственного права. В частности, возможность перехода вотчины и иного имущества по наследству, а также возможности наследования сестёр наряду с братьями. Дмитрий Кантемир в «Описании Молдавии» отмечал, что молдавский народ «продолжал придерживаться различных обычаев, заимствованных от соседей и сохранившихся во время его переселения и изгнания, как-то: право наследования, завещания, распределения наследственного имущества среди наследников, определение границ земельных владений, выполнение повинностей, которые есть почти у каждого народа. Поэтому у молдаван возникли правовые отношения двоякого рода: одни писаные, которые опирались на эдикты римских и греческих императоров и на решения соборов; вторые – неписаные, которые можно назвать обычным народным правом... Но так как это обычное право не опиралось на писаные законы и потому что часто бесчестные судьи отклонялись от его истинного смысла и тем самым создавали условия для несправедливых решений, то Василий Албанец, молдавский господарь, в прошлом столетии приказал праведным мужам, опытным в законах страны, собрать воедино все писаные и неписаные узаконения и из них составить единый свод, который в настоящее время является нормой для молдавских судий в их справедливых приговорах» [7: 124].

Ряд норм наследственного права содержался в «Уложении» Василия Лупу 1646 г. В частности, до 1646 г. в местных законах анализа приданого как такового не существовало. При этом «Уложение» не уделяло слишком много внимания вопросам наследственного права.

«Уложение» предусматривало определенную свободу в распоряжении своим имуществом после смерти наследодателя. Так, «если после своей смерти человек оставит наследство, то тот, кому он оставляет, может все это добро забрать без разрешения уезда» (п. 212, гл. 15) [26]. Предусматривалась возможность наследования по завещанию – «Тот, кому оставлено наследство, может забрать все наследственное имущество, кому умерший оставил письменное завещание» (п. 213, гл. 15) [26].

«Уложение» указывало случаи, когда прямые наследники лишались наследства: при покушении на жизнь наследодателя, если не ухаживали за больным наследодателем, и не привели лекаря, оставили без внимания в тяжёлую пору болезни. При этом если наследники безмотивно лишались наследства, то они могли добиться отмены такого завещания (п. 20, 21, гл. 8) [26].

В качестве объекта наследования могли выступать как движимые, так и недвижимые вещи. Поскольку земля при феодализме выступает основным средством производства, особое положение в наследовании занимала недвижимость. Согласно исследованию П.В. Советова особенность феодальной собственности на землю в Молдавии заключалась в господстве не ограниченного в праве передачи по наследству вотчинного землевладения, и при этом чрезвычайно слабом развитии условного землевладения, появившегося лишь в XVI–XVII вв. Жалованные вотчины относились к условному землевладению и передавались по наследству под условием несения военной службы. Условное землевладение появляется начиная с XVI в. и в документах XIV–XV вв. не прослеживается [3: 68]. Распоряжаться землёй, полученной за службу, было нельзя [4: 78–79]. Господарь по своему усмотрению мог передать землю другому вассалу под условием военной службы.

На ряд факторов, сдерживающих условное землевладение, указывал П.В. Советов. Он отмечал, что в XVI–XVII вв. некоторые служилые люди, и в первую очередь калараша, иногда обосновывались на господарской земле с условием предоставления права её передачи по наследству. Но господарь мог в любое время прекратить правоотношения по условному наследованию и отдать землю в любые третьи руки. Права распоряжения землёй у этих служилых людей не было [22: 13].

Так, несмотря на то что в конце XVI–XVII вв. появляются предпосылки для развития условного землевладения, ограниченного в праве распоряжения, в том числе передачи по наследству, эта форма феодальной собственности не получила в Молдавии существенного распространения.

В Молдавии начиная с XV в. допускалось наследование как по закону, так и по завещанию. Наследование по закону выступает исторически первой формой распоряжения имуществом после смерти, и только с середины XVIII в. преобладают завещательные формы наследования. При наследовании по закону воля наследодателя не принималась во внимание, т.к. наследование происходило в соответствии с правилами, которые были предусмотрены обычаем.

Нормы наследования по закону вступали в действие, когда не было составлено завещание; завещание было признано недействительным; наследники отказались от наследства; наследники по завещанию умерли до открытия наследства.

Согласно нормам обычного права с XV в. в Молдавии к наследованию призывались близкие родственники, прежде всего дети, как со стороны матери, так и со стороны отца. Если к наследованию призывались родственники по восходящей линии, то они также допускались как со стороны матери, так и со стороны отца. Но если и таковых не было, то призывались к наследованию наследники по боковым линиям. Если наследников не оказывалось, либо они отказывались от принятия наследства, имущество умершего переходило к государству. Отказ от наследства влёт за собой прекращение обязательств по долгам.

Круг наследников по закону (обычаю) был очень широк. К наследованию могли призываться дети от разных браков, усыновлённые, а с XVIII в. даже незаконнорождённые обеих полов [23: 397–406]. Акты XVII в. первой половины XIX в. допускали незаконнорождённых к наследованию только имущества матери [4: 83]. Наследовать могли двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы, дяди и тётки, переживший супруг и его родственники [5: 142]. С XIV в. до второй половины XIX в. наследником по закону (обычаю) мог быть переживший супруг, что указывает на сильные, древние пережитки родового строя. В связи с таким широким кругом наследников документы почти не содержат упоминаний относительно выморочного имущества. С ростом свободы завещания расширяется круг лиц, которые могли быть наследниками, что ещё больше суживало сферу действия выморочного права. Тем не менее, согласно обычаю земли, выморочное имущество переходило к государю как главе государства [19: 27].

Следует отметить, что как в период родового строя, так и в классическом обществе у «большинства народов бытовал обычай преимущественного наследования мужчин. Впоследствии, с изменениями в экономическом базисе общества, постепенно появляется тенденция к допущению и дочерей (при братьях) к наследованию» [13: 319]. А.И. Галбен также отмечает, что «у молдавского народа при господстве

семейной общины, а также в период её разложения и параллельного существования с сельской общиной тоже действовал принцип преимущественного наследования мужчин» [4: 80]. В дальнейшем документы раскрывают изменения, которые произошли в конце XIV–XV вв. в системе наследственного права Молдавии. По мнению А.И. Галбен, начиная с XV в. женщины начинают допускаться к наследованию, в том числе земли [4: 80]. К тому же мнению пришли исследователи П.В. Советов, Ф.А. Грекул. А.И. Галбен упоминает судебную грамоту от 26 августа 1474 г., в которой господарь Стефан III подтверждает Марушке и её племяннику Михне села и имущество её отца Ивана Купчича, на которые претендовали Иван, сын Васкова от Хородник со своими братьями [5: 137].

Девушки наследовали вотчину наравне со своими братьями, что подтверждается многими источниками. Женщина имела одинаковое право с мужчиной владеть землями и сёлами, могла самостоятельно распоряжаться своей собственностью, отчуждать её.

«Приидоша пред нами Къретьна, дочка Вонславика, и сестричичи ей Настасье и племеница их Вастука, дочка Михулова, уники Ивана Дамиановича... продали свою правоуюотнину от их правагоурика». Другая грамота содержит информацию о разделе вотчины между наследниками обоего пола, причём брат берет одно село, а трое сестёр другое. Были случаи, когда дочерям доставалась бóльшая часть, и в этом не было строго установленного порядка [6: 59].

В дальнейшем нормы обычного права нашли отражение в законодательных актах Молдавии. В частности, согласно «Уложению» Василия Лупу 1646 г. вотчина (дедина) передавалась по наследству законным наследникам. «Уложение» закрепляло возможность наследования детей обоих полов, дочери наследовали наравне с братьями как движимое, так и недвижимое имущество. По мнению Н.Л. Пушкарёвой, «именно в нормах наследственного права раскрываются эволюция и те глубокие сдвиги, которые происходили в системе личных и общественных отношениях супругов» [20: 108].

О равных правах наследников мужской и женской линии свидетельствуют многочисленные документы исследуемого периода. Так, в документе от 12 марта 1399 г., Штефан I даёт господарскую грамоту на владение (урик) некоей Душкэй, «дочери Тудора <...> и её внукам, на 2 села <...> со всеми доходами» [24: 20]. В документе от 11 февраля 1624 г. Молдавский господарь заверяет Мэрике завещание от отца Кристи: «Мэрике <...> право на отчину и дедину из половины села Блэжешть, которую она <...> имеет от отца Кристи, бывшего ворника <...> со всеми доходами навсегда» [27: 219–220].

В документе от 9 октября 1651 г. содержится последняя воля наследодателя, в качестве которого выступает женщина: «Великий логофет Георге Штефан и другие молдавские бояре свидетельствуют, что Тетя, дочь Мирона, никем не принуждаемая, делит свои отчины и дедины, села Строешь, Неполакэуць, Малинць и Бэрбешть между своими детьми, одним сыном и четырьмя дочерьями, всем в равной доле» [28: 235–236].

Иллюстрацией имущественных отношений между братьями и сестрами также может служить запись от 1661–1665 гг. в книге извод, где зафиксирован процесс раздела имущества. Боярская семья Мургулец делила поровну недвижимое имущество, доставшееся в наследство от родителей: «сестре Анице $\frac{1}{4}$ часть села Вэскэуць <...>, Ваисилю $\frac{1}{4}$ часть села Михалчу <...>, Урсулуй $\frac{1}{4}$ часть села Лехэчень <...>, Думитраки $\frac{1}{4}$ часть села Лихэчень <...>, Николаю, Василию и Анице по $\frac{1}{4}$ села Лихэчень, а половина села Колеуць – Николаю, Марии и Урсулу» [25: 255].

Из вышеуказанных документов видно, что женщина выступала и в качестве наследника, и в качестве наследодателя, как в отношении движимого, так и недвижимого имущества. Она самостоятельно распоряжается собственностью, обращается к господарю с просьбой о подтверждении на собственность без присутствия супруга.

В случае смерти вдовы право на купленную вотчину могло переходить как в род мужа, так и в род жены. В случае смерти жены её приданое распределялось между детьми, при этом родители умершей сохраняли за собой право наделения каждого из её детей частью приданного [15: 142–157].

Недвижимое имущество, пахотная земля оставались в распоряжении мужа до наступления совершеннолетия детей. При этом родственники умершей жены имели право контролировать сохранность её приданного. Если жена была бездетна, то после её смерти приданное возвращалось родителям, а мужу оставались лишь брачные дары. Тем самым приданое жены становилось частью семейного имущества, но не частью имущества мужа.

Со временем, в результате эволюции наследственного права, в системе обычного права появляется обычай, согласно которому дочь, получившая ранее приданое, могла стать наследницей, присоединив приданое к общему наследованному имуществу [22: 13]. Данный обычай получил название синисфора.

Согласно данному обычаю, дочь, ранее получившая приданое, могла наследовать землю, присоединив ее к ранее наследованному имуществу [5: 133]. Тем самым дочь, вышедшая замуж, могла участвовать в разделе отцовского имущества, в том числе и земли [16: 1–74].

Несмотря на то что молдавские девушки ранее получили приданое имущество, после смерти родителей они всё наследственное имущество (синисфора) делили поровну с братьями. «Право на наследование земель было истоком “вольностей” женщин Молдовы, особенно, вдов» [10: 75–82].

Синисфора допускалась только тогда, когда вступали в силу нормы наследования по закону [3: 106], и действовала вплоть до XIX в. К этому выводу пришел А.И. Галбен, доказывая, что синисфора допускалась до позднейшего времени лишь относительно наследования по закону. Позднейшие кодификации византийского права разрешили наследование дочерью, получившей ранее приданое, как по закону, так и по завещанию [5: 139].

Позднейшие кодификации византийского права, действовавшие в Молдавии, допускали к наследованию дочь, получившую ранее приданое [22: 13]. Данное правило действовало не только для имущих классов, но и для беднейших слоев населения – крестьян-общинников, членов сельской территориальной общины.

Нормы обычного права в области наследования предусматривали пять очередей наследования. К наследникам первой очереди относились наследники нисходящей линии: дети обоих полов, внуки. Внуки по праву представления получали долю умерших родителей, однако при жизни родителей к наследству они не призывались. Между наследниками умершего имущество делилось в равных долях.

К наследникам второй очереди относились восходящие родственники: родители, дед и бабушка, полнородные братья и сестры, дети ранее умерших братьев и сестёр. Если данные лица пережили наследодателя, то к наследованию призывались родители умершего, его полнородные братья и сестры. Если на момент открытия наследства в живых оставался только один родитель, доля умершего родителя делилась между дедом и бабушкой со стороны умершего. Дети умерших братьев и сестёр получали наследство по праву представления.

Третью очередь составляли неполнородные братья и сестры наследодателя, а также дети умерших неполнородных братьев и сестёр, получающих наследство по праву представления.

Четвертую очередь образовывали остальные боковые кровные родственники без ограничения степени родства [2: 46].

В пятую очередь к наследованию призывался переживший супруг. Если к наследству призывалась супруга умершего, не имеющая собственного имущества, то за ней признавалась доля, равная четверти наследства [17: 1–196]. При отсутствии наследников имущество признавалось выморочным и поступало в государственную казну.

Существовала особенность в наследовании отдельных объектов. Так, «Уложение» содержало норму, что «Если тот, кому принадлежит виноградник умер, у него не осталось сыновей и других родственников, то тогда боярин мог забрать это имущество без разрешения уезда» (п. 193, гл. 15) [26].

Допускалось и наследование по завещанию. Историки права А. Греку, В. Ханга относят возникновение завещательного распоряжения к концу XVI – началу XVII в. [1: 10–12]. При этом данное мнение следует признать ошибочным, т. к. в XVI–XVII вв. происходит лишь дальнейшее развитие данного института. П.В. Советов отмечает, что «если в XV в. – XVI в. договор дарения и завещательное распоряжение иногда ещё совпадали, то в XVII в. намечается их явное различие» [4: 83].

Первое упоминание о завещательном распоряжении в Молдавии относится к 1407 г. В период XVI–XVII вв. количество упоминаний о завещаниях возрастает. Тем не менее в XVI в. количество завещаний было незначительным. Согласно обычаю земли, передача имущества по завещанию предусматривалась в первую очередь прямым родственникам. В случае их отсутствия завещание могло составляться в пользу родственников второй или третьей степени, в пользу церкви, посторонних лиц, сельской общины при отсутствии прямых родственников [5: 150].

Вначале использовалось завещание в устной форме, с XVII–XVIII вв. появляется письменное завещание. Завещание представляло собой письменный документ, в котором определялась судьба имущества завещателя. Завещание в письменной форме было обязательным в случае его составления сторонним лицам. При этом, согласно нормам обычного права, если завещание писалось или подписывалось рукой завещателя, то оно признавалось действительным и без свидетелей.

К личности завещателя предъявлялись определенные требования. Он должен быть дееспособным, действовать по доброй воле, без принуждения, в присутствии свидетелей, количество которых колебалось от 5 до 7 [5: 147]. Завещатель вправе был лишить наследства прямых родственников в случае их недостойного поведения и завещать имущество третьим лицам [5: 149]. При этом наследодатель должен был объяснить причину лишения наследства прямых наследников. «Уложение» Василия Лупу 1646 г. содержало нормы, которые допускали возможность обхода прямых наследников в завещании, в том числе для получения родовой недвижимости [18: 1–3]. В целом же права прямых наследников почти всегда соблюдались. Таким образом, допускалось наследование по закону (обычаю) и завещанию.

Другим важным отличием средневекового молдавского права выступали некоторые черты минората, т. е. приоритета младшего

сына или младшей дочери, получавших, как правило, родительский дом. Минорат был известен древнерусскому (А. Ефименко, С. Пахман, А. Терещенко, С. Оршанский), белорусскому (М. Довнар-Запольский) юридическим обычаям, на севере Руси, где к наследованию призывались не только братья, но и сестры. Черты минората встречаются в «Русской правде».

Существует точка зрения, что минорат существовал у кельтских, германских и отчасти у славянских народов, сохранялся в средние века, однако со временем был вытеснен новым феодальным обычаем – майоратом, т. е. наследование имущества старшим сыном [9: 61]. Другая точка зрения состоит в том, что прежде всего возникает майорат, а лишь потом минорат. Многие ученые отмечают, что институт минората возник очень рано, но после обычая приданого [11: 125]. По мнению М. Ковалевского, минорат появляется в эпоху упадка семейной общины [12: 319–332]. Во время образования малых семей старший сын раньше младшего уходил из семьи и создавал свою личную собственность, в то время как младший продолжал жить в семье. Минорат был известен многим народам мира.

Черты минората были известны и в Молдавии начиная с XV в. Минорат регулировался обычным правом. По обычному праву Молдавии наследником считался младший сын, а в его отсутствие младшая дочь. Как правило, они получали родительский дом с усадьбой и пристройками: «В связи с тем, что все сыновья поженились, а дочери вышли замуж, родной дом с усадебным участком оставляю самой младшей из сестёр Настасии, ибо она ещё не успела обзавестись семьёй, а старшие получили от меня приданое» [5: 139–140].

Обычное право молдаван предусматривало, что в случае женитьбы первого сына во время семейного совета принималось решение об объёме отцовского имущества, предназначенного для младшего сына или младшей дочери.

Минорат был связан с тем, что, как правило, старшие дети раньше уходили из семьи и заводили свои семьи, а следовательно, уже не участвовали в ведении отцовского хозяйства. Почти всегда родительское имущество (усадебная земля, скот, орудия труда) создавалось при помощи младших детей, т. к. как они дольше оставались в доме отца и помогали ему вести хозяйство [12: 328–330]. Другим следствием минората было предотвращение дробления земельных участков и другого имущества, т. к. институт минората распространялся и на наследование земельных участков. Впоследствии, к XVIII в. принцип минората стал все чаще нарушаться.

Временем открытия наследства признавался день смерти наследодателя, а местом открытия наследства – последнее место жительства

наследодателя либо место нахождения наследственного имущества или его основной части.

Для принятия наследства существовала определенная процедура. Наследник считался принявшим наследство, если он фактически вступил в управление наследственным имуществом либо заявил в присутствии свидетелей о его принятии.

Так, в Молдавии уже в XV в. в отличие от соседних Валахии и Трансильвании, в период правления господаря Александру чел Бун (1400–1432 гг.), уже существовало равноправие полов в вопросах наследования имущества. Как отмечает Л. Заболотная, «...в средние века в Молдове в отличие от многих других государств (Сербии, Англии, Великое Литовское Княжество)» [10: 75–82] женщины и мужчины обладали равными правами наследования недвижимого имущества. Кроме того, минорат препятствовал дроблению крестьянских земельных участков, которые почти целиком передавались из поколения в поколение.

В целом можно сказать, что наследственное право Молдавии в период XVI–XVII вв. было ещё мало разработано. При этом система молдавского наследственного права XV–XVIII вв. знала меньше ограничений в вопросах наследования, чем соседняя Валахия и другие страны Западной Европы. Например, в соседнем Валахском княжестве существовали более значимые, чем в Молдавии, ограничения в праве передачи земли по наследству. В то же время имелись общие черты обычаев, схожие в праве наследования, у молдаван и соседних восточнославянских народов. В России, как и в Молдавии, минорат имел древнее происхождение, встречался на северо-западе государства, где получило распространение доленое землевладение с правом наследования не только сыновей, но и дочерей, и был закреплён в нормах «Русской Правды» [8: 223–224]. Имелись случаи, когда дочери наследовали поровну одновременно с сыновьями [14: 12]. Такого же рода обычаи встречаются и в странах современной Африки [21].

Проведя анализ документов XVI–XVII вв., можно прийти к выводу, что наследование в Молдавии как движимого, так и недвижимого имущества допускалась наследниками обоих полов (сыновьями и дочерьми) на условиях равенства вплоть до конца XIX в. Это свидетельствует о зарождении известного современному праву принципа равенства долей наследников по закону вне зависимости от пола. В этом смысле при всей незрелости правовой системы в определенных положениях наследственного права, а именно равенстве прав наследников вне зависимости от пола, Молдавия опережала многие развитые европейские страны с богатыми правовыми традициями.

Даже после выделения приданого молдавские женщины получали наследство наравне с братьями и принимали участие в его разделе (синисфора). Это свидетельствовало об относительно независимом положении женщины в Молдавии. Такая относительная независимость женщин в Молдавии объясняется исторически сложившимися семейными традициями, а также обычным правом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баскин Ю.Я., Советов П.В.* Некоторые проблемы создания курса «Истории государства и права Молдавской ССР» // Учёные записки Кишиневского государственного университета. 1960. Т. 52. С. 10–12.
2. *Боршевский А., Сосна Б.* Юридические аспекты применения норм обычного права в Молдове // *Revista națională de drept*. 2009. № 9. С. 43–47.
3. *Галбен А.И.* Дин «обычеул пэмынтулуй» ал Молдовой феудале (сек. XVIII – прима жум. а сек. XIX). Кишинэу: Штиинца, 1986. 106 р.
4. *Галбен А.И.* Об институте наследования в системе обычного права у молдаван (XV–XIX в.) // Известия АН МССР. Серия общественные науки. 1980. № 3. С. 77–85.
5. *Галбен А.И.* Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). Кишинэу, 1998. 384 с.
6. *Грекул Ф.А.* Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. / под ред. Л.В. Черепнина. Кишинёв: Гос. изд-во Молдавии, 1950. 160 с.
7. *Кантемир Дмитрий.* Описание Молдавии. Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1973. 222 с.
8. *Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. Исследования народной жизни. Вып. 1. М.: В.И. Касперов, 1884. 398 с.
9. *Ефименко П.С.* Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб.: Типография Майкова, 1872. 114 с.
10. *Заболотная Л.* Наследственное право молдавских женщин (XIV–XVII вв). Компаративное исследование (The Law of succession concerning Moldavian women in the 14th–17th centuries: A Comparative study) // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, XX. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Historii UAM, 2013. P. 75–82.
11. *Кагаров Е.* Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 131 с.
12. *Ковалевский М.М.* Некоторые архаические черты семейного и наследственного права Осетин // *Юридический вестник*. 1885. № 6–7. С. 319–332.

13. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М.: Типография В. Гатцук, 1886. Т. 2. 410 с.
14. Мухин В.Р. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб.: Редакционная комиссия по составлению гражданского уложения, 1888. 333 с.
15. Национальный Архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 108. 157 л.
16. НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. 74 л.
17. НАРМ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 265. 196 л.
18. НАРМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 109. 3 л.
19. Пергамент О. Спорные вопросы бессарабского права. Одесса: Типография Акционерного Южнорусского общества печатного дела, 1905. 65 с.
20. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
21. Сеницына И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М.: Наука, 1978. 285 с.
22. Советов П.В. К истории наследственного права феодальной Молдавии // Известия МФ АН РМ. 1959. № 2. С. 13.
23. Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду. М.: Хотин. уезд. земство, 1886. 927 с. разд. паг., 4 л. карт., план.
24. Costăchescu M. Documentele moldovenești înainte de Ștefancel Mare. Vol. I. Iași: Viața Românească, 1931. 557 p.
25. Catalogul documentelor moldovenești din Direcția Arhivelor Centrale. Supl. 1. (1403–1700). București: Direcția generală a arhivelor statului din R.P.R., 1975. 491 p.
26. Carte românească de învățătură, 1646. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1961. 431 p.
27. Documenta Romaniae Historica. Seria A Moldova. Vol. XVIII (1623–1625). București: Editura Academiei Române, 2006. LXXXIII + 679 p.
28. Moldova în epoca feudalismului = Молдова в эпоху феодализма. Cărți domnești și zapise slavo-moldovenești și moldovenești, 1641–1660. Vol. IV. Chișinău: Știința, 1986. 424 p.

REFERENCES

1. Baskin, Yu.A. & Sovetov, P.V. (1960) Nekotorye problemy sozdaniya kursa "Istorii gosudarstva i prava Moldavskoy SSR" [Some problems of designing the course "History of the state and law of the Moldavian SSR"]. *Uchenye zapiski KGU*. pp. 10–12.
2. Borshevskiy, A. & Sosna, B. (2009) Yuridicheskie aspekty primeneniya norm obychnogo prava v Moldove [Legal aspects of the application of customary law in Moldova]. *Revista națională de drept*. 9. pp. 43–47.

3. Galben, A.I. (1986) *Din "obicheyul pemyntuluy" al Moldovey feudale (sek. XVIII – prima zhum. a sek. XIX)*. Chisianau: Shtiintsa.
4. Galben, A.I. (1980) *Ob institute nasledovaniya v sisteme obychnogo prava u moldavan: (XV–XIX v.)* [About the institution of inheritance in the system of customary law among Moldovans: (the 15th – 19th century)]. *Izvestiya AN MSSR. Seriya obshchestvennye nauki*. 3. pp. 77–85.
5. Galben, A.I. (1998) *Iz istorii feodal'nogo prava Moldovy kontsa XVIII – nachala XIX veka (turetsko-fanariotskiy period)* [From the history of the Moldovan feudal law in the late 18th – early 19th century (the Turkish-Phanariot period)]. Chişinău: [s.n.].
6. Grekul, F.A. (1950) *Sotsial'no-ekonomicheskiy i politicheskiy stroy Moldavii vtoroy poloviny XV v.* [Socio-economic and political system of Moldova in the second half of the 15th century]. Chişinău: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii.
7. Kantemir, D. (1973) *Opisanie Moldavii* [The Description of Moldova]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.
8. Efimenko, A.Ya. (1884) *Krest'yanskoe zemlevladienie na Kraynem Severe. Issledovaniya narodnoy zhizni* [Peasant land ownership in the Far North. Studies of folk life]. Vol. 1. Moscow: V.I. Kasperov.
9. Efimenko, P.S. (1972) *Pridanoe po obychnomu pravu krest'yan Arkhangel'skoy gubernii* [Dowry according to the customary law of the peasants of the Arkhangel'sk province] St. Petersburg: Maykov.
10. Zabolotnaya, L. (2013) *Nasledstvennoe pravo moldavskikh zhenshchin (XIV–XVII vv). Komparativnoe issledovanie* [The law of succession concerning Moldavian women in the 14th – 17th century: A comparative study]. In: *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*. Vol. XX. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Historii UAM. pp. 75–82.
11. Kagarov, E. (1937) *Perezhitki pervobytnogo kommunizma v obshchestvennom stroe drevnikh grekov i germantsev* [Remnants of primitive communism in the social system of ancient Greeks and Germans]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Kovalevskiy, M.M. (1885) *Nekotorye arkhaischeskie cherty semeynogo i nasledstvennogo prava Osetin: Iyun' – iyul'* [Some archaic features of Ossetian family and inheritance law]. *Yuridicheskiy vestnik*. 6–7. pp. 319–332.
13. Kovalevskiy, M.M. (1886) *Sovremennyy obychay i drevniy zakon* [Modern custom and ancient law]. Vol. 2. Moscow: V. Gattsuk.
14. Mukhin, V.R. (1888) *Obychnyy poryadok nasledovaniya u krest'yan* [The usual order of inheritance among peasants]. St. Petersburg: Editorial commission for the preparation of the civil Code.
15. The National Archive of the Republic of Moldova (NARM). Fund 45. List 1. File 108. p. 157.
16. The National Archive of the Republic of Moldova (NARM). Fund 2. List 1. File 28. p. 74.

17. The National Archive of the Republic of Moldova (NARM). Fund 40. List 1. File 265. p. 196.
18. The National Archive of the Republic of Moldova (NARM). Fund 45. List 1. File 109. p. 3.
19. Pergament, O. (1905) *Spornye voprosy bessarabskogo prava* [Controversial issues of Bessarabian law]. Odessa: Joint-Stock South Russian Printing Society.
20. Pushkareva, N.L. (1989) *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow: Mysl'.
21. SinitSYna, I.E. (1978) *Obychay i obychnoe pravo v sovremennoy Afrike* [Custom and customary law in modern Africa]. Moscow: Nauka.
22. Sovetov, P.V. (1959) K istorii nasledstvennogo prava feodal'noy Moldavii [On the History of Inheritance Law in Feudal Moldavia]. *Izvestiya MF AN RM*. 2. p. 13.
23. The Khotin County Zemstvo. (1886) *Sbornik statisticheskikh svedeniy po Khotinskomu uезdu* [Statistics on the Khotin Uezd]. Moscow: The Khotin County Zemstvo.
24. Costăchescu, M. (1931) *Documentele moldovenеști înainte de Ștefancel Mare* [Moldovan documents before Stephen The Great]. Vol. 1. Iași: Viața Românească.
25. Regleanu, M., DucaTitulescu, D., Ticulescu, D., Ciucă, M. & Birceanu, G. (1975) *Catalogul documentelor moldovenеști din Direcția Arhivelor Centrale. Supl. 1. (1403–1700)*. București: Direcția generală a arhivelor statului din R.P.R.
26. Romania. (1961) *Carte românească de învățătură, 1646*. București: Editura Academiei Republicii Populare Române.
27. Romania. (2006) *Documenta Romaniae Historica. Seria A Moldova*. Vol. 18. București: Editura Academiei Române.
28. Moldova. (1986) *Moldova în epoca feudalismului* [Moldova in the age of feudalism]. Vol. 4. Chișinău: Știința.

Погорлецкая Ирина Ивановна – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Irina I. Pogorletskaia – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: begass.iren@mail.ru

УДК 39+94(439)+94(470)+910.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/4

Элизе Реклю о русинах и русском народе

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Элизе Реклю (полное имя Жак Элизе Реклю (Jacques Elisée Reclus) (1830–1905)) – французский географ, педагог, писатель, коммунар, анархист, член Первого Интернационала, один из учредителей Нового университета в Брюсселе, один из основоположников социальной географии, геополитики, геоистории, энвайронментализма и экологии, вегетарианец, натуралист. Основными научными работами Элизе Реклю считаются «La Terre» (Земля, 2 т.), «Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes» (Новая универсальная география: Земля и люди, 19 т.), «L'Homme et la Terre» (Человек и земля, 6 т.), «Histoire d'un ruisseau» (История ручья) и «Histoire d'une montagne» (История горы), переведённые на многие языки и переизданные во многих странах. Э. Реклю также опубликовал более 20 научных трудов (в т.ч. и по теории анархизма), около 200 географических статей, 40 статей на различные темы и 80 политических статей в анархистских периодических изданиях. В своих работах «Новая универсальная география: Земля и люди» и «Человек и земля» он касается истории и нынешнего положения русинов Австро-Венгрии, даёт историю и описание России и русского народа. В пятом томе «Человек и земля» он сделал предположение о грядущем противостоянии России с США. К сожалению, политические взгляды Э. Реклю стали причиной его относительного забвения в наше время. Французский географ и геополитик Ив Лакост написал в 2005 г. в журнале *Hérodote* (Геродот), в номере, посвящённом великому французскому географу, что Элизе Реклю был человеком XIX в., который, как и многие другие люди высокой культуры, надеялся на лучший мир и имел свои либертарианские убеждения. Его глубокая религиозность сделала его более пронизательным и более утопичным. Мы живём в мире, который утратил иллюзии, и рассуждаем с точки зрения опасностей для будущего планеты. Это главная причина изменить наше отношение к творчеству Элизе Реклю.

Ключевые слова: Элизе Реклю, география, русины, Австро-Венгрия, Россия, русский народ, великороссы, малороссы

Elisée Reclus about the Rusins and Russians

Sergey G. Sulyak

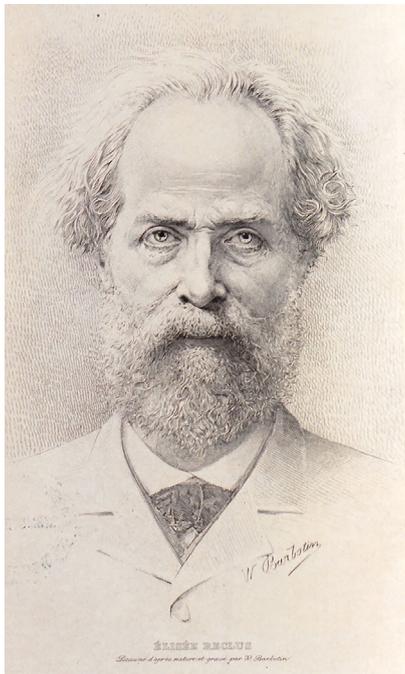
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Elisée Reclus (full name Jacques Elisée Reclus (1830–1905)) – French geographer, teacher, writer, *communard*, anarchist, member of the First International, a founder of the New University in Brussels, a founder of social geography, geopolitics, geohistory, environmentalism and ecology, vegetarian, and naturist. His main works were *La Terre* (The Earth, in 2 vols), *Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes* (New Universal Geography: Earth and People, in 19 vols), *L'Homme et la Terre* (Man and Earth, in 6 vols), *Histoire d'un ruisseau* (History of a Stream) and *Histoire d'une montagne* (History of a Mountain), translated into many languages and republished in many countries. Reclus also published more than 20 research works (including on the theory of anarchism), about 200 geographical articles, 40 articles on various topics, and 80 political articles in anarchist periodicals. In his *Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes* and *L'Homme et la Terre* he discusses the history and current situation of the Rusins of Austria-Hungary as well as describes the history of Russia and Russians. In the fifth volume of *L'Homme et la Terre* he makes an assumption about the upcoming confrontation between Russia and the United States. Unfortunately, Reclus' political views became the reason for his relative oblivion in our time. The French geographer and geopolitician Yves Lacoste wrote in 2005 in *Hérodote* that Reclus was a man of the 19th century who, like many other people of high culture, hoped for a better world and had their libertarian beliefs. His deep religiosity made him more insightful and utopian. We live in a world that has lost its illusions and we think in terms of dangers for the future of the planet. This is the main reason to change our attitude towards Reclus' works.

Keywords: Elisée Reclus, geography, Rusins, Austria-Hungary, Russia, Russians, Great Russians, Little Russians

Известный французский географ и анархист Элизе Реклю¹, затронувший в ряде своих работ и русинскую проблематику, родился

Портрет Элизе Реклю. Гравюра Уильяма Барботена (1861–1931).

Взят из тома XIX «Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes», вышедшего в 1894 г.

15 марта 1830 г. в семье пастора-кальвиниста Жака Реклю (Jacques Reclus, 1796–1882) в коммуне Сент-Фуа-ля-Гранд (Sainte-Foy-la-Grande) департамента Жиронда (Gironde, по-окситански (по-провансальски) Girona, регион Аквитания, ныне – Новая Аквитания) на юго-западе Франции [4: 7]. Сент-Фуа-ля-Гранд долгое время был духовным центром кальвинизма во Франции.

Элизе был вторым сыном пастора, происходившего из старой гугенотской семьи, отличавшегося строгим пуританским образом жизни и крайней добротой. Его отец, Жак Реклю, уроженец коммуны Ле Флекс (Le Fleix) департамента Дордонь (Dordogne, по-окситански – Dordonha) региона Аквитания, был вторым сыном фермера. Отец Жака Реклю был некоторое время пастором, бондарем, торговцем и кальвинистским трактирщиком в Ле Флей. В 1814 г. Жак стал студентом в Бордо (Bordeaux), затем с 1817 до 1821 г. учился на факуль-

тете протестантской теологии в Монтобане (Montauban)². Здесь же в 1821 г. он защитил диссертацию по богословию по теме «Sur la satisfaction par Jésus-Christ» и получил степень бакалавра богословия. В этом же году он стал пастором в коммуне Ла-Рош-Шале (La Roche-Chalais) департамента Дордонь. Он был женат на Зелине Триган (Marguerite Zéline Trigant-Marquey, 1805–1887), двоюродной сестре Мишеля Деказа (Michel Decazes, 1747–1832), отца герцога Эли Луи Деказа (Élie Louis Decazes, 1780–1860), министра, а затем главы кабинета министров во время правления Людовика XVIII. Мишель Деказ стал свидетелем на свадьбе Жака Реклю (27 лет) и Зелины Триган (19 лет) в 1824 г. в Ла-Рош-Шале. Сам Жак Реклю в студенческие годы некоторое время (1814 г.) работал библиотекарем в Бонзаке (Bonzas, коммуна в департаменте Жиронда), в замке Грав (Grave), принадлежавшем Мишелю Деказу. Эли Деказ стал крёстным отцом

его первого сына. Несмотря на свои родственные связи, Жак Реклю предпочёл всю жизнь оставаться пастором.

Супруга разделяла взгляды своего мужа и устраивала в населённых пунктах, где он служил священником, бесплатные школы для крестьянских детей. В них она обучала детей грамоте, письму и арифметике [4: 9; 25: 13–15].

В 1831 г. Жак Реклю уходит в отставку с должности пастора и преподавателя протестантского колледжа в Сент-Фуа-ля-Гранд, получив приглашение от небольшой бедной общины евангелических христиан местечка Кастетарбе (Castétarbe) в Пиренеях. В декабре он становится пастором Свободной евангелической церкви Байтс-Кастетарбе (Baigts-Castétarbe) сельского пригорода Ортеза (Orthez)³, общины беарнских крестьян и горожан из Кастетарба, Ортеза и Сали-де-Беарн (Salies-de-Béarn) [25: 16–17].

В Ортезе в 1850 г. пастор Жак Реклю организовал приют для престарелых, который просуществовал до 1857 г. [25: 23].

В семье Реклю в период с 1824 по 1847 г. родились семнадцать детей, из них трое были мертворождёнными. Пять сыновей и шесть дочерей (из девяти дочерей только шесть достигнут совершеннолетия (21 года)) и проживут долгую жизнь [25: 15].

Элизе из-за тяжёлого материального положения семьи с 1831 до 1838 г. жил у Триган-Марке (Trigant-Marquey), своих дедушки и бабушки по материнской линии, в Ла-Рош-Шале. Как позже писал Элизе: «Я

Жак Реклю и его супруга Зелин. Источник: http://www.saintefoylagrandehistoire.com/galleries/oeuvre.php?val=141_0_jacques+reclus+zeline+trigant (дата обращения: 12.05.2023)

Портрет Элизе Реклю в 19 лет.

Художник Эжен Девериа
(1808–1865).

Взят из первого тома
«Correspondance d'Élisée Reclus»
(Переписки Элизе Реклю),
вышедшего в 1911 г.

до сих пор помню тот день, когда мой дедушка говорит мне, что Сахара – это пустыня, по которой можно идти днями и днями, не находя ничего, кроме песка. С тех пор, как он дал мне тот первый урок географии, я вижу себя постоянно пытающимся в своём воображении “осознать” это безграничное пространство, “которое никогда не кончается и всегда начинается снова» [25: 16–17].

Семья Жака Реклю жила бедно, дети с ранних лет приучались к труду. Своих пятерых сыновей отец хотел сделать священниками, стремясь дать им церковно-религиозное образование. Однако сыновья выбрали иной путь: старший сын Эли (Élie, 1827–1904) стал этнографом и анархистом, Элизе – географом и тоже анархистом, Онезим (Onésime, 1837–1916) – географом, Арман (Armand,

1843–1927) – морским офицером и исследователем, Поль (Paul, 1847–1914) – хирургом [25: 21].

Отец занимался церковно-религиозным воспитанием детей, мать обучала их общеобразовательным дисциплинам [4: 9].

Из всех братьев Эли был наиболее близок к Элизе по своим убеждениям и характеру, а также по своей научной и политической деятельности [1: 150].

Жак Реклю стремился дать своим детям хорошее духовное образование. В 1839 г. он сопроводил четырнадцатилетнюю Сюзанну (Suzie, 1824–1844) и двенадцатилетнего Эли в Германию, в пиетистский колледж моравских братьев в г. Нейвид (Neuwied) в Прирейнской провинции Пруссии. В 1842 г. он туда же отправил двенадцатилетнего Элизе. Пастор считал, что моравские братья лучше других сохранили в чистоте учение Христа. Позже в этом колледже учились и другие дети пастора. Вернувшись из Нейвида в 1844 г., Элизе продолжил обучение в протестантском колледже Сент-Фуа-ля-Гранд, в котором

уже год занимался Эли. До 1848 г. братья проживали у своих дяди и тёти по материнской линии [4: 10; 25: 18, 20–21].

Осенью 1848 г. Элизе вместе с Эли учится на факультете протестантского богословия Монтобана. Факультет институционально был присоединён к Тулузскому университету. Изучая богословие, братья также увлекаются чтением произведений Клода-Анри де Сен-Симона (1760–1825), Франсуа Мари Шарля Фурье (1772–1837), Фелисите Робера де Ламенне (1782–1854), Пьера Анри Леру (1797–1871), Исидора Мари Огюста Франсуа Ксавье Конта (1798–1857), Пьер-Жозефа Прудона (1809–1855) [25: 22].

В 1849 г. Элизе, его брат Эли, их однокурсник и друг Эдуард Гримар (Edouard Grimard, 1827–1909, в будущем журналист, писатель и ботаник) решили отправиться в путешествие пешком по югу Франции и изучить жизнь народа. В одном городке их арестовала полиция, заподозрив в политической пропаганде. Их отправили в Монтобан, где они были исключены из университета [4: 13]. После этого Элизе некоторое время проработал у своего дяди нотариуса в Сент-Фуаля-Гранд, а Эли уехал изучать кальвинистское богословие и иврит на факультете протестантского богословия в Страсбурге [25: 23].

В 1850 г. Элизе получает приглашение от общины моравских братьев стать преподавателем французского языка в их колледже. В колледже он преподавал только год. В феврале 1851 г. он поступает в Берлинский университет. Но у его родителей на руках оставалось шестеро малолетних детей, и они не могли материально помочь сыну. Элизе был вынужден подрабатывать репетитором французского языка. В университете Элизе прошёл курс географии Карла Риттера (1779–1859) [4: 14–15; 25: 23].

Посещая лекции Риттера, Элизе стал его учеником и почитателем. Идеи Риттера повлияли на всю его последующую научную деятельность. Хотя в 1895 г. он сказал: «Я не принадлежу ни к какой географической школе и просто ищущу истину, как должны делать все. Если меня называют риттерианцем потому, что я был учеником и другом Риттера, то в этом они правы, но Риттер был христианином, а я отнюдь не христианин; кроме того, он не придавал достаточного значения воздействию человека на среду» [1: 151–152]. Во время обучения в университете Элизе сообщает своим родителям о решении не становиться пастором [25: 23].

В августе-сентябре 1851 г. Элизе вместе с братом возвращаются во Францию. В Монтобана он заканчивает свою первую работу «Развитие свободы в мире» (*Le développement de la liberté dans le monde*), где появились его знаменитые выражения «анархия, высшее выражение порядка» и «уважение к закону есть моральная трусость»

[25: 24]. Затем они прибыли в Ортез. 2 декабря 1851 г. президент Луи-Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот. Братья пытались устроить манифестацию, агитировали в защиту республики. Был получен приказ об их аресте. Начальник полиции, относившейся с уважением к матери братьев, вовремя предупредил об этом. С паспортами, выданными мэром, и с 500 франками, собранными их матерью, они уезжают из Франции в Англию через Гавр [4: 16; 25: 24].

После поисков работы, Эли нашёл место гувернёра в одной богатой ирландской семье и уехал в Ирландию. Элизе остался в Лондоне преподавать французский, затем тоже перебрался в Ирландию, где стал помощником управляющего в одном имении под Дублином [4: 17; 25: 26–27]. Здесь у него появилась мысль написать работу по общей географии [4: 17–18].

Позже у него возникла идея организовать коммунистическую колонию в Новом Свете. Уволившись с работы в Ирландии, он отправляется в Ливерпуль. Не имея средств оплатить проезд, устроился поваром на небольшом парусном судне, отправляющемся в Новый Орлеан [4: 19]. Прибыв в Новый Орлеан в январе 1853 г., он, чтобы выжить, перепробовал ряд профессий, в т. ч. и докера. Ему помогал выжить живущий здесь один пекарь из Ортеза. Весной Элизе удалось устроиться наставником для детей одного плантатора-француза в Луизиане [25: 28].

Элизе, наблюдая тяжёлую жизнь негров-рабов, в их защиту пишет несколько статей и отправляет их в редакцию парижского журнала «Revue des Deux Mondes». Материалы вышли под общим названием «Рабство в Соединённых Штатах» [4: 20].

В свободное время Реклю много путешествовал по Соединённым Штатам, совершил поездку по Миссисипи, посетил Чикаго и другие американские города. Результатом путешествий стала серия очерков под названием «Le Mississipi: études et souvenirs» (partie I « Le cours supérieur du fleuve » et partie II « Le delta et la Nouvelle-Orléans») (Миссисипи: исследования и воспоминания, часть I Верхнее течение реки и часть II Дельта и Новый Орлеан) в Revue des deux Mondes в 1859 г. [25: 29, 36].

В конце ноября 1855 г. Элизе уходит с этой работы и, строя планы организации коммунистической колонии, отправляется на пароходе в Колон-Аспинуолл провинции Гранада Колумбии (ныне Колон в провинции Колон Панамы). В пути на две недели останавливается в Гаване [25: 30]. В Южной Америке Элизе путешествовал по Колумбии, Гвиане, интересовался не только природой, но и бытом людей, населявших эти регионы. В Андах он поселился среди горных индейских племён в сообществе одного француза. Он хотел основать в горах Сьерры-Невады небольшую ферму и заняться земледелием. Но не-

достаток средств помешал исполнению этого проекта. Прожив в Америке около двух лет, Элизе решил вернуться во Францию, тем более что после Крымской войны Наполеон III объявляет амнистию. В июле 1857 г. Элизе покинул Америку [4: 23–28]. Свои впечатления о Южной Америке он изложил в небольшой книге «Voyage à la Sierra Nevada de Sainte Marthe. Paysages de la nature tropicale» («Путешествие в Сьерра-Невада-де-Санта-Марта. Картины тропической природы»). Это была его первая книга, она вышла в свет в 1861 г.

В августе после долгого отсутствия Элизе возвращается во Францию, в Гавр, затем в Париж [25: 31]. В Париже он поселился в семье своего брата Эли, который в 1856 г. женился на своей двоюродной сестре Ноэми Реклю (Marthe Elisabeth Noémi Reclus, 1828–1905). Элизе вынужден был перебиваться случайными заработками, редкими уроками географии и французского языка. Вскоре он нашёл работу в крупном издательстве «Ашет и К°», которое в то время начало издавать серию путеводителей под названием «Guides Joanne». Луи Ашет (Louis Hachette, 1800–1864) нанял Элизе в качестве постоянного автора двух коллекций издательства: популярного путеводителя и еженедельника «Le Tour du Monde», нового журнала о путешествиях [4: 29–30; 25: 29, 32, 35]. Работая в издательстве, Элизе много путешествовал по Европе, он побывал в Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Испании, Англии. В это время он написал книгу для юношества «История ручья» («Histoire d'un ruisseau»), которая была опубликована в 1869 г. [4: 30–31].

2 июля 1858 г. Элизе приняли в члены Парижского географического общества за его вклад в изучение Америки, знание английского, испанского и немецкого языков [25: 34].

Осенью 1857 г. Элизе провёл две недели в Ортезе, затем побывал в Сент-Фуа-ла-Гранд и Ла-Рош-Шале, после чего вернулся в Париж. В Сент-Фуа-ла-Гранд (скорее всего) он встречает Клариссу Бриан⁴ (Clarisse Brian, 1832–1869), которую видел ещё подростком. Она была двоюродной сестрой Ноэми, жены его старшего брата. 13 декабря 1858 г. он женился на Клариссе в Сент-Фуа-ла-Гранд вопреки воле родителей и без предварительной помолвки [25: 33–34].

В марте 1861 г. Элизе вступает в масонскую ложу Les Émules d'Hiram Великого Востока Франции (Les Émules d'Hiram, du Grand Orient de France). Активности в ней он не проявлял и покинул её в 1862 г. [25: 39].

В 1863 г. он участвует в основании кооперативного банка Le Crédit au Travail для кредитования рабочих, редактирует газету L'Association. В 1864 г. Элизе вступил в Международную ассоциацию рабочих (Association internationale des travailleurs), которую часто называют

Первый Интернационал (1864–1876), вместе с Михаилом Бакуниным; с последним он познакомился в 1862 г. Помимо многочисленных исследований, вышедших в свет в «*La Revue des Deux Mondes*», он опубликовал «*Introduction au Dictionnaire des communes de France*» (Введение к Словарю коммун Франции, 1864), выпустил свои первые научные труды («*La Terre*» (Земля, 2 тома, 1867–1868) и «*Histoire d'un ruisseau*» (История Ручья, 1869), имевшие большой успех [25: 44, 48; 28].

С 1868 до 1870 г. он направлял корреспонденцию в лондонскую «*Times*», «*Putnam's Magazine*» в Нью-Йорке и «*The International*» в Сан-Франциско [25: 55]. Не считая переводов, с 1857 по 1870 г. Элизе Реклю опубликовал около 1 680 страниц текста в различных периодических изданиях, из них – 1 255 страниц – в «*Revue des Deux Mondes*» (примерно такой объем составляют два тома «*Ла Терра*», т. е. около 1550 с.) [25: 61].

В 1867 г. Элизе принимает участие во втором конгрессе Международной ассоциации рабочих в Лозанне, затем – в первом конгрессе пацифистской Лиги мира и свободы (*Ligue de la paix et de la liberté*) в Женеве. В 1868 г. он вместе с М. Бакуниным присутствовал на втором конгрессе Лиги мира и свободы в Берне. В этом же году Э. Реклю, М. Бакунин, Д. Фанелли и другие основывают в Женеве анархистский Международный альянс социалистической демократии (*Alliance internationale de la démocratie socialiste*)⁵ [25: 54, 56].

20 февраля 1869 г., через месяц после третьих родов, умирает Кларисса, жена Элизе. Дочь Анна умерла, прожив две недели. На руках Элизе остались две дочери – Магали (*Magali*, 1860–1953) и Жанни (*Jeannie*, 1863–1897). В следующем году Элизе решает жить с Фанни Л'Эрминес (*Fanny L'Herminez*) в свободном союзе, чтобы подарить дом своим дочерям [25: 38, 43, 60; 28].

Во время Франко-прусской войны 1870 г., в дни осады Парижа в сентябре, Элизе со своим братом Эли был зачислен солдатом в 119-й батальон Парижской мобильной гвардии (*Garde mobile parisienne*). Позже Элизе присоединяется к батальону воздухоплатвателей (*Compagnie des aérostiers Militaires*), который возглавлял Надар – Гаспар-Феликс Турнашон (*Gaspard-Félix Tournachon*, 1820–1910) – французский фотограф, карикатурист, писатель-романист, журналист и воздухоплаватель. Это положило начало их долгой дружбе. Воздухоплатватели следили за передвижением противника и поддерживали связь с неоккупированными регионами Франции. В это же время Элизе проводит ряд конференций по географии в ратуше 3-го округа Парижа, в которых участвуют десятки учителей. В феврале 1871 г. в Ортезе он пытается баллотироваться на выборах

в законодательные органы, но не успевает зарегистрировать свою кандидатуру [25: 66–67].

В конце февраля 1871 г. Элизе возвращается в столицу и поступает на службу в Национальную гвардию. Вместе с братьями Эли и Полем он поддерживает провозглашение Парижской коммуны. В апреле с винтовкой в руках Элизе участвует в стычке перед редутом Шатийон (Châtillon) в юго-западном пригороде Парижа и попадает в плен к версальцам. В ноябре военный трибунал приговаривает его к депортации в Новую Каледонию [25: 67–68, 71].

Приговор вызывает протесты в научной среде. Из Лондона была отправлена петиция, подписанная 61 британским учёным в пользу Реклю, за ней последовала ещё одна с 33 подписями. Также в поддержку учёного выступили издательский дом Ашет, члены Географического общества, бывший и нынешний послы США во Франции и др. [25: 71–72]. В середине января 1872 г. французское правительство решает смягчить приговор Элизе, заменив его на изгнание. 3 февраля приговор официально заменён десятью годами изгнания [25: 73].

15 февраля 1872 г. начинается публикация его географических новостей (в 25 частях), которые должны дать представление, как будет выглядеть его будущая «Новая универсальная география» (Nouvelle Géographie universelle). Они выходят до 5 июня 1875 г. в ежедневной газете «La République française» (Париж). Газета была основана в ноябре 1871 г. Леоном Гамбеттой (Léon Gambetta, 1838–1882). Журналист (и депутат в 1873 г.) Жермен Касс (Eugène François Germain Casse, 1837–1900), родственник Элизе, был связан с этой газетой [25: 73].

14 марта Элизе после остановки в следственном изоляторе Понтарлье (Pontarlier) в тюремном фургоне прибывает на границу со Швейцарией в сопровождении охранника и комиссара полиции Понтарлье. Оттуда он едет к Эли в Цюрих. 15 марта Географическое общество Парижа присуждает Элизе почётное звание «член-основатель» за то, что он передал обществу часть своих книг и коллекций перед отъездом из Франции, а также в знак поддержки учёного [25: 74].

Как сказал во время дебатов по бюджету в Палате депутатов 30 января 1878 г. депутат Альфред Таландьё (Alfred Talandier, 1822–1890), хорошо знавший исследователя: «Элизе Реклю, который, увы! находится в изгнании, несомненно, чтобы показать, что политическая страсть господствующих классов может доходить до глупости» [25: 2].

В эмиграции в Швейцарии и Италии Элизе Реклю часто посещал революционные кружки. В июле он подписывает контракт с Ашет на «Новую универсальную географию». В сентябре 1872 г. Элизе отправляет первую версию рукописи «Истории горы» (Histoire d'une montagne) в издательство Этцеля (Hetzl). Тогда же он участвует в

Конгрессе мира, проходившем в Лугано. В этом же году он присоединяется к Юрской федерации (1872–1880, швейцарская секция Международного товарищества рабочих, находившаяся под влиянием анархистских идей М. Бакунина) [25: 76].

Его спутница, 34-летняя Фанни умерла при родах в феврале 1874 г. Она родила мальчика, которого назвали Жаком в честь отца и бабушки. Послеродовая горячка забирает мать, а через несколько дней и ребёнка [25: 78]. В октябре 1875 г. в Цюрихе в присутствии семьи Элизе связывает себя свободным союзом с Каролиной Эрманс Гонин, известной как Гонини (Caroline Ermance Gonin, 1826–1918), вдовой двоюродного брата Жана-Франсуа Триган-Бомона (Jean-François Trigant-Beaumont), пастора в Ла-Рош-Шале. Каролина была на четыре года старше его и имела небольшое состояние. Приёмной дочерью Элизе становится семилетняя Жоржетта Гонини (Georgette Gonini, её первоначальное имя Софи Камиль Герито (Sophie Camille Guériteau)). Семья селится в доме вдовы [25: 82].

Зиму 1875/1876 г. он провёл в Италии, прожив несколько месяцев в Риме и Неаполе, работая в публичных библиотеках над своей «Новой универсальной географией» [1: 157]. После смерти М. Бакунина в 1876 г. Э. Реклю подружился с приехавшим в Швейцарию П. Кропоткиным. Как вспоминал П. Кропоткин: «Реклю пригласил меня (в 1880 г. – С.С.) помочь ему в составлении тома его монументальной географии, посвященного Азиатской России. Он сам выучился по-русски, но полагал, что так как я был в Сибири, то могу быть ему полезным моими сведениями» [3: 363–364]. Характеризуя Э. Реклю, Кропоткин отметил, что он «типичный пуританин в своих манерах и в жизни, а с интеллектуальной точки зрения – французский философ-энциклопедист XVIII века; вдохновитель других, который никогда не управлял и никогда не будет управлять никем; анархист, у которого анархизм является выводом из широкого и основательного изучения форм жизни человечества во всех климатах и на всех ступенях цивилизации, чьи книги считаются в числе лучших произведений XIX века и чей стиль поражает красотой и волнует ум и совесть» [3: 333–334]. Также он заметил, что, приглашая сотрудника для очередного тома своей географии, когда «тот робко спрашивал: “Что мне нужно делать?” – Реклю отвечал: “Вот книги, вот стол. Делайте, что хотите”» [3: 334]. Вместе с Кропоткиным помощником Э. Реклю был также русский географ и анархист Л.И. Мечников (1838–1888), брат знаменитого профессора И.И. Мечникова [4: 60].

В 1877 г. и до мая 1878 г. Элизе участвует в выпуске и входит в редколлегия журнала «Travailleur, revue socialiste révolutionnaire» (Работник, социалистическое обозрение революционное, основанного

русским революционером-народником Н.И. Жуковским (1833–1895). Сотрудники журнала Шарль Перрон (Charles Perron, 1837–1909), Гюстав Лефрансе (Gustave Lefrançais, 1826–1901), Михаил Драгоманов (1841–1895), Лев Мечников и Эли Реклю были или станут впоследствии помощниками Элизе в работе над «Новой универсальной географией» [25: 87]. В 1879 г. П.А. Кропоткин стал издавать газету «Le Révolté» (Бунтарь), и Элизе вошёл в состав её редколлегии [4: 56].

В марте 1879 г. вместе со 149 другими коммунарами, все ещё отбывающими наказание, Эли и Элизе Реклю были помилованы декретом президента Французской Республики. В этом же месяце Палата депутатов в Версале объявила амнистию большому количеству коммунаров, включая и братьев Реклю. Однако из солидарности с коммунарами, которые не были помилованы или амнистированы, Эли и Элизе отказываются воспользоваться амнистией [25: 89].

В 1880 г. Элизе принял участие в конгрессе Юрской федерации, где вместе с Петром Кропоткиным (1842–1921), Карло Кафьеро (Carlo Cafiero, 1846–1892) и другими соратниками определил принцип анархистского коммунизма – каждому по его потребностям, выступив против коллективизма Адемара Швицгебеля (Adhémar Schwitzguebel, 1844–1895). Под влиянием этого, вопросы об изобилии товаров, в т. ч. оценка сельскохозяйственного производства в различных регионах Земли, заняли важное место в географических работах Элизе [25: 92].

В Швейцарии Реклю прожил, с небольшими перерывами, более пятнадцати лет. Здесь он начал свой большой труд по всеобщей географии «Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes» (Новая универсальная география: Земля и люди), которым занимался в течение двадцати лет. Это сочинение, первый том которого вышел в 1876 г., насчитывает 19 томов, каждый том содержит приблизительно около 900 страниц текста, большое количество карт, чертежей, рисунков [4: 52].

В 1889 г. Элизе принимают в Антропологическое общество Парижа. В этом же году он посещает США и Канаду, всемирную выставку в Париже [25: 109]. В январе 1890 г. в Эдинбурге Элизе Реклю становится почётным членом Королевского шотландского географического общества [25: 110].

В середине октября 1890 г., после 20-летнего отсутствия, Элизе возвращается в Париж [25: 112]. В 1891 г. Э. Реклю читает в Париже лекции по географии для русских студентов. В этом же году Топографическое общество Франции награждает его ежегодной большой медалью, вручая её, президент общества назвал Элизе «нашим великим национальным географом». На Международном конгрессе географических обществ, проходившем в Берне, жюри присудило

Элизе Реклю премию. Он опять путешествует по США и Канаде [25: 113–115]. В 1892 г. на Генеральной ассамблее Парижского географического общества Элизе награждается «Большой золотой медалью» [25: 117]. Он также продолжает путешествовать. В этом же году он совершает поездку по Испании, Алжиру. Через год побывал в Бразилии, Аргентине и Уругвае [25: 116, 121].

В июле 1892 г. Брюссельский свободный университет (L'Université libre de Bruxelles (ULB))⁶ приглашает Элизе преподавать географию, занятия должны начаться в 1894 г. Однако 9 декабря 1893 г. анархист Огюст Вайян (Auguste Vaillant, 1861–1894) взрывает бомбу в Палате депутатов в Париже, чтобы отомстить за казнь анархиста Франсуа Клавдия Кёнигштейна (François Claudius Koënicstein), известного как Равашоль (Ravachol, 1859–1892). Полиция подозревала в причастности к преступлению племянника учёного, сына Эли – Поля Реклю (Paul Reclus, 1858–1941), инженера, знакомого со взрывчатыми веществами. Полю удалось бежать из Франции. Географа же судебные власти посчитали морально ответственным за преступление. Из-за политических убеждений учёного администрация университета откладывает курсы Э. Реклю на неопределённый срок. Элизе поддерживает часть преподавателей и студентов [25: 118, 121–123].

«Дело» Элизе Реклю, вызвавшее раскол в преподавательской и студенческой среде, привело к созданию Нового Брюссельского университета (Université nouvelle de Bruxelles, 1894–1918), одним из основателей которого стал Элизе Реклю. Элизе преподаёт в нем географию [24: 133]. В марте 1898 г. Элизе основывает при Новом Брюссельском университете Институт географических исследований (Географический институт (Institut d'études géographiques (Institut géographique))). Некий анонимный спонсор предоставил для деятельности института ежегодную ренту в размере 10 000 франков [25: 147].

С 1895 г. Элизе начинает работать над проектом создания Великого глобуса (Grand Globe), модели Земного шара диаметром более 127,5 метров, предназначенной для точного представления Земли, её поверхности и рельефа в масштабе 1:100 000, весом примерно 27 000 тонн и стоимостью около 18 миллионов франков. Глобус планировалось создать к Всемирной выставке 1900 г. [25: 135]. В 1898 г. Элизе просит у городских властей Парижа разрешение построить свой будущий Великий глобус на холме Трокадеро. В декабре приходит положительный ответ: ему даётся три месяца, чтобы создать компанию с достаточным капиталом (3 или 4 миллиона франков) [25: 146]. Из-за отсутствия финансирования проект так и не был осуществлён.

Со своей последней спутницей Флоренс Тан (по замужеству Фло-

ренс де Брукер (Florence de Brouckère, ок. 1841–1927), богатой вдовой (благодаря двум бракам) Элизе подружился в сентябре 1895 г. [25: 137].

В 1896 г. Элизе опубликовал свой самый известный политический текст «L'Anarchie» (Анархия) – воспроизведение лекции, прочитанной членам масонской ложи «Les Amis philanthropes» в Брюсселе, затем выпустил в свет изложение своих анархистских теорий «Évolution, la Révolution et l'Idéal anarchique» (Эволюция, революция и идеал анархизма) [28].

Элизе Реклю умер в ночь с 4 на 5 июля 1905 г. в доме Флоренс де Брукер, в её поместье в Туру (Thourout) недалеко от Брюгге, в возрасте 75 лет, в окружении брата доктора Поля Реклю, приехавшего из Парижа, сестры Луизы Реклю (Дюмениль) (Louise Reclus (Dumesnili), 1839–1917) и племянника Поля Реклю. Его похоронили на кладбище Иксель (Ixelles), коммуны, входящей в состав пригорода Брюсселя (сегодня Брюссельский столичный регион), в той же могиле, что и его брата Эли, умершего год назад. Через десять дней Ноэми Реклю, вдову Эли, тоже похоронят месте с братьями [25: 166].

Луиза впоследствии занялась личными архивами (переписка, семейные бумаги) и рецензированием разрозненных публикаций брата, а Поль редактировал посмертные труды своего дяди. После смерти дяди Поль стал руководить Географическим институтом [25: 166]. Последний философский труд Элизе Реклю «L'Homme et la Terre» (Человек и Земля) в 6 томах, законченный незадолго до смерти, был опубликован его племянником в 1905–1908 гг. [28].

Основными научными работами Элизе Реклю считаются «La Terre» (Земля) в 2 томах, «Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes» (Новая универсальная география: Земля и люди) в 19 томах, «L'Homme et la Terre» (Человек и земля) в 6 томах, а также «Histoire d'un ruisseau» (История ручья) и «Histoire d'une montagne» (История горы). Тома «Новой универсальной географии», написанные Элизе самостоятельно либо с помощью нескольких соавторов, выходили восемнадцать лет, с 1876 по 1894 г. Это 17 873 страниц текста, 4 290 карт и тысячи гравюр. Каждый день Элизе Реклю писал по несколько страниц. Он знал более шести языков, много путешествовал, изучил массу источников, чтобы писать «Новую универсальную географию». У него были информаторы из многих стран благодаря анархистской сети [26: 12].

Э. Реклю также опубликовал более 20 научных трудов (в т. ч. и по теории анархизма), около 200 географических статей, 40 статей на различные темы и 80 политических статей в анархистских периодических изданиях [27].

Э. Реклю всегда руководствовался своим политическим идеалом. Вся жизнь он был анархистом, борцом за справедливое и свободное общество. Его взгляды находят отражение и в его географических работах [26: 13]. Можно согласиться с мнением французского географа и геополитика Беатрис Жиблен-Дельвалле (Béatrice Giblin-Delvallet, 1947 г.р.), что политические взгляды Элизе Реклю стали причиной его относительного забвения, в котором он находится сегодня. Именно потому, что не смогли отделить географа, который должен был быть наделён некой научной беспристрастностью, от анархиста-активиста, представители университетского (научного) сообщества решили забыть его, причём как можно скорее [26: 24].

Биография и научная деятельность Э. Реклю описана в работах русского географа, этнолога, антрополога, создателя русской университетской географической школы Д.Н. Анучина [1], русского, советского историка и географа Н.К. Лебедева [4–7; 11; 12], французских исследователей Б. Жиблен-Дельвалле [26], К. Бруна (с участием Ф. Ферретти) [25], Г. Пайяр [28] и др. Интересные сведения о великом географе и анархисте содержатся в воспоминаниях его друзей и соратников, в частности П. Кропоткина [3]. В 1981 и 2005 гг. Элизе Реклю были посвящены специальные выпуски французского ежеквартального журнала по геополитике и географии «Hérodote» (Геродот), основанном Ив Лакостом (Yves Lacoste). Подробнее библиографию об Э. Реклю см.: [24].

В своих географических трудах («Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes» (Новая универсальная география: Земля и люди) и «L'Homme et la Terre» (Человек и земля)) учёный приводит сведения о русинах, русском народе, коротко даёт его историю и историю Российского государства. Разумеется, рассматривая историю, описание и характеристику русинов Австро-Венгрии и русского населению европейской части России, данные Э. Реклю, мы не будем в деталях касаться географического описания (основная часть его трудов), вдаваться в подробности политического, социально-экономического устройства регионов и т. д.

О русинах Австро-Венгрии говорится в третьем томе «Новой универсальной истории: Земля и люди» (Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes. L'Europe Centrale (Suisse, Austro-Hongrie, Allemagne)) [30]. В русском переводе – «Земля и люди. Всеобщая география. Т. III. Швейцария, Германия и Австро-Венгрия» [9].

Описывая Австро-Венгрию, Э. Реклю отметил, что «славяне составляют в Австрии самый многочисленный элемент населения». Однако они, «к великому ущербу для их политического влияния, изолированы друг от друга, или даже разделены на различные национальности».

Он обратил внимание, что территорию Австро-Венгрии можно рассматривать, как обширный параллелограмм, «разделённый по направлению от запада к востоку, на три пояса различной ширины. Два крайние из этих поясов, северный и южный, заняты почти исключительно славянскими народами; но между ними тянется большой центральный пояс, где живут три другие национальности – немцы, мадьяры и румыны». Он считал, что полоса средняя шириной 200–250 км, отделяющая северных славян от южных – «самая важная часть всей Австрии, потому что здесь протекает Дунай и движется непрерывно великий поток людей и товаров». В результате, к примеру, чтобы русинам (в оригинале на французском языке везде *Ruthènes*. – С.С.) и хорватам сойтись, нужно пройти «через совершенно чуждый им мир, отличный от их собственного». Поэтому они почти ничего не знают друг о друге и никогда до настоящего времени не шла речь о совместных действиях. Кроме того, как отмечал автор, нет единства у славянских народов даже живущих по соседству с друг другом. Говоря о «северном славянском поясе», который населяют три народа, говорящие на разных языках, но «одного общего корня»: чехи с моравами и словаками, поляки и русины, автор подчеркнул, что две последние группы «не ладят между собою и своими раздорами замедляют достижение их расою политического равенства» [9: 106–107].

Исследователь писал, что в Австро-Венгрии в 1869 г. жило примерно 3,1 млн русинов. Поляков, к примеру, было 2,88 млн, румын – 2,845 млн [9: 108]. Описывая население Венгрии в главе VI «Венгрия и Трансильвания, страна мадьяров и румынов», он обозначает ареал расселения русинов. «Русины или малороссы (в оригинале: *Les Ruthènes ou Petits Russes* [30: 347]. – С.С.), восточные соседи словаков, населяют более узкую полосу земли на склоне гор, где берут начало Тисса и её верхние притоки. У венгерцев они известны под именем *Oroszok*, которое есть синоним названия русских; и действительно, это славяне того же племени, как и жители бассейна Днестра (в оригинале: *Les Magyars leur donnent le nom d'Oroszok, synonyme de Russes, et ce sont en effet des Slaves de même race que ceux du bassin du Dniestr* [30: 347]. – С.С.). Первоначально они поселились маленькими группами в огромных лесах, покрывавших некогда все скаты Карпат, и мало по малу заняли ту обширную территорию, где мы их находим в настоящую минуту, между цепью Татра и Трансильванскими горами; подобно словакам, они тоже постепенно распространялись в пределы области своих иноплеменных соседей, и многие округа, где ещё в прошлом столетии население говорило немецким языком, теперь сделались русинскими» [9: 286]. Тему ассимиляции немецкого населения славянами, в т. ч. и русинами, автор поднимал и ранее: «В карпатских комитатах,

среди словаков и русинов, многие немцы тоже ассимилировались с окружающей средой: там они сделались славянами» [9: 284].

Хотя «венгерские или угорские “русские”, хотя они и соплеменники русских, принадлежащих к великой славянской империи», и на них панслависты предъявляют претензии, как на будущих подданных России, они, как заметил автор, «по видимому, не встретили, как освободителей, солдат Паскевича, пришедших подавить венгерскую революцию в 1849 году» [9: 286–287].

Обратил учёный внимание на то, что «эта отрасль славянской расы, самая мирная и наименее притязательная относительно особой политической автономии, мало по малу “омадьяривается” на окраинах Венгерской равнины, а в соседстве с Трансильванией она постепенно “орумынивается”». Есть целые округа, населённые русинами, где уже «говорят только валашским или венгерским языком; во многих церквах, где литургия совершается ещё на древне-славянском языке, проповедь произносится уже на мадьярском». Главным центром венгерских русинов являлся Унгвар (Ужгород) [9: 287].

Давая сведения о «распределении населения Венгрии и Трансильвании по расам и религиям в 1877 году», Э. Реклю, указал, что среди русинов (500 000 чел.) было 340 000 греко-католиков и 160 000 протестантов (кальвинистов) [9: 297]. В 1873 г. в Венгрии и Трансильвании было 15 445 учебных заведений, из них всего 520 русинских [9: 298].

В главе VII «Галиция и Буковина. Австрийская Польша и Червоная Русь» содержатся сведения о галицких и буковинских русинах. Учёный считал, что «Галиция и Буковина, лежащие по другую сторону исполинского вала, образуемого Карпатами, принадлежат Австрии, так сказать, наперекор, требованиям географии». Этот регион составляет часть большой равнины, которая тянется от Судет до Альпийских гор. Он отличается от остальных провинций австро-венгерской монархии и по населению, большинство которого составляют поляки и русины. Присоединяя к своей империи закарпатские (прикарпатские. – С.С.), «венское правительство нарушало не только естественные географические границы, но вместе с тем и право иноплеменных населений на национальное существование» [9: 325].

Описывая регионы расселения русинов, Э. Реклю указал, что на востоке от центральной группы Карпат очень сложно указать границу между польской и русинской областями. «Села и деревни, населённые представителями этих двух славянских семей, рассеяны по стране в беспорядке», во многих округах население, сильно смешанное, «говорят обоими языками», и неизвестно, к какому из двух народов относятся большинство жителей. За раздел между поляками и русинами можно принять, в общих чертах, долину Сана [9: 331].

Ранее поляки господствовали в правительстве и администрации, «их язык мало по малу брал верх над русинским наречием, мало определившимся и не имевшим ни одного литературного истолкователя», и до сих пор классический польский язык «употребляется образованными жителями городов, лежащих на востоке от реки Сана». Однако «в массе народа, по-видимому, совершился поворот в этом отношении; перевес отныне перешёл к языку русинов и эти последние не перестают, делать постепенные захваты на западе в области их прежних господ». В этом регионе религия и язык служат отличительным признаком при определении национальности населения: поляки почти все принадлежат к римско-католической церкви, русины исповедуют греко-католическую веру. Мелкопоместные русинские дворяне, которых в насмешку называют «ходачковой шляхтой» (*chodackowa szlachta*, дворяне-лапотники), образ жизни которых почти не отличается крестьянского, тоже греко-католики. Владельцы больших имений в основном католики. Во времена польского правления паны из униатов и православных имели место в сенате, занимали высшие должности в государстве. Многие дворяне, хотя и по вероисповеданию католики, ходят в греко-униатскую церковь, обрядность которой схожа [9: 331–332].

Русинов или червоноруссов называют «русняками, с некоторым оттенком незаслуженного презрения» (в оригинале: *Les Ruthènes ou Russes Rouges, appelés aussi Russines et Oroszen, et quelquefois Rusniaques avec une certaine nuance de mépris immérité* [30: 397]. Больше во французском оригинале термины «русин» и «руснак» не употребляются. – С.С.). Учёный отметил, что они «принадлежат к русской группе славянских наций (в оригинале: *groupe russe des nations slaves* [30: 397]. – С.С.), и вследствие различия языка и нравов, всегда были не в ладах со своими родственниками поляками. Поэтому панслависты требуют, чтобы их галицкие братья могли скорее вступить в общение с Русью». Э. Реклю обратил внимание, что «червоноруссы отличаются от великорусов (в оригинале: *Toutefois les Russes Rouges se distinguent nettement des Moscovites ou Grands-Russes* [30: 397]. – С.С.) своим наречием и образом жизни, и между ними находятся потомки тысяч беглецов, которых жестокость крепостного права или угнетение принудили к добровольному изгнанию». Эти эмигранты, удалившись в верхние долины Карпат, «жили там долгое время общинами, почти независимыми, и отделённые от остального мира, сохранили во всей чистоте свои старинные права и обычаи, но вместе с тем сохранили своё невежество и суеверия» [9: 332].

Исследователь считал, что «из обитателей России – русины, по своему происхождению и народным преданиям, всего ближе подхо-

дят к малороссам Украины» (в оригинале: *Les habitants de la Russie desquels leurs traditions et leurs origines les rapprochent le plus sont les Petits-Russiens de l'Ukraine* [30: 398]. – С.С.), причём между населением, живущим по обе стороны границы, «переходы почти нечувствительны» [9: 332].

Обратил внимание учёный на то, что «русины носят различные названия». Перечисляя этнографические группы русинов, он пишет: «В окрестностях Тарнополя они именуют себя подолянами, на юге от Львова их называют бойками, в восточных Карпатах они известны под именем гуцулов; эти последние замечательны, как самые сильные, самые весёлые, самые счастливые между русинами, как наиболее избегшие деморализации, происходящей от неумеренного употребления спиртных напитков; хотя в прежние время гуцулы внушали страх, как разбойники, они, однако, отличаются большую прямою и честностью, чем жители равнины» [9: 332].

Э. Реклю отметил, что хотя «русины занимают в ряду славянских наций одно из последних мест в отношении влияния и способности расширения за пределы своей среды», они народ «одарённый поэтической натурою», в высокой мере семейными чувствами, любовью к природе, музыке, имеют песни на все случаи жизни, у них есть, особенно среди жителей гор, особые легенды и предания «для каждого большого дерева, для каждой скалы странного вида» [9: 332–333]. Касательно характера русинов, автор писал, что «они добродушны, гостеприимны, услужливы, но вместе с тем легкомысленны, капризны, рабы своих страстей». Говоря о физическом облике русинов, исследователь отметил, что, за исключением гуцулов, «они физически слабы и хилы, хотя вообще довольно крепкого сложения». Возможно, как считает автор, «эта телесная слабость есть, просто, следствие их бедности, которая очень велика» [9: 333].

В Буковине, так же как и в Галиции, писал автор, «преобладающим элементом населения являются русины». Правда их число «мало превышает число румын». Ранее Буковина принадлежала Молдавии, после присоединения к Австрии её население увеличилось более чем в 7 раз. В молдавский период население состояло «из лиц румынской национальности; даже те, которые были славянского происхождения, постепенно сливались с молдаванами, но перемена политического режима» привела к тому, что был оттеснён «латинский элемент к югу» и произошёл «численный перевес славянской народности». «Румыны, которые везде в других местах так прочно водворяются и так успешно распространяют свою национальность, должны были в Буковине уступить напору» русинского населения. Также исследователь упомянул, что «несколько тысяч русских раскольников,

принадлежащих к секте липованов или филипонов, должны были искать здесь убежища, чтобы иметь возможность беспрепятственно исповедовать свою старую веру» [9: 333].

Э. Реклю считал, что русинов в Галиции в 1869 г. было приблизительно 2 445 700 чел. (поляков – 2 341 000), в Буковине – 210 300 (румын – 195 000) [9: 335].

Он также отметил, что Галиция – один из самых отсталых регионов Европы. «Огромное большинство населения, около 4/5, занимается земледелием, но производство сельско-хозяйственной промышленности в среднем вывод невелико». «Галиция и Буковина, которые по своим естественным богатствам, могли бы быть одною из житниц мира, принадлежать к числу провинций Австрийской империи, доставляющих на рынок сравнительно, наименьшее количество земледельческих продуктов». Он обратил внимание, что многие поля в этом регионе «запущены и заросли дурными травами», стоячие воды до сих пор «расстилаются в низинах», заражая воздух, хотя эти болотные пространства можно было бы легко осушить [9: 335–336].

«Во многих русинских округах лачуги, в которых живут крестьяне, и которые они сами строят для себя, сделаны из палисада, обмазанного глиною с извёсткой и покрытого соломенною кровлею». Пища русинов-крестьян «состоит из похлёбки или жидкой каши, да из лепёшек, запиваемых дрянною водкой, той гибельною “горылкой”», из-за которой крестьянин «забывает жену и детей». Большая часть хлеба, необходимого для потребления, продаётся на винокурные заводы. В неурожайные годы «бедных поселян» выручают маленькими ссудами землевладельцы и евреи, которые они должны выплатить в следующем году. «Постоянно обременённые долгами, эти крестьяне в действительности те же крепостные; переменялось одно только название». Также они «по большей части очень невежественны». К примеру, в 1876 г. в Буковине выходило только одно периодическое издание: «Официальный листок правительственных распоряжений и объявлений» [9: 336].

Один из главных ресурсов региона – продажа леса, «который с каждым годом увеличивается в цене и который очень удобно сплавлять по Висле или по Днестру». Важное значение имеет вывоз скота за рубеж, и он «принимает все более обширные размеры». В последнее время в Галиции успешно развивается хмелеводство, «особенно в местностях, лежащих к востоку от Львова». И пиво, «напиток недавно малоизвестный в крае, начинает оспаривать первенство у водки». Правда, галицкий, хотя и получает лестные отзывы на выставках, пока не пользуется такой славой, как богемский. Лучше, чем «земледельческие богатства», разрабатываются в Галиции «минеральные

сокровища». «Различные каменные пласты, которые тянутся у подножия Карпатских гор, содержат железо, цинк, свинец, серу; кое-где встречается даже золотиносный песок». Более полезны, чем эти руды, каменноугольные залежи, которые разрабатываются на северо-западе от Кракова. Обширные копи каменной соли, между которыми первое место занимают знаменитые подземные галереи Велички (*Magnum sal* древних писателей) и копи Бохнии [9: 336–337]. «Пояс соленосных формаций» идёт на юг, в Буковину и Румынию, образуя обширный полукруг, идущий вдоль подошвы Карпат [9: 339].

Галиция также богата минеральными водами. Некоторые из них, «например, Шавница (*Szczawnica*), прелестный городок па верхнем Дунайце, Криница (*Krynica*), Зегестов (*Zegestow*), пользуются большою известностью и посещаются многочисленною публикою; но большая часть горячих ключей и вообще минеральных источников, даже обладающих наиболее целебными свойствами, остаются ещё пока без употребления и не приносят никакой пользы». Из минеральных источников Галиции привлекают учёных «фонтаны асфальта и петроля, бьющие из подошвы Карпатских гор в таком обилии, в каком они не встречаются нигде». Параллельно поясу соленосных формаций идёт «пояс каменных пород, содержащих горное масло и горный воск» [9: 337–338].

Раньше это богатство не замечали, но «керосиновая лихорадка» вызвала к жизни новые отрасли промышленности. «Галичане, руководимые американскими инженерами, тоже устремились к своим источникам каменного масла и минерального воска или церезина, и ежегодная добыча скоро увеличилась в тридцать раз; в 1866 году она достигла уже 30 000 тонн» [9: 339].

Среди экономических преобразований последних лет «первое, по важности места, занимает постройка железной дороги, идущей поперёк континента от Балтийского моря к Черному, от Гданска и Штетина к Яссам и Одессе». Эта железная дорога имеет большое значение, т. к. «она соединяет важнейшие житницы нашей части света». Кроме того, «в недалёком будущем, может быть, в период жизни одного поколения, все большие города Азии будут соединены рельсовыми путями с железно-дорожною сетью Европы, и тогда значение Галиции ещё более возвысится, потому что здесь именно будет находиться главный связующий узел между азиатским Востоком и западным миром» [9: 340–341].

Говоря о высшем образовании, Э. Реклю отметил, что в 1874 г. в Австро-Венгрии было 9 университетов (6 – в Цислейтании, 3 – в Транслейтании). Всего в университетах обучалось 12 030 студентов. «Относительное численное превосходство» было у «молодых людей

семитского племени». В университетах Цислейтании училось всего 494 русина. К примеру, поляков – 1 282 [9: 397].

Анализируя состояние книгоиздательского дела в империи, автор отметил, что «книги и журналы в огромном большинстве пишутся на немецком языке». «Что касается австрийских румынов, русинов, то ничтожное число их газет и журналов показывает, что они ещё только начинают жить умственной жизнью» [9: 398]. В 1873 г. на русинском языке выходило всего 13 газет и журналов из 1 202. Из них 10 – в Цислейтании и 3 – в Транслейтании [9: 399].

Интерес к сочинению Э. Реклю, посвящённого географии Европейской России, верно описала редакция русскоязычного издания в предисловии: ценность представляет описание географии «нашего отчества», сделанное «одним из лучших географов настоящего времени», и мнение иностранца о России, его знание России, «его отношение к фактам и явлениям русской жизни». Редакция постаралась «сохранить подлинник в неприкосновенности», «цифровой материал» пришлось «почти везде подновить и местами дополнить». Этими причинами, дополнениями и проверками цитат редакция объяснила «запоздалое издание в свет второй части 5-го тома сочинения Реклю» [10].

В главе I «Общий обзор», говоря о славянах, населявших Россию, Э. Реклю писал, что «вся центральная область, заключающаяся между берегами Волги и Оки, большими озёрами на севере, Черным морем на юге, населена славянами, которые вдвигаются на западе сплочённой массой, между литовско-латышским населением берегов Немана и молдаванами Бессарабии, далеко за черту границ Российской империи». Славяне, которые образуют «русскую семью» составляют самую многочисленную часть славянства. Русские делятся на три группы, которые могут рассматриваться как различные народности. Это «белорусы, жители покрытых лесами равнин, которые простираются от левого берега Западной Двины до Пинских болот», малороссы или украинцы, «которые занимают огромную территорию, заключающуюся между реками Донец в России, Сан в Галиции истоками Тиссы, притока Дуная, в Венгерском королевстве», великорусы или великороссияне, «которые населяют остальную Россию, преимущественно всю центральную область». Он отметил, что это многообразие русского мира указано и в титуле государей, именуемых «самодержцами всероссийскими» [10: 13–14].

Далее он отметил, что две западные русские народности связаны с поляками, с которыми они большую часть своей истории составляли одно государство, «ныне все соединены с великороссийской империей» [10: 14].

Остановился учёный на попытке «некоторых польских патриотов»,

побеждённых силою оружия на полях битв, получить «этнологическое вознаграждение и утешение, теоретически изгоняя своих победителей из мира славян и даже вообще из мира арийцев». Заметив, что для них и «их восторженных друзей на западе, две западно-русские народности суть ни что иное, как областные разновидности польского племени, тогда как москвитяне – это монголы, татары, финны, замаскированные под заимствованным именем». Будто бы они только с XII в. стали говорить на языке «до того времени им чуждым и присвоили себе имя русских по приказу Екатерины II, похитив, так сказать, место между народами Европы». Однако, обратил внимание Э. Реклю, «новейшие исторические и этнографические исследования доказывают, что оба эти утверждения равно неверны». Малороссы, по мнению учёного, славяне, «отличающиеся и от великорусов, и от поляков своим языком, песнями и национальными памятниками». Язык же белорусов большинство лингвистов, как подчеркнул автор, помещают между видами и наречиями великорусского, «некоторые фонетические черты приближают этот язык к польскому, а по своему словарю он имеет связь с малороссийским». Таким образом, «истинное место белорусского языка между родственными ему языками» ещё недостаточно выяснено [10: 14–15].

Касаясь якобы «разницы», существовавшей между Россией и «Московией» (в оригинале: *la Russie et la Moscovie* [31: 294]. – С.С.), исследователь отметил, что «неопровержимое свидетельство монет, грамот и других документов удостоверяет, что москвитяне никогда не переставали называть сами себя и быть называемы русскими или русинами (в оригинале: *Russes ou Roussines* [31: 294]. – С.С.), или, по одной из латинских транскрипций, рутенами (в оригинале: *Ruthènes* [31: 294]. – С.С.), имя, более специально присвоенное ныне русинам австрийской Галиции». Причём имя москвитян или «москвитов», употребляемое в Западной Европе, во враждебном смысле особенно на западе от Немана и к югу от Балкан, исторически «неверно даже по отношению к великорусам, ибо последние существовали уже в виде сплочённой нации ранее основания Москвы и в особенности ранее того времени, когда политическое могущество великорусских князей познакомило Европу с “Московским царством”» (в оригинале: *royaume Moscovite* [31: 294]. – С.С.). Э. Реклю отметил, что «великорусская народность (в оригинале: *la nationalité grande-russienne* [31: 294]. – С.С.) образовалась из смешения славянских поселенцев, пришедших с запада и юго-запада, с различными племенами финскими, монгольскими, тюркскими» [10: 15].

Предание, сохранённое первым русским летописцем Нестором, называет радимичей и вятичей в числе славянских колонизаторов

страны, сделавшейся впоследствии Московским государством, и по странному совпадению эти иммигранты пришли будто бы из Польши. За ними следовали новгородские поселенцы, словены Нестора, поселенцы с берегов Западной Двины, Днепра, Днестра, т. е. из Белой Руси и из Малой Руси (в оригинале: de la Russie Blanche et de la Petite Russie [31: 294]. – С.С.). Летописи рассказывают об этой колонизации, о которой свидетельствуют и имена древних городов в центральной части Московского государства: в некоторых случаях имена эти суть простые повторения названий украинских или галицких, таковы Переяславль, Перемышль (Przemyszl), Звенигород, Галич (в оригинале: Pereyaslavl, Peremîchl (Przemyszl), Zvenigorod, Galitch [31: 295]. – С.С.). Исследователь напоминает, что русские этнологи никогда и не отрицали факт «смешанного происхождения господствующей расы империи». Как считает Э. Реклю, «быть может, все эти племенные смешения и составляют силу расы» [10: 15].

«В вековой борьбе, составляющей их историю», славянское население, из которого образовались нынешние русские, ассимилировало иноплеменные элементы и «распространило своё господство на туземные народы, но смешиваясь с ними, принимая некоторые из их физических черт и их обычаев, допуская даже небольшое число их слов в свой природный язык». Учёный напомнил, что «большое число дворянских фамилий России ведут свой род от татарских и монгольских мурз, которые приняли крещение, чтобы удержать за собой власть. Казаки запорожские, также как донские, уральские (яицкие), поволжские, имели обыкновение увозить татарских женщин во время своих экспедиций, и таким образом сами победы славян способствовали уменьшению чистоты их крови» [10: 16].

Говоря о древней истории русских, Э. Реклю напоминает, что в эллинскую эпоху «всё население равнин, образующих нынешнюю Россию, были смешиваемы под общим названием скифов и сарматов». Автор задаёт вопрос, кто из них был родоначальником славян, название которых производится как «слово» [10: 16]? Он напоминает, что Оссолинский, Шафарик и Ворцель считали славянской прародины Вольты и Белую Русь. В то же время есть мнения ряда учёных, что предки русских есть среди некоторых народов «полуденной Скифии». К концу IX в., «когда восточные славяне начинают выступать из мрака средних веков», они заняли «всю область водораздела и верхних притоков между бассейнами Волги, Волхова, Западной Двины, Немана, Вислы, Днестра, и почти весь бассейн Днепра. За пределами этого обширного пространства показываются там и сям острова и архипелаги русского населения в бассейнах морей Азовского и Каспийского, между прочим, при устье Кубани, где основалось русское поселение

Тмутаракань, прославленное в первоначальных преданиях нации. Эти славянские племена представляли уже элементы могущественной народности, и тогда-то они и принимают окончательно в истории имя Руси, или руссов» [10: 17].

Относительно споров о происхождении имени «Русь», «руссов», учёный пишет, что долгое время в школах как неоспоримую истину изучали предание, записанное в летописи Нестора: славяне новгородские и их соседи, чтобы положить конец внутренним разделам, решили призвать князей из «чужой земли». Снарядили посольство к варяжскому племени Русь в 852 или 862 г. Три брата приняли приглашение и явились «со всем русским племенем». Старший Рюрик поселился в Новгороде, Синеус – на берегу Белоозера, Трувор – в Изборске. Преемник Рюрика, Олег, «личность таинственная», перенёс столицу государства в Киев. Изложив норманскую и антинорманскую теории происхождения правящей династии Руси и этнонима «русь», исследователь заметил, что «вероятно, вопрос о происхождении всегда останется тёмным» [10: 18–20].

Касаясь ранней истории Руси, учёный отметил, что к концу XII в. вместо Киева возникло два новых центра Руси – на западе Владимир Волынский, который вскоре был заменён Галичем, и на востоке Суздаль, которому наследовал его сосед Владимир Залесский, «политический предшественник Москвы». После татаро-монгольского нашествия, когда монголы овладели берегами Днепра, Галиция пыталась «сохранить независимость борьбой против татар; но, принуждённая постоянно обороняться от нападений своих соседей: поляков, литовцев, мадьяр, она погубила себя в своих обширных воинственных предприятиях и кончила тем, что в половине четырнадцатого столетия попала под владычество Польши» [10: 22–23].

В первой половине XIV в. (1340 г. – С.С.) Галиция попала под владычество Польши. Владимирские и московские князья, «менее проникнутые рыцарским духом», управляют от имени татарских завоевателей, ездят с дарами в Орду за получением ханского утверждения, чтобы обеспечить за собою владение всей северо-западной Русью. После падения роли княжеств Киевского и Галицкого, Белая Русь стала центром нового славянского государства под предводительством литовских князей. Затем князья овладевают Волынию, Подолией, Киевской, Черниговской и Северной землями и принимают титул великих князей литовских и русских. Польский король после захвата Галиции принимает титул государя русского [10: 23]. Московский князь, чтобы «требовать обратно земли, которые ускользают из-под власти его династии, титулуется «государем всея России» [10: 24].

Личная уния с Польшей остановила нормальное развитие Литвы.

Польские короли присоединили Волынь и Киевскую землю к Польше, а в 1569 г. последовало окончательное присоединение остальной части Литвы с Польским королевством. Внутренние раздоры стали причиной слабости этого государства. Элементы польско-литовско-русской конфедерации слишком разнились между собой. Польские короли, утверждая своё господство, проявляли слишком крутые меры и притеснения, в то же время процесс естественной ассимиляции был слаб и медленен. Политическая уния на Люблинском сейме 1569 г. и религиозная уния (соединение греко-русской церкви с римско-католической) на Брестском соборе 1595 г. вызвали столкновения между элементами польским и русским. По римско-католической вере Польша примкнула к западноевропейскому миру. По греко-католической или православной вере, введённой из Византии, «Россия составляла отдельный мир. Различие вероисповеданий и обрядностей, влекущее за собой различие нравов, гражданственности, политики, союзов, начертало на восток от Польши границу, через которую она не могла переступить. Когда ко всем этим причинам внутренних несогласий присоединились возмущения и войны казаков и русских крестьян против опоячавшихся дворян, участь Польши сделалась неизбежной. Притом даже с географической точки зрения это государство никогда не могло прочно формироваться и укрепиться. Теснимые немцами балтийского побережья, поляки могли лишь временно утвердиться на морских берегах, которые, по-видимому, должны были им принадлежать; а магометанское завоевание лишило их берегов Чёрного моря. Таким образом, обладая наибольшей частью территории, соединяющей западную Европу с туловищем Старого Света и которая уже во времена, предшествовавшие писаной истории, представляла столь важное значение для торговых сношений, поляки и литовцы не имели того, что именно и придаёт цену этому великому пути народов, то есть легко доступных выходов на два противоположных моря, из которых одно сообщается со Средиземным морем, а другое с Атлантическим океаном» [10: 24–25].

В то время как Польша слабела «от войн и внутренних раздоров», Москва, «жившая в дружбе с южными мусульманами в пятнадцатом столетии, возрастала в силе и могуществе». Москва стала центром, «к которому тяготело и вокруг которого собиралось великое славянское государство» (в оригинале: *Là fut le centre autour duquel gravita le grand État slave* [31: 310]. – С.С.). Благодаря Волге и её притокам, через волоки и реки севера и запада, московские государи «могли постепенно распространять свою власть до самых окраин необъятной равнины, и единодержавие утверждалось без труда. Когда пределы московского царства раздвинулись до четырёх морей, омывающих его земли с

северной и с западной, с южной и юго-восточной сторон, современная Россия была основана, и восточно-славянские народы выступают на сцену истории соединёнными в одно государство» [10: 26].

Учёный обратил внимание на «изумительно быстрые шаги», которыми в последние столетия шло «территориальное возрастание русской империи»: «нынешняя Россия обнимает территорию, по малой мере, вдесятеро превосходящую протяжением то государство, которое установилось после поражения татар и окончательного свержения монгольского ига» [10: 26]. Отметим, что иногда территориальное расширение России замедлялась и она даже уступала небольшие территории, однако «за каждым из минутных отступлений русской державы следовало энергичное наступательное действие, приносившее в результате приращение территории и усиление влияния» [10: 26–27].

По мнению Э. Реклю, «Россия находится теперь в периоде возрастания; она растёт, даже помимо воли правительства, так сказать притягательным действием её могущества: многочисленные азиатские народы, даже государства, тяготеют к ней и постепенно поступают в вассальную зависимость прежде, чем перейти в полное подданство и окончательно слиться с империей». Исследователь излагает своё видение дальнейшего территориального развития империи (геополитическое видение. – С.С.). Упомянув, что на западе Российская империя граничит «с другими империями и с государствами, существование которых поддерживается только взаимным соперничеством великих держав», Э. Реклю не исключил раздела половины Турции и уступок Австро-Венгрии ряда территорий своим соседям. Если европейская граница России закреплена «двойным кордоном таможен и крепостей, имеет такую же точно определённую, как и граница других государств континентальной Европы», то в Азии, напротив, границы не определены, «несмотря на временные трактаты, определяющие границы империи такой-то рекой или такой-то цепью гор» [10: 27–28].

Он считал, что в Азии «Россия должна беспрестанно присоединять к своим владениям новые территории до тех пор, пока она не встретит какую-либо группу населения или какую-либо военную державу, достаточно сильную и представляющую серьёзное препятствие. Промежуток, отделяющий Сибирь от густонаселённых равнин Китая, ещё значителен, но он уже порядочно сузился вследствие приобретения Восточной Маньчжурии; точно также русским армиям Туркестана предстоит ещё сделать много переходов, прежде чем они достигнут ущелий Гиндукуша». В свою очередь, «слабость и дезорганизация промежуточных государств ускоряет неизбежное столкновение, и рано или поздно Россия, уже сопредельная могущественной Герма-

нии, делается также соседкой Великобритании». Учёный подчеркнул, что «общее движение цивилизации направляется от востока к западу, история России движется в противоположном направлении, от запада к востоку» [10: 28].

Отметив, что русская нация пока не успела «заполнить громадное пространство, присоединённое к империи», но «внутренние переселения способствуют тому, что страна постепенно делается русской до самого сердца Азии». Малоросс, по мнению автора, тоже колонизировал обширные пространства, но меньшие, чем великоросс. Он считал, что «великороссиянина по справедливости можно назвать образцовым колонизатором». Причём привычка к переселению у него «наследственна; предки его уходили в дремучие леса, а внуки и правнуки их, переходя последовательно от просеки к просеке, от одной степи к другой, захватили Сибирь, взобрались по скатам Кавказа и Алтая, спустились по течению Амура до берегов Тихого океана» [10: 28–29].

В этой же работе он обратил внимание, что «будучи исконными соперниками, малорусы и великорусы награждают друг друга насмешливыми прозвищами: великорус дал украинцу кличку *хохол*, вследствие пучка волос или чуба (оселедец), который тот прежде отращивал на макушке и закладывал за ухо; в свою очередь малоросс прозвал великоросса, или “москаля”, *кацапом*, то есть козлом, вследствие длинной бороды, которою он любит похвастать. Конечно, прозвища эти основаны только на наружных отличиях, но под этими странными названиями русские двух национальностей представляют себе также контраст, существующий между народными характерами и правами»⁷ [10: 178].

Э. Реклю считал, что российское государство обладает лишь «замкнутыми морскими бассейнами и морями, заграждёнными льдом», т.е. всё ещё остаётся «запертым». Поэтому «совершенно естественно, что Россия делает усилия завоевать себе свободные сообщения с морем, и что её армии из века в век возобновляют поход Игоря, чтобы овладеть “городом цезарей”, или Царьградом, прекрасным Константинополем, стоящим у ворот Чёрного моря» [10: 30].

Есть ещё причины для «соперничества и будущих войн» [10: 30]. За пределами России на западе живут миллионы славян и «между ними есть даже такие, именно русины, которых имя тождественно с именем русских по своей этимологии и которые принадлежат к семье малороссиян, давно уже живущих под владычеством всероссийского царя». Автор восклицает: «Сколько крови было уже пролито из-за “братьев-славян” и сколько её ещё будет пролито в грядущем!». Он упоминает о взглядах русских панславистов, представлявших себе

славянские народы под главенством «Святой Руси». Впрочем, замечает исследователь, «каковы бы ни были перемены, могущие со временем произойти в обширном русском мире, во всяком случае славяне предназначены самым положением своим, с географической точки зрения, играть одну из главных ролей в истории ближайшего будущего» [10: 30].

Делая вывод о роли России в будущем, Э. Реклю отметил, что Германия «обязана своим важным значением тому географическому положению, которое она занимает в центре Европы», однако Россия занимает подобное положение в центре Старого Света, причём стратегически более верное и прочное. Она «служит естественным посредником между западной Европой и Китайской империей». В отличие, например, от Англии Россия является континентальной державой, и она составляет единое географическое целое и имеет в своей империи крепкое сплочённое ядро населения. Учёный считал, что столкновение между двумя империями, границы которых скоро «сойдутся», неизбежно, и судьбы мира будут решаться у подножия гор Центральной Азии [10: 31–32].

Э. Реклю в пятом томе своей работе «L'homme et la terre» (Человек и земля), посвящённом новой истории, предсказал будущее противостояние России и США: «В силу обстоятельств, а также благодаря гордому осознанию своей роли среди наций, Соединённые Штаты добились реального превосходства во всем западном мире. Они составляли республику, покровительницу других республик, образуя, так сказать, контраст в общем мироустройстве с Российской империей, самой могущественной из всех по территориальной протяжённости, и той, которая представляет по преимуществу консервативные начала античной деспотии⁸ (!? – С.С.)» [29: 219]. И далее, говоря о том, что США принимали лишь второстепенное участие в делах Китая и у них более сильные интересы в других местах: «Соединённые Штаты Америки, соперники России в претензии на то, чтобы быть первой среди великих держав современного мира» [29: 280].

В этой работе Э. Реклю также упоминает русинов. В очередной раз критикуя панславизм, он утверждал, что «по отношению к Западу» русская империя «всегда проявляла особенную враждебность» [13: 462], и «сравнительно более цивилизованные народы Запада вряд ли могут стремиться к единению с Самодержавной Восточной Европой» [13: 464]. Посчитав, что «влияние панславизма сужено, таким образом, в своё поле действия», учёный полагал, что «в сфере его влияния оставалось ещё русинское население Галиции». Он утверждал, что это население «русские агенты всячески настраивали против своих помещиков поляков (!? – С.С.); это им тем более удавалось, что по уровню своей

культуры русины немногим отличаются от русских мужиков». Откуда-то исследователь сделал вывод, что «даже здесь русское правительство умудрилось возбудить неприязнь к себе и показать русинам, что из двух зол владычество Австрии является меньшим (!?. – С.С.)». Далее он пишет, что «по религии русины преимущественно униаты, т. е., будучи православными, они, тем не менее, признают главенство Рима: после жестоких религиозных преследований, которым подверглись униаты в самой России, галицийские русины естественно потеряли всякое доверие к добрым намерениям по отношению к ним Святейшего Синода. Их симпатии направлены не столько к русским вообще, сколько к малороссам, тесно связанным с ними общностью языка и обычаев; и всякий раз, когда эти симпатии выражались в каких-нибудь внешних проявлениях, они были подавляемы как революционные поступки (!?. – С.С.); даже выражения братских чувств между учёными, археологами или филологами строго воспрещалось (!?. – С.С.). Не удивительно поэтому, что идея панславизма очень непопулярна среди западных славян (!?. – С.С.)». Он посоветовал «русскому империализму», «имея за собой в Европе только наёмных журналистов», «стремиться к расширению своего влияния на Востоке, продолжая завоевание различных тюркских, монгольских и китайских племён» [13: 464].

Политические взгляды Э. Реклю, сведения, полученные от «сети и из анархистской среды», привели к излишней политизации при освещении некоторых вопросов, в частности тенденциозном рассмотрении роли России и русского народа в истории. Некоторые исследователи считают, что большую часть сведений о России Э. Реклю получил от своего друга и политического соратника князя П. Кропоткина [2: 321]. Скорее всего, особенно при работе над описанием русинов и малороссов, на взгляды исследователя оказала влияние точка зрения украинофила, социалиста М. Драгоманова⁹.

Поэтому некоторые высказывания Э. Реклю заставляют сомневаться в их объективности. В частности, утверждения, что русские агенты настраивали русинов против своих соседей-поляков, что русское правительство успело возбудить против себя русинов, что симпатии русинов к малороссам всякий раз были подавляемы, когда выражались в каких-нибудь внешних проявлениях, воспрещалось проявление братских чувств между учёными, археологами или филологами русинами и малороссами и т. д., явно не соответствуют действительности. Русское движение в Карпатской Руси в описываемое время было довольно широким, что подтверждается деятельностью её просветителей, исследованиями учёных русинского, великорусского и малорусского происхождения. Последние без всяких препятствий совершали научные командировки в Австро-Венгрию, регионы ком-

пактного проживания русинов, контактировали с лидерами русинского движения. Также участвовали в просветительской деятельности среди русинов-униатов Холмщины и Подляшья, входивших в то время в состав Царства Польского. Подробнее об этом написано в наших работах, например, см.: [14–20, 22].

Несколько тенденциозным выглядит также подчёркивание более низкого уровня культуры русского народа по сравнению с населением запада России [10: 28] или, к примеру, утверждение, что польско-литовское государство «находясь ближе к Европе» пользовалось «более высокой степенью цивилизации и гражданственности» [10: 25]. В пятом томе «Человек и Земля», посвящённом скандинавским странам и Европейской части России, наряду с этнонимом «малороссы» Э. Реклю несколько раз употребляет и «украинцы» (Oukraïniën) [31: 293, 449, 459, 483, 491, 498, 502–504, 507, 509, 558], что, учитывая время издания тома (1880), на наш взгляд, является необоснованным¹⁰.

В это же время выходили работы и российских исследователей. П.П. Семёнов-Тян-Шанский (1827–1914), который, обучаясь в Берлинском университете, познакомился А. Гумбольдтом и слушал лекции К. Риттера, выпустил «Географическо-статистический словарь Российской Империи» в 5 томах (СПб., 1863–1885). Под его редакцией увидела свет «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и бытовом значении» в 12 томах (СПб., 1881–1885). Популяризацией сведений о странах и народах мира занималась Е.Н. Водовозова (1844–1923). Трёхтомник Е.Н. Водовозовой «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (СПб., 1875–1883) и его версия в 10 книжках по дешёвой цене для простого народа «Как люди на белом свете живут» (СПб., 1894–1901. Т. 1–10) пользовались популярностью и неоднократно переиздавались в дореволюционной России (подробнее см.: [21]).

Примечания

1. Биография и научное наследие Элизе Реклю (на русский язык фамилия переводится как «затворник») довольно насыщены. Их полное освещение, так же как и подробное изложение политических взглядов учёного, не является целью нашего материала. Мы позволили себе более широко описать историю рода, детские и юношеские годы учёного. Они интересны, на наш взгляд, тем, что связаны с протестантской Франции. Эта протестантская (гугенотская) Франция, которая существовала с первой половины XVI в., выжила в ходе многочисленных религиозных войнах, в т. ч. Варфоломеевской ночи (более верно отражает это событие французское выражение *Massacre de la Saint-Barthélemy* – резня в день святого Варфоломея), во время гонений со стороны королевской власти, борьбы с христианством в

годы Французской революции, постепенного размытия христианских ценностей во времена республики и чьи осколки долгое время сохранялись на юго-востоке Франции, бывшем ядром протестантизма. В семье Реклю считали, что они ведут своё происхождение от первых правителей «Портью-Перигор» (Porte du Périgord, Sainte-Foy-la-Grande, Santa Fe la Granda en gascon), бастиды (небольшого укрепленного селения), построенной в 1255 г. на берегу р. Дордонь, на окраине графства Ажене (Agenais), к югу от Перигора (Périgord, регион и бывшая провинция Франции, примерно соответствует нынешнему департаменту Дордонь). Кальвинизм утвердился в этом регионе около 1540 г. Семья Реклю сохранила память о сопротивлении своих предков религиозным репрессиям со стороны католических и королевских властей. В XIX в. основным местом жительства семьи Реклю стал не Сент-Фуа-ля-Гранд (департамент Жиронда) на левом берегу Дордони, а Ле Флекс на правом берегу реки (департамент Дордонь) [25: 13]. Также в материале рядом с некоторыми антропонимами, топонимами и названиями произведений из-за многовариантности их написания и перевода на русский язык приводится написание и на французском языке либо просто даётся в оригинале.

2. Город на юге-востоке Франции в департаменте Тарн и Гаронна региона Окситания, был главным оплотом гугенотов во время религиозных войн. Факультет институционально был присоединён к Тулузскому университету.

3. Ортез (по-баскски: Ortheze; по-окситански: Ortès) – коммуна в департаменте Нижние Пиренеи региона Аквитания (ныне: Атлантические Пиренеи региона Новая Аквитания) на юго-западе Франции. Департамент охватывает французскую Страну Басков и Беарн. Когда-то Ортез входил в состав королевства Наварра. В нём сохранились сильные традиции протестантизма.

4. Кларисса – дочь Мари Джон (Marie John, также известной как Мари Йон (Marie Yon)). Мари Джон – дочь британского офицера и женщины, представительницы народа фулани (или фульбе – народ, проживающий в Западной Африке), родившаяся во время британской оккупации Сен-Луи (Saint-Louis, Сенегал). Отец Клариссы – Жан Жак Шарль Бриан (Jean Jacques Charles Brian (1805–1852)), капитан корабля и торговец, кальвинист, родом из Сент-Фуа-ля-Гранд. Когда узнал, что у него есть дочь, то в 1840 г. привёз её к себе в Сент-Фуа-ля-Гранд [25: 34–35].

5. После отказа Генерального совета 1-го Интернационала в приёме Ассоциации в Интернационал (март 1869 г.) учредители заявили о роспуске этой организации. Фактически организация была сохранена и в марте 1869 под видом Женевской секции вошла в Интернационал.

6. Основан бельгийскими масонами в 1834 г. в противовес Лувенскому католическому университету (Université catholique de Louvain).

7. В оригинале: «Rivaux les uns des autres, Malo-Russes et Veliko-Russes se désignent mutuellement par des sobriquets: l'Oukrainien est le khokhol', à cause de la touffe de cheveux qu'il laissait croître autrefois au sommet de la tête et qu'il rejetait derrière l'oreille; le Grand-Russien est le katzap ou le bouc, à cause de la barbe fournie qu'il aime à étaler» [31: 491].

8. В русском издании: «Самою силою вещей Соединённые Штаты до-

бились того, что получили среди держав западного мира выдающееся место и главенство в Америке. Они составляли республику, являвшуюся покровительницей других республик, и являлись в общем мировом укладе ярким контрастом Российской империи – государству, самому обширному по протяженности своей территории и в то же время представляющему главнейшую опору консервативных принципов старинного деспотизма» [13: 221]. В оригинале: «Par la force des choses, aussi bien que par la conscience orgueilleuse de leur rôle parmi les nations, les Etats-Unis en étaient arrivés à disposer dans tout le monde occidental d'une réelle préséance. Ils constituaient une république, patronne d'autres républiques, formant, pour ainsi dire, le contraste, dans l'ordonnance générale du monde, avec l'empire russe, le plus puissant de tous par l'étendue territoriale, et celui qui représente par excellence les principes conservateurs du despotisme antique» [29: 219].

9. Сам Э. Реклю писал, что «для этого пятого тома, последней моей работы, посвящённой Европе, мне посчастливилось воспользоваться удачей и получить ещё более активное сотрудничество, чем при работе над предыдущими томами». Он попросил информацию о России у «ММ. Rambaud, Ilyin, Oelsnitz, Joukovskiy, Stronin, Tzvetkovskiy, Kordich» и «все поспешили предоставить её мне», «но прежде всего М. Драгоманову я должен выразить свою глубокую благодарность за действительную помощь, которую он мне оказал. Он не пожалел труда на исследования и переписку, чтобы указать мне наиболее достоверные работы и удалить из моей работы все сомнительные или ошибочные утверждения. Перечитывая главу о России, я вижу след его руки почти на каждой странице» [31: 919].

10. Только августе 1917 г. новый император Австро-Венгрии Карл I решил изменить этнические названия рутены, русины (Ruthenen) на украинцы (Ukrainer), в России же это произошло после февральской революции 1917 г. Однако этноним в то время ещё не получил широкого распространения среди населения. Национальное самосознание выходцев из Малороссии колоритно описывает Юрий (Юрко) Тютюнник, генерал-хорунжий армии Украинской народной республики (УНР). В мае 1917 г., находясь в Симферополе, он принял активное участие в создании «1-го Симферопольского полка имени гетмана Петра Дорошенко». В части, расквартированные в Крыму, был разослан приказ, в котором писалось, что на основании решения совета солдатских депутатов командирам отдельных частей предлагалось откомандировать в такой-то день «всех солдат – “уроженцев” губерний: Волынской, Холмской, Подольской, Киевской, Херсонской, Екатеринославской, Полтавской, Черниговской и Харьковской». А также прибыть всем офицерам, уроженцам указанных губерний. Дозволялось присутствовать выходцам из смежных с указанными губерний. Собралось около 7 тыс. чел. Открыв «вiче», Ю. Тютюнник объявил:

«– Хто поміж вами українці, піднесіть руку до гори!

Піднеслося не більше трохсот рук.

– Малороси! Піднесіть руки!

Піднесло руки коло половини присутніх.

– Хохли! Піднесіть руки!

Знов піднесла руки добра третина.

– Українці, малороси і хохли! Всі разом піднесіть руки!

Понад головами кількатисячної юрби піднісся ліс рук. Одиниці, що не піднесли рук, не були помітні серед загалу» [23: 15].

Позже, уже в советский период, в специальном дополнении к инструкции по проведению Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., выпущенном для Украины, пояснялось, что для «правильной» записи национальности лиц, которые будут называть себя «русскими» («руськими»), необходимо спрашивать, до каких «русских» они себя причисляют («росіян, українців, або білорусів»). Кроме того, во время переписи в особом листе фигурировал термин «народность», а не «национальность» [8: 59].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анучин Д.Н.* Элизе Реклю // Люди зарубежной науки и культуры. М.: Географгиз, 1960. С. 150–170.

2. *Джеймс П., Мартин Дж.* Все возможные миры / пер. с англ. Л.Н. Кудряшевой; под ред. и послесл. А.Г. Исаченко. М.: Прогресс, 1988. 672 с.: ил.

3. *Кропоткин П.* Записки революционера / предисл. Г. Брандеса. Лондон; Санкт-Петербург: Свободная мысль, [1906]. [2], VIII, 435, [7] с.

4. *Лебедев Н.К.* Элизе Реклю, как человек, учёный и мыслитель. Петроград; Москва: Голос труда, 1920. 120 с.: портр.

5. *Лебедев Н.К.* Элизе Реклю. М.: Государственное издательство, 1925. 76 с., 1 л. (фронт.) портр. (Биографическая библиотека).

6. *Лебедев Н.К.* Элизе Реклю. Жизнь коммунара. М.: Молодая гвардия, 1931. 94, [2] с.: ил., портр.

7. *Лебедева Н.А., Лебедев Н.К.* Элизе Реклю. М.: Географгиз, 1956. 40 с.: ил. (Замечательные географы и путешественники).

8. *Наулко В.І.* Етнічний склад населення Української РСР. Київ: Наукова думка, 1965. 136 с.

9. *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география: пер. с фр. Т. III. Швейцария, Германия и Австро-Венгрия. С 72-мя рисунками. Издание картографического заведения А. Ильина. Издание редакции журнала «Природа и люди». СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1878. [6], II, 832 с., 78 л. ил., карт.: ил.

10. *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география: пер. с фр. Т. V. Вып. 2. Европейская Россия. С 54 рисунками. Издание картографического заведения А. Ильина. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1883. [6], 512, VIII, [1] с., 50 л. ил., карт.: ил.

11. *Реклю Э.* Земля. Описание жизни земного шара. Т. II / пер с франц., под ред. и с доп. Н.К. Лебедева. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. 118 с.

12. *Реклю Э.* Народы и страны Западной Европы. 12 т.: в 2 кн. / пер. с фр.;

под ред., [с предисл.] и доп. Н.К. Лебедева. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. Кн. 1. 792 с. разд. паг., 1 л. карт.: ил.; Кн. 2. 559 с. разд. паг., 2 л. карт.: ил.

13. *Реклю Э.* Человек и земля: в 6 т. / пер. с фр. с разрешения автора, приват-доцента Имп. СПб. Университета П.Ю. Шмидта. Т. 5: Новая история. Революция – Контрреволюция – Борьба за национальность – Освобождение негров и крестьян – Интернационал. Современная история. Население земли – Распределение человечества – Латинские и германские народы – Русские и азиатские народы. СПб.: Издание Брокгауз–Ефрон, 1908. [14], 559 с.: ил., портр., карт.

14. *Суляк С.Г.* А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166–181. DOI: 10.17223/18572685/48/12

15. *Суляк С.Г.* Вклад А.А. Кочубинского в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2018. № 2 (52). С. 120–140. DOI: 10.17223/18572685/52/3

16. *Суляк С.Г.* Н.И. Надеждин и Карпатская Русь // Русин. 2020. № 61. С. 41–66. DOI: 10.17223/18572685/61/4

17. *Суляк С.Г.* И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 1: Биография // Русин. 2020. № 62. С. 32–49. DOI: 10.17223/18572685/62/3

18. *Суляк С.Г.* И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 2: Карпатская Русь в научном наследии учёного // Русин. 2020. № 62. С. 81–137. DOI: 10.17223/18572685/63/6

19. *Суляк С.Г.* В.А. Францев и Карпатская Русь // Русин. 2021. № 64. С. 89–114. DOI: 10.17223/18572685/64/5

20. *Суляк С.Г.* Ю.А. Яворский – учёный и общественно-политический деятель Карпатской Руси // Русин. 2022. № 68. С. 70–130. DOI: 10.17223/18572685/68/5

21. *Суляк С.Г.* Русинская тематика в работах Е.Н. Водовозовой // Русин. 2022. № 69. С. 97–129. DOI: 10.17223/18572685/69/6

22. *Суляк С.Г.* Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. DOI: 10.17223/18572685/70/7

23. *Тютюнник Ю.О.* Революційна стихія. Зимовий похід 1919–1920 рр. Львів: Універсум, 2004. 192 с.: ил.

24. Bibliographie sur Élisée Reclus. Wikipédia. L'encyclopédie libre. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Bibliographie_sur_%C3%89lis%C3%A9e_Reclus (дата обращения: 11.05.2023).

25. *Brun Christophe, Ferretti Federico.* Elisée Reclus, une chronologie familiale: sa vie, ses voyages, ses écrits, ses ascendants, ses collatéraux, les descendants, leurs écrits, sa postérité, 1796–2015. Tableaux généalogiques, documents, cartes. 2015. 2e version revue et augmentée. URL: <https://hal.science/hal-01146464> (дата обращения: 14.05.2023).

26. *Giblin B.* Élisée Reclus: un géographe d'exception // Hérodote. № 117. 2e trimestre 2005. P. 11–28.

27. Liste des œuvres d'Élisée Reclus Wikipédia. L'encyclopédie libre. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_%C5%93uvres_d%27%C3%89lis%C3%A9e_Reclus (дата обращения: 14.05.2023).

28. *Paillard Hortense*. Élisée Reclus. Biographie // La République des Lettres. URL: <https://xn--rpubliquesdeslettres-bzb.fr/reclus.php> (дата обращения: 18.05.2023).

29. *Reclus É.* L'homme et la terre. Tome 5: Histoire moderne. Révolution – Contre-Révolution – Les Nationalités Nègres et Moujiks – Internationales. Histoire contemporaine. Peuplement de la Terre – Répartition des Hommes – Latins et Germains – Russes et Asiatiques. Paris: Librairie universelle, 1907, 575 p.: portrait, fig., cartes en coul.

30. *Reclus É.* Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes. Tome 3. L'Europe Centrale (Suisse, Austro-Hongrie, Allemagne). 10 cartes en couleur tirées à part, 210 cartes dans le texte et 78 vues et types graves sur bois. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1878. 982 p.: ill., maps.

31. *Reclus É.* Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes. Tome 5. L'Europe scandinave et Russe. 9 cartes de couleur et 200 cartes dans le texte et 78 vues et types graves sur bois. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1880. 958 p.: ill., maps.

REFERENCES

1. Anuchin, D.N. (1960) *Lyudi zarubezhnoy nauki i kul'tury* [People of Foreign Science and Culture]. Moscow: Geografiz. pp. 150–170.

2. James, P. & Martin, J. (1988) *Vse vozmozhnye miry* [All Possible Worlds]. Translated from English by A.G. Isachenko. Moscow: Progress.

3. Kropotkin, P. (1906) *Zapiski revolyutsionera* [Memoirs of a Revolutionist]. London; St. Petersburg: Svobodnaya mysl'.

4. Lebedev, N.K. (1920) *Elize Reklyu, kak chelovek, uchenyy i myslitel'* [Elisée Reclus as a person, researcher, and thinker]. Petrograd; Moscow: Golos truda.

5. Lebedev, N.K. (1925) *Elize Reklyu* [Elisée Reclus]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

6. Lebedev, N.K. (1931) *Elize Reklyu. Zhizn' kommunara. Dlya detey sredn. i starsh. vozrasta* [Elisée Reclus. Life of a communist. For adolescents]. Moscow: Molodaya gvardiya.

7. Lebedeva, N.A. & Lebedev, N.K. (1956) *Elize Reklyu* [Elisée Reclus]. Moscow: Geografiz.

8. Naulko, V.I. (1965) *Etnichniy sklad naselennya Ukraïn'skoï RSR* [Ethnic composition of the population of the Ukrainian RSR]. Kyiv: Naukova dumka.

9. Reclus, E. (1878) *Zemlya i lyudi. Vseobshchaya geografiya* [Earth and People. General Geography]. Translated from French. Vol. 3. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

10. Reclus, E. (1883) *Zemlya i lyudi. Vseobshchaya geografiya* [Earth and People. General Geography]. Translated from French. Vol. 5(2). St. Petersburg: Ministry of Railways (A. Behnke).

11. Reclus, E. (1914) *Zemlya. Opisanie zhizni zemnogo shara* [The Earth. Description of the Life of the Globe]. Vol. 2. Translated from French by N.K. Lebedev. Moscow: I.D. Sytin.

12. Reclus, E. (1915) *Narody i strany Zapadnoy Evropy* [Peoples and Countries of Western Europe]. Translated from French. Moscow: I.D. Sytin.

13. Reclus, E. (1908) *Chelovek i zemlya* [Man and Earth]. Vol. 5. Translated from French by P.Yu. Shmidt. St. Petersburg: Brockhaus-Efron.

14. Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovich and Carpathian Rus'. *Rusin.* 2(48). pp. 166–181 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/48/12

15. Sulyak, S.G. (2018) A.A. Kochubinskii's contribution to Carpathian and Carpathian-Dniestr Rus' studies. *Rusin.* 2(52). pp. 120–140 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/52/3

16. Sulyak, S.G. (2020) N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus'. *Rusin.* 61. pp. 41–66 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/61/4

17. Sulyak, S.G. (2020a) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 1: Biography. *Rusin.* 62. pp. 32–49 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/62/3

18. Sulyak, S.G. (2020b) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage. *Rusin.* 62. pp. 81–137 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/63/6

19. Sulyak, S.G. (2021) V.A. Frantsev and Carpathian Rus'. *Rusin.* 64. pp. 89–114 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/64/5

20. Sulyak, S.G. (2022a) Julian Yavorsky – a scholar, social and political activist of Carpathian Rus'. *Rusin.* 68. pp. 70–130 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/68/5

21. Sulyak, S.G. (2022b) The Rusinian theme in the works by Elizaveta Vodovozova. *Rusin.* 69. pp. 97–129 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/69/6

22. Sulyak, S.G. (2022c) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin.* 70. pp. 104–147 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/70/7

23. Tyutyunnik, Yu.O. (2004) *Revolyutsiyana stikhiya. Zimoviy pokhid 1919–1920 rr.* Lviv: Universum.

24. Wikipédia. (n.d.) *Bibliographie sur Élisée Reclus.* [Online] Available from: https://fr.wikipedia.org/wiki/Bibliographie_sur_%C3%89lis%C3%A9e_Reclus (Accessed: 11th May 2023).

25. Brun, Ch. & Ferretti, F. (2015) *Elisée Reclus, une chronologie familiale: sa vie, ses voyages, ses écrits, ses ascendants, ses collatéraux, les descendants, leurs écrits, sa postérité, 1796–2015. Tableaux généalogiques, documents, cartes.* [Online] Available from: <https://hal.science/hal-01146464> (Accessed: 4th May 2023).

26. Giblin, B. (2005) *Élisée Reclus: un géographe d'exception. Hérodote*. 117. pp. 11–28.

27. Wikipédia. (n.d.) *Liste des œuvres d'Élisée Reclus*. [Online] Available from: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_%C5%93uvres_d%27%C3%89lis%C3%A9e_Reclus (Accessed: 14th May 2023).

28. Paillard, H. (n.d.) *Élisée Reclus. Biographie*. [Online] Available from: <https://xn--rpubliquesdeslettres-bzb.fr/reclus.php> (Accessed: 18th May 2023).

29. Reclus, É. (1907) *L'homme et la terre*. Vol. 5. Paris: Librairie universelle.

30. Reclus, É. (1878) *Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes*. Vol. 3. Paris: Librairie Hachette et Cie.

31. Reclus, É. (1880) *Nouvelle Géographie universelle: la Terre et les Hommes*. Vol. 5. Paris: Librairie Hachette et Cie.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(477.85)"1857/1933"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/5

Життя та діяльність Євгенія Козака (1857–1933), відомого славіста, ректора Чернівецького університету, архіпресвітера-ставрофора, професора*

М.К. Чучко¹, В.В. Грябан²

¹ Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича
Україна, 58012, м. Чернівці, вул. Коцюбинського, 2

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

² Віденський університет

Австрія, м. Відень, Universitätsring, 1, 1010 Wien

E-mail: hryaban@gmx.net

Авторське резюме

Стаття присвячена постаті видатного дослідника-славіста, ректора Чернівецького університету, релігійного і громадсько-політичного діяча, сенатора, архіпресвітера-ставрофора, професора, доктора філософії Євгенія Авксентійовича Козака (1857–1933). Народившись у багатодітній родині православного священника, Є. Козак після закінчення гімназії здобув теологічну освіту у Чернівецькому та філологічну у Віденському університетах. Захистивши докторську дисертацію у Відні зі славістики, вчений протягом життя поєднував філологічні дослідження з церковним служінням. Будучи учнем відомого славіста В. Ягича професор Козак очолював кафедру церковно-слов'янської мови і літератури на православному богословському факультеті Чернівецького університету, був деканом згаданого факультету та ректором цього навчального закладу. Як дослідник Є. Козак зробив вагомий внесок для розвитку славістики, видавши праці про слов'янські епіграфічні пам'ятки, матеріали яких зберігають наукову вартість і дотепер. Найвідоміша з них була присвячена давнім написам з церков та монастирів Буковини. Навчаючи студентів-теологів професор-славіст підтримував у них прагнення бути духовними наставниками свого народу, популяризаторами його давніх культурних традицій. На фоні прогресуючих в краї процесів онімечення та румуніза-

* Дослідження було цілком здійснено за фінансової підтримки Австрійського Наукового Фонду (FWF) (Номер гранту I 5309).

ції, які підтримувалися владою, його лекційні курси стали для багатьох підґрунтям для подальшої самоідентифікації. Ще в юні роки, долучившись до старорусинського руху, Є.Козак активно брав участь у громадсько-політичному житті краю, долучаючись до виборів у представницькі органи церковних та світських інституцій. У міжвоєнний період був сенатором вищого законодавчого органу Румунії та депутатом церковного конгресу Буковинської митрополії де, незважаючи на свої москвофільські політичні погляди, захищав церковні і політичні права буковинських русинів, за що був усунутий від викладання в університеті і згодом відправлений на пенсію. Загалом можна констатувати неоднозначність оцінок сучасниками і дослідниками діяльності Євгенія Козака як у науковому, так і церковному та громадсько-політичному житті Буковини австрійської та румунської доби. Адже період його життя і наукової праці є віддзеркаленням складного історичного часу боротьби і суперечок за домінування в краї між місцевими румунською та русинською/українською національними спільнотами, а також між народовцями та старорусинами в середовищі самих українців.

Ключевые слова: Євгеній Козак, Чернівецький університет, ректор, славіст, теологічний факультет, Буковина, Буковинська митрополія, церковно-слов'янська мова, русофіли, народовці, русини

Жизнь и деятельность Евгения Козака (1857–1933), известного слависта, ректора Черновицкого университета, архипресвитера-ставрофора, профессора*

М.К. Чучко¹, В.В. Грябан²

¹ Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2
E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

² Венский университет
Австрия, г. Вена, Universitätsring, 1, 1010 Wien
E-mail: hryaban@gmx.net

Авторское резюме

Статья посвящена личности выдающегося исследователя-слависта, ректора Черновицкого университета, религиозного и общественно-политического деятеля, сенатора,

* Исследование было полностью сделано при финансовой поддержке Австрийского научного фонда (FWF) (Номер гранта I 5309).

архипресвитера-ставрофора, профессора, доктора философии Евгения Авксентьевича Козака (1857–1933). Е.А. Козак родился в многодетной семье православного священника. После окончания гимназии получил теологическое образование в Черновицком и филологическое в Венском университетах. Защитив докторскую диссертацию в Вене по славистике, ученый в течение жизни совмещал филологические исследования с церковным служением. Будучи учеником известного слависта В. Ягича, профессор Е.А. Козак возглавлял кафедру церковно-славянского языка и литературы на православном богословском факультете Черновицкого университета, был деканом упомянутого факультета и ректором этого высшего учебного заведения. Как ученый Е. Козак внес весомый вклад в развитие славистики, издав труды о славянских эпиграфических памятниках. Эти материалы имеют научную ценность и доньше. Самый известный его труд посвящен старинным надписям из церквей и монастырей Буковины. Обучая студентов-теологов, профессор-славист поддерживал в них стремление быть духовными наставниками своего народа, популяризаторами его древних культурных традиций. На фоне прогрессирующих в крае процессов германизации и румынизации, поддерживаемых властями, его лекции для многих стали основой для дальнейшей самоидентификации. Еще в юные годы, приобщившись к старорусинскому движению, Е. Козак активно участвовал в общественно-политической жизни края, принимая участие в выборах в представительные органы церковных и светских институтов. В межвоенный период был сенатором высшего законодательного органа Румынии и депутатом церковного конгресса Буковинской митрополии, где, несмотря на свои русофильские политические взгляды, защищал церковные и политические права буковинских русинов, за что был отстранен от преподавания в университете и впоследствии отправлен на пенсию. В целом можно констатировать неоднозначность оценок современниками и исследователями деятельности Евгения Козака как в научной, так и в церковной и общественно-политической жизни Буковины австрийского и румынского периодов. Его жизнь и научная деятельность – отражение сложной исторической эпохи и той борьбы и споров, которые доминировали между местными румынской и русинской/украинской общинами, а также между народовцами и старорусинами в среде самих украинцев.

Ключевые слова: Евгений Козак, Черновицкий университет, ректор, славист, теологический факультет, Буковина, Буковинская митрополия, церковнославянский язык, русофилы, народовцы, русины

The life and work of Professor Eugeniu Kozak (1857–1933), prominent Slavist, Rector of the Chernivtsy University, archpresbyter-stavrophorus*

Mykhailo K. Chuchko¹, Viktoriya V. Hryaban²

¹ Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsyubynskiy Street, Chernivtsi, 58012, Ukraine
E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

² University of Vienna
1 Universitätsring, Vienna, 1010, Austria
E-mail: hryaban@gmx.net

Abstract

The article tells about Eugeniu Kozak (1857–1933), a prominent Slavist, researcher, Rector of Chernivtsi University, religious and socio-political figure, senator, archpresbyter-stavrophorus, professor, doctor of philosophy. Kozak was born to a large family of an Orthodox priest. He studied at the Theological Faculty in Chernivtsi and the Philosophical Faculty at Vienna University. After completing his PhD in Slavic studies in Vienna, he combined philological research with church service. As a student of the famous Slavist Vatroslav Jagić, Professor Kozak was Chair of the Church Slavonic Language and Literature at the Theological Faculty of Chernivtsi University, Dean of the mentioned faculty and later Rector of this university. He made a significant contribution to the development of Slavic studies by publishing works about Slavic epigraphic monuments. His most well-known research focused on ancient inscriptions from churches and monasteries in Bukovina. Teaching theology to the students, Professor Kozak supported their desire to become spiritual leaders and popularize ancient cultural traditions. In the context of progressing Germanization and Romanization, supported by the local authorities, many viewed Kozak's lectures as the basis for further self-identification. Having joined the Old Rusin movement when young, Kozak actively participated in the social and political life of the region, taking part in elections to representative bodies of church and secular institutions. In the interwar period, Kozak was a senator of the highest legislative body of Romania and a deputy of the Church Congress of the Bukovina Metropolis, where, despite his Russophile political views,

*This research was funded in whole by the Austrian Science Fund (FWF) (Grant number I 5309).

he defended the church and political rights of the Bukovinian Rusins, for which he was relieved of university teaching and later retired. In general, contemporaries and researchers differ in their estimation of Kozak's research, church, and social activities in Bukovyna during the Austrian and Romanian time. His life and scholarly endeavor reflect the complex history of struggle and disputes for dominance in the region between the local Romanian and Ukrainian communities, as well as between the Narodovtsy and Old Rusins among the Ukrainians themselves.

Keywords: Eugeniu Kozak, Chernivtsi University, rector, Slavist, theological faculty, Bukovyna, Bukovyna Archdiocese, Church Slavonic language, Rusophiles, Narodovtsy, Rusins

Д-р Євгеній А. Козак. Фото (© СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 355. Л. 5 об.)

Вчений-славіст, професор кафедри церковнослов'янської мови, ректор Чернівецького університету, громадський і церковний діяч, архіпресвітер-ставрофор, доктор філософії Євгеній Козак, відіграв важливу роль в науковому, суспільно-політичному та релігійному житті Буковини кінця XIX – початку XX ст. З жalem можна констатувати, що попри оказіональні згадки імені цього відомого дослідника, священника і чи не єдиного в австрійську добу місцевого ректора-русина чернівецької «Франціско-Йозефіни» в узагальнюючих працях з історії Буковини та Чернівецького університету, окремого дослід-

ження про його життя та діяльність й донині бракує [3; 6; 7; 20–22; 24; 25; 41–43; 48; 49; 51; 52–58; 111; 112; 133; 139; 153; 154; 162; 173; 174]. У зв'язку з цим видається **актуальним** і **новаторським** у плані історико-краєзнавчих студій глибше вивчення постаті Є. Козака, зокрема, в контексті становлення і трансформації його як священника, вченого, громадського діяча та зрештою особистості в контексті діяльності, що відбувалася в конкретних історичних умовах і сприяє глибшому розумінню граней суспільного, політичного та культурного життя австрійського і румунського періодів історії Буковини.

Отже, виходячи зі сказаного, пропоноване дослідження має на меті встановлення нових та систематизацію вже відомих фактів життя та діяльності професора отця Євгенія Козака, а основне його завдання буде полягати у зосередженні дослідницької уваги на ключових подіях біографії цього діяча, які не знайшли належного відображення в наукових студіях, а також на його науковій, громадсько-політичній та церковній діяльності, яка, на наш погляд, потребує більш поглибленого вивчення.

При вивченні постаті професора Є. Козака використано загальнонаукові **методи**: аналізу, синтезу, індукції, дедукції, системного аналізу. У процесі залучення біографічного матеріалу та введення до наукового обігу нових архівних джерел, які різнопланово висвітлюють життя та діяльність дослідника-славіста з Чернівців, при розв'язанні дослідницьких завдань широко використовувалися також біографічний, компаративний, хронологічний, структурно-типологічний, культурно-історичний методи та метод аналізу документів, що дало змогу створити цілісну біографію цього колись відомого, а нині позабутого буковинського вченого.

Із записів в метричній книзі відомо, що народився Євгеній Козак 21 грудня 1857 р. (за ст. стилем) в с. Слобода-Банилів на Буковині в родині православного священника Авксентія Козака та його дружини Анни [16: 58–59]. З джерел відомо, що отець А. Козак (1829–1901) був родом із села Вербівці, де його батько Іван був орендатором, а мати Анна (1827–1903), уроджена Захарович, була донькою священика з с. Мілієво Матея Захаровича [12; 46: 4; 155: 23; 159: 4]. Ймовірно, що родина Козаків мешкала у Вербівцях ще з молдавської доби. У переписі населення Молдавського князівства за 1774 р. згадується серед жителів цього села, яке належало до Чернівецької волості, Іон Козачук, який платив подвірний податок – «бир» [27: 421]. Євгеній Козак був третьою дитиною в родині. Крім нього у подружжя Козаків було 5 синів та 3 доньки, решту дітей померли. Старший брат Євгенія Теофіл (1852 р.н.) став відомим професором соціальної економіки у Базелі. Два менші брати Орест (1859 р.н.) та Мефодій (1876 р.н.) стали православними священниками. Нестор (1861 р.н.) та Володимир служили чиновниками. Дві сестри вийшли заміж за священників, а одна була одружена з учителем [46: 4].

Після навчання в початковій школі у 1871–1878 рр. Євгеній навчався в Чернівецькій німецькій гімназії в «А» класі [140: 82; 141: 77; 177: 20]. У таблиці успішності наведено такі персональні дані про учня Є. Козака: дата та місце народження; відомості про батька; адреса помешкання (вул. Троїцька буд. 1314), власницею якого була бабуся по матері Марія Захаровська, вдова священника; віросповідання – пра-

вославний; національна приналежність (вказано в примітці) – русин [13: 631–632].

Закінчивши 20 липня 1878 р. німецьку гімназію в Чернівцях, Євгеній Козак вступив на православний богословський факультет Чернівецького університету, де провчився 8 семестрів [68: 694].

У 1879–1880 та 1884–1886 рр. навчався на філософському факультеті в Чернівецькому університеті, де під керівництвом проф. Е. Калужняцького опановував порівняльну слов'янську філологію. З 3 січня 1885 р. отримував стипендію крайового президента Буковини [49: 231; 133: 48]. Швидше за все, що саме у той період Євгеній Козак познайомився з Кассіаном Богатирицем, сином резеша із с. Кабин, який, навчаючись тоді в гімназії, квартирував у 1886–1889 рр. в Чернівцях по вул. Троїцькій, 34, у домі його батька священника А. Козака. Пізніше, вони з Кассіаном на довгі роки стануть політичними соратниками, будучи адептами старорусинства на Буковині [14: 363; 15: 369].

У жовтні 1886 р. Євгеній Козак направився до Відня для поглиблення славістичних студій у Віденському університеті і, як свідчать навчальні відомості філософського факультету, що збереглися в університетському архіві, був зарахований цього ж року на навчання. Цікаво, що зарахування відбулося на базі атестату про закінчення Чернівецької гімназії, а не православного богословського факультету університету в Чернівцях, на якому він вивчав теологію з перервами, завершивши 31 липня 1883 року, за 3 роки до вступу до Відня. Вивчення славістики у Віденському університеті Є. Козак завершив 1892 року захистом дисертації [49: 231; 68: 694]. З документів університету відомо, що у перші роки студіювання славістики у Віденському університеті він отримував стипендію в розмірі 170 фл. Документи також засвідчують проживання студента Козака у Відні за різними адресами поблизу Віденського університету (зокрема, він мешкав у 1886–1888 на Лаудонгассе, 33, Шульгассе, 69, Маріаненгассе, 23, а 1889 на вул. Брюнльбадгассе, 8) [70: 452; 71: 346; 73: 326; 75: 431]. Можливо, що саме визначені умови та права на отримання стипендії стали спонукали його утриматися від подання інформації щодо навчання в Чернівецькому університеті.

Навчаючись на філософському факультеті, Євгеній Козак відвідував курси у багатьох відомих професорів Віденського університету. Зокрема, вивчав порівняльну граматику індо-германських мов у проф. Мюллера, класичну філологію у проф. Хартеля, слов'янські пам'ятки у д-ра Пастрнака, археологію та вступ до історії мистецтв у проф. Вікхофа [72: 429; 74: 446, 445].

Документи університетського архіву також засвідчують, що найбільшу кількість навчальних курсів Є. Козак відвідав у проф. В. Ягича, який

з 1886 р. очолював у Віденському університеті кафедру славістики, а до того викладав порівняльне мовознавство та слов'янську філологію у Новоросійському, Берлінському та Петербурзькому університетах. У нього він вивчав такі курси, як: «Старослов'янська граматики» («Alt-slawische Grammatik»), «Вступ до слов'янської філології» («Einleitung in die slawische Philologie»), «Практичні семінари зі славістики» («Übungen im slawischen Seminar») «Синтаксис слов'янських мов» («Syntax der slav. Sprachen») [69: 452; 75: 431]. Під час навчання у Віденському університеті Є. Козак також працював у бібліотеці «Слов'янського семінару», що була започаткована В. Ягичем. Про активну роботу над поповненням фондів цієї книгозбірні літературою зі славістики дізнаємося з листів проф. В. Ягича до Є. Козака від 5 та 11 серпня 1891р. Ці листи збереглися у відділі рідкісних книг наукової бібліотеки Чернівецького університету. У них йдеться про інтерес Ягича до книг з бібліотеки відомого професора-славіста Ф. Міклошича, який помер у березні 1891 року. Зокрема, у листі від 5 серпня 1891 р. Ягич запитував Є. Козака, чи вибрала якісь книги з його книгозбірні до своїх фондів придворна бібліотека, і чи відбулася їх передача, а також що станеться з рештою, оскільки М.Сперанський хотів деякі з них забрати [31]. У другому листі, датованому 11 серпня 1891 р. вже йде мова про те, що Ягич зініціював купівлю до бібліотеки семінару великої кількості праць з книгозбірні Ф. Міклошича. Реалізацію цієї відповідальної справи Ягич поклав на Козака, даючи йому в цьому листі відповідні вказівки: «Добре, що ви вже передали на семінар книги зі спадщини Міклошича. Тільки одне мені незрозуміло. Ви дійсно продали антиквару книги про Кирила та Мефодія і чи не відібрали нам деякі, типу Рачка, Воронова? Це було б ганьбою назавжди. Я думаю, що ціна в 800 гульденів для решти цілком розумна, і пропоную вам погодитися, якщо продавець книг дійсно заплатить. При хорошому фінансовому становищі нашого семінару можна було купити набагато більше, але найнеобхідніше, я думаю, ми таки дістали. Чи не могли б ви якнайшвидше скласти детальний рахунок-фактуру, і я домовлюся, щоб Штадль надіслав п. Міклошичу гроші» [32].

Склавши усні іспити із загальної славістики як основного фаху й порівняльного мовознавства як додаткової спеціальності 18 грудня 1891 р., Є.Козак подав на розгляд фахових опонентів свою дисертаційну роботу на тему: «Чернівецький збірник 1359 року. Його оцінка в літературно-історичному, палеографічному, мовному і текстуально-порівняльному аспектах». 30 січня 1892 р. після відмінного захисту йому було присуджено ступінь доктора філософії [68: 694; 133: 48]. У подальшому головний опонент дисертації проф. Ягич став науковим ментором Є. Козака як вченого-славіста.

Є.Козак належав до школи славістики Ягича, з якої вийшла ціла

плеяда відомих славістів. Як пізніше відзначав І.Франко, в протягу тих 10 літ, відколи кафедру віденську займає проф. Ягич, із його школи вийшов цілий ряд талановитих учених, як ось покійний Облак (помер торік яко доценту Граці), Іванов (болгарин), Джорджевич (серб), Стоянович (серб), Козак (буковинський русин), Вондрак (чех), Решетар (хорват). Два останні габілітувалися на виклади слов'янські у Відні, головню для граматики. Тепер прибуває ще новий доцент, др. Мурко, що викладатиме головню історію літератури і то середньої та новішої доби» [53: 9]. Окрім перелічених славістів, до кола спілкування Є.Козака належали такі відомі вчені як Ф.Пастрнак та М.Сперанський [32]. З обома дослідниками Козак працював над переписуванням двох слов'янських Псалтирів (Болонського та Погодинського списків) під керівництвом Ягича [37]. Пізніше, в листуванні з Козаком, Пастрнак з теплом згадував часи, спільно проведені в слов'янському семінарі у Відні [35], а в архіві М. Сперанського, який знаходиться у Санкт-Петербурзі, збереглося зроблене у Відні фото Є. Козака з дружнім написом: «Дорогому Михаилу Несторовичу на добрую память отъ дра Евг. А. Козака» (СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 355. Л. 5–5 об.) [25: 127].

У 1892 р. в «Щорічнику протестантської філології» побачила світ спільна праця Є. Козака «Бібліографічний огляд біблійно-апокрифічної літератури у слов'ян, надана проф. д-р Ягичем з Відня [119: 127–158]. Того ж року в журналі «Архів слов'янської філології», редактором якого був В. Ягич, Є.Козак опублікував свою працю «Результати моїх досліджень в монастирі Сучевиця на Буковині» [123: 235–255]. У цій праці молодий дослідник оприлюднив матеріали своїх студій – написів на старих дзвонах, іконах хрестах та ін. в давній буковинській чернечій обителі.

Завершивши навчання, Є. Козак впродовж березня 1892 – січня 1894 рр. працював у цісарсько-королівському імперському фінансовому архіві [133: 48]. У цей період він одружився на Ангелі-Габріеллі-Сузанні-Сидонії, уродженій Гратцл з м. Сучава. 1 лютого 1893 р. у подружжя народився первісток – син Адріан, який був охрещений 21.02.1893 у грецькій православній церкві Св. Троїці у Відні (хресними виступили викладач реальної школи у Відні др. Даніель Веренка (уродженець Роші в Чернівцях) та його дружина Вікторія Веренка) [137: 93]. Пізніше народились ще дві доньки – Наталія та Сидонія. У Відні подружжя Козаків мешкало у ІХ районі на Брюнльбадгассе, 8, де Євгеній оселився ще під час навчання.

На перших порах молодому доктору філософії перспектива працевлаштування в якості науково-педагогічного працівника закладу освіти здавалася не реальною. З цієї причини, маючи теологічну освіту, здобуту в Чернівецькому університеті, Євгеній Козак вирішив

піти шляхом батька-протоієрея і стати православним священником. У серпні 1893 р. його було висвячено в сан диякона, а потім – ієрея Буковинсько-Далматинської митрополії. Вже у грудні 1893 року він посів місце парафіяльного адміністратора новозаснованої сербської церкви св. Сави, що знаходилася у III-му районі Відня, по вул. Вайтхассе, 3 [156: 148]. У квітні 1896 р. отця Є. Козака перевели на Буковину, на місце адміністратора парафії в с. Веренчанка, де він прослужив з середини червня 1896 до початку червня 1897 р. [18: 82 зв.–83, 97 зв.–98; 133: 48]. Відтак з липня 1897 по квітень 1899 рр. д-р Є. Козак був адміністратором парафії в с. Добринівці [19: 72 зв.–73, 91 зв.–92; 133: 48]. Уже тоді священник-адміністратор з Добринівців із докторським ступенем привернув увагу керівництва митрополії. Зокрема, під час чину закладення наріжного каменю в основу нової православної церкви в Заставні, здійсненого 1 жовтня 1896 р. архімандритом Мироном (Калінеску), отцю д-ру Козаку було довірено виголосити проповідь після завершення літургії на місці побудови храму [116: 4].

Маючи потребу в коштах, священник Євгеній Козак займався час від часу виконанням перекладів текстів з румунської мови за оплату. Надходженню замовлень сприяв віденський славіст і ментор проф. Ватраслав Ягич. Це, зокрема, засвідчено у їхньому листуванні упродовж березня–квітня 1896 р. Так, у листі від 24 березня Ягич запитує колегу з Буковини чи не хоче той перекласти два нових тексти з румунської на німецьку мову для барона Гельферта за платню у розмірі 20 гульденів за кожен [33]. У наступному листі, датованому 28 квітня цього ж року, В.Ягич вже наполегливо нагадав Є.Козаку взяті ним на себе зобов'язання щодо перекладу згаданих текстів, прямо запитуючи, коли їх можна очікувати [33].

У 1899 р д-р. Козак розпочав свою викладацьку діяльність на новоствореній кафедрі церковно-слов'янської мови і літератури православного богословського факультету Чернівецького університету Франца-Йосифа. Упродовж 1899–1918 рр. він викладав на вищезгаданій кафедрі та був членом відділу цісарсько-королівської екзаменаційної комісії для студентів богослов'я [3: 141; 5: 2; 9: 2–3; 41: 500; 80: 373; 110: 1091; 129: 303]. Впродовж 1899–1904 рр. займав посаду виконуючого обов'язки професора [47: 195–196; 157: 156; 175: 1]. Прихід о. д-ра Є. Козака у 1899 р. на теологічний факультет, поряд з іншим священником-українцем Д.Єремійчуком, колишнім законоучителем гімназії, який не маючи докторського ступеню, а через протекцію крайової адміністрації, все ж зайняв посаду викладача пасторальної теології (першопочатково на це місце планували призначити нещодавнього випускника факультету о. д-ра К. Богатир-

ця, але уряд не затвердив його кандидатуру з політичних мотивів), відбувся в період покращення становища нерумунів у Чернівецькій архієпархії Буковинсько-Далматинської митрополії, коли її очолив митрополит Аркадій (Чуперкович). Проте всі поступки у церковній сфері, на фоні появи у січні 1899 р. вимог народовських депутатів Буковинського сейму щодо поділу місцевої архієпархії на українську і румунську частини, спричиняли бурхливі виступи проти митрополита з боку радикально налаштованих румунських кіл, зокрема, студентів-семінаристів румунського походження, які нападали на старенького владику [5: 2; 20: 365–367; 22: 77; 42: 311].

Відголосок тих подій знаходимо в листі проф. Ягича з Абації від 19 серпня 1899 р., адресованому д-ру Є. Козаку в Чернівці за адресою: вул. Ремера, 5, у якому він писав своєму учню і колезі: «Шановний пане професоре! Однак я не зміг пояснити собі, як так сталося, що я не отримав від вас жодних новин, тому я побоювався, що ваші бажання не будуть виконані в якомусь відношенні. Тепер мені приємно почути, що справа розвивається тим курсом, яким вона була. Я бажаю вам, у чому я не сумніваюся, з огляду на вашу благородну ревність, найкращих успіхів у вашій новій діяльності. Наберіться спочатку терпіння до нових колег і молоді! Будь-яка нова річ, якою б гарною вона не була задумана, спочатку викликає недовіру, і від людини як носія дуже залежить, щоб ставлення людей змінилося, щоб недовіра зникла, а доброзичливість людини також до самої речі пристосувалась. Коли я прочитав щось у газетах про демонстрацію, яка нібито була спрямована проти митрополита, я побоювався, що, можливо, русини тому причина. Сподіваюся, мої побоювання були абсолютно безпідставними. Тому я сподіваюся, що з часом румунська молодь усвідомить важливість у цьому переконатися. У будь-якому разі ваше ім'я буде тісно пов'язане з цим новим поворотом подій на краще в історії культури країни». В цьому ж листі проф. В. Ягич також схвально поставився до започаткування його молодшим колегою в Буковинській митрополії церковного музею, який той планував наповнювати середньовічними слов'янськими грамотами і книгами з теренів колишніх придунайських князівств, зокрема з Буковини, стверджуючи, що: «Ідея побудови церковно-археологічного музею, мабуть, багатьом здається сенсом і вам не бракує підтримки з усіх боків. Можливо, з часом вам вдасться зберегти деякі фрагменти слов'янського середньовіччя з трьох країн і зробити їх доступними для наукових досліджень. Я тут нещодавно почув (від проф. Сперанського) – ми теж у газетах читали, це, що якийсь Яцимірський із Москви привозив до Москви деякі речі зі своїх подорожей по молдо-валаських країнах (не знаю, чи й Буковина), поки його нещодавно не спіймали *in facto flagranti* в

Бухаресті. Одну таку людину, це пан у Росії, якого я (і, напевно, ви теж) знаєте. Є лише один засіб від таких випадків – розумна концентрація в поєднанні з хорошим наглядом» [34].

Приступивши до праці на богословському факультеті, починаючи з 1899–1900 навчального року д-р. Є. Козак викладав студентам-теологам церковно-слов'янську граматику, практичні вправи з церковно-слов'янської мови, огляд церковно-слов'янської літератури та публічний курс про літературну діяльність апостолів слов'ян Кирила і Мефодія [169: 6]. Як виконувач обов'язків професора теологічного факультету він був іменованій 1901 року голосуючим членом Буковинської православної консисторії [49: 231].

Влітку 1901 р. родину Козаків спіткало горе. 17/30 серпня помер батько о. Євгенія Козака – протоієрей Авксентій Козак, багаторічний настоятель парафії в Старих Мамаївцях, нагороджений за службу медаллю заслуги. На похорони прибули діти: 6 синів та 3 доньки отця протоієрея [46: 4; 86: 10]. Через два роки, 30 липня/13 серпня 1903 р., в Чернівцях у віці 66 років, услід за батьком, відійшла у вічність мати Євгенія Козака – Анна Козак [46: 4; 159: 4]. Поховали її на чернівецькому міському кладовищі (могила зберіглася в 14 кв.).

Працюючи над дослідженням слов'янських написів в середньовічних культових спорудах краю, Є. Козак неодноразово відвідував монастирі південної частини Буковини, зокрема, Сучевицю, де у «Книзі пошани» монастиря, серед майже 3000 підписів, збереглися й автографи д-ра Євгенія А. Козака (на листі 50, (69), (74), (78); 1X1901; 24N–7 NI 1907; 10 серпня 1908 р.; 14 VII 1909). При першому візиті він поставив свій підпис після наступної похвальної згадки про настоятеля монастиря: «Ohne den Klostervorsteher verlassen sind die Hallen! / Без настоятеля монастиря приміщення пусті!» (він мав на увазі протосінкела Веніаміна (Іліуца), колишнього священника в чернівецькому передмісті Гореча, який був ігуменом Сучевиці у 1901–1910 рр., але найбільше відомий тим, що був учителем релігії М. Емінеску в Чернівецькій гімназії). А під час передостаннього візиту 10 серпня 1908 р., крім підпису, д-р Є. Козак, також згадує свої вчені звання: «Rector magnif. c. r. Universitatis Cernoviciensis bucovinensis, professor publ. ord. literar slavici» [139: 168].

Будучи влітку 1903 року разом з урядовим радником архітектором К. Ромшторфером в м. Сучава, професор Чернівецького університету д-р Є. Козак взяв участь у засіданні «Сучавського музейного товариства». Як писала «Чернівецька щоденна газета» у номері за 2 липня, що там він виступив з доповіддю, яку присутні представники місцевої міської інтелігенції вислухали з великим зацікавленням. За словами

кореспондента, проф. Козак розповів про написи на каменях в Сучаві, які задокументували добрий відрізок історії міста. Він навів також зовсім нові історичні факти і спростував на підставі представлених написів (демонстрація яких часто викликала у певних колах незадоволення) комбінації Шмідта, Вікенгавзера та Урекія. Його виступ, що тривав біля двох годин, викликав бурхливі оплески публіки [91: 4]. Паралельно о. д-р Козак збирав по церквах гірської частини краю старі слов'янські церковні книги для фондів створеного ним музею Буковинської митрополії.

У тому ж році у Відні було опубліковано найбільш вагому працю проф. Є.Козака, фундаментальне епіграфічне дослідження «Написи з Буковини» [122]. У цій роботі дослідник зібрав і опублікував слов'янські написи з монастирів та давніх церков Буковини, що збереглися з молдавської доби, зокрема, епітафії на кам'яних надгробках господарів Молдавської землі в Радівцях, Путні, Сучевиці та ін. [122: 45, 52, 69, 84, 89, 90, 109, 170].

Проф. В. Ягич, отримавши примірник цієї монографії від автора, надіслав Є.Козаку 12 грудня 1903 р. вітального листа з Праги, у якому написав: «Шановний колега! Дуже дякую за вашу гарну роботу «Написи з Буковини», із завершенням яких вітаю. Напевно, у вас була дуже складна робота з цим виданням, напевно, ще й витрати. Нехай втішить загальне визнання, що робота обов'язково знайде нагороду за витрачені зусилля» [35]. За винятком невеликої розвідки Романського єпископа Мельхіседека (Штефанеску) «Відвідання кількох монастирів і старовинних церков Буковини», опублікованої в 1882 р. у вигляді статті, а у 1885 р. вийшов її окремий відбиток та низки досліджень православного священника-катехита гімназії в Сучаві С.Ф. Маріана «Святий Іоанн Новий Сучавський» [124–128; 130; 131], книга професора Чернівецького університету була унікальним у своєму роді дослідженням написів Буковини. Характерно, що пізніше, у 1931 р., румунський дослідник Г. Точілеску, складаючи свою збірку слов'яно-румунських документів 1346–1603 років, окремо згадає про внесок професора Є. Козака з Чернівців в справу збирання епіграфічних матеріалів [162: IV].

Проте ця праця була піддана критиці з боку румунського історика, професора Бухарестського університету Н. Йорга, який побував в 1904 р. у Чернівцях. У своїй в нотатках про подорож буковинським краєм, опублікованих у вигляді книги під назвою «Румунський народ з Буковини» роком пізніше, серед наукових досягнень викладачів місцевого університету, не оминув увагою й працю зі слов'янської епіграфії Буковини професора теологічного факультету о. Є. Козака. Н. Йорга зауважив, що «д-р Козак, священник русин, нині професор

славістики на богослов'ї, добре надрукував і погано витлумачив буковинські написи» [114: 212–213]. Більш детальну критику праці Є. Козака професор з Бухареста зробив у окремій рецензії – «Колекція молдавських написів з Буковини пана д-ра Є. Козака», опублікованій в 1904 р. [112]. Приступаючи до аналізу книги, Йорга відзначив, що Козак загалом зібрав 133 слов'янські написи, 16 румунських, 13 вірменські, 4 грецькі, 2 латинські та 2 арабські, з примітками та поясненнями на 200 сторінок [112: 3–4]. Проте, на думку професора з Бухареста, хоча автор дослідження й прочитав написи точно та зробив вірний їх опис з філологічної точки зору, а також подав відомості про споруди, де вони знаходяться, при складанні історичних коментарів, датуванні написів він або не знає чи свідомо ігнорує всі останні публікації джерел з історії Молдавії, видані румунськими дослідниками, переважно самим Йоргою, апелюючи, натомість, до застарілої традиції, що призводить до появи в роботі Козака неточностей, плутанини та помилкового датування подій і фактів з історичного мнулого краю та життя історичних діячів [111: 112–113; 112: 4–5, 6–7, 14–17, 62]. До прикладу, наведемо нижче декілька його критичних зауважень. Так, описуючи історію Путнянського монастиря, Є. Козак, за твердженням Н. Йорги, припустився ряду неточностей, зокрема в датуванні, зауважуючи: «Митрополит Теоктист похований в Путні. На його надгробному каменю вибита дата: листопад 6986 р. Д-р Козак, який постійно акцентує, що в старі часи літочислення обраховувалося за руським календарем, тобто починаючи з березня, а не за візантійським, який починається у вересні, визначає як 1478 р. Проте у хроніці – де дійсно не робиться уточнення, чи це вересневий стиль, чи січневий (але як побачимо далі, точно березневий) – дата фіксується наступним чином, більш лаконічно: листопад 6985 (тобто 1777).

Ну добре, Козак уточнює хроніку, мотивуючи це тим, що вона була складена пізніше, ніж епітафія. Насправді, і це не відповідає дійсності: записи вносилися в хроніку одразу ж після події. І зазвичай епітафії фіксували роки життя, одразу ж після поховання покійного (декілька днів).

Те, що Теоктист міг бути сербом, або болгариним, не має під собою іншого доказу, як згадки в одному з старих синодиків XVIII ст. у моїй публікації, я довів, що згаданий вище синодик, не міг бути складений тоді із іншої причини, а саме, митрополит Даміан, після собору у Флоренції, ще доволі тривалий час перебував у місті, після його завершення, сербство Теоктиста бере свій початок з факту, що він був висвячений одним з сербських патріархів» [112: 16–17].

При описі надгробків воєвод в єпископській церкві-усипальниці св. Миколая в Радаць, Йорга теж вказує Козаку на ряд неточностей і плутанину через схрожість імен похованих осіб з воєводської родини.

Зокрема, у коментарях про некрополь господарів та їх родичів в цьому храмі Йорга, між іншим, зауважував: «Роман воєвода не є Романом Мушатою і сином Мушати, як я довожу і це можна побачити в моїй «Історії румунів». Є абсолютно бездоказовим, що Анастасія – донька Лацку, вийшла заміж за Романа і стала мамою Олександра Доброго. Я навіть аргументи проти цієї точки зору Козака ще в 1901 р. в «Історії літератури румунів». Давно підтвердженим є факт, що Анастасія, мати Олександра, похована в Романі, натомість та, про яку йде мова, похована в Редеуць» [112: 24–25].

Також при описі монастиря Сучевиця та написів на надгробках в тамтешньому монастирському храмі, Н. Йорга так само не упустив нагоди зробити Є. Козаку низку зауважень щодо припущених ним неточностей історичного плану. Зокрема, коментуючи наведені чернівецьким дослідником факти з історії роду Могили, ктиторів Сучевицького монастиря, професор з Бухаресту зауважує, що «Георгій Могила був би єпископом в Редеуць з 1580 по 1588 рр. Цілковита помилка! Він не міг бути Редеуцьким єпископом з 1587 р. Бажано, щоб Козак побачив акти, які я надрукував в «Документах» Гурмузакі та «Історії літератури румунів». У моїй книзі можна прочитати реляції зі Львова. Я показав, що Георгій Могила став Редеуцьким єпископом після цієї дати (1587), а покинув посаду в 1591 р., утікаючи з Петру Кульгавим. В іншому разі, якщо в 1577 р. Ісає є ще діючим єпископом в Редеуць, як міг зайняти це місце Георгій Могила.

Д-р Козак подовжує термін його єпископства, наполягаючи, що Георгій Могила був митрополитом з 1589 до 1603 рр. Ні, це теж помилка» [112: 40–41].

Особливо Н. Йорги критикує Є. Козака через його упереджене ставлення до румунських дослідників-аматорів єпископа з Романа Мельхіседека (Штефанеску) та священника-катехита з Сучави С.Ф. Маріана, які раніше публікували окремі написи і, як визнає сам професор з Бухаресту, будучи дилетантами, звичайно, що припускалися помилок. Але, водночас, поблажливе ставлення з боку чернівецького професора до публікацій джерел історика-любителя з Чернівців австрійця Ф.А. Вікенгавзера, дає підстави Йорзі звинувачувати автора праці про написи з Буковини в академічній нетолерантності до одних любителів історії, яким він навіть відмовляє (через непрофесіоналізм і неслов'янське походження) у праві взагалі займатися церковнослов'янською палеографією і поблажливості до інших чужинців – австрійців, яких ставить вище за румунів. Критикуючи Козака, Йорга у підсумку констатував, що той «відмовляє вченим-чужинцям в праві студіювати історичне минуле, залишаючи цей пріоритет за собою, роблячи виняток, хіба що, для періоду, який був нещодавно,

не беручи, однак, до уваги, що це наша історія, і, що для справжнього наукового рівня, потрібно залучати не лише слов'янські джерела, але й використовувати всі наші джерела. Натомість, Козак задовольняється лише хроніками, які переклав Вікенгавзер, що не претендують не на науковий рівень, а лише на науково-пізнавальний і посилається на праці Вікенгавзера, аби роз'яснити нам переклади наших джерел, як це вже робив нещодавно д-р Якоб Блеєр» [112: 62].

Натомість, заступник директора державного архіву Румунії славіст та історик д-р Іліє Бербулеску, високо оцінюючи нову працю Є. Козака, у листі від 30 серпня 1904 р. писав досліднику: «Шановний пане професоре Козак, я знаю про Вашу працю, чим Ви так допомагаєте нашій науці. Ось чому мене анітрохи не дивує індивідуалістичний і злісний тон, з яким пан Н. Йорга з наших говорить про Ваші «Написи з Буковини» у VI томі «Досліджень і документів/ *Studii și documente*». Я здивувався б неприємно, тобто тоді, якби говорив він добре, як за-служили; тому що пан Йорга відрізняється, насамперед, своїм гнівом ображати всіх, хто не поклоняється його творінням, і чинити наклепи та ображати будь-кого, хто має знання й розум, щоби виправити його численні наукові помилки.

Але, звісно, він думає, що таким маразмом та наклепами може завадити Вам рухатися вперед, що робить ще більш наполегливо, коли бачить, що наша Академія оцінила вас інакше – нагороджуючи.

Однак Ви бачите, що не тільки на Вас нападає пан Н.Йорга й група, що танцює біля нього. Тому прошу Вас надіслати мені свою працю, аби цього разу дати їй гарну оцінку, якої Ви в науці заслуговуєте» [30].

1905 року вийшли ще дві позитивні рецензії на перший том праці о. Є. Козака про написи з Буковини. Автором першої, опублікованої у Києві в «Університетських відомостях», був професор київського університету, російський візантиніст Т.Д. Флоринський, який говорячи про вихід праці чернівецького професора Є. Козака зазначав, що: «Проф. Козак зрозумів своє завдання дуже широко. Він не лише дає точні тексти написів, при чому деякі дуже важливі відтворені у знімках, але й супроводжує кожний напис докладними коментарями, у яких розбираються опубліковані пам'ятки як з точки зору палеографії і мови, так і щодо змісту та з'ясовується всебічне історичне значення кожного напису і повідомленого у ньому факту. Більше того, про кожну місцевість і кожний монастир, у межах якого знаходяться написи, повідомляються всі необхідні географічні та історичні відомості. Все це разом робить працю проф. Козака дуже цінним внеском у вивчення як буковинської старовини, так і долі церковнослов'янської мови. – Певним недоліком цього чудового видання слід вважати відсутність іменного покажчика» [52: 67–68].

Другу рецензію опублікував у львівських «Записках НТШ» український мовознавець З. Кузеля, який, відзначаючи цінність праці Є. Козака для славістичних та історичних судій, констатував: «Збірник містить 170 написий, з чого більше як три чверти, бо 133 церковно-славянських. Між иньшими знаходимо 16 румунських, 13 вірменських, 4 грецькі, 2 арабські і 2 латинські. Найбільше їх число випадає на XVI столітє, бо 53, 43 походить з XVII ст., 20 з XVIII ст., 18 з XV ст. а иньші не мають ближшої дати найстарші з поміж них церковно-славянські; вірменські і румунські появляють си майже виключно доперва XVII ст. Найдавнішу дату, рік 1477, носить напис надгробку Марії Мангоп, жінки Стефана Великого, похованої в путнянськїм монастири <...>.

Автор подає усі написи з як найбільшою докладністю: кожду з них обяснює палеографічного, філологічного і історико-критичного боку і описує докладно місце, де вона містить ся, її теперішний стан і коли, де можливо, її минувшісь <...>.

Збірка проф. Козака має чималу вартість, так для філологів, як і для істориків і приносить не одну важну подробицю, яка може причинити ся до роз'ясненя дішньої світлої, принайменьше в XV–XVI ст., історії Молдавської землі <...>.

Молдавські написи цікаві для нас і з боку язикового, бо в них відбивають ся всілякі язикові впливи сусідніх народів славянського племені. Язиком державним і літературним був тут язик церковно-славянський середно-болгарської редакції, – перенятий разом з прийнятем християнства, але не цілком в чистім виді. Чужий язик, незрозумілий для усіх, не сіг доховати ся в своїй первісній чистоті і підпав дуже скоро впливам української і сербської мови» [24: 28–29].

Далі рецензент наводить, як приклади впливу української і румунської народних мов, написи в Арбуре і Мілішівцях [24: 29–30].

Підсумовуючи аналіз викладеного в рецензованій праці матеріалу, З. Кузеля зазначає, що «сліди упадку тодішньої церковно-славянської мови у Молдаван проявляють ся не лише в формах, як ми се бачили в обох написах з давніших часах з 1502 і 1487 р., але також пізнійше і в синтаксі. Очевидно різьбарі не відчували духа церк. славянської мови і не хочачи підмішувати та переносити на неї характер своєї мови, і на се можна би навести багато примірів <...>. Не мило лише вражає се, що автор подає назви місцевостей, не знати для чого, також в неістнующій російській формі, котру потім доперва мусить обяснювати українською. Так прим. Milesovcy називають ся Мильшовцы, а місцеве населенє вимовляє се Мильшівцы; так само стрічаємо далі Парговцы – Паргівцы, Радовцы – Радівцы і т. д.» [24: 30].

У 1904 р. побачило світ ще одне дослідження проф. Є. Козака «Найдавніший документ монастиря Путна: до 400-ліття смерті Штефана

Великого» [120].

Професор В. Ягич, отримавши цю працю від автора, писав йому зі своєї вілли в Абазії 24 липня 1904 р.: «Шановний пане професоре! Дякую, що люб'язно надіслали мені вашу публікацію грамоти Штефана Великого. Озираючись назад, я хотів би знати, чи мала успіх моя рекомендація використання Релігійного фонду для покриття витрат на публікацію листів? Я вказав, що Ваша праця є не просто епіграфічним досягненням, але містить цінні дані з історії монастирів і церков вашого краю – як мінімальна заслуга було б хоча фінансове прикриття витрат Буковинським релігійним фондом. Чи все це мало успіх? Я би був задоволений однією Вашою сприятливою відповіддю, на яку також розраховую (...).

PS. Я також відправив екземпляр до Імператорської академії, у супроводі дуже теплих слів, які почув міністр, голова секції. Сподіваюся, Вам теж подякували за примірник» [36].

У цісарській академії наук у Відні з вдячністю прийняли екземпляр праці Є. Козака. Газета «Czernowitzer Tagblatt» за 15 листопада 1904 р. з цього приводу писала, що йому подякували за отримане нарешті дослідження «Найдавніший документ монастиря Путна: до 400-ліття смерті Штефана Великого» проф. Д-ра Є. Козака, яке вийшло в Чернівцях 1904 року [171: 3].

Варто відзначити, що порада В. Ягича звернутися за фінансовою підтримкою до Буковинського православного релігійного фонду у справі видання Є. Козаком епіграфічних пам'яток з теренів краю стала йому у великій пригоді, особливо при виданні першого тому праці «Написи з Буковини». Профінансовані релігійним фондом примірники цієї книги активно реалізувалися Буковинською митрополією до парафіяльних бібліотек та бажаючим особам, переважно священникам, упродовж 1904–1930 рр.

1904 року, цісарським указом від 26 серпня, д-р Є. Козак був затверджений ординарним професором церковно-слов'янської мови Чернівецького університету [170: 4]. У тому ж році митрополит Буковини і Далмації д-р Володимир (фон Репта) підніс отця Євгенія в сан протопресвітера [157: 156]. А у червні 1905 р. він став членом університетського Сенату [49: 231]. У 1906–1907 н. р. професор Є. Козак був деканом богословського факультету [172: 3]. У жовтні 1906 р., ставши деканом теологічного факультету, як засвідчує місцева преса, Є. Козак активно бере участь у різних громадських подіях. Разом з ректором та іншими деканами факультетів і професорами, він був на прийомі буковинського крайового президента фон Блейлебена [87: 5]. У вересні 1907 р. проф. Козак взяв участь у похоронах ректора чернівецького університету, званого професора-богослова,

д-ра В. Гаїни, виступивши з промовою біля гробу небіжчика [147: 3]. 11 листопада 1907 р., уже в якості очільника університету Франца Йосифа, разом з іншими професорами, зокрема Р.Ф. Кайндлем, взяв участь в урочистому відкритті пам'ятника Шиллеру біля чернівецького міського театру [103: 1].

Паралельно, з червня 1907 р., займається пам'яткоохоронною роботою як член комісії Міністерства культів з оцінки мистецьких цінностей буковинських монастирів [49: 231].

Будучи обраний ректором Чернівецького університету 24 жовтня 1907 року, проф. Є. Козак обіймав цю посаду до 2 грудня 1908 р [49: 231; 136: 3–4, 6; 150: 2; 151: 4; 157: 156] 9 грудня 1907 р. на урочистій інаугурації, що відбулася об 11 год. у святковій залі університету в присутності крайового президента Буковини д-ра фон Бляйлебена, Буковинсько-Далматинського митрополита д-ра Володимира (фон Репти), чернівецького бургомистра барона Фюрта та ін., новообраний ректор проф. церковно-слов'янської мови д-р Євгеній Козак привітавши студентів, висловивши подяку професорам за довіру, виказану під час виборів та виступив з традиційною інаугураційною лекцією на тему: «Значення церковно-слов'янської мови» («Die Bedeutung der Kirchenslavischen Sprache»), яку всі присутні прослухали із зацікавленням [121; 149: 3]. У 1908 р. друкований примірник цієї інаугураційної промови ректора Чернівецького університету проф. Є.Козака було передано до особистої бібліотеки імператора Франца Йосифа I [10: 1–3 зв, 5].

Період ректорства став випробуванням для проф. Є.Козака, адже припав на час студентських страйків в австрійських університетах, спричинених т. з. «справою Вармунда» (Wahrmund Affaire), що була пов'язана з критикою освітянською спільнотою католицької церкви через її спроби здійснювати контроль над освітою. У герцогстві Буковина, де переважаючою конфесією було православ'я, вплив католицизму був незначним, в тому числі й в освітньому середовищі, але зважаючи на те, що Л. Вармунд свого часу (до 1897 р.) викладав право в Чернівецькому університеті, місцеві студентські товариства різної етнічної та конфесійної приналежності активно виступили на його захист, вдавшись до страйку. Ректор Є. Козак, будучи православним кліриком і притримуючись консервативних поглядів, під час зустрічі у травні 1908 р. з активом студентів, відкрито висловлював свою позицію головам студентських корпорацій, закликаючи їх не втрачати навчальний семестр і прийняти сторону права [90: 3; 102: 4]. 12 червня 1908 р. Є. Козак відбув до Відня для участі у ректорській конференції, яка проходила 13–15 червня у Міністерстві культів та освіти [135: 3], де одним із центральних питань на порядку денному,

було питання автономії університетів. Після повернення ректора Є.Козака до Чернівців і оприлюднення результатів засідань, що відбулися в міністерстві у Відні, лекції в університеті відновилися [81: 1; 97: 1]. У грудні 1908 р., після обрання ректором д-ра К. Зелінки, проф. Є.Козак став проректором університету [148: 4]. Під час перебування ректора Зелінки у відраядженнях та відпустці, проректор Є.Козак залишався в університеті виконуючим його обов'язки [168: 5].

Є.Козак неодноразово виступав промоутором докторських дисертацій, які захищалися в Чернівецькому університеті. Варто згадати, зокрема, захисти С. Цанкова (1905 р.), А. Міанеску (1909 р.), С. Драгоміра (1910 р.) [142: 3; 143: 4; 144: 4].

Поряд з церковною та науково-педагогічною діяльністю важливе місце в житті Є. Козака займала участь у суспільно-політичному житті Буковини. Ще з років навчання він долучився спершу до діяльності молодіжного старорусинського товариства «Согласіє», а потім вступив до студентського товариства «Союз», яке співпрацювало з «Руською бесідою» і «Народним домом». У студентському товаристві він пройшов шлях від члена правління (1878 р.) та секретаря (1879 р.) до заступника голови (1880 р.). Та коли у 1885 р. в керівному складі товариства стали домінувати прихильники народовської течії, Є. Козак зі старорусинами покинули «Союз» і стали критикувати його провід. Проте невдовзі, так і не домігшись зміни нового керівництва організації, він разом із прихильниками повернувся до «Союзу». Умовою повернення старорусинів в товариство народовці поставили припинення їхньої критики. Але оскільки Є. Козака та його однодумці порушили угоду, у квітні 1886 р. їх остаточно виключили з рядів товариства «Союз» [20: 169, 191; 49: 231].

З 90-х рр. XIX ст. проф. Є. Козак став одним з активістів старорусинського руху на Буковині як у церковній, так і суспільно-політичній сферах. Активно співробітничав з русофільськими часописами «Православна Буковина» та «Буковинські Вѣдомості» [22: 70, 76; 49: 231].

У 1899 р., будучи професором університету, о. д-р Є. Козак взяв участь у соборі 66-ти священників-русинів, що зібрався в Чернівцях, на якому було узгоджено меморіал до митрополита Аркадія (Чуперковича) і консисторії про збереження єдності Чернівецької архієпархії Буковинсько-Далматинської митрополії, прийнятий 31 травня на протывагу січневого меморіалу народовських депутатів Буковинського сейму М.Василька та Є.Пігуляка до Святійшого Синоду Буковини і Далмації щодо поділу її за національним принципом – на українську і румунську єпархії [26: 3, 13]. На цьому зібранні він, разом зі священниками-русофілами Є. Андрійчуком, о. д-ром К. Богатирцем, Д. Кисель-Киселівським та В. Козарищуком, був обраний

до комітету, який мав вивчити згадане питання і зібрати духовенство для прийняття по ньому остаточного рішення, а 29 вересня увійшов до складу делегації, яка вручила означений меморіал від руського духовенства президенту краю та митрополиту [20: 368–369; 49: 231]. Що стосується змісту адресованого правлячому архієрею Буковинської архієпархії меморіалу, під яким залишили свій підпис, поряд з підписами інших кліриків-русинів, о. проф., д-р Євгеній А. Козак, його батько протоієрей в Старих Мамаївцях А. Козак та брат парох в Путилі О. Козак, то цей документ складався з 12-ти компромісних і досить поміркованих пунктів, у яких були сформульовані вимоги руського духовенства краю щодо рівноправності у використанні церковно-слов'янської мови в богослужінні та народної в проповідях, веденні діловодства, при публікаціях розпоряджень і здійсненні катехизації в школах, а також висловили побажання відносно створення паралельних кафедр на теологічному факультеті університету, збалансованого обсадження церковних посад і врахування їхні квоти при виборах до різних установ. Завершувався меморіал буковинського православного духовенства «руської народності» запевненням з їхнього боку у синовній вірності св. православної Матері-Церкві та підтримці владики митрополита. Зокрема, клірики-русини констатували, що не просять нічого іншого, як справедливості й рівноправності, бо вони чітко переконані, «що не в розділенні, а в консолідації всіх синів св. православної Церкви лежить наше благо, наша сила» [26: 7–14].

У подальшому, з 1901 р., проф. Є. Козак очолював товариство «Русько-православний народний дім» в Чернівцях. Від самого його заснування, він збирав кошти на його побудову, розміщуючи оголошення про це на сторінках часописів «Православная Буковина» та «Буковинские Въдомості» [4: 1, 4; 8: 3.]. Також виступив з ініціативою спорудження каплиці на могилі засновника «Руської Бесіди», протоієрея В. Продана в Лашківці [49: 231]. У 1902 р., будучи головою «Русько-православного народного дому», д-р. Є. Козак займався також збором коштів на русько-православну бурсу для православних учнів-русинів. Зокрема, газета «Православная Буковина» у № 21 і 22 повідомляла, що пожертви як на Русько-православний народний дім, так і на бурсу, можна здавати йому за адресою вул. Ремера, 5, де професор мешкав [45: 1].

На з'їзді мужів довіри був обраний одним з заступників голови «Народної Ради» [50: 3]. У наступні роки проф. Є. Козак продовжував збирати кошти на «Русько-православний народний дім» в Чернівцях та відкрити при ньому бурсу. Про це неодноразово друкувалися оголошення на сторінках «Православної Буковини» [44: 3].

21 вересня 1908 р. проф. Є. Козак побував на зустрічі, організованій

в Чернівцях місцевим товариством «Руський клуб», під час якої поспілкувався з лідером неослов'янського руху графом В. Бобринським – головою «Галицько-руського благодійного товариства» та членом «Товариства слав'янської взаємності», який тоді саме повертався зі всеслов'янського з'їзду у Празі до Росії [20: 395].

Відтак, проф. Є.Козак разом з о. д-ром К. Богатирцем відвідав Санкт-Петербург та Москву [20: 393]. З Чернівців до Москви він відбув 9 травня 1909 р., а 12 травня, як голова «Русько-православного народного дому», разом з іншими представниками від Буковини – о. д-ром К.Богатирцем (редактор газети «Православна Русь») та радником крайового суду д-ром Є. Гакманом, а також представниками галицьких русинів на чолі з д-ром В. Дудикевичем – був присутнім у складі збірної делегації австрійських русинів на відкритті пам'ятника М. Гоголю в Москві [20: 396; 94: 2; 178: 6]. У заході взяв участь також давній товариш Є. Козака М.Сперанський. Крім Москви і Петербурга під час перебування в Росії у 1909 р. проф. Козак з частиною делегації відвідав також Вільно та Кронштадт, де був на обіді в Александрівському домі, виголосивши тост від духовенства.

Навесні 1909 р. Є. Козак долучився до створення політичного товариства «Народна Рада», започаткованого на з'їзді русофілів його колегою К.Богатирцем, який розробив статут, схвалений на засіданні, що відбулося 24 листопада 1909 р. в Чернівцях. Але на початку 1910 р. справа утворення повноцінної русофільської політичної партії цілком загальмувалася через виникнення особистого конфлікту між керівником «Народної Ради» К.Богатирцем та Є.Козаком, який очолював «Русько-православний народний дім» [20: 385].

Поїздки отців Козака і Богатирця до Росії, особливо їхня участь у різних заходах на території Російській імперії, набули резонансу в Австро-Угорщині. Депутати-народовці подали звернення до уряду з цього приводу в австрійському парламенті та Буковинському сеймі. Зокрема, на початку 1910 року у 1-му номері часопису «Український огляд», редагованого В. Кушніром, була оприлюднена промова депутата М. фон Василька в палаті депутатів, виголошена ним 11 грудня 1909 року, з приводу передвиборчої роботи русофілів у Галичині та Буковині, поїздок діячів русофільського напрямку до Росії, окремо зупинившись на участі в урочистостях з нагоди відкриття пам'ятника М. Гоголю в Москві делегації галицьких русофілів на чолі з д-ром В. Дудикевичем та буковинських представників – колишнього ректора університету, професора теологічного факультету д-ра Є.Козака та священника д-ра К.Богатирця, зауваживши, при цьому, що Богатирець також прочитав у Петербурзі лекцію про російське володарювання на Буковині в період російсько-турецької війни (1768–1774 pp.) [152:

23–24]. У відповідь на цей виступ, 17 грудня 1909 р. проф. Є.Козак адресував листа до депутата-народовця М. фон Василька, у якому писав: «Ваше високородіє! Дякую за увагу, яку ви приділили мені у своєму останньому виступі у Палаті представників. На жаль, мушу поправити, що я поїхав до Москви на гоголівські урочистості не як ректор Чернівецького університету – на той час я був проректором, – а як запрошений гість та знавець. Можу запевнити Ваше високородіє, що я знаходився і відчував себе комфортно в обраному товаристві вчених, представників Академії наук, університетів та багатьох інших європейських вчених, і що навіть там, якщо Ви не змогли дізнатися досі, були дуже повчальні виступи багатьох відомих славістів з різних країн Європи. Але з яким малим правом ваше високородіє приробили мені штамп агента доктора Дудикевича, може підказати вам номери 41 і 42 газети “Православная Русь”, що виходить в Черновцах, яку я також рекомендую вашій увазі. З виявом моєї поваги, проф. др. Козак» [134].

Варто відзначити, що за поданням представників народовців, упродовж 1910 року справа поїздок буковинських русофілів до Росії, зокрема до Москви і Санкт-Петербургу, ще не раз обговорювалася на засіданні палати депутатів австрійського парламенту [160: 6510]. І якщо для проф. Є. Козака мандрівка в Росію ніби минула благополучно (Є. Козаку це пригадали аж в 1911 р., коли влада не затвердила його обрання деканом теологічного факультету), то для о. К. Богатирця неузгоджена з вищим духовним керівництвом поїздка до Санкт-Петербурга, де він прочитав лекції з буковинської історії, у яких припустився антиавстрійських висловлювань, вже незабаром завершилася дисциплінарним розслідуванням та стягненням: 1910 року його перевели з посади парафіяльного священника у Верхніх Станівцях на нижчу посаду – помічника настоятеля до с. Веренчанка [59: 147; 60: 9].

11 травня 1911 р. протоієрей, проф. Є. Козак, так само як і о. К. Богатирець, будучи кандидатами від старорусинів, взяли участь у виборах до Буковинського сейму по курії руського духовенства. Опонентом отця Козака на виборах був кандидат Української національної партії парох Т. Драчинський, який і виграв вибори, набравши 45 голосів з 72-х та ставши послом до сейму. Натомість проф. Є.Козаку вдалося набрати лише 27 голосів виборців [78: 383–384; 107: 50, 109].

Паралельно з участю в громадсько політичному житті, чернівецькі газети згадують про активне долучення д-ра Є.Козака до різних заходах місцевого значення, як то похорони колег, допомога постраждалим від стихійного лиха краянам. До прикладу, 14 лютого 1911 р. о. д-р Козак, разом з іншими професорами теологічного факультету та кліриками архієпархії був присутній на похоронах консисторського

радника о. Георгія (в чернецтві Геннадія) Ганіцького, який доводився троюрідним братом письменника Ю. Федьковича і належав до прибічників старорусинів. Чин поховання покійного звершував митрополит д-р Володимир (фон Репта) [117: 4]. А у грудні 1911 р. о. д-р Є.Козак разом з іншими професорами університету долучився до пожертвування коштів постраждалим від повені, що сталася у тому році на Буковині [104: 4].

Немалу увагу в цей період професор Є. Козак приділяв також родині, її добробуту. Так, упродовж вересня 1911 – червня 1912 рр. він клопотав перед чернівецьким магістратом щодо дозволу збудувати на вул. Троїцькій, 34 – Ляйтенгассе, 4 будинок із твердого матеріалу і такий дозвіл мерія йому надала [11: 1, 2–3, 5–6]. У подальшому родина проф. Є.Козака мешкала саме за цією адресою, побудувавши будинок на обійсті, яке дісталось професору у спадок від матері (у румунський період там провели нову вулицю – Панаїте Черна і будинок отримав 5-й номер).

Перед початком Першої світової війни австрійська влада на Буковині, всіляко підтримувала прихильників українства, вбачаючи у них протипагу як румунському національному руху, так і старорусинам, які все більше викликали у неї підозру у шпигунстві через контактами з неослов'янськими організаціями в Російській імперії. Перші арешти підозрюваних у шпигунстві русофілів розпочалися австрійськими правоохоронними органами ще у 1909 та 1910 рр., а також на початку 1914 р. Паралельно конфіскувалися та закривалися русофільські газети, розпускалися товариства, притулки, а їхнє майно підлягало конфіскації [20: 407–408; 51: 49]. Невідомий автор з криптонімом «Рокеї» у статті під назвою «Церковне питання на Буковині», вміщеній у чернівецькому часописі «Викowiner Post» за 6 січня 1914 р., уже прямо називає «руськими співробітниками» петербуржця Бобринського, двох Геровських, Кассіяна Богатирця, професора богословського факультету Козака, Василя Козарищука, Киселівського, Могильницького та «всіх інших шпигунів, яким платять в Росії» [138: 3].

А тим часом, за свідченням о. д-ра Богатирця, «у 1914 р. відносини між Австрією і Росією ще більше напружилися, і не вистачало лише останньої іскри, щоб розгорівся вогонь війни» [2: 193]. Невдовзі після вбивства у Сараєво австрійського ерцгерцога Франца Фердинанда, яке стане приводом до початку першого великого світового воєнного конфлікту, у Чернівцях 3 липня 1914 р. помер відомий філолог та діяч старорусинського руху, надвірний радник, проф., д-р Е. Калужняцький, який майже 40 років очолював у місцевому університеті на філософському факультеті кафедру славистики [109: 6; 115: 280–285; 176: 5]. Отож постало питання, хто посяде його місце на цій кафедрі.

15 липня 1914 р., у листі № 73, написаному з Пайєрбаху, проф. В. Ягич дякував Є. Козаку «за дружнє посередництво та інформацію про трактат Калужняцького», знову прохаючи його, «щоб дружина надвірного радника надала (...) німецький оригінал трактату, тому що хотів би бачити оригінал, у випадку можливої коректури російського тексту». Відтак, він перелічує вірогідні кандидатури на місце покійного професора славистики і доходить висновку, що кращої за Є.Козака годі знайти, про що пише у листі адресату: «Я дуже радий, якщо ваш філософський факультет матиме можливість звільнитися від устремлінь Смаль-Стоцького. Він робить великий гріх, вносячи до граматики саму політику! Щодо заповнення кафедри Калужняцького, то я не можу зараз придумати нікого, хто міг би представляти цю кафедру краще, ніж Ви, шановний колега. Я, звичайно, не знаю, чи це буде відповідати вашим намірам. Хіба Львів та Краків не виховали славистів? Можливо, можна було б розглянути когось із Києва, хоча про призначення з Росії зараз не може бути й мови. У будь-якому разі грамотний славист був би д-р Нахтігалль, нині у Граці, але я не думаю, що він був би схильний їхати до Чернівців. Генрі Вінтерманн (д-р Кубріч) у нашій придворній бібліотеці) не має навіть звання професора і ще далі відстають від Нахтігалла за успішністю» [39].

Як видно з наступного № 74 листа В.Ягича, написаного Є.Козаку з Пайєрбаху 23 липня 1914 р., переходити на кафедру славистики професор церковнослов'янської мови не збирався і питання про її заповнення й надалі залишалося відкритим. У цьому листі, дякуючи Є.Козаку за надісланий оригінал праці покійного Е.Калужняцького, професор Ягич довірливо висловлюється своєму давньому чернівецькому колезі про інших кандидатів на це місце: «Щодо заповнення кафедри, я знаю кандидата, який, на жаль, є євреєм, але в іншому був би компетентним, хоча і більше як лінгвіст. Це був би наш приват-доцент д-р Йокль, який більш-менш володіє всіма слов'янськими мовами, є грамотним науково підготовленим, лише як славист він є малоактивний. Але якщо Траутман у Празі, може бути (...) й славистом, то може бути і Йокль. Я не знаю нікого, хто міг би порівнятися з ним у його широких знаннях. Мені він також подобається як людина. Жаль, що єврей! Політично він був би абсолютно неупереджений. У будь-якому випадку він був би незрівнянно ефективнішим за Копко, який у наших очах себе не зарекомендував і як неприємний кар'єрист працював» [38].

28 липня 1914 р. Австро-Угорщина вступила в Першу світову війну, виступивши проти Сербії. Далі, 6 серпня, відбулося оголошення війни Росії. Вже на початку серпня австрійська поліція і жандармерія почала арешти серед буковинських священників-русофілів. Окремих з

них віддали під суд. Значна частина потрапила до табору Талергоф. Професора чернівецького університету протоієрея д-ра Є.Козака було вислано з сім'єю углиб Австрії, до м. Зальцбург [6: 218; 51: 49–50]. Порівняно з долею інших діячів, проф. Є. Козак відбувся досить легким покаранням, але в умовах воєнного лихоліття, 1915 року в Зальцбурзі, у родини Козаків внаслідок хвороби померла донька Наталія (лише у червні 1925 року батьки перепоховують її в Чернівцях) [166: 2]. Наприкінці війни у вересні 1917 р. інтерновані були відпущені на Буковину. В кінці вересня 1918 року до Чернівців з дозволу цісарської влади повернувся митрополит Буковини і Далмації Володимир (фон Репта) (інтернований і відправлений за вказівкою цісаря на пенсію, через виданий восени 1914 року в період першої російської окупації краю циркуляр щодо молитви за царя). Привітати владу з нагоди повернення до митрополичої резиденції прибула представницька делегація румунського духовенства краю, до якої долучилися також протоієрей, проф. Є. Козак та о. д-р К. Богатирець [23: 156; 48: 61; 56: 23].

Внаслідок листопадових подій 1918 р. та після видання 1 січня 1919 р. королем Фердинандом відповідного декрету-закону, Буковина увійшла до складу Румунського королівства [23: 321–322, 338].

У початковий період румунського правління в краї проф. Є. Козак продовжує активно займатися громадсько-політичною діяльністю, залишаючись на позиціях старорусинства. Зокрема, княгиня-емігрантка з Росії Катерина Сайн-Вітгенштейн, яка побувала у Чернівцях в 1919 р., згадуючи у щоденнику про своє спілкування з проф. Є. Козаком, який навіть влаштував її з сестрами вільними слухачками в місцевий університет, констатувала, що вони разом з архідияконом М. Урсуляком є затятими «старорусинами» і противниками австро-уніатської України. На початку березня 1919 р. Є. Козак представляв русинську громаду в комісії з обговорення земельної реформи на Буковині, де підтримав проект д-ра Морарю щодо переселення малоземельних селян з інших регіонів на північ краю, але, водночас, виступив проти започаткованої ще австрійським урядом практики називати місцевих русинів – рутенами або українцями [92: 3]. 17 травня в Чернівцях став учасником зустрічі представників меншин з місією англійського представника в Румунії генерала Грінлі [49: 232].

У цей час старі українські партії, які існували в австрійський час, після об'єднання Буковини з Румунією перегрупувалися [132: 98]. Тож, коли на Буковині було оголошено про реєстрацію кандидатів від національних меншин на вибори до парламенту і сенату Румунії, проф. д-р о. Євгеній Козак зайняв спільну з українськими, німецькими та єврейськими політиками краю лінію щодо їх ігнорування, виступивши 20 вересня 1919 року разом із о. д-ром К. Богатирцем від

імені русько-національної фракції, спільно з представниками фракції українців, із заявою про відмову брати участь виборчій кампанії через запровадження в краї стан облоги та відсутність свободи зборів і слова [23: 439; 48: 175].

Під час виборів до парламенту і сенату Румунії в травні 1920 р. д-р Є. Козак висувався як кандидат в сенатори за списком Народної партії генерала Александру Авереску. У результаті виборів 27–30 травня він став сенатором від Кіцмансько-Заставнівського виборчого округу, одержавши перемогу над суперником поляком П. де Стафановичем. До 1922 року він представляв у Сенаті старорусинську фракцію від Буковини. Українців у парламенті також представляв обраний у Заставнівському повіті депутатом учитель Кость Кракалія, член Соціалістичної партії [132: 85–86; 167: 3].

Паралельно у сенатора, д-ра Є. Козака сталися зміни в родині. 8 травня 1921 р. його донька Сидонія вийшла заміж за викладача реальної школи в Чернівцях філолога Володимира Орзу, а 21 грудня 1923 р. у подружжя Орз народилася донька Ельвіра, єдина внучка професора-славіста [101: 179].

29–30 липня 1921 р. сенатор Є. Козак як представник русинської спільноти краю взяв участь у конференції, присвяченій питанням становища шкільництва у національних меншин Буковини [95: 1]. 16 жовтня 1921 р., разом з представниками інших національних громад краю, репрезентант русинів проф. Є. Козак побував на зустрічі з прем'єр-міністром Румунії генералом А. Авереску, яка проходила у будівлі адміністрації в Чернівцях. Там сенатор поставив прем'єру питання щодо мови в школах та у церковних парафіях, де домінували русини, поскаржившись на закриття шкіл з українською мовою [89: 2; 93: 2; 105: 1].

Водночас, упродовж 1919–1921 р. д-р о. Є. Козак продовжував викладати церковно-слов'янську мову на теологічному факультеті в Чернівецькому університеті, будучи титулярним професором [40: 4; 158: 56].

У 1921 р. сенатор, протопресвітер, проф. Є. Козак був обраний делегатом Церковного конгресу Буковини, що відбувався з 3 по 25 жовтня 1921 р. у митрополичій резиденції в Чернівцях [22: 154; 154: 264].

Щодо цього зібрання, більшість делегатів якого склали прибічники правлячої Народної партії прем'єра генерала А. Авереску, чернівецький часопис «Голос Буковини» (рупор Національно-ліберальної партії) у числі від 20 жовтня 1921 р. опублікував статтю під назвою «З церковного “конгресу” авересківців», автор якої, піддаючи критиці своїх політичних опонентів, зауважував, що «члени цього конгресу досягли успіху на 15-й день після відкриття, щоб зустрітися на друге пленарне засідання. Факт сам по собі, але цей конгрес не встиг май-

же все зробити за два тижні, доводить, що скликання з'їзду в термін 3 жовтня було необхідним, навіть шкідливим, спричинило збитки в мільйони леїв, але цей факт доводить, що <...> відкриття застало аврескціів абсолютно невідготовленим, вони не захочуть перетворень щоб зробити корисну справу <...>. Повноваження з'їзду, делегації цього з'їзду та названої адміністративної ради зводяться нанівець <...>. Жодної стурбованості ідеального характеру, нічого, що вказувало б на те, що ці люди усвідомлюють роботу, перед якою вони опинилися. Таке очевидне лихо, з яким зіткнулася церква, почало турбувати все наше духовенство» [88: 1].

У ході роботи конгресу, 18 жовтня, делегатам було запропоновано на розгляд розроблений спеціальною комісією проект органічного статуту з поправками, спрямованими на надання греко-православній митрополії краю виключно румунського характеру [1: 1098].

Проф. о. Є.Козак, разом з іншими українськими священниками делегатами (о. д-ром Ф. Григорієм, о. проф. П. Катеринюком, о. д-ром С. Смерекою, прот. Т. Драчинським та прот. О. Козаком), виступив проти внесення до статуту Буковинської митрополії таких змін [22: 154; 48: 53, 62; 58: 135; 154: 264]. Відкидаючи у своєму виступі (який згодом, 30 жовтня 1921 р., вийшов окремою брошурою під назвою «Позначення православно-східної Буковинської архієпархії на церковному конгресі 1921 року») пропозицію змінити назву Буковинської митрополії з «греко-орієнтальної» на «православно-румунську», так само, як і назви релігійного фонду на «православно-румунський», Є. Козак відзначав, що «це перейменування не є обгрунтовано дотеперішньою практикою і зявляється як новація в проекті статуту, в якому архієпископія все ще визначається як православно-східна архієпископія». Він наголошував, що «русинські члени церковного конгресу не могли ототожнювати себе з цим нововведенням, яке перетворювало дотеперішню буковинську православно-східну церкву в національну румунську церкву, тому що половину вірних буковинської архієпископії належать до русинської нації» [118: 1]. А тому, говорить Є. Козак у своїй публікації про участь у конгресі, коли 18 жовтня «цей статут було внесено на дискусію церковного конгресу, я висловив свою точку зору проти нової назви нашої архієпископії і обгрунтував свій виклад історичними, мовними і статистичними фактами. Моя промова була витримана в межах об'єктивності і була позбавлена будь-якого політичного характеру [118: 1]. Незважаючи на це, на мене накинулися в негідний спосіб як церковний конгрес, його президія та і міністр в газеті «Glasul Bucovinei» від 21, 22 і 23 жовтня» [1: 1098–1099; 118: 2].

Сучасник подій, член українського академічного товариства «Союз»

Іван Пігуляк, описуючи дискусію на конгресі довкола питання зміни назви Буковинської архієпархії, також засвідчував, що «головними бесідниками, що виступали на конгресі були д-р Євгеній Козак, проф. старослов'янської мови на чернівецьким університеті, та д-р С.Семака, що демонстрували свої протести, оперті на історичні джерела (головно проф. д-р Козак, на які того дня жаден румун не відважився відповідати <...>». За сей виступ на конгресі українських відпоручників, головно д-ра Козака і д-ра Смереку обкидано болотом самим таки міністром Буковини д-ром І.Ністором в шовіністичнім румунським ліберальнім часописі «Глазул Буковіней» з дня 21, 22 і 23 жовтня, де названо їх ренегатами румунського народу та взагалі заперечено яке-небудь право українців до буковинської архидієцезії та релігійного фонду» [1: 1108–1109].

У підсумку, 37 румунських делегатів, що склали більшість на церковному конгресі, проголосували за резолюцію щодо внесення зміни у назву Буковинської митрополії з «греко-орієнтальної» на «православно-румунську» [22: 154; 154: 264].

Уже через чотири дні після виступу на конгресі проф. Є. Козака в «Голосі Буковини» від 21 жовтня 1921 р. вийшла перша стаття, у якій гостро критикувалася його позиція.

Анонімний автор з обуренням писав: «На 15-й день після відкриття проводяться збори вищої об'єктивності, що молдавська церква в усьому своєму минулому була слов'янською і тому ця церква може називатися лише романо-слов'янською або скорочено мало-російською православною, ні в якому разі румунською церквою. Ми давно знаємо пана доктора Є. Козака, а його шовіністична затятість і необ'єктивність загальновідомі з того часу, як він, подорожуючи Буковиною для збору церковних написів, вважав за потрібне давати гроші нашим румунським селянам, навчаючи їх відтепер говорити тільки русинською мовою. Але що особливо зараз необхідно зрозуміти, то це те, що цей доктор Козак, який має неймовірне нахабство містифікувати бачення про наше не зовсім румунське минуле і хоче змусити нас, румунів, оголосити церкву нашої держави міжнародною установою» [165: 1].

22 жовтня у тому ж часописі вийшла гнівна публікація проти професора Є. Козака «Куди ми приїхали!», підписана титулярним професором Чернівецького університету д-ром Р. Киндею, румуном із Трансільванії, у якій він обурювався, що зібраний майже 3 тижні тому в Чернівцях у митрополичому палаці т.з. церковний з'їзд, організований багатими людьми, друзями всіх чужинців на шкоду румунам, зазнав провалу. І причиною тому, на його переконання, стали прибічники Авереску, які спираючись у своїй політиці на чужинців, посприяли

обранню делегатами церковного конгресу кількох русинів – ворогів румунського народу [77: 2].

Не обмежившись цією, повною злості та образливих випадів, публікацією проти заслуженого професора-славіста, д-р Р. Киндя 23 жовтня вмістив у «Голосі Буковини» наступну свою статтю з черговою порцією критики проти проф. Є. Козака. У цій розлогій публікації він таврував свого опонента як представника авересківського табору та «малороса-панславіста», непримиренного ворога румунської нації, «що заперечує історичну правду, добре її знаючи» [76: 1].

Найбільше розлютило д-ра Р. Киндю те, що на конгресі проф. Є. Козак почав доводити автохтонність русинського населення на території Молдавії, а відтак і на Буковині. Причому присутні на конгресі його однопартиїці йому в цьому не заперечували. За словами Кинді, Козак «довгий час носив із собою псевдоісторичне малоруське яйце, висиджував його в Австрії, але не наважувався вийти з пташенятами доти, доки не знайшов гніздо по авересківському з'їзду, де офіційний представник румунської держави не наважився захищати панівну націю цієї держави, не знав, кому викривати неприпустимі посягання на цілісність нашої історичної землі. Тепер, попри пана Козака та його захисників, ми, як і раніше, залишаємось румунами, і наша церква буде матір'ю нашого народу на віки віків, бо ми знатимемо, як захистити її національний характер» [76: 1].

Проф. Є. Козак також згадував у своїй публікації, що у той час знайшлося навіть декілька політичних обскурантів, які, завдяки перекрученню фактів спонукали румунських студентів виступити проти нього. На ці негідні, тривіальні і ображаючі честь нападки в газетах він принципово не давав відповіді, бо не міг і не хотів боротися тією ж зброєю [1: 1099; 118: 2].

Серед тих обскурантів, найпершим був, за свідченням І. Пігуляка, «проф. д-р Киндя (один з найбільш завзятих шовіністів на чорновецькій університеті, що нищить українських студентів при іспитах та насильно примушує їх переходити на румунське та змінювати свої назвиська)», який підбурих «румунських студентів проти проф. Козака, щоб йому заборонили студентам викладати старослов'янську мову за його ворожий виступ на конгресі» [1: 1109].

Виступ підбурих д-ром Р. Киндею румунських студентів проти проф. Є. Козака відбувся 23 жовтня. Часопис «Голос Буковини» за 25 жовтня так описував хід студентських зборів та прийняті на них рішення щодо відсторонення професора-русина від викладання церковнослов'янської мови в університеті через некоректні вислови про Румунську державу і Церкву: «У неділю, 23 жовтня, румунські студенти зібралися в університеті, щоб протестувати проти професора університету Євгенія Козака, який був на церковному конгресі

і ненавидить національний характер нашої церкви. Студент Георгіца успішно боровся з тенденційними і невірними теоріями проф. унту Козака. Після цього було проголосовано резолюцію: «Румунські студенти Чернівецького університету, що зібралися 23 жовтня в залі університету, протестують з великим обуренням проти тенденційних претензій професора університету Євгенія Козака, який наважився образити Румунську державу і нашу Церкву на засіданні 18 жовтня Церковного Конгресу в Чернівцях. Студентство заявляє про своє остаточне рішення, що кафедра університету більше не слухатиме тих, хто підтримує такі вигадані теорії, спрямовані на підрив престижу румунського статусу нашої національної церкви». Голова зборів: Георгі Пітікаріу.

Це звернення надіслали пану голові ради міністрів, міністру народної освіти, пану міністру культур, ректорам університетів в Чернівцях, Клужі, Бухаресті та Яссах, панам деканам факультетів теології і філософії в Чернівцях, студентським центрам в Бухаресті, Клужі та Яссах» [146: 1].

Під час цих протестів, як сповіщала газета «Czernowitzer Morgenblatt» від 29 жовтня, румунські студенти Чернівецького університету через виступ університетського професора, сенатора, протоієрея д-ра Козака на церковному конгресі, під час якого він образив їхні національні почуття, у великій кількості прийшли до лекційної зали проф. Козака і перешкодили йому прочитати лекцію [96: 3] Влада не забарилася з підтримкою клопотання румунських студентів і проф. Є.Козак за кілька днів залишився без посади в університеті [1: 1107; 153: 54].

Після закінчення сенаторської каденції, 1 березня 1922 р. протоієрей д-р Є. Козак, як незалежний кандидат, висунув свою кандидатуру на виборах до сенату Румунії у Кіцмансько-Заставнівському виборчому окрузі. Його суперником виступив міністр внутрішніх справ, колишній прем'єр, генерал А. Вейтояну, представник правлячої на той час Національно-ліберальної партії [108: 1].

Ще під час виборчої кампанії кандидати опинилися у нерівних умовах. З боку міністра явно використовувався адміністративний ресурс. Зокрема, під час зустрічі з виборцями 21 лютого 1922 р. його опонента – кандидата в сенатори проф. Є. Козака заарештували жандарми. Арешт мотивували відсутністю дозволу на проведення передвиборчого зібрання, хоча необхідні дозвільні документи той мав. Провівши у жандармерії 3 години, одразу по звільненню, Є. Козак виступив з протестом проти вчиненого проти нього як кандидата в Сенат свавілля. Цей протест був опублікований автором у місцевому авересківському часописі «Dreptatea». Подія також набула розголосу у незалежній пресі [100: 4; 132: 86–87]. Цього разу Є.Козак не був

обраний до сенату, як і більшість інших кандидатів від національних меншин на решті дільниць [132: 87].

Показово, що коли 16 липня 1922 р. у Чернівцях в «Народному домі» відбулося «Українське Всенародне віче», делегати якого висловили протест проти румунізації духовно-освітнього життя краю, одна з резолюцій віча містила пункт щодо опротестування «відібрання кафедри церковнослов'янської мови у проф. Євгенія Козака і передачу її професорові, який не відповідає вимогам кафедри» [43: 112].

Атим часом в родині Козаків почергово відбувалися як радісні, так і сумні події. У 1923 р. порадував батька-професора син Адріан Козак, який завершивши медичні студії і захистивши 23 липня у Віденському університеті дисертацію, здобув ступінь доктора медицини [145: 2]. 1925 року професору Є. Козаку вдалося перевезти із Зальцбурга до Чернівців рештки померлої там доньки Наталії. Її перепоховали 27 червня на чернівецькому міському кладовищі, відспівавши у православної каплиці на цвинтарі [166: 2]. Того ж року Є. Козак овдовів. 7 листопада у віці 65 років померла від пневмонії дружина професора Ангела Козак. У день похорон, 10 листопада, попрощатися з покійною на вул. Черна, 4 прибули, прибули родичі і друзі, серед них зокрема, син д-р Адріан Козак, лікар у Відні, донька Сидонія, зять викладач гімназії у Фокшанах Володимир Орза. Відспівували небіжчицю у кафедральному соборі Буковинський митрополит Нектарій (Котлярчук), парох І. Тихон разом із собором з 12 священників та 2 дияконів, після чого поховали покійницю у родинному гробівці на чернівецькому кладовищі [17: 101зв–102; 163: 3].

1925 року протопресвітер д-р Є. Козак вийшов на пенсію [66: 100]. Надалі у щорічниках Буковинської митрополії за 1924–1933 рр. він фігурував як заслужений професор університету [61: 54; 62: 57; 63: 86; 64: 27; 65: 126; 66: 102].

А у 1926 р. заслуженого професора, протопресвітера, д-ра Є. Козака було підвищено в сані до архіпресвітера-ставрофора [63: 86].

Не зважаючи на похилий вік у червні 1927 року архіпресвітер-ставрофор. проф. д-р Є. Козак, під час виборчої кампанії до парламенту Румунії у червні 1927 року, зробив заяву від старорусинів Буковини голові Німецької народної ради д-ру Альфреду Кольруссу, що русини голосуватимуть на виборах разом з блоком меншин [99: 2]. А у 1928 р., разом з іншими представниками національних спільнот Буковини, лідер старорусинів проф. Є. Козак долучився до оргкомітету святкування дня Об'єднання 27 жовтня [98: 2].

Варто відзначити, що починаючи з 1928 року в політичному житті краю проявила себе Українська національна партія Володимира-Сергія Залозецького-Саса, який неодноразово обирався сенатором пар-

ламенту Румунії [132: 85, 98–99]. У 1931 р. проф. о. Є. Козак разом з о. д-ром К. Богатирцем стали учасниками політичного протистояння із очільником УНП В. Залозецьким, який дескридує русофілів виявляв готовність до співпраці з урядовими колами Румунії. Прем'єр-міністр Румунії та міністр народної освіти професор-історик Н. Йорга згадав у своїх спогадах за 1931–1932 рр., у нотатці від 8 травня 1931 р., про це так: «Учора прийшла до нас телеграма від русинів, Козака і Богатирця, проти українців, від яких пропонує себе Залозецький» [113: 99].

Приділяючи значну увагу громадсько-політичній діяльності, о. проф. Є. Козак упродовж 20–30-х рр. ХХ ст. не полишав також своїх занять науковою працею, продовжуючи опрацьовувати матеріали для підготовки другого і третього томів «Написів з Буковини», які він, на жаль, так і не встиг завершити через хворобу, яка виявилася летальною [17: 202; 49: 232].

Смерть спіткала архіпресвітера-ставрофра, професора д-ра Євгенія Козака 5 вересня 1933 р., в понеділок, у віці 76 років у домі на вул. Черна, 4 в Чернівцях [67: 121; 79: 50; 161: 4; 164: 2; 167: 3]. Чернівецька газета «Час» відгукнулася на смерть видатного славіста публікацією некролога, в якому було зазначено: «Вислужений професор церковно-слов'янської мови в теологічному факультеті черновецького університету помер у 76 році свого життя. Похорони в п'ятницю о 3-ій год. попол. з ул. Черні» [40: 4]. У день похорон, 8 вересня, попрощатися з небіжчиком прийшли рідні, близькі, друзі та знайомі. Серед рідні, зокрема, на прощанні були син д-р Адріан Козак – хірург у Відні, донька Сидонія Орза з чоловіком Володимиром Орзою, викладачем в Кишиневі та внучкою Ельвірою Орза, брати покійного священники: протопресвітер в Путилі Орест Козак та парох в Карапчеві Методій Козак, сестра покійної дружини д-р Беатрікс фон Преда, сестра дружина священника пані Іванович, вдова директора пані Данілевич, перва – д-р Іда Ігнатеску, інші родичі та близькі. Попрощатися з відомим славістом, архіпресвітером, колишнім ректором та сенатором прийшли також офіційні особи, друзі та колеги, у тому числі: міністр Буковини д-р Савчук-Савяну, консисторські радники о. Г. Шандрута та о. д-р Іполіт Тарнавські, о. проф. університету д-р В. Георгіу, проф. ун-ту Бадарю, директор д-р Паунел, о. проф. університету д-р В. Тарнавський генеральний директор Граматович, секретар квестури д-р Кучинський помічник голови суду Придій, головний лікар д-р Нандриш, радник двору д-р Тарангул старший радник крайового суду д-р Буш, генеральний секретар д-р Брайлян, д-р А. Кольрусс, лісничий радник Велегорський, рахунковий радник Мікітела, старший радник поліції д-р Майєр, д-р Занковський, директор Ганіцький, нотар Козак,

урядовий радник Бужор, священники: протопресвітер з Кіцманя д-р К. Богатирець, парахи Киселівський, Жолінський, Катаринчук, Циганюк, Преліч, Тіхон, Брендзан, Карп та багато інших духовних і світських осіб. Похорони були велелюдними. На них був також присутній чоловічий хор українського співочого товариства. З помешкання процесія з тілом небіжчика прослідувала спершу до університету, де зробили зупинку, далі її шлях пролягав до кафедрального собору, а потім на цвинтар [82: 5; 83: 3; 84: 2]. Як зазначено у записі під номером 53 реєстру даних про смерть церкви св. Параскеви, причиною смерті Є. Козака були черевний тиф та атеросклероз. Чин поховання здійснили архіпресвітер-митрофор д-р Василе Георгіу (давній колега по роботі на теологічному факультеті Чернівецького університету) [157: 156–157; 158: 56] та парох Іоан Тіхон із собором з 16 священників [17: 201–202]. Останнє слово над могилою давнього соратника виголосив протопресвітер д-р К. Богатирець. Після похорон, за традицією, родина небіжчика в газетній замітці подякувала всім, хто розділив з ними горе втрати і допоміг у похованні. Особлива вдячність була висловлена на адресу митрополита Нектарія, о. професора д-ра В. Георгіу та протоієрея д-ра К. Богатирця [85: 5]. Сімейний склеп Козаків, на жаль, не зберігся. На християнському міському кладовищі Чернівців залишилася лише могила матері Анни Козак.

Перед тим як відбути до Відня, син професора д-р А. Козак передав після смерті батька до бібліотеки Чернівецького університету його книгозбірню та частину архіву, у якій зберіглося, зокрема, листування Є. Козака та курс його лекцій зі славістики [28; 29]. Сліди нащадків проф. Є. Козака губляться в роки Другої світової війни. Син, лікар по жіночих хворобах і акушерству, д-р А. Козак востаннє згадується серед мешканців м. Відень в 1944 р., а доля доньки Сидонії з онукою Єльвірою та зятя В. Орзи, які з вересня 1926 р. мешкали в Кишиневі, надалі невідомі. Є непідтверджені дані, що вони згодом переїхали з Кишинева до Ясс [101: 179; 106: 475].

Підсумовуючи дослідження про видатного дослідника-славіста, ректора Чернівецького університету, релігійного і громадсько-політичного діяча, сенатора, архіпресвітера-ставрофора, професора, доктора філософії о. Євгенія А. Козака, можна констатувати неоднозначність оцінок сучасниками і дослідниками його діяльності як у науковому, так і церковному й громадсько-політичному житті Буковини австрійської та румунської доби. Адже період життя і наукової праці цього вченого і священника є віддзеркаленням складного історичного часу боротьби і суперечок за домінування в краї між місцевими румунською та русинською/українською спільнотами, а також між народовцями й старорусинами в середовищі самих українців.

Народившись у багатодітній родині православного священника, всі сини якого здобули вищу освіту, Є. Козак пішов услід за батьком і теж обрав духовний шлях. Ще в юні роки, долучившись до старорусинського руху, Є.Козак активно брав участь у громадсько-політичному житті краю, долучаючись до виборів у представницькі органи церковних та світських інституцій. Паралельно він займався студіями славістики, захистивши у Відні докторат з філософії. Як учень відомого віденського професора В. Ягича, очолюючи кафедру церковно-слов'янської мови і літератури на православному богословському факультеті Чернівецького університету, проф. Є. Козак багато зробив для розвитку славістики в цьому закладі вищої освіти. Ставши ректором Чернівецького університету, у своїй промові з нагоди інаугурації він наголошував на значенні вивчення церковно-слов'янської мови. Особливо важливим був наукий доробок професора Є. Козака. Його праці, присвячені дослідженню епіграфічних пам'яток молдавської доби з Буковини, зокрема слов'янських, не втратили своєї наукової вартості дотепер. Не менш значний внесок зробив він у справі виховання буковинських православних священників-русинів, для багатьох з яких студіювання церковнослов'янської мови та написаних на ній пам'яток слов'янської писемності стали підґрунтям для подальшої самоідентифікації на фоні прогресуючих в краї процесів онімечення та румунізації, які підтримувалися владою. Професор о. Є. Козак підтримував у своїх студентах-теологах прагнення бути духовними наставниками свого народу, популяризаторами його давніх культурних традицій.

Звернувшись у даному дослідженні до постаті призабутого ректора Чернівецького університету, буковинського дослідника-славіста і священника Є. Козака, ми зупинилися тут головним чином на ключових моментах його життєвого шляху, зокрема, на громадсько-політичній та церковній діяльності і меншою мірою на наукових студіях вченого, які, на наш погляд, потребують окремого більш глибокого подальшого наукового вивчення. У перспективі окремої уваги дослідників також заслуговує епістолярна спадщина чернівецького професора, яка потребує публікації і дослідження.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Добржанський О.В., Старик В.П. Бажаємо до України! Змагання за українську державність на Буковині у спогадах очевидців (1914–1921 рр.)*. Одеса: Маяк, 2008. 1168 с.

2. *Богатырец К.* История Буковинской епархии // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 1. С. 29–343.

3. *Ботушанський В.* Місто в період австрійського правління // Чернівці: Історія і сучасність Ювілейне видання до 600 – річчя першої писемної згадки про місто / В.М. Ботушанський, С.В. Біленкова, О.В. Добржанський та ін.; За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці: Зелена Буковина, 2009. С. 79–154.

4. Буков.-руській православний народ! // Православная Буковина. 1901. 16 февраля.

5. В черновецькім університеті // Буковина. 1899. 30 мая (11 червня).

6. *Гайсенюк В.* Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці: Друк Арт, 2017. 304 с.

7. *Гусар Ю.* Календар «Буковинського віча»: ректор університету з Банилова-Підгірного: [21 грудня – 155 років від дня народж. професора Чернів. ун-ту Є. Козака] // Буковинське віче. 2012. 14 груд. (№ 51).

8. Дальші пожертванія на постройку «Русско-Православного Народного дома въ Черновцахъ» // Православная Буковина. 1901. 11 (24) мая.

9. Двъ катедры // Буковински Въдомости. 1899. 28 марта (9 априля).

10. Державний архів Чернівецької області (далі ДАЧО). Ф. 3. Оп. 1. Спр. 9103. Крайове управління Буковини. Листування з Міністерством культур і просвіти щодо прийняття в особисту бібліотеку імператора письмової доповіді «Ді бедойтунг дес кирхенславишен», складеної ректором Чернівецького університету Козаком Євгенієм. 6 арк.

11. ДАЧО. Ф. 39. Оп. 1. Спр. 5607. *Справа про надання дозволу професору університету Козаку Євгенію на будівництво будинку і поселення в ньому.* 8 арк.

12. ДАЧО. Ф. 228. Оп. 3. Спр. 7. Державна гімназія в м. Чернівці. Списки учнів гімназії з вказівками їх успішності за 1837–1842 н.р. *Matricula Gymnasii Bucovinensis.* 1832–1850. April 1839. 1002 арк.

13. ДАЧО. Ф. 228. Оп. 3. Спр. 33. Державна гімназія м. Чернівці. Табеля успішності та відвідування учнів гімназії I–VIII кл. за 1876–1877 н.р. 704 арк.

14. ДАЧО. Ф. 228. Оп. 3. Спр. 43. Табеля успішності і відвідування учнями гімназії I–VIII класів за 1886–1887 н.р. 466 арк.

15. ДАЧО. Ф. 228. Оп. 3. Спр. 45. Табеля успішності і відвідування учнями гімназії I–VIII класів за 1888–1889 н.р. 409 арк.

16. ДАЧО. Ф. 1245. Оп. 1. Спр. 1. Книга реєстрації актів про народження за 1841–1890 рр. по с. Слобода Банилів, Вижицького р-ну. 200 арк.

17. ДАЧО. Ф. 1245. Оп. 3. Спр. 240. Книга державної реєстрації актів про смерть за 1918–1938 рр. церква Параскеви м. Чернівці. 268 арк.

18. ДАЧО. Ф. 1245. Оп. 7. Спр. 29. Книга реєстрації актів про народження, шлюб та смерть за 1890–1909 рр. по с. Веренчанка Заставнівського району. 384 арк.

19. ДАЧО. Ф. 1245. Оп. 7. Спр. 50. Книга реєстрації актів про народження громади с. Добринівці за 1891–1913 рр. 308 арк.

20. *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці: Золоті литаври, 1999. 574 с.

21. Євген Козак // Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича: імена славних сучасників / уряд. Н. Струк, О. Матвійчук. Київ: Світ успіху, 2005. 281 с.

22. Жуковський А. Історія Буковини. Ч. II: Після 1774 р. Чернівці: Час, 1994. 223 с.

23. Добржанський О.В., Старик В.П. Змагання за українську державність на Буковині (1914–1921 рр.). Документи і матеріали. Чернівці: Чернівецька обласна друкарня, 2009. 512 с.

24. Кузеля З[енон]. Die *Inschriften* aus der Bukowna. Epigraphische Beiträge für Quellenkunde der Landes – und Kirchengeschichte, herausgegeben von Dr. Eugen A. Kozak. I Teil: Steininschriften. Відень, 1903, ст. XIV+214. 4° // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів: Накладом Т-ва імені Шевченка, 1905. Т. LXIV, кн. II. Рік XIV. С. 27–30.

25. Кузьмина В.Д. М.Н. Сперанский как славист // Славянские литературы. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации (София, сентябрь 1963). М., 1963. С. 125–152.

26. Мъморіаль буковинского православного духовенства русской народности. Черновцы: Печатня Г. Чопа въ Черновцахъ, 1899. 16 с.

27. Молдавия в эпоху феодализма: Переписи населения Молдавии в 1772–1773 и 1774 гг. Т. VII, Ч. 1. Кишинев: Штиинца, 1975. 606 с.

28. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету. Бібліотека Євгена Козака. url: <http://www.library.chnu.edu.ua/index.php?page=ua/01about/02structure/06vrk/04koz>

29. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80.

30. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 17 von 30. Aug. 1904.

31. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1 80. Brief Nr. 62 von 5. August 1891.

32. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1-80. Brief Nr. 64 von 11. August 1891.

33. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 65 von 23.3.1896.

34. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву

- Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 67 von 19. Aug. 1899.
35. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 68 von 12. Dez. 1903.
36. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 70 von 24. Juli. 1904.
37. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 71 von 29. Dez. 1906.
38. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 74 von 23. Juli. 1914.
39. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 73 von 15. Juli. 1914.
40. Новини. +Др. Евген Козак // Час. Незалежний часопис. 1933р. 8 вересня.
41. *Новосівський І.М.* Чернівецький університет і буковинські українці // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. 205: Історично-філософська секція. Правнична комісія. Ч. 2: У пошуках історичної правди. Збірник на пошану Миколи Чубатого 1889–1975. Нью Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1987. С. 485–508.
42. *Пахолків С.* Українська інтелігенція у Габсбурзькій Галичині: освічена верства й емансипація нації. Львів: Піраміда 2014. 612 с.
43. *Піддубний Г.Ф.* Буковина. Її минуле й сучасне: Суспільно-політичний нарис із малюнками і мапою Буковини. Чернівці: Зелена Буковина, 2005. 216 с.
44. Помнимо о будущем «Русско-Православномъ Народномъ Домъ» (с русскою православною церковію, с бурсою для бедныхъ школяриковъ и т. д. въ Черновцахъ // Православная Буковина. 1906. 20 января (2 февраля).
45. Просьба къ русскому народу и ко всъм добрымъ православнымъ христіанамъ // Православная Буковина. 1902. 1 (11) августа.
46. †Протоіерей Авксентій И. Козак // Православная Буковина. 1901. 21 августа (13 сентября).
47. Руські катедри в черновецькім університеті. Літературно-науковий вісник. Львів, 1899. Кн. 6: Червень. С. 195–196.
48. *Старик В.* Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914–1921: Між націоналізмом і толерантністю / ред. Л. Звенигородська. Чернівці: Прут, 2009. 184 с.

49. *Старик В. Козак Євген Авксентійович // Західно-Українська Народна Республіка 1918–1923. Енциклопедія: До 100-річчя утворення Західно-Української Народної Республіки. Т. 2: З–О. Івано-Франківськ: Манускрипт–Львів, 2019. С. 231–232.*

50. Съезд мужей довьрия русско-народной партіи // Православная Буковина. 1903. 11 (31) іюня.

51. Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изуверствъ и насилий надъ карпато-русскимъ народомъ во время Всемирной войны 1914–1917 гг.). Выпускъ второй. Львовъ, 1925. 150 с.

52. *Флоринский Т.Д.* Критико-библіографическій обзоръ новъшихъ трудовъ и издан ій по славяновъднью // Университетскія извъстія. К., 1905. Годъ XLV. № 5. Май. С. 63–110.

53. *Франко І.* Поступ славістики на Віденськiм університеті // Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 31: Літературно-критичні праці (1897–1899). Київ, 1981. С. 7–10.

54. Чернівецький державний університет / ред. кол. Червінський К.О. та ін. Львів: Вища школа, 1975. 192 с.

55. Чернівецький університет. 1875–1995: сторінки історії / [ред. рада С. С. Костишин (голов.), О. Е. Панчук, В. М. Ботушанський та ін.]. Чернівці: Рута, 1995. 208 с.

56. *Чучко М.* Православная Церковь на Буковине во время Первой мировой войны (II) // Русин. 2014. № 4 (38). С. 7–28.

57. *Чучко М.* У горнилі випробувань: Православна Церква на Буковині в 1914–1919 рр. Чернівці: Друк Арт, 2015. 139 с.

58. *Чучко М.К.* Буковинська митрополія у складі помісної Румунської православної церкви (міжвоєнний період) // Русин. Международный исторический журнал. Кишинев, 2019. № 57. С. 131–156.

59. *Чучко М.К., Суляк С.Г.* Архипресвитер Кассиан Богатырец – исследователь церковной истории Буковинской Руси // Русин. 2014. № 1. С. 143–164.

60. *Чучко М.К., Суляк С.Г.* История Буковинской православной епархии архипресвитера Кассиана Богатырца // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 1. С. 6–28.

61. Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1924. Cernăuți, 1924. 73 p.

62. Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1925. Cernăuți, 1925. 78 p.

63. Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1926. Cernăuți, 1926. 108 p.

64. Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1927. Cernăuți, 1927. 120 p.

65. Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1930. Cernăuți, 1930. 151 p.

66. Anuarul Arhiepiscopiei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1933. Cernăuți, 1933.128 p.
67. Anuarul Arhiepiscopiei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1934. Cernăuți, 1934. 136 p.
68. Archiv der Universität Wien. Phil. Rigorosen Protokoll. Sign. Ph 59. 13. Jahr 1888–1894.
69. Archiv der Universität Wien. Philosophische Fakultät – Nationalien. Sign. 128. WS 1886–1887. Film 1043.
70. Archiv der Universität Wien. Philosophische Fakultät – Nationalien. Sign. 130. WS 1886–1887. Film 1044.
71. Archiv der Universität Wien. Philosophische Fakultät – Nationalien. Sign. 130. SS 1886–1887. Film 1044.
72. Archiv der Universität Wien. Philosophische Fakultät – Nationalien. Sign. 132. WS 1887–1888. Film 1045.
73. Archiv der Universität Wien. Philosophische Fakultät – Nationalien. Sign. 134. SS 1888. Film 1046.
74. Archiv der Universität Wien. Philosophische Fakultät – Nationalien. Sign.136. WS 1888–1889. Film 1042.
75. Archiv der Universität Wien. Philosophische Fakultät – Nationalien. Sign.140–142. WS 1889–1890. Film 1048.
76. *Cânda R.* Fabule averescane // Glasul Bucovinei. 1921. 23 Octombrie.
77. *Cânda R.* Unde am ajuns! // Glasul Bucovinei. 1921. 22 Octombrie.
78. *Ceașu M. Ș.* *Parlamentarism, partide și elită politică în Bucovina Habsburgică (1848–1918).* Iași: *Junimea*, 2004. 605 p.
79. Comunicari. †Arhipresviter Dr. Eugen Kozak // Foia Oficiala Arhiepiscopiei și Mitropoliei Bucovinei. Anul 1933. Cernăuți, 1933. Nr. 11.
80. Czernowitz K.K. Franz Joseph Universität (gegr.1875) // *Minerva.* Jahrbuch der gelehrten Welt. Zweiundzwanzigsten Jahrgang. 1912–1913. Strassburg, 1913. S. 373–374.
81. Czernowitzer Gelegenheiten // Czernowitzer Allgemeiner Zeitung. 1908. 18. Juni.
82. Das Leichenbegangnis des Univ. Prof. Dr. Kozak // Czernowitzer Morgenblatt. 1933. 10 September.
83. Das Leichenbegangnis des Univ.-Prof. Dr. Eugen Kozak // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1933. 10. September.
84. Das Leichenbegangnis Dr. Eugen Kozaks // *Der Tad.* 1933. 12 September.
85. Danksagung // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1933. 16 September.
86. Dankssagung // *Bukowiner Post.* 1901. 8 September.
87. Dejeuner beim Landespräsidenten // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1906. 14 Oktober.
88. Dela «congresul» bisericesc al averescanilor // Glasul Bucovinei. 1921. 20 Octombrie.

89. Der Besuch des des Ministerpräsidenten. Die Audienzen // Czernowitzer Morgenblatt. 1921. 19 *Oktober*.
90. Der Generalstreik der Studenten. An der Czernowitzer Universität // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1908. 20 Juni.
91. Der «Suczawaer Museums-Verein» // Czernowitzer Tagblatt. 1903. 2 Juli.
92. Die Bodenreform in der Bukowina. 4 Sitzungstag der Kommission // Czernowitzer Tagblatt. 1919. 8 März.
93. Die Empfänge im Regierungspalais // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1921. 18 *Oktober*.
94. Die Gogolfeier // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1909. 14 Mai.
95. Die Minoritäten und die Schulfrage. Ergebnis der Schulkonferenz // Czernowitzer Morgenblatt. 1921. 2 August.
96. Die rumänischen Studentenschaft gegen universitätsprofessor Dr. Kozak // Czernowitzer Morgenblatt. 1921. 29 Oktober.
97. Die Studentenbewegung // Czernowitzer Allgemeiner Zeitung. 1908. 18 Juni.
98. Die Vereinigungsfeier am 27. Oktober // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1928. 25 Oktober.
99. Die Wahlbewegung. Die altruthenischen Partei für den Minoritätsblok // Czernowitzer Deutsche Tagespost. 1933. 2 Juli.
100. Die Wahlbewegung im Reiche. Die Wahlen in der Bukowina // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1922. 26 *Februar*.
101. *Dumitrescu H., Iliescu I. Fosti profesori ai Liceului «Unirea» Focsani.* Focsani: Editura Pallas, 2016. 490 p.
102. Eine Studentendemonstration // Bukowinaer Post. 1908. 17 Mai.
103. Enthüllung des Schillers denkmals // Czernowitzer Tagblatt. 1907. 12 November.
104. Für die durch die Hochwasserkatastrophe Geschädigten // Czernowitzer Allgemeine Zeitung 1911. 28 Dezember.
105. General Averescu in Czernowitz // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1921. 18 *Oktober*.
106. *Handbuch Reichsgau Wien. 65./66. amtlich redigierter Jahrgang.* Wien: Deutscher Verlag für Jugend und Volk, 1944. 584+X s.
107. *Hensellek T. Die letzten Jahre der kaiserlichen Bukowina: Studien zur Landespolitik im Herzogtum Bukowina von 1909 bis 1914.* Masterarbeit. Wien: Universität Wien, 2002. 128 s.
108. Heute Senatswahl in der Bukowina, im alten Königreich und in Bessarabien // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1922. 1 *Marz*.
109. Hofrat Professor Dr. Emil Kaluzniacki // Bukowiner Post. 1914. 5 Juli.
110. Hof und Staats-Handbuch der -Österreichischen-Ungarischen Monarchie für das Jahr 1918. XLIV Jahrgang. Wien, 1918.
111. *Iacobescu M. Iorga și Bucovina (1)* // *Analele Bucovinei.* București, 2007. Anul XIV. Nr. 1 (30). P. 111–132.

112. *Iorga N.* Culegerea de inscripții moldovenesti din Bucovina a d-lui Dr. E. Kozak. (Dr. E. Kozaks Sammlung moldauischer Inschriften der Bukowina). Cernăuți: Societatea tipografică bucovineana, 1904. 64 p.

113. *Iorga N.* Memorii. Încercarea guvernării peste partide: (1931–2). București: Datina Românească, 1939. Vol. VI. 414 p.

114. *Iorga N.* *Neamul românesc în Bucovina*. București: Editura Minerva, 1905. 252 p.

115. *Jagić V.* Emil Kalužniacki. 11.1.1845–3.7.1914 // Archiv für slavische Philologie. 1920. Vol. 37. S. 280–285.

116. Kirchen-Grundsteinlegung // Bukowinaer Rundschau. 1896. 4 Oktober.

117. Konsistorialrat Georg Genadie Hanickiț // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1910. 15 Februar.

118. *Kozak E.* Benennung der orthodox-orientalis Bukowiner Erzdiözese in Kirchen Kongresse 1921. Czernowitz, 1921. 16 S.

119. *Koza E.* Bibliographische Übersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven (Mitgethailt von Prof. Dr. Jagic in Wien) // Jahrbücher für protestantische Theologie. Braunschweig, 1892. XVIII Jahrgang. S. 127–158.

120. *Kozak E.A.* Die Älteste Urkunde des Klosters Putna zur Vierhundertjährigen Gedenckfeier des Todes Stephans des Grossen. Mit Original photographie. Czernowitz: H. Pardini – Bukowiner Vereinsdruckerei, 1904. 7 s.

121. *Kozak E.* Die Bedeutung des Kirchenslavischen in theoretischer und praktischer Beziehung. Inaugurationsrede gehalten am 9. December 1907. Czernowitz, 1907. 14s.

122. *Kozak E.* Die Inschriften aus der Bukowina. Epigraphische Beiträge zur Quellenkunde der Landes- und Kirchengeschichte. I. Teil: Steininschriften. Mit Textillustrationen. Wien: Selbstverl., 1903. XIV. 214 s.

123. *Kozak E.A.* Resultate meiner Forschungen im Kloster Sočawica (in der Bukovina). Historische, epigraphische und bibliographische Beiträge // Archiv für slavische philologie. Berlin, 1892. Band XIV. Z. 2. S. 235–255.

124. *Marian S.F.* Biserica din Părhăuți în Bucovina. București: Tipografia Academiei Române, 1887. 8 p.

125. *Marian S.F.* Inscriptiunile de pe manuscriptele și cărțile de la biserica «Înălțarea Domnului» din Vama // Patria. 1899. 17 (29) Decemvrie.

126. *Marian S.F.* Inscriptiunile de pe manuscriptele și cărțile de la biserica «Înălțarea Domnului» din Vama // Patria. 1899. 19 (31) Decemvrie.

127. *Marian S.F.* Inscriptiuni de pe manuscripte și cărți vechi din Bucovina, Partea I. Inscriptiunile de pe manuscriptele și cărțile din districtul Câmpulungului. Suceava: Editura autorului, Societatea tipografică bucovineană în Cernăuți, 1900. II+112 p.

128. *Marian S.F.* Sântul Ioan cel Nou de la Suceava. Schiță istorică. București: Tipografia Carol Göbl, 1895. 206 p.

129. *Mârza R.* Rolul jucat de Universitatea din Cernăuți în dezvoltarea slavisticii românești // Studia Linguistica. K., 2011. Vol. 5. P. 301–307.

130. *Melchisedec, episcop*. O visita la cate-va manastiri si biserici antice din Bucovina // Revista pentru istorie, arheologie și filologie. Bucuresti, 1882. An. 1. Fasc. 2. P. 245–281.

131. *Melchisedec, episcop*. O visita la cate-va manastiri si biserici antice din Bucovina de Episcopul Melhisedec. București, 1885. 89 p.

132. *Mihai Fl.-R.* Dinamica electorală a candidaților minoritari din Bucovina la alegerile generale din România interbelică // Partide politice și minorități naționale din România în secolul XX. Vasile Ciobanu (coord.). Sibiu, Editura Techno Media, 2010. Vol. V. P. 77–102.

133. *Norst A.* Alma Mater Francisco – Josephina. Festschrift zu deren 25-jährigem Bestande. Czernowitz, 1900. 133 s.

134. Österreichisches Staatsarchiv. Allgemeines Verwaltungsarchiv. Vienna (AT-OeStA/AVA), Nachlässe AN Wassilko I. NL Wassilko I. Brife an Wassilko. AVA 3.

135. Personalnachrichten // Czernowitzer Allgemeiner Zeitung. 1908. 12 Juni.

136. Personalstand der k. k. Franz Josephs-Universität zu Czernowitz im Studienjahre 1906/1907. Czernowitz. 1906. 24 s.

137. Pfarre. Wien. Kirchengemeinde zur Hl. Dreifaltigskei. Taufbuch. Tom V. 1870–1919. Sign. 01–06. Taufe_0093. S. 93. URL: <https://data.matricula-online.eu/de/oesterreich/metropolis/wien-kirchengemeinde-zur-hl-dreifaltigkeit/01-06/?pg=94>

138. *Po-kej.* Die Kirchenfrage in der Bukowina // Bukowiner Post. 1914. 6 Januar.

139. *Procopciuc V.* Din cartea de onoare a mănăstirii Sucevița. Personalități și însemnări // Analele Bucovinei. București, 2008. Anul XV. Nr. 1 (30). P. 163–184.

140. Programm des k.k. Ober-Gymnasiums in Czernowitz in dem Herzogtum Bukowina für das Schuljahr 1871. Czernowitz, 1871. 89 s.

141. Programm des k.k. Obergymnasiums in Czernowitz in dem Herzogtum Bukowina für das Schuljahr 1878. Czernowitz, 1878. 77 s.

142. Promotion // Czernowitzer Allgemeiner Zeitung. 1909. 7 April.

143. Promotion // Czernowitzer Tagblatt. 1905. 15 Juli.

144. Promotion // Czernowitzer Tagblatt. 1910. 22 Marz.

145. Promotion an der Wiener Universitat // Czernowitzer Morgenblatt. 1923. 25 Juli.

146. Protestul studentilor improtiva prof. univ. Eugen Kozak. Glasul Bucovinei. 1921. 25 Octombrie.

147. Rector Magnificus Prof. Dr. Basil Gainaț // Czernowitzer Tagblatt. 1907. 3 September.

148. Rektorsinauguration // Bukowiner Post. 1908. 3 Dezember.

149. Rektorsinauguration // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1907. 10 December.

150. Rektorswahl // Bukowiner Volkszeitung. 1907. 24 Oktober.

151. Ruckblik auf die Vorkommnisse in der Bukowina im Jahre 1907. III. Oktober // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1908. 14 Januar.

152. Russische Wahlarbeit in Galizien und der Bukowina (Rede des Abgeordneten Nikolaj Ritter von Wassilko im osterreichischen Abgeordneten hause, gehalten am 11. Dezember 1909) // Ukrainische Rundschau. 1910. VIII. Jahrgang. Nr. 1. S. 15–27.

153. *Sandache C.* Istorie si biografie: Corneliu Zelea Codreanu. București, 2005. 412 p.

154. *Scharr K.* Der Griechisch-orientalische *Religionsfonds in der Bukowina. Kulturkampf und Nationsbildung im Spiegel einer Institution* // Kappeler A. (Hg.). Die Ukraine. Prozesse der Nationsbildung. Köln-Wien Weimar, 2011. S. 255–267.

155. Schematismus der griechisch-orientalischen Bucovinaer Diöcese für das Jahr 1842. Czernowitz, 1842. 81 s.

156. Schematismus der Bucovinaer gr.or. Archiepiscopal Diöcese für das Jahr 1895. Cernautz, 1895. 190 s.

157. Schematismus der Bukowinaer gr-or. Archiepiscopal-Diozese für das Jahr 1914. Czernowitz, 1914. 192 s.

158. Sematismul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1921. Cernăuți, 1921. 73 p.

159. Schterbefall // Czernowitzer Tagblatt. 1903. 13. August.

160. *Stenographische Protokolle* über die *Sitzungen des Hauses* der Abgeordneten des Österreichischen Reichsrates. XX. Session. Wien, 1910. Bd. VI. No. 38–49. 14505 s.

161. *Taszczuk D.* Zum Tode Profesor Kozak // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1933. 8 September.

162. *Tocilescu Gr.G.* 534 documente istorice slavo-române din Țara Românească și Moldova: privitoare la legăturile cu Ardealul, 1346–1603: din arhivele orașelor Brașov și Bistrița, în text original slav însoțit de traducere românească, tipărite la Viena în 1905–1906. București: Libr. «Cartea Românească», 1931. XXXVI/551 p.

163. Todesfall // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1925. 11. November.

164. Todesfael // Der Tad. 1933. 7. September.

165. Tupeu minoritar și inconștientă averescană // Glasul Bucovinei. 1921. 21 жовтня.

166. Ueberführung einer Leiche aus Salzburg // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1925. 27 Juni.

167. Univ.-Prof. Dr Kozak† // Czernovitzer Deutsche Tagespost. 1933. 7 September.

168. Univerität in Czernowitz // Czernowitzer Tagblatt. 1909. 18 Juli.

169. Verzeichnis der öffentlichen Vorlesungen an der k.u.k. Franz-Joseph-Universität zu Czernowitz im Wintersemester 1899/1900. Czernowitz, 1899. 271 s.

170. Von der Universität // Czernowitzer Tagblatt. 1904. 14 September.

171. Von der Universität // Czernowitzer Tagblatt. 1904. 15 November.

172. Von unserer Universität // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1906. 23 Juni.
173. *Wagner R.* Alma Mater Francisco Josephina. Die deutschsprachige Nationalitäten-Universität in Czernowitz. Festschrift zum 100. Jahrestag ihrer Eröffnung 1875. München: Verlag Hans Meschendörfer, 1975. 427 s.
174. *Wagner R.* Vom Halbmond zum Doppeladler. Auswählte Beiträge zur Geschichte der Bukowina und der Czernowitzer Universität «Francisco-Josephina». Augsburg, Verlag «Der Südostdeutsche», 1996. 535 s.
175. Wehe den Schwächlingen! // Bukowiner Post. 1899. 9 April.
176. Zum Begrabnisdes Hofrates Kaluzniacki // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1914. 8 Juli.
177. *Zur Geschichte des k. k. I. Staatsgymnasiums in Czernowitz. Von Prof. R. Wurzer.* Einem vielseitig gehegten Wunsche gemäß folgt hier im Anschluß an Jahresbericht des K.K. I. Staatsgymnasiums in Czernowitz. Czernowitz, 1908. 49 s.
178. Zur Gogol-Feier // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1909. 9 Mai.

REFERENCES

1. Dobrzanskiy, O.V. & Starik, V.P. (2008) *Bazhaemo do Ukraïni! Zmagannya za ukraïns'ku derzhavnist' na Bukovini u spogadakh ochevidtsiv (1914–1921 rr.)* [Welcome to Ukraine! Competition for Ukrainian statehood in Bukovyna in the memories of eyewitnesses (1914–1921)]. Odesa: Mayak.
2. Bogatyrets, K. (2015) *Istoriya Bukovinskoy eparkhii* [History of the Bukovina Diocese]. *Biblioteka zhurnala "Rusin"*. 1. pp. 29–343.
3. Botushanskiy, V. (2009) Misto v period avstriys'kogo pravlinnya [The city during the Austrian rule]. In: Botushanskiy, V. (ed.) *Chernivtsi: Istoriya i suchasnist' Yuvileyne vidannya do 600 – richchya pershoï pisemnoï zhadki pro misto*. Chernivtsi: Zelena Bukovina. pp. 79–154.
4. *Pravoslavnaya Bukovina.* (1901a) Bukov.-russkij pravoslavnyj narode! 16th February.
5. *Bukovina.* (1899) V chernoveckim universiteti [At Chernivtsi University]. 30th May.
6. Gaysenyuk, V. (2017) *Pochatok kintsya. Moskvofili u Velikiy viyni (1914–1918)* [The beginning of the end. Muscovophiles in the Great War (1914–1918)]. Chernivtsi: Druk Art.
7. Gusar, Yu. (2012) Kalendar “Bukovins'kogo vicha”: rektor universitetu z Banilova-Pidgirnogo: [21 grudnya – 155 rokov vid dnya narodzh. profesora Cherniv. un-tu Ć. Kozaka] [Calendar of “Bukovynsky vich”: Rector of the university from Banylov-Pidhirny: [December 21 – 155 years since the birth. Professor Eugenui Kozak of Chernivtsi University]. *Bukovinske viche*. 14th December.

8. *Pravoslavna Bukovina*. (1901b) Dal'shii pozhertvovaniya na postroyku Russko-Pravoslavnogo Narodnogo doma v Chernovtsakh [Further donations for the construction of the "Russian-Orthodox People's House in Chernivtsi"]. 11th (24th) May.

9. *Bukovinski V"domosti*. (1899) Dvi katedry [Two chairs]. 28th March (9th April).

10. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Krajove upravlinnya Bukovini. Listuvannya z Ministerstvom kultiv i prosviti shodo priynyattya v osobistu biblioteku imperatora pismovoyi dopovidi "Di bedojtung des kirhenslavishen", skladenoyi rektorom Cherniveckogo universitetu Kozakom Yevgeniyem*. Fund 3. List 1. Ref. 9103.

11. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Sprava pro nadannya dozvolu profesoru universitetu Kozaku Yevgeniyu na budivnictvo budinku i poselennya v niomu*. Fund 39. List 1. Ref. 5607.

12. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). (1839) *Derzhavna gimnaziya v m. Chernivtsi. Spiski uchniv gimnazii z vkazivkami ikh uspishnosti za 1837–1842 n.r. Matricula Gymnasii Bucovinensis. 1832–1850. April 1839*. Fund 228. List 3. Ref. 7.

13. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Derzhavna gimnaziya m. Chernivtsi. Tabelya uspishnosti ta vidviduvannya uchniv gimnazii I–VIII kl. za 1876–1877 n. r.* Fund 228. List 3. Ref. 33.

14. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Tabel' uspishnosti i vidviduvannya uchnyami gimnazii I–VIII klasiv za 1886–1887 n.r.* Fund 228. List 3. Ref. 43.

15. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Tabel' uspishnosti i vidviduvannya uchnyami gimnazii I–VIII klasiv za 1888–1889 n.r.* Fund 228. List 3. Ref. 45.

16. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Kniga reestratsii aktiv pro narodzhennya za 1841–1890 rr. po s. Sloboda Baniliv, Vizhnits'kogo r-nu*. Fund 1245. List 1. Ref. 1.

17. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Kniga derzhavnoi reestratsii aktiv pro smert' za 1918–1938 rr. tserkva Paraskevi m. Chernivtsi*. Fund 1245. List 3. Ref. 240.

18. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Kniga reestratsii aktiv pro narodzhennya, shlyub ta smert' za 1890–1909 rr. po s. Verenchanka Zastavniv'skogo rayonu*. Fund 1245. List 7. Ref. 29.

19. The State Archives of Chernivtsi Region (DACHO). *Kniga reestratsii aktiv pro narodzhennya gromadi s. Dobrinivtsi za 1891–1913 rr.* Fund 1245. List 7. Ref. 50..

20. Dobrzhanskiy, O. (1999) *Natsional'niy rukh ukraintsv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* [The national movement of Bukovyna Ukrainians in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Chernivtsi: Zoloti litavry..

21. Struk, N. & Matviychuk, O. (eds) (2005) *Chernivets'kiy natsional'niy universitet im. Yu. Fed'kovicha: imena slavnikh suchasnikov*. Kyiv: Svit uspihku.

22. Zhukovs'kiy, A. (1994) *Istoriya Bukoviny* [History of Bukovyna.]. Vol. 2. Chernivtsi: Chas.
23. Dobrzhanskiy, O.V. & Starik, V.P. (2009) *Zmagannya za ukrains'ku derzhavnist' na Bukovini (1914–1921 rr). Dokumenti i materialy* [Competition for Ukrainian statehood in Bukovina (1914–1921). Documents and materials]. Chernivtsi: Chernivetska oblasna drukarnya.
24. Kuzelya, Z. (1905) *Die Inschriften aus der Bukowna. Epigraphische Beitrage fur Quellenkunde der Landes- und Kirchengeschichte*. Vol. LXIV(2). Lviv: Nakladom T-va imeni Shevchenka. pp. 27–30.
25. Kuzmina, V.D. (1963) M.N. Speranskiy kak slavist [M.N. Speransky as a Slavist]. In: Vinogradov, V.V. & Robinson, A.N. (eds) *Slavyanskije literatury. V mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Doklady sovetskoj delegatsii (Sofiya, sentyabr' 1963)* [International Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation (Sofia, September 1963)]. Moscow: [s.n.]. pp. 125–152.
26. Anon. (1899) *M"morial" bukovinskogo pravoslavnogo dukhovenstva russoj narodnosti* [Memorial of the Bukovinian Orthodox Clergy of the Russian Nationality]. Chernovtsi: Pechatnya G. Chopa v Chernovtsakh.
27. Dmitriev, P.G. & Cherepnin, L.V. (eds) (1975) *Moldaviya v epokhu feodalizma: Perepisi naseleniya Moldavii v 1772–1773 i 1774 gg.* [Moldavia in the era of feudalism: Censuses of the population of Moldavia in 1772–1773 and 1774]. Vol. VII. Chişinău: Shtiinca.
28. The Research Library of Chernivtsi National University. Library of Evgeni Kozak. [Online] Available from: <http://www.library.chnu.edu.ua/index.php?page=ua/01about/02structure/06vrk/04koz>
29. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arhivu Kozaka Ye. (v dvokh papkakh)*. Folder 1 – Briefe 1-80.
30. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka E. (v dvokh papkakh)*. Folder Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 17 von 30. Aug. 1904.
31. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka E. (v dvokh papkakh)*. Folder Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 62 von 5. August 1891.
32. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka E. (v dvokh papkakh)*. Folder Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 64 von 11. August 1891.
33. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka E. (v dvokh papkakh)*. Folder Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 65 von 23.3.1896.
34. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka E. (v dvokh papkakh)*. Folder Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 67 von 19. Aug. 1899.

35. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka Є. (v dvokh papkakh). Folder Nr. 1 – Briefe 1–80.* Brief Nr. 68 von 12. Dez. 1903.

36. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka Є. (v dvokh papkakh). Folder Nr. 1 – Briefe 1–80.* Brief Nr. 70 von 24. Juli. 1904.

37. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka Є. (v dvokh papkakh). Folder Nr. 1 – Briefe 1–80.* Brief Nr. 71 von 29. Dez. 1906.

38. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka Є. (v dvokh papkakh). Folder Nr. 1 – Briefe 1–80.* Brief Nr. 74 von 23. Juli. 1914.

39. The Research Library of the Yu. Fedkovich Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. *Rukopis z arkhivu Kozaka Є. (v dvokh papkakh). Folder Nr. 1 – Briefe 1–80.* Brief Nr. 73 von 15. Juli. 1914.

40. *Chas. Nezalezhniy chasopis.* (1933) Novini. +Dr. Evgen Kozak. 8th September.

41. Novosivskiy, I.M. (1987) Chernivets'kiy universitet i bukovins'ki ukraïntsi [Chernivtsi University and Bukovyna Ukrainians]. *Zapiski naukovogo tovaristva imeni Shevchenka.* 205. pp. 485–508.

42. Pakholkiv, S. (2014) *Ukraïns'ka inteligentsiya u Gabsbuz'kiy Galichini: osvichena verstva y emansipatsiya natsii* [Ukrainian intelligentsia in Habsbuz Galicia: The educated class and the emancipation of the nation]. Lviv: Piramida.

43. Pidubniy, G.F. (2005) *Bukovina. Īi minule y suchasne: Suspil'no-politichniy naris iz malyunkami i mapoyu Bukovini* [Bukovyna. Its past and present: Socio-political essay with drawings and a map of Bukovyna]. Chernivtsi: Zelena Bukovina.

44. *Pravoslavnaya Bukovina.* (1906) Pomnim o budushchem Russko-Pravoslavnom Narodnom Dome (s russkoyu pravoslavnoy tserkov'yu, s bursoyu dlya bednykh shkolyarikov i t. d. v Chernovtsakh [Remember the future Russian Orthodox People's House (with the Russian Orthodox Church, with a bursary for poor students, etc. in Chernivtsi)]. 20th January (2nd February).

45. *Pravoslavnaya Bukovina.* (1902) Prosba k russkomu narodu i ko vsm dobrym pravoslavnyim khristianam [A request to the Russian people and to all good Orthodox Christians]. 1st(11th) August.

46. *Pravoslavnaya Bukovina.* (1901c) Protoierey Avksentiy I. Kozak [Archpriest Avksentiy I. Kozak]. 21st August (13th September).

47. Anon. (1899) Rus'ki katedri v chernovets'kim universiteti [Rusins Departments at Chernivtsi University]. *Literaturno-naukoviy visnik.* 6. pp. 195–196.

48. Starik, V. (2009) *Vid Saraeva do Parizha. Bukovins'kiy Interregnum 1914–1921: Mizh natsionalizmom i tolerantnistyu* [From Sarajevo to Paris. Bukovyna Interregnum 1914–1921: Between Nationalism and Tolerance]. Chernivtsi: Prut.

49. Starik, V. (2019) Kozak Evgen Avksentiyovich [Kozak Evgeni Avksentievich]. In: *Zakhidno-Ukraïns'ka Narodna Respublika 1918–1923. Entsiklopediya: Do*

100-richchya utvorenyya Zakhidno-Ukrains'koi Narodnoi Respubliki. Vol. 2. Ivano-Frankivsk: Manuscript-Lviv. pp. 231–232.

50. *Pravoslavnyaya Bukovina*. (1903) S“zd muzhey dov’riya rusko-narodnoy partii [Congress of men of trust of the Russian-People’s Party]. 11th (31st) June.

51. Anon. (1925) *Talergofskiy al'manakh*. *Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuverstv i nasiliy nad karpato-russkim narodom vo vremya Vsemirnoy voyny 1914–1917 gg.* [The Talerhof Almanac. Memorable Book of Austrian Cruelties, Fanaticism and Violence Against the Carpatho-Russian People During the World War of 1914–1917]. Vol. 2. Lvov: [s.n.].

52. Florinskiy, T.D. (1905) Kritiko-bibliograficheskiy obzor noveyshikh trudov i izdan iy po slavyanovedeniyu [Critical and bibliographic review of the latest works and published on the Slavic day]. *Universitetskiya izv’stiya*. 5. pp. 63–110.

53. Franko, I. (1981) *Zibrannya tvoriv*. Vol. 31. Kyiv: [s.n.]. pp. 7–10.

54. Chervinskiy, K.O. et al. (1975) *Chernivets'kiy derzhavniy universitet* [Chernivtsi State University]. Lviv: Vishcha shkola.

55. Kostishin, S.S., Panchuk, O.E., Botushanskiy V.M. et al. (eds) (1995) *Chernivets'kiy universitet. 1875–1995: storinki istorii* [University of Chernivtsi. 1875–1995: Pages of history]. Chernivtsi: Ruta.

56. Chuchko, M. (2014) Orthodox Church in Bukovina during the WWI (II). *Rusin*. 4(38). pp. 7–28 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/38/2

57. Chuchko, M. (2015) *U gornili viprobuvan’: Pravoslavna Tserkva na Bukovini v 1914–1919 rr.* [In the crucible of trials: The Orthodox Church in Bukovina in 1914–1919]. Chernivtsi: Druk Art.

58. Chuchko, M.K. (2019) Metropolis of Bukovina of the Romanian Orthodox Church (Interwar Period). *Rusin*. 57. pp. 131–156 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/57/9

59. Chuchko, M.K. & Sulyak, S.G. (2014) Archpriest Kassian Bohatyrets – researcher of church history in Bukovinian Rus'. *Rusin*. 1. pp. 143–164 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/35/11

60. Chuchko, M.K. & Sulyak, S.G. (2015) Istoriya Bukovinskoj pravoslavnoy eparkhii arhipresvitera Kassiana Bogatyrtsa [History of the Bukovina Orthodox Diocese of Archpresbyter Kassian Bogatyrtz]. *Biblioteka zhurnala “Rusin.”* 1. pp. 6–28.

61. *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1924*. Cernauti.

62. *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1925*. Cernauti.

63. *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1926*. Cernauti.

64. *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1927*. Cernauti.

65. *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1930*. Cernauti.

66. *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1933*. Cernauti.

67. *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1934*. Cernauti.

68. Archiv der Universität Wien. *Phil. Rigorosen Protokoll*. Sign. Ph 59.13. Jahr 1888–1894.

69. Archiv der Universität Wien. *Philosophische Fakultät – Nationalien*. Sign. 128. WS 1886–1887. Film 1043.
70. Archiv der Universität Wien. *Philosophische Fakultät – Nationalien*. Sign. 130. WS 1886–1887. Film 1044.
71. Archiv der Universität Wien. *Philosophische Fakultät – Nationalien*. Sign. 130. SS 1886–1887. Film 1044.
72. Archiv der Universität Wien. *Philosophische Fakultät – Nationalien*. Sign. 132. WS 1887–1888. Film 1045.
73. Archiv der Universität Wien. *Philosophische Fakultät – Nationalien*. Sign. 134. SS 1888. Film 1046.
74. Archiv der Universität Wien. *Philosophische Fakultät – Nationalien*. Sign. 136. WS 1888–1889. Film 1042.
75. Archiv der Universität Wien. *Philosophische Fakultät – Nationalien*. Sign. 140-142. WS 1889–1890. Film 1048.
76. Căndea, R. (1921) Fabule averescane. *Glasul Bucovinei*. 23 Octombrie.
77. Căndea, R. (1921) Unde am ajuns! *Glasul Bucovinei*. 22 Octombrie.
78. Ceaușu, M-Ș. (2004) *Parlamentarism, partide și elită politică în Bucovina Habsburgică (1848–1918)*. Iași: Junimea.
79. Anon. (1933) Comunicari. +Arhipresviter Dr. Eugen Kozak. *Foaia Oficiala Arhiepiscopiei și Mitropoliei Bucovinei*. 11.
80. Czernowitz, K.K. (1913) Franz Joseph-Universität (gegr.1875). In: *Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt. Zweiundzwanzigsten Jahrgang. 1912–1913*. Strassburg: [s.n.]. pp. 213–215.
81. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1908a) Czernowitzer Gelegenheiten. 18th June.
82. *Czernowitzer Morgenblatt*. (1933) Das Leichenbegangnis des Univ. Prof. Dr. Kozak. 10th September.
83. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1933a) Das Leichenbegangnis des Univ.-Prof. Dr. Eugen Kozak. 10th September.
84. *Der Tad*. (1933) Das Leichenbegangnis Dr. Eugen Kozaks. 12th September.
85. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1933b) Danksagung. 16th September.
86. *Bukowiner Post*. (1901). Dankssagung. 8th September.
87. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1906a). Dejeuner beim Landespräsidenten. 14th October.
88. *Glasul Bucovinei*. (1921a) Dela congresul bisericesc al averescanilor. 20 Octombrie.
89. *Czernowitzer Morgenblatt*. (1921a). Der Besuch des des Ministerpräsidenten. Die Audienzen. 19 Oktober.
90. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1908b) Der Generalstreik der Studenten. An der Czernowitzer Universität, 20 Juni.
91. *Czernowitzer Tagblatt*. (1903) Der Suczawaer Museums-Verein. 2 Juli.

92. *Czernowitzer Tagblatt*. (1919) Die Bodenreform in der Bukowina. 4 Sitzungstag der Kommission. 8 März.
93. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1921a) Die Empfänge im Regierungspalais. 18 Oktober.
94. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1904) Die Gogolfeier. 14 Mai.
95. *Czernowitzer Morgenblatt*. (1921b) Die Minoritäten und die Schulfrage. Ergebnis der Schulkonferenz. 2 August.
96. *Czernowitzer Morgenblatt*. (1921c) Die rumänischen Studentenschaft gegen universitätsprofessor Dr. Kozak. 29 Oktober.
97. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1908c) Die Studentenbewegung. 18 Juni.
98. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1928) Die Vereinigungsfeier am 27 Oktober. 25 Oktober.
99. *Czernowitzer Deutsche Tagespost*. (1933) Die Wahlbewegung. Die altruthenische Partei für den Minoritätsblock. 2 Juli.
100. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1922a) Die Wahlbewegung im Reiche. Die Wahlen in der Bukowina. 26 Februar.
101. Dumitrescu, H. & Iliescu, I. (2016) *Fosti profesori ai Liceului Unirea Focsani*. Focsani: Editura Pallas.
102. *Bukowinaer Post*. (1908) Eine Studentendemonstration. 17 Mai.
103. *Czernowitzer Tagblatt*. (1907) Enthüllung des Schillers denkmals. 12 November.
104. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1911) Für die durch die Hochwasserkatastrophe Geschädigten. 28 Dezember.
105. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1921b) General Averescu in Czernowitz. 18 Oktober.
106. Anon. (1944) *Handbuch Reichsgau Wien. 65./66. amtlich redigierter Jahrgang*. Wien: Deutscher Verlag für Jugend und Volk.
107. Hensellek, T. (2002) *Die letzten Jahre der kaiserlichen Bukowina: Studien zur Landespolitik im Herzogtum Bukowina von 1909 bis 1914*. Masterarbeit. Wien: Universität Wien.
108. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1922b) Heute Senatswahl in der Bukowina, im alten Königreich und in Bessarabien. 1 März.
109. *Bukowiner Post*. (1914a) Hofrat Professor Dr. Emil Kaluzniacki+. 5 Juli.
110. Anon. (1918) *Hof- und Staats-Handbuch der -Österreichischen-Ungarischen Monarchie für das Jahr*. Wien.
111. Iacobescu, M. (2007) Iorga și Bucovina (1). *Analele Bucovinei*. 1(30). pp. 111–132.
112. Iorga, N. (1904) *Culegerea de inscriptii moldovenesti din Bucovina a d-lui Dr. E. Kozak. (Dr. E. Kozaks Sammlung moldauischer Inschriften der Bukowina)*. Cernăuți: Societatea tipografică bucovineana.
113. Iorga, N. (1939) *Memorii. Încercarea guvernării peste partide: (1931–2)*. Vol. VI. București: Datina Românească.

114. Iorga, N. (1905) *Neamul românesc în Bucovina*. București: Editura Minerva.
115. Jagić, V. (1920) Emil Kalužniacki. 11.1.1845-3.7.1914. *Archiv für slavische Philologie*. 37. pp. 280–285.
116. *Bukowinaer Rundschau*. (1896) Kirchen-Grundsteinlegung. 4 Oktober.
117. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1910) Konsistorialrat Georg Genadie Hanicki+. 15 Februar.
118. Kozak, E. (1921) *Benennung der orthodox-orientalis Bukowiner Erzdiözese in Kirchen Kongresse 1921*. Czernowitz: [s.n.].
119. Kozak, E. (1892) Bibliographische Übersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven (Mitgethailt von Prof. Dr. Jagic in Wien). In: *Jahrbücher für protestantische Theologie*. Braunschweig. pp. 127–158.
120. Kozak, E.A. (1904) *Die Älteste Urkunde des Klosters Putna zur Vierhundert-jährigen Gedenckfeier des Todes Stephans des Grossen. Mit Original photographie*. Czernowitz: H. Pardini – Bukowiner Vereinsdruckerei.
121. Kozak, E. (1907) *Die Bedeutung des Kirchenslavischen in theoretischer und praktischer Beziehung*. Inaugurationsrede gehalten am 9. December 1907. Czernowitz.
122. Kozak, E. (1903) *Die Inschriften aus der Bukowina. Epigraphische Beiträge zur Quellenkunde der Landes-und Kirchengeschichte, I. Teil: Steininschriften. Mit Textillustrationen*. Wien: Selbstverl.
123. Kozak, E.A. (1892) Resultate meiner Forschungen im Kloster Sočawica (in der Bukovina). *Historische, epigraphische und bibliographische Beiträge. Archiv für slavische philologie*. Band XIV. Berlin: [s.n.]. pp. 235–255.
124. Marian, S.F. (1887) *Biserica din Părhăuți în Bucovina*. București: Tipografia Academiei Române.
125. Marian, S.F. (1899a) Inscriptiunile de pe manuscriptele și cărțile de la biserica “Înălțarea Domnului” din Vama. *Patria*. 17 (29) Decemvrie.
126. Marian, S.F. (1899b) Inscriptiunile de pe manuscriptele și cărțile de la biserica “Înălțarea Domnului” din Vama. *Patria*. 19 (31) Decemvrie.
127. Marian, S. F. (1900) *Inscriptiuni de pe manuscripte și cărți vechi din Bucovina*. Vol. 1. Suceava: Editura autorului, Societatea tipografică bucovineană în Cernăuți.
128. Marian, S.F. (1895) *Sântul Ioan cel Nou de la Suceava. Schiță istorică*. București: Tipografia Carol Göbl.
129. Mârza, R. (2011) Rolul jucat de Universitatea din Cernăuți în dezvoltarea slavisticii românești. *Studia Linguistica*. 5. pp. 301–307.
130. Melchisedec. (1882) O visita la cate-va manastiri si biserici antice din Bucovina. *Revista pentru istorie, archeologie și filologie*. 1(2). pp. 245–281.
131. Melchisedec. (1885) *O visita la cate-va manastiri si biserici antice din Bucovina de Episcopul Melhisedec*. București: [s.n.].
132. Mihai, Fl.-R. (2010) *Dinamica electorală a candidaților minoritari din Bucovina la alegerile generale din România interbelică. Partide politice și minorități*

naționale din România în secolul XX. Vol. 5. Sibiu: Editura Techno Media. pp. 77–102.

133. Norst, A. (1900) *Alma Mater Francisco – Josephina. Festschrift zu deren 25-jährigem Bestande*. Czernowitz: [s.n.].

134. Österreichisches Staatsarchiv. *Allgemeines Verwaltungsarchiv. Vienna (AT-OeStA/AVA), Nachlässe AN Wassilko I. NL Wassilko I.* Briefe an Wassilko. AVA 3.

135. *Czernowitzer Allgemeiner Zeitung*. (1908d) Personalnachrichten. 12 Juni.

136. Anon. (1906) *Personalstand der k. k. Franz Josefs-Universität zu Czernowitz im Studienjahre 1906/1907*. Czernowitz.

137. Anon. (1870–1919) *Pfarre. Wien. Kirchengemeinde zur Hl. Dreifaltigskei. Taufbuch*. Tom V. Sign. 01–06. Taufe_0093. [Online] Available from: <https://data.matricula-online.eu/de/oesterreich/metropolis/wien-kirchengemeinde-zur-hl-dreifaltigkeit/01-06/?pg=94>

138. *Bukowiner Post*. (1914b) Po-kej. Die Kirchenfrage in der Bukowina. 6th January.

139. Procopciuc, V. (2008) Din cartea de onoare a mănăstirii Sucevița. Personalități și însemnări. *Analele Bucovinei*. 1(30). pp. 163–184.

140. Anon. (1871) *Programm des k.k. Ober-Gymnasiums in Czernowitz in dem Herzogtum Bukowina für das Schuljahr 1871*. Czernowitz.

141. Anon. (1878) *Programm des k.k. Obergymnasiums in Czernowitz in dem Herzogtum Bukowina für das Schuljahr*. Czernowitz.

142. *Czernowitzer Allgemeiner Zeitung*. (1909a) Promotion. 7th April.

143. *Czernowitzer Tagblatt*. (1905) Promotion. 15th July.

144. *Czernowitzer Tagblatt*. (1910). Promotion. 22 Marz.

145. *Czernowitzer Morgenblatt*. (1923) Promotion an der Wiener Universität. 25 Juli.

146. *Glasul Bucovinei*. (1921b) Protestul studentilor improtiva prof. univ. Eugen Kozak. 25 Octombrie.

147. *Czernowitzer Tagblatt*. (1907) Rector Magnificus Prof. Dr. Basil Gaina +. 3th September.

148. *Bukowiner Post*. (1908) Rektorsinauguration. 3 Dezember.

149. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1907) Rektorsinauguration. 10 December.

150. *Bukowiner Volkszeitung*. (1907) Rektorswahl. 24 Oktober.

151. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1908e) Ruckblik auf die Vorkommnisse in der Bukowina im Jahre 1907. III. Oktober. 14. Januar.

152. Anon. (1910) Russische Wahlarbeit in Galizien und der Bukowina (Rede des Abgeordneten Nikolaj Ritter von Wassilko im osterreichischen Abgeordneten hause, gehalten am 11. Dezember 1909. *Ukrainische Rundschau*. 1. pp. 15–27.

153. Sandache, C. (2005) *Istorie si biografie: Corneliu Zelea Codreanu*. Bucuresti: [s.n.].

154. Scharr, K. (2011) Der Griechisch-orientalische Religionsfonds in der Bukowina. Kulturkampf und Nationsbildung im Spiegel einer Institution. In:

Kappeler, A. (ed.) *Die Ukraine. Prozesse der Nationsbildung*. Köln-Wien-Weimar: [s.n.]. pp. 255–267.

155. Anon. (1842) *Schematismus der griechisch-orientalischen Bucovinaer Diöcese für das Jahr 1842*. Czernowitz.

156. Anon. (1895) *Schematismus der Bucovinaer gr.or. Archiepiscopal Diöcese für das Jahr 1895*. Cernautz.

157. Anon. (1914) *Schematismus der Bukowinaer gr-or. Archiepiscopal-Diozese für das Jahr 1914*. Czernowitz.

158. Anon. (1921) *Sematismul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1921*. Cernauti.

159. *Czernowitzer Tagblatt*. (1903) Scherbefall. 13 August

160. *Österreichischen Reichsrates*. (1910) *Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des Österreichischen Reichsrates*. XX Session. Bd.VI. No. 38-49. Wien.

161. Taszczuk, D. (1933) Zum Tode Profesor Kozak. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. 8 September.

162. Tocilescu, Gr.G. (1931) *534 documente istorice slavo-române din Țara Românească și Moldova: privitoare la legăturile cu Ardealul, 1346–1603: din arhivele orașelor Brașov și Bistrița, în text original slav însoțit de traducere românească, tipărite la Viena în 1905–1906*. Bucureti: Cartea Românească.

163. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1925a) Todesfall. 11 November.

164. *Der Tad*. (1933) Todesfalel. 7 September.

165. *Glasul Bucovinei*. (1921b) Tupeu minoritar și inconștiență averescană. 21st October.

166. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1925b) Ueberführung einer Leiche aus Salzburg. 27th June.

167. *Czernowitzer Deutsche Tagespost*. (1933) Univ.-Prof. Dr Kozak+. 7th September.

168. *Czernowitzer Tagblatt*. (1909) Univerität in Czernowitz. 18th July.

169. Anon. (1899) *Verzeichnis der öffentlichen Vorlesungen an der k.u.k. Franz-Joseph-Universität zu Czernowitz im Wintersemester 1899/1900*. Czernowitz.

170. *Czernowitzer Tagblatt*. (1904a) Von der Universität. 14th September.

171. *Czernowitzer Tagblatt*. (1904b) Von der Universität. 15th November.

172. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1906b) Von unserer Universität. 23rd June.

173. Wagner, R. (1975) *Alma Mater Francisco Josephina. Die deutschsprachige Nationalitäten-Universität in Czernowitz. Festschrift zum 100. Jahrestag ihrer Eröffnung 1875*. München: Verlag Hans Meschendörfer.

174. Wagner, R. (1996) *Vom Halbmond zum Doppeladler. Auswählte Beiträge zur Geschichte der Bukowina und der Czernowitzer Universität "Francisco-Josephina"*. Augsburg: Verlag "Der Südostdeutsche".

175. *Bukowiner Post.* (1899) Wehe den Schwächlingen! 9th April.

176. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung.* (1914) Zum Begrabnisdes Hofrates Kaluzniacki. 8th July.

177. Wurzer, R. (1908) *Zur Geschichte des k.k. I. Staatsgymnasiums in Czernowitz. Einem vielseitig gehegten Wunsche gemäß folgt hier im Anschluß an Jahresbericht des K.K. I. Staatsgymnasiums in Czernowitz.* Czernowitz.

178. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung.* (1909b) Zur Gogol-Feier. 9 Mai.

Чучко Михайло Костянтинович – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії Факультету історії, політології та міжнародних відносин Чернівецького національного університету імені Юрія Федьківця (Україна).

Чучко Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Украина).

Mykhailo K. Chuchko – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: m.chuchko@chnu.edu.ua

Грябан Вікторія Вікторівна – кандидат історичних наук, Ph. Doctor, Віденський університет (Австрія).

Грябан Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, Ph. Doctor, Венский университет (Австрия).

Viktoriya V. Hryaban – University of Vienna (Austria)

E-mail: hryaban@gmx.net

УДК 801.612, 811.163, 81-139
UDC
DOI: 10.17223/18572685/72/6

Образец эталонного описания акцентуации средневековых текстов (и-глаголы в двух староштокавских памятниках XV в.)

И.С. Пекунова

Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6
E-mail: irapek@gmail.com

Авторское резюме

Демонстрируется прием эталонного описания акцентной грамматики для средневековых славянских письменных памятников, раскрываются преимущества этого подхода как инструмента научного исследования. Известно, что в атрибуции южнославянских рукописей вплоть до XVI–XVII вв. значительную роль играет акцентуация. Дело в том, что графическая система часто употребляется как некая наддиалектная норма и, таким образом, может маскировать собственно фонетические особенности памятника, тогда как расстановка акцентных знаков, как правило, в целом отражает фактическое место ударения в идиолекте писца. Вместе с тем в акцентной системе конкретного памятника может обнаруживаться значительная неустойчивость, что, как правило, снижает его акцентологическую значимость. Применение метода эталона и девиаций позволяет выстроить внутреннюю иерархию акцентных систем, представленных в памятнике, и высказать предположения о том, каково могло быть реальное соотношение этих систем.

Ключевые слова: акцентология, сербский, болгарский, праславянский, славянское ударение, акцентуированные рукописи XIII–XVI вв., эталонные описания, девиации

A model description of accentuation in medieval texts (i-verbs in two Old Shtokavian manuscripts of the 15th century)

Irina S. Pekunova

Russian State University for the Humanities
Miuskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: irapek@gmail.com

Abstract

The paper demonstrates the advantages of the canon/aberration technique for the analysis of the accentual grammar of the medieval Slavic manuscripts. It is known that accentuation played a significant role in the attribution of South Slavic manuscripts up to the 16th–17th centuries. The thing is that the graphic system is often used as a supra-dialectal norm and can disguise the phonological peculiarities of the manuscript, while the accentuation generally marks the actual position of stress in the scribe's idiolect. This is confirmed by the large number of manuscripts written using Serbian orthography, but Bulgarian accentual rules (probably due to the fact that, after the Turkish conquest of Bulgaria, many Bulgarian scribes were employed in Serbian scriptories). At the same time, the accentual system of a manuscripts may demonstrate a certain degree of instability, perhaps due to varying dialectal influences, which diminishes its accentological significance. An explicit use of the canon/aberration technique makes it possible to build an internal hierarchy of accentual systems used in the manuscript, and make assumptions about the relative significance of these systems. This approach is illustrated by the analysis of the accentuation of i-verbs in two 15th-century Serbian manuscripts. The observed ratio of canonical vs. aberrant accents makes it possible to determine a dialectal localization of the systems under consideration. Thus, while it was previously assumed that the accentual system of these manuscripts can be considered as the ancestor of the accentual system of the Central Shtokavian dialects (specifically, those upon which the modern literary variety of Serbian is based), the author argues that it should be, instead, recognized as representing another medieval Shtokavian dialect, apparently belonging to the South Eastern region.

Keywords: accentology, Serbian, Bulgarian, Slavic languages, Proto-Slavic, Slavic accentuation, accentuated manuscripts of the 13th–16th centuries, Canonical description, aberrations

Раздел 1. Введение

1.1. Задача работы. В сокращенном виде приводится эталонное грамматическое описание акцентной системы и-глаголов в памятниках Евангелие-апракос РГБ Муз. 7364 (Ев) и Апостол НБКМ 889 (Ап)¹. Рассматриваемые рукописи представляют собой два основных источника по ранней староштокавской акцентуации. К настоящему времени неизвестны другие столь древние штокавские источники, пригодные для полноценного акцентного описания. При этом, хотя акцентные системы Ев и Ап не тождественны, они все же достаточно близки, чтобы описывать их в рамках единой системы, выделяя для каждого из памятников свойственные ему модификации.

Дальнейшее изложение строится так. В разделе 1 даны общие сведения об изучаемых памятниках, раздел 2 посвящен теоретическому введению, в разделе 3 содержится образец описания акцентуации изучаемых памятников, построенного как эталонная грамматика с указанием арсенала девиаций, раздел 4 посвящен анализу результатов с точки зрения праславянской реконструкции и современной штокавской акцентовки обсуждаемого класса глаголов.

1.2. Краткие сведения о памятниках. Далее речь пойдет о двух старосербских памятниках первой половины – середины XV в.:

1) Апостол НБКМ № 889, хранящийся в Национальной библиотеке имени Святых Кирилла и Мефодия (София); середина XV в.²;

2) Евангелие-апракос полный из Музейного собрания Российской государственной библиотеки (ф. 178, № 7364), хранящееся в Москве; первая треть XV в. (см. [14: 278–279]).

Оба памятника написаны полууставом в сербской ресавской орфографии и хорошо акцентуированы (более чем на 80%). В каждом из памятников почерк единый³.

Как известно, ресавская орфография могла употребляться в XV–XVI вв. в южнославянских рукописях разного диалектного происхождения, в том числе и болгарских. Для языковой атрибуции здесь первостепенными оказываются данные акцентуации (ср.: [11: 68]). По основным акцентным характеристикам оба памятника должны быть отнесены к сербской штокавской территории (при этом акцентовок, отражающих новоштокавскую ретракцию, еще нет или почти нет). О возможностях более точной локализации речь пойдет ниже.

Раздел 2. Методика эталонного описания

2.1. Общие положения. Когда речь идет о сравнении нескольких достаточно близких идиомов, стандартный прием состоит в том, чтобы один из идиомов – принять за основной (L^0), а остальные представлять

в виде определенного пересчета от заданного L^0 . Общеизвестный пример такого подхода дают языковые описания, ведущие отсчет от кодифицированной (литературной) нормы. Именно таким образом, как правило, описываются территориальные, социальные и т. п. диалекты. При отсутствии кодифицированного литературного языка в качестве стандарта может быть принята построенная лингвистом грамматика одного из идиомов, а сведения о других идиомах – даваться как поправки к этой основной грамматике.

Подобная техника применяется и в том случае, когда за эталон принимается не один из наблюдаемых естественных идиомов, а некоторый артефактный идиом, конструируемый исследователем с целью сравнительного описания. В частности, именно таким образом строится классическая сравнительно-историческая конструкция, в рамках которой за предлагаемым грамматистами искусственным идиомом (т. н. праязыком) закрепляется и определенная (генетическая) интерпретация.

Однако построение искусственных эталонных идиомов не ограничивается областью сравнительно-исторической грамматики. При изучении имеющегося разнообразия идиомов исследователь может конструировать подходящую для его задач норму, не пытаясь интерпретировать такую норму в диахроническом или каком-либо ином ракурсе.

Несколько огрубляя, можно сказать, что в последнем случае грамматист действует подобно кодификатору литературного языка с той разницей, что цели кодификации, как правило, социально обусловлены, а результаты – социально значимы, в то время как цели грамматиста – собственно лингвистические (и обусловлены той или иной поставленной задачей), а социальная значимость его построений может вовсе отсутствовать (например, если речь идет о мертвых языках).

При конструировании такой нормы важным для исследователя оказывается в первую очередь характер правил пересчета от эталонного идиома к остальным – производным. Рассмотрим подробнее возможные конфигурации правил пересчета, ограничившись уровнем сегментных соответствий.

2.2. Замены и их классификация. Важнейшие типы замен. Девиации и альтернативные стандарты. Пусть x, y, z, \dots – это сегменты (линейные единицы ранга 1), A, B, C, \dots – формативы (линейные единицы ранга 2), $\alpha, \beta, \gamma, \dots$ – словоформы (линейные единицы ранга 3).

Единица старшего ранга представляет собой цепочку единиц предшествующего ранга: форматив – цепочка сегментов, словоформа – цепочка формативов. Так словоформа *котики* – цепочка

из трех формативов: корень КОТ, суффикс ИК, флексия И; форматив КОТ – цепочка из трех сегментов: фонем /k/, /o/, /t/; форматив ИК – цепочка из двух сегментов: фонем /i/ и /k/; флексийный форматив И – одночленная цепочка из одной фонемы /i/.

Пусть $A/(x \rightarrow x') = A^*$, где единица A^* – получена из A подстановкой атома x' на место всех вхождений атома x в A . Тогда $x \rightarrow x'$ называется заменой; x и x' – называются операндами замены и коррелятами друг друга, A – мишенью, A^* – результатом замены. Так же и на уровне словоформ – операндами могут быть как формативы, так и сегменты, а мишенью и результатом замены – словоформы.

Например: ЦЕП/(ц \rightarrow к) = КЕП (мишень – корневой форматив, операнды – сегменты); молочная/(ч \rightarrow ш) = *молошная* (мишень – словоформа, операнды – сегменты); Константинович/(ОВ \rightarrow Ø, ИЧ \rightarrow ЫЧ) = *Константиныч* (мишень – словоформа, операнды – суффиксальные формативы).

Пусть идиом L^0 – исходный, идиом L' – альтернативный или производный, тогда мишень замены (A или α) – элемент из L^0 – называется эталонным вариантом, а результат замены (A^* или α^*) – элемент из L' – альтернативным вариантом. Сам идиом L^0 называется эталоном.

В определенных ситуациях, например при рассмотрении разных диалектов бесписьменного языка или разных письменных памятников мертвого языка, непосредственно наблюдаемыми оказываются одни только альтернативные варианты, а соответствующие мишени (эталонные варианты) строит исследователь. Например, в старославянском в $LS_{Gt,n}$ адъективного типа склонения мягкой разновидности представлены только альтернативные варианты флексии (-*имь*, -*иимь*, -*имь*, -*иимь*), а эталонный вариант *иѣмь* отсутствует [1: 148; 17: 169].

Любой наблюдаемый альтернативный вариант A^* из L' должен быть представлен как результат применения к эталонному варианту A из L^0 конкретного множества замен. Рассмотрим некоторые важные свойства замен, определяющие определенную их сортировку.

1. Замены различаются по рангу линейных единиц – операндов замены. Соответственно говорят о сегментных, морфологических или лексических заменах. Ср. уже упомянутые примеры: ЦЕП/(ц \rightarrow к) = КЕП (в словах *цеп*, *шестьцепный* и т. п. в ряде псковских диалектов русского языка по отношению к русской литературной норме, см. [18: 25–26]); Константинович, Константиновна, Семёнович, Семёновна / (ОВ \rightarrow Ø, ИЧ \rightarrow ЫЧ) = *Константиныч*, *Константинна*, *Семёныч*, *Семённа* (разговорное произношение русских отчеств); а также пример лексической замены: *блин* \rightarrow *скорузлик* [18: 203] и т. п.

2. Замены различаются как условные (осуществляющиеся в определенных условиях) и безусловные. Условия применения замены

могут быть как контекстными (такие замены называют контекстно-разрешимыми), так и какими-то другими. Например, если за L^0 принять праиндоевропейский, а за L' – праславянский, то сегментная замена $/\bar{o}/ \rightarrow /a/$ будет безусловной, а сегментная замена $/k/ \rightarrow /č/$ – условной и контекстно-разрешимой, осуществляющейся только в положении перед гласным переднего ряда или $/j/$. Другой пример условной (не являющейся контекстно-разрешимой) сегментной замены составляет замена графем ($e \rightarrow \text{ѣ}$) при переходе от современной русской орфографии к русской дореволюционной орфографии.

3. Замены различаются как связанные и свободные. Связанными называются замены, применение которых ограничено списками единиц старшего по отношению к операндам данной замены ранга. Для сегментных замен речь идет о том, что замена происходит только в форматах из списка или только в словоформах из списка. Так, из примеров, приведенных в предыдущем пункте, замена ($e \rightarrow \text{ѣ}$) – связанная, а замены ($/\bar{o}/ \rightarrow /a/$) и ($/k/ \rightarrow /č/$) – свободные. Связанные замены заведомо условны, а свободные – могут быть как условными, так и безусловными.

4. Наконец, различают замены тотальные (обязательные) и рандомные (факультативные). Тотальные замены при переходе от L^0 к L' осуществляются всегда, когда имеются условия для их осуществления. Например, если как эталон рассматривать дореволюционную русскую орфографию, а как альтернативную – современную русскую орфографию, то замены ($i \rightarrow и$, безусловная) и ($з \rightarrow с$, условная) будут тотальными, а замена ($e \rightarrow \text{ё}$, условная) – рандомной. Также рандомными будут замены ($\text{ъ} \rightarrow о$), ($\text{ъ} \rightarrow е$), ($о \rightarrow \text{ъ}$), ($e \rightarrow \text{ь}$) при переходе от стандартной древнерусской орфографии к системе древнерусской бытовой письменности, где буквы в парах $\text{ъ}/о$ и $\text{ь}/е$ употребляются как взаимозаменяемые [7: 577–612]. Примеры из старославянского языка: замена ($\text{щ} \rightarrow \text{ц}$) при переходе от эталонного старославянского к идиолекту Киевских листков – тотальная, но та же замена при переходе от эталонного старославянского к идиолекту Супрасльской рукописи – рандомная, замены ($\text{ъ} \rightarrow \text{ь}$) или ($\text{бл}' \rightarrow \text{б}$) и множество других при переходе от эталонного старославянского к идиолекту любого из памятников – рандомны (см. подробнее: [17: XVII–XXV, §§ 117, 207, 141, § 886–897]).

Описанные характеристики замен оказываются важными для построения разного рода грамматических описаний. Нетрудно видеть, например, что в рамках классической компаративистской конструкции как допустимые замены при пересчете от идиома-предка к идиому-наследнику рассматривают только замены одновременно тотальные, свободные и либо безусловные, либо контекстно-разре-

шимые; поскольку речь идет о сегментных заменах, их называют фонетическими законами. Другой важный сорт замен – т. н. девиации [17: XVII–XXV], для которых непременным свойством оказывается randomness.

Для сегментных замен описанная классификация может быть представлена следующим образом (схема 1).

Замены ранга 1 – сегментные			Тотальные	Рандомные
Свободные	безусловные		I Фонетические законы	II Девиации
	условные	контекстно-разрешимые		
Связанные		прочие	III	

Схема 1

На схеме выделены две важные зоны замен: зона I – фонетические⁴ законы и зона II – девиации. Кроме того, имеется зона III – условные контекстно-неразрешимые и связанные тотальные замены. Примером замен из зоны III может служить замена /с/→/к/ при пересчете от праславянского к современным русскому, словенскому, словацкому языкам – т. н. устранение результатов второй палатализации в словоизменении. Эта замена будет свободной, условной, контекстно-неразрешимой. Для русского она применяется к сегменту /с/ на конце словоизменяющей основы для тех основ, которые показывают в парадигме чередование вида к//с конечного сегмента⁵, например, DSg /rɔcě/ русск. *руке*, свц. *ruke*, NPl /poljaci/ русск. *поляки*, слвн. *poljaki*⁶.

Другой пример – русское диалектное произношение [ы] на месте литературного [о] перед [j] в наст. вр. [крыю], [крыеш], [мыю], [мыет] и повел. накл. [крый], [умый] и т. п. в ряде глагольных корней при совпадающем с литературным произношением ударного [о] перед [j] во всех прочих словоформах: [молодой], [живой], [бой], [строй] и т. п. [10: 179, 189, 191 и др.]. Это связанная тотальная замена⁷.

Для ситуации, когда рассматривается один эталонный идиом L^0 и несколько альтернативных L_1, L_2, \dots (например, при описании группы диалектов или группы письменных памятников), важно заметить, что одна и та же замена может иметь разные характеристики в разных парах (L^0, L_i). Так, в приведенном выше старославянском примере замена (щ→ц) в Киевских листках – свободная, условная и тотальная (ср. *насьциени*, *объцьль* для эт. *насьциени*, *объцьаль*), а та же замена

в Супрасльской рукописи – девиация (ср. *защицаа* для эт. *защицаа* при Inf *защицати*) (см. подробнее: [17: 77]).

Если данная замена является тотальной для данного альтернативного идиома L₁, говорят, что эта замена формирует альтернативный стандарт идиома L₁.

2.3. Эталонные описания в акцентологии. Основные единицы акцентной грамматики – это интонационные характеристики словоформ, т. н. акцентные контуры словоформ. Акцентные контуры могут рассматриваться как цепочки акцентных единиц младшего ранга – акцентных маркировок морфем или т. н. слоговых интонаций. Какие именно единицы будут атомарными в данной акцентной грамматике, решает исследователь. Так, в акцентной грамматике древнерусского языка А.А. Зализняка атомарные единицы – это маркировки морфем, а производные единицы – акцентные контуры словоформ – строятся из цепочки маркировок морфем, составляющих данную словоформу, по определенным правилам [6: 121–125]. А в акцентной грамматике латинского языка, как известно, атомарные единицы – это долготные свойства слогов (т. е., по существу, фонем-слогносителей). Акцентная грамматика должна обеспечивать построение акцентного контура любой словоформы из данного контрольного корпуса словоформ. Для языков, характеризующихся т. н. свободным и подвижным ударением, в том числе славянских, как правило, рассматривают наборы акцентных контуров словоформ, составляющих парадигму одной лексемы (такой набор называется акцентной кривой данной лексемы), и строят соответствующие классификации лексем по акцентным типам, так чтобы по акцентному типу лексемы и грамматической характеристике ее словоформы можно было однозначно определить акцентный контур соответствующей словоформы.

Как уже указывалось, при построении эталонных акцентных грамматик в качестве операндов замен обычно выступают акцентные контуры словоформ, однако вполне возможно рассматривать и замены, операндами которых выступают маркировки морфем или интонации слогносителей. В качестве операндов замен могут также фигурировать акцентные типы лексем – практически в этих случаях речь идет о ряде замен акцентных контуров словоформ, обеспечивающих смену акцентной кривой и, соответственно, акцентного типа лексемы.

Описанные выше свойства замен и их важнейшие сорта применимы и в рамках акцентной грамматики. Как пример акцентологического фонетического закона можно привести т. н. новоштокавскую оттяжку ударения при переходе от древнесербского к современному литературному сербскому: любой акцентный контур с ударением на слогносители k (где $k > 1$) заменяется на акцентный контур с уда-

рением на слононосителе $k - 1$ (т. е. ударение сдвигается на слог влево), причем в контуре, полученном в результате замены, ударный слононоситель имеет восходящую интонацию – краткостную или долготную в соответствии с просодической характеристикой (соответственно, краткостью или долготой) этого слононосителя. Из данного примера можно видеть, что контекстные условия акцентных замен могут, в частности, формулироваться в терминах просодических характеристик слононосителей. Примеры акцентных замен-девиаций приводятся в следующих разделах настоящей работы.

В заключение представленного теоретического введения заметим, что эталонный подход часто оказывается наиболее продуктивным при описании языка письменных памятников (особенно, если степень вариативности довольно велика, а корпус текстов сильно ограничен), в частности памятников старославянского и других славянских языков.

Еще большее значение этот прием приобретает для описания акцентуации ранних славянских рукописных памятников. Дело в том, что как в русских, так и в южнославянских рукописях XIV–XVII вв. графическая система часто употребляется как некая наддиалектная норма и, таким образом, может маскировать собственно фонетические особенности памятника, тогда как расстановка акцентных знаков в целом, как правило, отражает фактическое место ударения в идиолекте писца, в частности, не копируется из оригинала при переписывании и не подчиняется каким-либо жестким нормативам. Такой вывод может быть подтвержден, среди прочего, наличием большого числа рукописей сербской орфографии, акцентуированных по-болгарски (вероятно, писцами-болгарами, работавшими в сербских скрипториях, что было весьма распространено после турецкого завоевания Болгарии).

Вместе с тем в акцентной системе отдельного памятника может обнаруживаться определенная неустойчивость, в том числе спровоцированная теми или иными диалектными влияниями. При этом, в отсутствие обязательной нормы, разного рода колебания могли беспрепятственно отражаться в письменном тексте, что, к сожалению, часто снижает акцентологическую значимость данных конкретных рукописей. Эксплицитное введение эталонного описания и определение арсенала девиаций позволяет выстроить внутреннюю иерархию акцентных систем, используемых в памятнике, и высказать предположения о том, каково могло быть реальное соотношение этих систем. В свою очередь, выявленные девиации могут осмысляться как допускающие ту или иную интерпретацию их возникновения.

Раздел 3. Акцентная система и-глаголов в Ап и Ев

В целях удобства акцентного описания глагольная парадигма разделена на следующие зоны, называемые подпарадигмами: Inf – инфинитив; 1SgPr – форма 1Sg презенса; Prae – прочие формы презенса; 3SgAor – форма 2-3Sg аориста; Aor – прочие формы аориста; Imf – все формы имперфекта; Imv – все формы императива; щ-Prt, м-Prt, ш-Prt, н-Prt, л-Prt – формы соответствующих причастий, с подразделением на синкопированные и развернутые в активных причастиях (щ- и ш-) (см. [17: 178–183]).

Представлены следующие три основных акцентных типа (иначе называемые акцентными парадигмами – а.п.) глаголов.

Тип А – эталон: колонное ударение на корне во всех формах парадигмы.

Тип В – эталон: корневое ударение в Prae и суффиксальное (на основообразующей гласной *-u-*) в Inf и Aor.

Тип С – эталон: ударение на окончании в Prae, суффиксальное – в Inf и Aor.

Таким образом, как диагностические для акц. типа А значимы в первую очередь формы Inf и Aor (а также л-Prt и ш-Prt на *-uv-*) с корневым ударением, для а.п. С – формы Prae с ударением на окончании.

Описанные три основные типа характеризуют акцентное поведение глаголов с основами любого вида, в частности, как приставочных, так и бесприставочных.

Однако конкретные акцентные кривые за пределами названных ключевых подпарадигм могут быть различными в зависимости от наличия или отсутствия приставки.

В частности, приставочные глаголы акцентных типов В и С имеют характерное наприставочное ударение в форме 3SgAor (все бесприставочные показывают в этой форме корневое ударение).

Кроме того, имеются две разновидности типа В: В и В', различие между которыми проявляется прежде всего в форме 1SgPr и при этом прежде всего у приставочных глаголов⁸. Далее может использоваться обобщенное обозначение акцентных типов В и В' – В^(*) для тех случаев, когда синхронно установить конкретную разновидность акцентного типа невозможно в силу недостатка материала.

Полезно отметить, что формы с наприставочным ударением могут служить диагностическими для отнесения глагольного семейства (т. е. совокупности глагольных лексем с одним и тем же корнем) к тому или иному акцентному типу.

Ниже приводятся схематические таблицы акцентных кривых, представленных у и-глаголов разных акцентных типов по ключевым

подпарадигмам (презенс, императив, аорист). К основной подпарадигме аориста примыкают также формы инфинитива, л-причастий и ш-причастий с суффиксом *-ив-*, упоминаемые в обзоре девиаций.

В схемах используются следующие обозначения морфонологической структуры: R – лексическая основа (в большинстве случаев – корень), S – флексии и словоизменительные суффиксы, P – приставки. Знак многоточия в позиции начала словоформы означает, что бесприставочные и приставочные формы не различаются по акцентуации. Выделен ударный компонент.

Систематические девиации обсуждаются ниже, однако важно обратить внимание, что в некоторых позициях (1SgPr) возможные колебания внесены в эталон.

3.1. Эталонная акцентуация по ключевым подпарадигмам. Примеры из числа представленных в памятниках в условной транслитерации⁹ даны в табл. 1.

Таблица 1

	A	B	B'	C
1SgPr	...RS <i>просла́влю</i>	RS <i>ношу́</i> PRS / PRS <i>прихо́жду / прихо́жду</i>	RS / RS <i>служу́ / служу́, люблю́, молю́,</i> <i>явлю́ / явлю́ се</i> PRS <i>вёзлюблю́, умолю́, нау́чу</i>	
Prae	...RS <i>просла́вить, прино́сите, любиши, явиши</i>			...RS <i>ро́дить, учиши́</i>
Imv	...RS <i>оста́ви, оста́вите</i>	...RS <i>гоню́, изгоню́те, молю́те се, учю́, научю́те</i>		
3SgAor	...RS <i>просла́ви</i>	RS <i>про́си, судо́, ро́ди се</i> PRS <i>вёпроси, расудо́, поро́ди</i>		
Aor	...RSS <i>просла́више</i>	...RSS <i>проси́ше, расуди́сте, роди́хом се</i>		
Inf	...RSS <i>просла́вити</i>	...RSS <i>води́ти, посуди́ти, свободи́ти се</i>		

3.2. Обзор важнейших девиаций. Ниже описаны и проиллюстрированы четыре акцентных эффекта, формирующие важнейшие группы девиаций. Полный список девиаций представлен в [16].

3.2.0. Акцентно уникальные семейства. Особняком стоят глаголы *творити* и *сътворити*, показывающие в Ап соотношение полуот-

метности в Праге (см. подробнее: раздел 4 и [13]) и колебания акц. типа в Ев. С синхронной точки зрения в Ап бесприставочный глагол *творити* имеет акц. тип С, приставочный *сътворити* – акц. тип В'. В Ев бесприставочный *творити* – акц. тип В', приставочный *сътворити* – акц. тип В (оба глагола в Ев имеют многочисленные отклонения по типу А). В качестве эталона принято расщепление глагольного семейства *творити* с акцентным обособлением бесприставочного глагола. При таком подходе семейство *творити* признается акцентологически уникальным с бесприставочной лексемой, «выпавшей» (в отношении акцентного типа) из своего семейства, подобно тому, как в современном русском признается уникальным спряжение презенса глагола *бежать* с «выпадающими» формами 1Sg и 3Pl, имеющими окончания е-спряжения. Как и в других случаях уникального поведения отдельных слов, целесообразно уже в эталоне закрепить представленную дублетность: акц. тип С/В' для бесприставочной и акц. тип В'/В для приставочных лексем. При таком подходе девиантными будут признаны только формы с неэталонным корневым ударением (Imv, Inf, Aor и т. п.), представленные главным образом в Ев и отражающие тенденцию перевода всего семейства в акц. тип А.

3.2.1.1. Суффиксальное ударение императива глаголов акц. типа А в Ев (см. также п. 4.3.1). Общий удельный вес девиантных форм¹⁰ – около 50 % (таким образом, для Ев ударение Imv акц. типа А можно считать дублетным).

ImvSg: *избави* (2x); *прослави* и *прослави́ ме* (всего 7x) vs *просла́ви ме*; *очисти* vs *очи́сти се* (3x Ев); *остави* (8x) vs *оста́ви* (6x). С эталонным корневым ударением: *не дви́жи*; *не му́чи* (2x).

ImvPl: *остави́те* (4x) vs *оста́вите* (2x); *исправи́те*. С эталонным корневым ударением: *наплъ́ните*; *не подóбите се*.

В Ап – регулярно эталонное корневое ударение.

3.2.1.2. Суффиксальное ударение (тематизация) в формах инфинитивной основы глаголов акц. типа А в Ев (возможно, под влиянием Imv, см. предыдущий пункт). Общий удельный вес девиантных форм – менее 5 %.

Inf: *избави́ти* (2x) vs *изба́вити*; с двумя знаками ударения: *очи́сти́ти* (2x) при регулярном *очи́стити* в Ап; возможно, также *утъ́ши́ти се* (Ев 355,13-14) – в Ап глагол имеет акц. тип А, в Ев недостаточно диагностических форм – исключить можно только акц. тип С. Акцентованных в соответствии с эталоном форм Inf от глаголов акц. типа А в Ев – 45, в Ап – 44 (все акцентованные). Кроме того, единичная форма 3SgAor *прибли́ж бо се* (Ев 365,11) vs 21x с корневым ударением.

3.2.2. 3SgAor типов В⁽¹⁾ и С с энклитиками в Ев (см. также п. 4.3.3).
Общий удельный вес девиантных форм – около 10 %.

Всего форм 3SgAor и-глаголов с энклитиками в Ев 144, из них 63 не акцентованы, 72 имеют эталонное ударение на начальном слоге словоформы, а оставшиеся 9 показывают девиантное ударение на энклитике¹¹:

възврати сѣ (3х) vs *възврати се* (2х), с тем же корнем *обрати се* (4х); *диви сѣ*; *раздѣли сѣ*; *умоли мѣ* vs *моли се*, *помоли се* (2х); *и утвори сѣ*; *и утвьрди `се* (Ев 164,18) vs *и утвьрди се* (Ев 246⁶,19-20); *яви сѣ* (Ев 245,5) vs *яви се* и *яви же се* (всего 27х)¹².

Остальные глаголы показывают только эталонные формы, ср.: *обжени се*, *поклони се*, *ключи се*, *заклучи се*, *отпусти же*, *роди се*, *всели се*, *учи се*, *научи ме* и т. п.

В Ап ударение 3SgAor – эталонное, ср. в том числе: *възврати се* (2х), *раздѣли се* (3х), *утвори се*; *яви се* (также с другими энклитиками, всего 20х) и т. п.

3.2.3. Корневое ударение вместо ожидаемого суффиксального или приставочного в формах от инфинитивной основы. Общий удельный вес девиантных форм – около 20 %.

Данная девиация представлена только в Ев и охватывает главным образом глаголы а.п. В⁽¹⁾ (беспорный пример данной девиации у глагола а.п. С только один). Ср. также п. 4.3.2 о возможностях интерпретации.

3SgAor: В' *възложи*, *и положи* vs *въз/пó/прú-ложи* (12х); В⁽¹⁾ *растóчи* vs Aor *не растóчихъ* и нктр. др. [16].

Aor: В *въпрóсише* (3х) vs ^o*просíше* (13х); В' *полóжише* (4х) vs *въз/положíше* (16х); В' *свьр́шише се* vs *свьрши́ше се* (4х); В⁽¹⁾ *пристúпише* vs *приступíше* (14х) и др. формы Aor с суффиксальным ударением. Здесь же форма В' *извóлихъ* vs 3SgAor *ízволи* – глагол (*из*)*волити* показывает акц. тип В', однако сложение *благоволити* имеет варианты по акц. типу А.

От глагола а.п. С: *не рóдише* (Ев 243,1-2) vs *родíхъ*, *родíше* (3х).

Inf: В *принóсити* (2х) vs ^o*носúти* (6х); В' *излóжити*, *и прилóжити* vs *въ/по/при/прѣд-ложíти* (7х); В' *свьр́шити* (2х) vs *свьрши́ти* (4х); В' *слúжити* (Ев 393,7) и *слúжити* (Ев 321⁶,9) vs регулярное суффиксальное ударение в Aor в Ев, в Aor и Inf в Ап.

л-Prt: В' *полóжилъ* vs *положíл-* (4х).

Раздел 4. Основные выводы

4.1. Отличительные черты синхронных акцентных типов. Рассмотренный материал показывает типичную для славянских идиомов,

сохраняющих подвижность ударения, картину противопоставления трех основных акцентных типов и-глаголов: акцентные типы А, В, С. Данное противопоставление основано на различии двух типов акцентовки подпарадигмы Prae (презенс за исключением 1Sg) и двух типов акцентовки подпарадигм с инфинитивной основой (Inf, Aor, не считая 3SgAor, новое ш-Prt, л-Prt); а именно различаются «наосновный» тип акцентовки (ударение на лексической основе, схема **RS**) и «насуффиксальный» тип акцентовки (ударение на словоизменительном компоненте: флексии или словоизменительном суффиксе, схема **RS**) (табл. 2).

Таблица 2

Prae \ Inf-Aor	Наосновн.	Суффиксальн.	Акц. тип Подпарад.	A	B ⁽ⁿ⁾	C
				Наосновн.	A	B ⁽ⁿ⁾
Суффиксальн.		C	Inf-Aor	RS	RS	

Различение в рамках акцентного типа В⁽ⁿ⁾ подтипов В и В' основано на соотношении акцентовки бесприставочных и приставочных форм 1SgPr. В подтипе В' это соотношение «энклиномичности» такое же, как и в типе С (ударение на приставке в приставочных, колеблющееся в бесприставочных), в подтипе В – это соотношение факультативной «полуотметности» (суффиксальное, т. е. конечное, – ударение в бесприставочных и корневое – в приставочных).

Соответственно подтип В называется *полуотметным* в форме 1SgPr, а подтипы В' и С – *энклиномичными* в той же форме. Тип А противопоставлен этим характеристикам как *устойчивый* (табл. 3: Р – приставка; R – основа, за вычетом приставки, обычно – корень; S – флексия).

Таблица 3

Акц. тип \ 1SgPr	A Устойчивый	B Полуотметный	B' = C Энклиномичный
Без приставки	RS	RS	RS / RS
С приставкой	PRS	PRS / PRS	PRS

Заметим, что если энклиномичность в форме 1SgPr представляет собой соотношение, несомненно, унаследованное из праславянской системы, то соотношение полуотметности здесь должно трактоваться как диалектная новация (см. подробнее п. 4.2).

Распределение лексем по акцентным типам А, В, В' и С в рассматриваемой системе определенным образом соотносится с этимологическими характеристиками глагольных корней.

Речь идет, во-первых, о праславянской (ПСл) акцентной парадигме¹³ – a , b_1 , b_2 или c ; во-вторых, об этимологической долготе или краткости корневого слононосителя (ПСл * o , * e , * \bar{v} , * \bar{b} – этимологически краткие, прочие – этимологически долгие).

Основное соотношение таково (табл. 4): ПСл а.п. a соответствует акц. тип А, для прочих различие ПСл акцентных характеристик сохраняется только у краткосложных глаголов (корни с этимологически кратким гласным), а долгосложные глаголы получают, как правило, синхронный акц. тип В'. Немногочисленные исключения из приведенного соотношения подробно обсуждаются в работе [16]¹⁴.

Таблица 4

ПСл а.п.	a	b_1		b_2	c	
Этимол. корня	(долг.)	кр.	долг.	кр., долг.	долг.	кр.
Синхр. акц. тип	А	В	В'		С	

4.2. Вопрос о полуотметности. Структура полуотметности как диалектная характеристика. Соотношение т. н. полуотметности, наблюдаемое в нашей системе в форме 1SgPr и-глаголов акц. типа В (см. табл. 3), представляет собой одну из характерных акцентологических черт ряда славянских диалектов (как современных, так и зафиксированных по данным письменных памятников). Речь идет, как уже говорилось выше, о специфическом соотношении акцентировки глагольных словоформ, различающихся только наличием или отсутствием приставки. Такое соотношение называется *полуотметностью*, если в бесприставочной форме ударение суффиксальное, а в приставочной – корневое. Конкретные грамматические формы и конкретные группы глаголов, в которых представлена полуотметность, различны в разных диалектах. Так, например, в центральноболгарских системах полуотметность представлена в субпарадигмах аориста и л-причастий у глаголов 1-го и 3-го классов (i- и a/j-глаголы), в украинских галицких говорах – по всей парадигме глаголов 2-го и отчасти 4-го классов (ě/i- и тематические глаголы). Общий обзор типов полуотметности см. [5: 82–86].

Для сербских говоров выделяются два основных типа полуотметности: «штокавская» и «ресавская». Оба типа предполагают наличие

полуотметности в субпарадигме презенса краткосложных глаголов, этимологически, как правило, относящихся к ПСл а.п. *b*₂. Для «штокавской» системы это только глаголы 1-го класса (i-глаголы); для «ресавской» системы – глаголы 1-го, 2-го и отчасти 4-го классов (i-, ё/i- и отчасти тематические глаголы), причем в ряде диалектов «ресавской» группы (зета-ловченский ареал) имеется тенденция к устранению полуотметности в и-глаголах за счет генерализации корневого ударения в презенсе бесприставочных глаголов [5; 13].

Как было показано выше, в описанной старосербской системе Ап и Ев полуотметность для и-глаголов отсутствует в основной субпарадигме презенса, но представлена у глаголов акц. типа В в форме 1SgPr. При этом уникальное по акцентным характеристикам глагольное семейство *творити/сътворити* показывает в обоих памятниках акцентовки, без труда выводимые из состояния с полуотметностью основной подпарадигмы презенса (Prae) и энклитичностью формы 1SgPr, показанного в табл. 5.

Таблица 5

Соотношение Формы	1SgPr – энклитичность	Prae – полуотметность
Без приставки	RS / RS * <i>твори́</i> / <i>твори́у</i>	RS * <i>твори́ть</i> и т. д.
С приставкой	PRS * <i>сътвори́у</i>	PRS * <i>сътвори́ть</i> и т. д.

Оба памятника значительно отклоняются от схемы табл. 5, при этом в Ев как приставочный, так и бесприставочный глаголы фактически можно было бы считать относящимися к акц. типу В (с характерной полуотметностью в 1SgPr), а формы бесприставочного глагола с флексийным ударением признавать девиантными (см. подробнее: [13; 15; 16]).

Описанное положение представляется нехарактерным для диалектов со «штокавской» системой полуотметности, наиболее яркая черта которой – как раз полуотметность большой группы краткосложных и-глаголов в презенсе (так, в частности, обстоит дело и в литературном сербском).

Напротив, оно может быть признано ожидаемым для «ресавского» типа полуотметности, в особенности с учетом того факта, что оба исследованных памятника показывают – пусть и не вполне последовательно – наличие полуотметности в формах основной подпарадигмы презенса у глаголов 2-го класса (ё/i-глаголов), типа *лежи́ть* – *приле́житъ*, *дрьжи́ть* – *сдьрб́жить* и т. п. При этом гене-

реализация корневого ударения в презенсе и-глаголов заставляет предполагать близость нашей системы к южным – зето-ловченскому и косово-метохийскому – ареалам.

Поскольку в современных говорах специфика формы 1SgPr потеряна и ее акцентуация не отличается от остальных форм презенса, предположение о старой полуотметности формы 1SgPr у глаголов акц. типа В (наследников ПСл а.п. b_1) в противоположность энклитичности этой формы у глаголов акц. типов В' и С (из ПСл а.п. b_2 и c) не противоречит сделанным диалектологическим выводам и, в свою очередь, может быть принято во внимание как возможная характеристическая диалектная черта.

4.3. Наблюдаемые систематические девиации и возможности их интерпретации. Выше, в разделе 3, при описании эталонной акцентуации глагольных форм были приведены важнейшие более или менее систематические отклонения – акцентные девиации. Среди таких девиаций некоторые могут быть интерпретированы как свидетельства «вторжения» в описываемый идиолект (представленный эталоном) элементов, в нашем случае акцентовок – других идиолектов, имеющих другие эталонные системы. Важно отметить, что в исследованном материале несколько подобных девиаций указывают, как представляется, на один и тот же источник «вторжения» и преимущественно – в идиолект лишь одного из изучаемых памятников. Другими словами, можно говорить о специфическом «восточноболгарском влиянии» на язык Ев. Рассмотрим соответствующие свидетельства.

4.3.1. *Imv* глаголов акц. типа А в Ев: *оста́ви, оста́вите* (см. п. 3.2.1.1). Речь идет о суффиксальном ударении в формах императива как единственного, так и множественного числа у глаголов, во всей остальной парадигме последовательно сохраняющих неподвижное корневое ударение. Акцентный тип А для всех глаголов, показывающих описанную девиацию, подтверждается и основным массивом данных самого Ев, и данными Ап, и данными других славянских языков, позволяющими реконструировать в ПСл а.п. *a* для этих глаголов.

Указанная черта представляет собой яркую характеристику т.н. восточноболгарских акцентных систем (см. подробнее: [2: 105; 4: 230]).

Здесь же отметим значительно менее регулярную девиацию «тематизации» ударения в формах инфинитива для тех же глаголов акц. типа А (как, например, *изба́вити* – см. п. 3.2.1.2), возможно, спровоцированную «восточноболгарскими» ударениями императива.

4.3.2. Формы от инфинитивной основы глаголов акц. типа В в Ев: *по́ложи, по́ложише, при́ложити, по́ложиль* (см. п. 3.2.3). Обращает внимание тот факт, что основная доля примеров этой девиации (в целом, однако, довольно нерегулярных) приходится на краткослож-

ные глаголы акц. типа $V^{(i)}$, восходящие к ПСл а.п. b_1 (*ломити, носити, просити, точити*) или b_2 (*волити, ложити, творити*). Девиация затрагивает, по-видимому, также три долгосложных глагола ПСл а.п. b^{15} (*вршити, служити, ступити*) и лишь один глагол акц. типа C (*родити* – ПСл а.п. c).

Если принять глаголы ПСл а.п. b как ядро данной девиации, представляется возможным интерпретировать ее, вместе с предыдущей, как влияние «восточноболгарских» систем ударения, для которых характерно совпадение акцентуации i -глаголов ПСл а.п. a и а.п. b (корневое ударение) при последовательном отличии от них в акцентовке i -глаголов ПСл а.п. c (суффиксальное ударение или фонологически безударные формы) (см.: [2: 100–102; 4: 164–166, 229–230]; а также [3: 584–586]).

4.3.3. Формы 3SgAor с энклитикой в Ев: *диви сè, възврати сè* (см. п. 3.2.2). Речь идет о девяти формах из семи семейств глаголов акц. типа $V^{(i)}$, из которых три семейства (*вратити, молити, творити*) относятся к ПСл а.п. b_2 и четыре семейства – к ПСл а.п. c (*дивити, дѣлити, твърдити, явити*). Этим девяти девиантным формам противостоят в Ев более 70 форм 3SgAor с энклитиками от тех же и других глаголов акцентных типов $V^{(i)}$ и C , имеющих эталонное ударение на начальном слоге словоформы – т. е. приставочное или корневое в бесприставочных лексемах.

Поскольку объем и регулярность этой девиации крайне невелики, сделать какие-либо твердые выводы невозможно. Представляется, однако, допустимым видеть и в этой девиации возможное влияние «северо-восточноболгарских» систем, в которых ударение на энклитике при формах 3SgAor глаголов ПСл а.п. c регулярно (см. [2: 110–111; 4: 241–244]). С точки зрения непосредственного наследования праславянской акцентовки описанные девиантные формы, несомненно, представляют собой архаизм, однако в синхронном плане они оказываются для изучаемой системы чужеродными: нигде в других звеньях как глагольной, так и именной системы в наших памятниках сколько-нибудь регулярной зависимости акцентовки от наличия или отсутствия в тактовой группе энклитик не наблюдается.

4.4. В качестве заключения укажем следующее. По характеру этимологического распределения наблюдаемых в системе Ап–Ев синхронных акцентных типов i -глаголов по отношению к ПСл акцентным парадигмам (табл. 4) наша система, несомненно, относится к сербскому штокавскому типу.

С другой стороны, характер представленной в нашей системе полуотметности (по ресавскому типу) заставляет предполагать южную – юго-восточную диалектную локализацию этой системы в

штокавском ареале; возможно, речь идет о зета-ловченских говорах, лингвистически во многих отношениях близких к центрально- и восточноболгарским [5], а территориально в настоящее время граничащих с македонскими диалектами¹⁶.

Наконец, ряд описанных выше девиаций в акцентуации и-глаголов в Ев позволяет предполагать специфическое «восточноболгарское» влияние на идиолект этого памятника, причем источник такого влияния, возможно, следует искать не столько в восточноболгарском, сколько в малоизученном северномакедонском диалектном ареале (см. [2: 100, сн. 10]).

Примечания

1. Полное описание и весь соответствующий материал памятников см. в работе [16].

2. См. [19: 60]. Ап предваряется подшитым в тот же переплет неполным текстом октоиха (л. 1⁶–27⁶, при этом в начале утеряно 18 листов, содержащих песнопения 1 и 2 гласов), материал которого в данной работе не учитывается ввиду его отличия от графико-акцентологических характеристик основного текста и недостаточной надёжности (часть надстрочных знаков в этом фрагменте явно имеют неиктусный характер).

3. Октоих на л. 1–27. Ап не в счет.

4. Поскольку речь идет о сегментных заменах.

5. Для словацкого и словенского условия формулируются аналогично, но несколько сложнее.

6. Полезно заметить, что эта ситуация коренным образом отличается от ситуации древненовгородского диалекта, в котором результаты второй палатализации не устранялись в связи с устранением чередований в словоизменении, а просто отсутствовали – как в исходе основ, так и в других позициях, в том числе в корнях [8: 41–47; 18: 20–43].

7. Любопытно отметить, что связанной данная замена (о→ы, перед j) оказывается при пересчете от литературного L⁰ к данному диалекту L¹, если же рассмотреть в качестве эталона «правосточнославянский» L⁰, а в качестве альтернативных литературный русский L¹ и диалектный «деснинский» L², можно попытаться построить свободные замены вида (ь→о) и (ь→ы), осуществляемые при переходе к языкам-наследникам при определенных (своих для каждого из идиомов) контекстных условиях, и тем самым представляющие собой «фонетические законы» (см., например, [12: 120]).

8. В бесприставочных формах 1SgPr а.п. В и С ударение неустойчиво.

9. По техническим причинам повсюду в приводимых в статье цитатах из памятников используется также упрощенная запись без различения вариантов букв; диакритика передается с точностью до места иктусного знака (подробности см. [16]).

10. При указании процентного соотношения неакцентованные формы не учитываются.

11. Как показано в [16], несмотря на некоторые особенности расстановки надстрочных знаков на энклитиках, знак вариации над энклитикой *se* в обсуждаемых 9 формах аориста следует с высокой вероятностью оценивать как иктусный.

12. В формах (*и утверди се, яви се*) знак вариации поставлен левее энклитики, однако предполагать ударение на суффиксальном *-и-* здесь нет оснований в силу общего графического принципа использования вариации в иктусном значении только на конце графической словоформы. Следует отметить сравнительно высокий процент неакцентованных форм в рассматриваемой группе, что может быть косвенным свидетельством неустойчивости акцента.

13. О происхождении и составе ПСл акцентных парадигм *i*-глаголов см. подробнее: [3: 421–480; 13: 269–273].

14. При оценке описанного распределения следует учитывать, что ПСл а.п., устанавливаемая для каждого глагола на основе данных [3; 9; 13], реконструируется не всегда надёжно, иногда речь идет о наличии диалектных вариантов, для некоторых глаголов ПСл а.п. должна быть признана неизвестной. Соответственно, табл. 4 следует понимать как обобщение, отражающее важнейшие закономерности развития акцентных типов описываемой системы из ПСл.

15. По отношению к ПСл используется запись «а.п. *b*» для общего обозначения а.п. b_1 и а.п. b_2 в тех случаях, когда различие между ними в праславянском для обсуждаемых проблем несущественно.

16. Этот вывод, по-видимому, подтверждается и некоторыми другими чертами глагольной акцентуации, лежащими за рамками настоящей работы [3: 251–252; 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 447 с.

2. Дыбо В.А. Акцентологический комментарий к «Норовской псалтыри» // Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века. Ч. I. София, 1989. С. 93–114.

3. Дыбо В.А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2000. 736 с.

4. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990. 284 с.

5. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Праславянская акцентология и лингвогеография // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 65–88.

6. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 489 с.

7. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с.

8. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

9. Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 872 с. DOI: 10.31168/907117-600

10. Материалы русских говоров центральных областей к северо-западу от Москвы, собранные для Диалектологического атласа русского языка (хранятся в Отделе диалектологии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН).

11. Мошин В.А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей / Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 43–75.

12. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.

13. Николаев С.Л. История штокавской акцентуации i-глаголов в свете данных старосербской рукописи XV в. «Апостол» (НБКМ № 889) // IWoBa VIII. Реферати VIII међународног скупа о балтословенској акцентологији (Славистички зборник. Нова серија, књига I.). Нови Сад, 2014. С. 269–283.

14. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 178/1. Музейное собрание. Русская и славянская часть. Опись. Т. 4. № 6501–8461. М., 1969. Машинопись.

15. Пекунова И.С. Некоторые особенности глагольной акцентуации в староштокавских памятниках XV в. // Accent matters. Papers on Balto-Slavic accentology / ed. by T. Pronk, R. Derksen. Amsterdam; New York, 2011. P. 295–308.

16. Пекунова И.С. Акцентуация и-глаголов в двух староштокавских памятниках XV в. // Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. К 90-летию В.А. Дыбо / отв. ред. С.Л. Николаев. М., 2023. С. 283–373.

17. Поливанова А.К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 792 с.

18. Псковские говоры. II // Труды второй Псковской диалектологической конференции. Псков, 1968. 270 с.

19. Стоянов М., Кодов Хр. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. 3. София, 1964. 500 с.

REFERENCES

1. Vaillant, A. (1952) *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A Guide to Old Church Slavonic]. Translated from French. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
2. Dybo, V.A. (1989) *Aktsentologicheskij kommentarij k "Norovskoy psaltyri" / Norovskaya psaltyr'. Srednebolgarskaya rukopis' XIV veka* [The accentological commentary on Norovsky Psalter / Norovski Psaltir. Middle Bulgarian Manuscript of the 14th century]. Vol. I. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 93–114.
3. Dybo, V.A. (2000) *Morfologizovannye paradigmicheskie aktsentnye sistemy. Tipologiya i genesis* [Morphophonologised paradigmatic accentuation systems: Typology and origin]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Dybo, V.A., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (1990) *Osnovy slavyanskoj aktsentologii* [Fundamentals of Slavic Accentology]. Moscow: Nauka.
5. Dybo, V.A., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (1993) *Praslavyanskaya aktsentologiya i lingvogeografiya* [Proto-slavic accentology and linguistic geography]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. Proc. of the 11th *International Congress of Slavists* in Bratislava. September 1993. Moscow: Nauka. pp. 65–88.
6. Zaliznyak, A.A. (1985) *Ot praslavyanskoj aktsentuatsii k russkoj* [From Proto-Slavic to Russian Accentuation]. Moscow: Nauka.
7. Zaliznyak, A.A. (2002) *"Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniju* ["Russian nominal inflection" with selected works on the modern Russian language and general linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
8. Zaliznyak, A.A. (2004) *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
9. Zaliznyak, A.A. (2019) *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian Accent. General Information and Vocabulary]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. doi: 10.31168/907117-600
10. Russian Academy of Sciences. (n.d.) *Materialy russkikh govorov tsentral'nykh oblastey k severo-zapadu ot Moskvy, sobrannye dlya Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* [Russian dialect materials of the central regions northwest of Moscow, collected for the Dialectological Atlas of the Russian Language]. The Department of Dialectology of the Institute of the Russian Language RAS.
11. Moshin, V.A. (1973) *Paleograficheskoe-ortograficheskie normy yuzhnoslavjanskikh rukopisej* [Palaeographic and orthographic norms of South Slavic manuscripts]. In: Zhukovskaya, L.P. (ed.) *Metodicheskoe posobie po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisej dlya Svodnogo kataloga rukopisej, khraryashchikhsya v SSSR* [Methodological manual for the description of Slavic-Russian manuscripts for the Union Catalog of Manuscripts stored in the USSR]. Vol. 1. Moscow: [s.n.]. pp. 43–75.

12. Nikolaev, S.L. (1988) Sledy osobennostey vostochnoslavjanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikoruskikh govorakh. I. Krivichi [Traces of the features of East Slavic tribal dialects in modern Great Russian dialects. I. Krivichi]. In: Ivanov, Vyach.Vs. (ed.) *Balto-slavyanskije issledovaniya 1986* [Balto-Slavic studies 1986]. Moscow: Nauka. pp. 115–154.

13. Nikolaev, S.L. (2014) Istoriya shtokavskoy aktsentuatsii i-glagolov v svete dannykh staroserbskoy rukopisi XV v. "Apostol" (NBKM 889) [The history of the Shtokavian accentuation of i-verbs through the prism of the data from an Old Serbian manuscript of the 15th century "Apostle" (SS. Cyril and Methodius National Library no. 889)]. In: *IWoBA VIII. Referati VIII međunarodnog skupa o baltoslovenskoj aktsentologiji (Slavistichki zbornik. Nova serija, knjiga I)*. Novi Sad: [s.n.]. pp. 269–283.

14. The Department of Manuscripts of the Russian State Library. (1969) Fund 178/I. Museum collection. Russian and Slavic part. Inventory. Vol. 4. NN 6501–8461 Moscow: [s.n.]. Typescript.

15. Pekunova, I.S. (2011) Nekotorye osobennosti glagol'noy aktsentuatsii v staroshtokavskikh pamyatnikakh XV v. [Some peculiarities of verbal accentuation in old-Shtokavian 15th-century manuscripts]. In: Pronk, T. & Derksen, R. (eds) *Accent matters. Papers on Balto-Slavic accentology*. Vol. 37. Amsterdam; New York: [s.n.]. pp. 295–308.

16. Pekunova, I.S. (2023) Aktsentuatsiya i-glagolov v dvukh staroshtokavskikh pamyatnikakh XV v. [Accentuation of i-verbs in two old-Shtokavian 15th-century manuscripts]. In: Nikolaev, S.L. (ed.) *Balto-slavyanskaya komparativistika. Aktsentologiya. Dal'nee rodstvo yazykov. K 90-letiyu V.A. Dybo* [Balto-Slavic comparative studies. Accentology. Distant relationship of languages. To the 90th anniversary of V.A. Dybo]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 283–373.

17. Polivanova, A.K. (2013) *Staroslavjanskiy yazyk. Grammatika. Slovarei* [Old Church Slavic: Grammar. Dictionaries]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

18. Anon. (1968) Pskovskie govory. II [Pskov dialects. II]. *Trudy vtoroy Pskovskoy dialektologicheskoy konferentsii* [Proceedings of the Second Pskov Dialectological Conference]. Pskov.

19. Stoyanov, M. & Kodov, Hr. (1964) *Opis na slavyanskite rukopisi v Sofijskata narodna biblioteka* [Inventory of Slavic manuscripts in the Sofia National Library]. Vol. 3. Sofia: [s.n.].

Пекунова Ирина Семеновна – младший научный сотрудник, Сектор лингвистической компаративистики Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва).

Irina S. Pekunova – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: irapek@gmail.com

УДК 811.161.1+811.163.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/7

О лексико-словообразовательных вариантах в русских чтениях Стишного Пролога

О.Г. Щеглова

Новосибирский государственный университет
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
E-mail: scheglova@post.nsu.ru

Авторское резюме

Рассматриваются лексико-словообразовательные варианты, выявленные в ходе лингвотекстологического анализа памятней русским святым, читающихся в мае в составе Стишного Пролога. Памяти русского происхождения святым Борису и Глебу, Антонию и Феодосию Печерским, Леонтию Ростовскому и другим представлены в 17 списках разных редакций. Лексико-словообразовательные варианты различаются аффиксами либо противопоставляются по признаку наличие/отсутствие аффикса. Лексические замены основываются на семантическом тождестве и отражают процессы, происходившие в русском языке XIV–XVII вв., в частности становление категории наречия и категории вида, развитие словообразовательных средств. Появление лексико-словообразовательных вариантов в повторяющихся текстах связано, в первую очередь, с их сознательным редактированием для более точной передачи смысла, стремлением использовать церковнославянские словообразовательные средства, придать контексту большую эмоциональность, также оно может быть вызвано описками или ошибками переписчиков. Лексико-словообразовательные варианты демонстрируют наличие в русском языке XIV–XVII вв. различных способов образования слов для передачи одного и того же содержания, а также вариантность самих словообразовательных средств, которая проявляется либо в образовании слов с помощью разных аффиксов, либо в наличии/отсутствии аффиксов. Лексические варианты демонстрируют богатство словарного фонда русского языка средневекового периода, сформировавшегося на церковнославянской основе.

Ключевые слова: Стишной Пролог, церковнославянский язык, русский язык, лексические замены, словообразовательные варианты

About lexico-derivational variants in Russian readings of the Stishnoy Prologue

Olga G. Shcheglova

Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: scheglova@post.nsu.ru

Abstract

The article examines lexical and derivational variants found during the linguotextological analysis of the commemorations on the Russian saints read in the Stishnoy Prologue of May. Russian commemorations on St. Boris and Gleb, Anthony and Theodosius of the Kiev Caves, Leonty of Rostov and others are presented in 17 copies of different editions. Lexical and derivational variants may have different affixes or demonstrate the presence or absence of an affix. Lexical substitutions are based on semantic identity and reflect the processes of the Russian language in the 14th – 17th century, particularly the formation of the categories of adverb and aspect. Lexical and derivational variants in the texts primarily appeared due to the conscious editing for a more accurate meaning and the intention to use Church Slavonic means of word-formation for a more emotional context. They could also be caused by typos or mistakes. Lexical and derivational variants demonstrate different ways of word formation to convey the same content as well as variable word-formation means (the formation of words by using different affixes, or by the presence or absence of an affix) in the Russian language of the 14th – 17th centuries. The study of lexical variants shows the vocabulary of the early modern Russian language, which is rich and based on Church Slavonic.

Keywords: Stishnoy Prologue, Church Slavonic, Russian language, lexical substitutions, derivational variants

Введение

Стишной Пролог как памятник церковнославянской письменности представляет большой интерес для исследователей истории церковнославянского и русского литературного языков. Памятник существовал на Руси в течение четырех веков (с XIV по XVII), многократно переписывался на разных русских территориях, нам известно 5 редакций 40 весенних списков Стишного Пролога. В связи с длительным бытованием тексты в его составе не просто переписывались, но

и редактировались, тем не менее в целом претерпевали не слишком значительные содержательные изменения. В плане же выражения, т. е. с лингвистической точки зрения, указанные тексты дают большое количество разночтений на разных языковых уровнях и прежде всего на лексическом. Поэтому изучение лексической вариативности в текстах Стишного Пролога имеет большое значение для истории церковнославянского языка, который сыграл огромную роль в формировании русского литературного языка и его словарного состава. Изучение становления лексического состава русского литературного языка по-прежнему остается актуальной филологической проблемой.

Материалом для исследования послужили тексты русского происхождения: памяти русским святым Феодосию Печерскому, князьям Борису и Глебу, святителю Леонтию Ростовскому и др., а также назидательные рассказы, читающиеся в мае и представленные в 17 из 40 известных нам весенних списках Стишного Пролога как в повторяющихся чтениях, так и в разных редакциях¹.

Цель нашего исследования – проанализировать лексико-словообразовательные варианты, выявленные в русских майских чтениях Стишного Пролога, описать словообразовательные средства, способы образования и определить причины появления лексико-словообразовательных вариантов.

Языковые разночтения, выявленные нами в повторяющихся чтениях, очень разнообразны. Всего в исследуемых текстах представлено 330 пар лексических разночтений, т. е. слов, заменяющих друг друга в соотносящихся местах текста. При этом в отношении взаимозамены вступают слова, обладающие семантической общностью и не имеющие ничего общего в своей семантической структуре, но в определенном контексте способные заменить друг друга без ущерба для содержания. Кроме того, встречаются такие лексические разночтения, которые могут значительно изменить смысл предложения или фразы. В соответствии с этим мы выделяем содержательные лексические различия, контекстуальные синонимы и лексические варианты. Под лексическими вариантами в памятниках церковнославянской письменности мы вслед за Л.П. Жуковской понимаем слова, «тождественные или близкие по значению и поэтому взаимно заменявшиеся в разных списках <...> в параллельных местах текста» [2: 89]. По мнению Е.М. Верещагина, варьирование может быть собственно синонимическим, в таком случае варьируются разнокорневые слова, и также варьирование возможно в границах одного и того же корня [1: 35]. В соответствии с этой точкой зрения исследователя мы также при изучении лексических замен в повторяющихся текстах памятников письменности выделяем синонимы и лексические варианты.

Под синонимами мы понимаем разнокорневые слова, «значения которых содержат тождественные элементы, различающиеся же элементы устойчиво нейтрализуются в определенных позициях» [5: 196]. Лексическими вариантами мы считаем однокорневые слова, которые так же, как и синонимы, находятся в отношениях лексического тождества, но различаются внешне (фонемами, аффиксами, варьированием корневой морфемы и др.). Тождественность семантики лексико-словообразовательных вариантов мы определяли по «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным источникам» И.И. Срезневского [4]. Среди лексических вариантов выделяется несколько групп: так, в классификации Л.Г. Панина, которой мы следуем, это лексико-фонематические, лексико-морфологические и лексико-словообразовательные варианты [3: 127].

Результаты исследования

В данной статье рассматриваются лексико-словообразовательные варианты, под которыми мы понимаем замены однокоренных слов, различающихся либо словообразовательными аффиксами, либо наличием/отсутствием аффикса. Лексико-семантическое тождество лексико-словообразовательным вариантам обеспечивает корневая морфема. Тем не менее, как показывает наш материал, и сама корневая морфема может выступать в разных вариантах. Группа лексико-словообразовательных вариантов в Стишном Прологе оказалась самой многочисленной среди всего объема исследуемых лексических замен. В результате исследования нами выявлено 72 пары лексико-словообразовательных вариантов. Среди них 15 пар существительных, 9 – прилагательных, в т. ч. местоимений-прилагательных, 43 глагольных пары, 5 пар наречий.

Все лексико-словообразовательные варианты были распределены нами на две группы: различающиеся аффиксами и противопоставляющиеся по признаку наличия/отсутствия аффикса.

Лексико-словообразовательные варианты с разными суффиксами

К этой группе относятся слова, различающиеся суффиксами (представлены в таблице) или различающиеся приставками.

Лексико-словообразовательные варианты,
различающиеся суффиксами

Взаимозамены	Варьирующиеся суффиксы	Значение лексемы	Контекст
ближика – ближника	-ик-//-ник-	‘близкий; родственник’	угаив с _л матери и ближикъ своих (Трц-715 ¹⁾) – ближник (СнА-1281) – 3/1.5
невѣръствіе – невѣріе	-ѣств-ий-//-ий-	‘безверие; неверие’	омрачивше с _л невѣръствіемъ (СнА-3935) – невѣріем (Тит-239) – 23/1.5
отпѣтіе – отпѣніе	-тий-//-ний-	‘окончание пения’	и не възвраташе с _л в церковь до отпѣтіа (СнА-3935) – до отпѣніа (Тит-1217, Тит-239; СнА-1282) – 26.5
пастухъ – пастырь	-ух-//-ырь	‘наставник, руководитель, пастырь’	да дѣлатель и пастухъ и стражъ нашъ възвеселитс _л о нас предъ богомъ (Трц-715) – да дѣлатель и пастырь... (С-704/812) – 23/2.5
цвѣтокъ – цвѣтець	-ок-//-ец	‘цветок’	носаша в приполѣ цвѣтки; и взимаа и зло на цвѣтокъ вержаше; аще прилн _л аше къ комоу цвѣтокъ; и не прилн _л аше к нему цвѣтокъ (СнА-3935) – цвѣтц _л ; на цвѣтець; цвѣтець; цветець (Тит-239) – 26.5
рожаи – рожденіе	-ай-//-ений-	‘рождение’	кост _л антина града рожай воспитаніе (СнА- 3935, Трц-715) – рожденіе и възпитаніе (Фол-374, ОЛДП F.212, Тит-239, А-16.12.11; СнА-1282; С-704/812) – 23/1.5

Взаимозамены	Варьирующиеся суффиксы	Значение лексемы	Контекст
божіи – божественныи	-ий-//еств-ен-	‘божий’	февдосіи же распалаше ревностію божію (Трц-715) – божественною (СнА-1281, СнА-1282) – 3/1.5
вѣсѣчьскыи – вѣсѣкыи	-ак-вск-//-ак-	‘всякий; весь’	вѣсѣчьскымъ благочестіемъ украшена (Трц-715) – вѣсѣкымъ (СнА-1282, СнА-1281) – 3/1.5
дѣтины – дѣтскыа	-ин-//-вск	‘детские’	не любѣше бо дѣтины игры (СнА-3935) – дѣтскыа игры (Фол-374, ОЛДП F.212) – 3/1.5
священныи – священническыи	-ен-н-//-ен-нич-еск-	‘имеющий отношение к церкви, священству’	и весь чинъ священныи (Трц-715) – и весь чинъ священническыи (СнА-1281) – 2.5

Отметим, что пары божіи – божественныи, вѣсѣчьскыи – вѣсѣкыи, священныи – священническыи представляют собой образования, тождественные по семантике и корневой морфеме, но различающиеся суффиксальной структурой и находящиеся друг с другом в отношениях производности. В паре рожаи – рождение наблюдаем варьирование корневой морфемы, обусловленное различным отражением праславянского сочетания *dj- в древнерусском и старославянском языках.

Пара воинство – воиство: вѣ воинствѣ wt смерти избавлѣти (СнА-1281) – вѣ воиствѣ (СнА-1297) – 9/1.5. В этой паре лексико-словообразовательных вариантов, также находящихся друг с другом в отношениях производности, суффикс -вств- присоединяется непосредственно к корню в одном случае и к производной основе с тем же корнем в другом, варианты употреблялись в значении ‘войско’.

Процесс формирования категории наречий в русском языке, показывающий разнообразие синонимичных словообразовательных средств, представлен следующими однокоренными лексемами:

единако – единаче – единыи: а глас одинако исхожаше (СнА-3935) – единаче (Тит-239) – единаго (F.VI.9) – 9/2.5. Слова одинако и единаче совпадают в значении ‘всё-таки’. Появление лексемы единыи ‘один; одинокий’ произошло, вероятно, в результате описки или ошибочного прочтения;

многаци – многожды: о сем многаци родителя его нудѣще облещи с_л (СнА-1282) – многожды (СнА-1281) – 3/1.5; многожды ѡход_л ѡ монастыря (СнА-1282) – многаци (СнА-1294) – 10.5. Вариант многаци, вероятно, возник на основе лексемы многашьды. Лексико-словообразовательные варианты в значении ‘часто’ с варьирующимися суффиксами -шьды// -жьды встречаются в древнерусских и церковнославянских текстах;

доньдеже – донже: народу велѣще бога молити дондеже поиде (СнА-3935) – донже поиде (F.VI.9, Тит-1217) – 2.5. Вариант донже, по нашему мнению, появился в результате описки, т. к. эта лексема не представлена в словаре И.И. Срезневского. В данном контексте лексико-словообразовательные варианты употреблены в значении ‘пока не’.

Однокоренные глаголы с различными суффиксами отражают, по нашему мнению, процесс становления категории вида, когда в древнерусском языке сосуществовало несколько имперфективных коррелятов глаголов совершенного вида. В процессе конкурентного сосуществования в итоге побеждал более продуктивный вариант. В приведенных ниже примерах в качестве лексико-словообразовательных вариантов представлены однокоренные глаголы несовершенного вида с разными имперфективными суффиксами.

Суффиксы -ва// -я- (-а-):

вливати – вляти: аще ли вино ново в мѣхи ветхи вливають (СнА-3935) – вліють (СнА-1282); в новы мѣхы вливати (СнА-3935) – вляти (СнА-1282, Трц-715) – 23/1.5;

отвьѣщати – отвьѣщевати: ѡтвьѣщаша ему мы сусѣди твои (СнА-3935) – они ж ѡтвьѣщевашу ему мы есмы сусѣди твои (Тит-239) – 9/2.5;

подавати – подаяти: подаваа исцѣленіа (СнА-3935) – подая исцеление (Тит-239) – 23/1.5.

Суффиксы -и// -а-:

чудити с_л – чуждати с_л: и тогда слышаша сусѣди чюдѣху с_л (СнА-3935) – сіа слышавше сусѣди чюждаху с_л (Тит-239) – 9/2.5. В данном примере наблюдается чередование в корневой морфеме, которая сохраняет семантическое тождество.

В следующих примерах представлена пара однокоренных глаголов совершенного вида, различающаяся суффиксами:

установити – уставити: праздновати установи (Трц-715) – устави (остальные списки Троице-Сергиевской редакции) – 23/2.5. Однозначный глагол установити совпадает с многозначным глаголом уставити в значении ‘постановить’;

-ну// -и-: подвигнути с_л – подвижити с_л: и тако подвигну с_л рака (Трц-715) – и тако подвиже с_л рака (СнА-1281) – 2.5. Глаголы совпада-

ют в значении 'сдвинуться с места', варьирование в корневой морфеме обусловлено фонетическими процессами праславянского периода.

В следующем примере противопоставляются однокоренные глаголы совершенного и несовершенного вида, образованные с помощью разных суффиксов, которые в поздний период древнерусского языка можно рассматривать как видовые корреляты:

-и//а-: възвратити с_л – възвращати с_л: не възвраташе с в церковь до шптѣтіа (СНА-3935) – не възврати с_л (F.VI.9, Тит-1217) – не възвращаше с_л (Фол-374, ОЛДП F.212) – 26.5.

Варианты кадилница – кандило могли заменять друг друга в значении 'сосуд для ладана, кадилница': возьмь кадилницу (Трц-715) – возьмь св_лтое кандило (С-704/812) – 23/1.5. Основы этих существительных разного происхождения: лексема кандило была известна еще в праславянском; праслав. kadilo – образование от kaditi, и совершенно закономерны значения вроде 'кадилница', 'благовоние, фимиам', 'воскурение' у славянских продолжений данного имени [6: 109]. Вторая основа – кандило – заимствование из латинского *candela* 'свеча', 'лампада, светильник'. На восточнославянской почве произошло взаимодействие и сближение этих двух слов вследствие звуковой близости и преимущественного употребления в качестве терминов церковной обрядности, вследствие чего они могли выступать в качестве лексико-словообразовательных вариантов.

Лексико-словообразовательные варианты с разными приставками

В данном контексте слова ошество и отшество совпадали в значении 'смерть':

о-//от-: ошество – отшество: се же вамь знаменіе по ошествоі моею (СНА-3935) – по штшествоі (F.VI.9, Тит-1217, Фол-374, ОЛДП F.212) – 3/1.5.

В нашей выборке представлены лексико-словообразовательные варианты, как существительные, так и глаголы, различающиеся приставками пре- и при-:

пренесение – принесение: принесение мощемь св_лтую моученику бориса и гльба (СНА-3935, СНА-1281, Трц-715) – пренесение мощіи (Тит-1217, Фол-374; Трц-715-716) – 2.5; пренесение мощіи (СНА-3935) – принесение (F.VI.9, А-16.12.11, УЦ-147, СНА-1271, Тит-239) – 9/1.5;

принести – пренести: и тако вдва възмогаша принести (Трц-715) – пренести (остальные списки Трц группы).

Причина варьирования – близость этих слов в плане выражения и в плане содержания: принесение – действие по глаголу 'принести, до-

ставить на руках', пренесение = прѣнесение 'перенесение' от прѣнести 'перенести';

приити – преити: и хотѣню свѣтаго никола прити в баръград (СНА-3935) – преити в баръградъ (Фол-374, ОЛДП F.212) – 9/1.5. Глаголы приити и преити (прѣити) совпадают в значении 'перейти', употребленном в данном случае переносно;

приложити сѧ – преложити сѧ: приложи сѧ къ ѡтцемъ (Трц- 715, СНА-1281) – преложи сѧ (СНА-1282) – 3/1.5. Исходным для данного словосочетания преложити сѧ къ ѡтцемъ, ставшего впоследствии устойчивым выражением, является однозначный глагол преложитисѧ 'перенестись, переселиться'. У многозначного глагола приложитисѧ только значение 'присоединиться' может рассматриваться как частично синонимичное. Причиной варьирования могла стать ошибка переписчика, тем не менее наличие общей семы, по нашему мнению, позволяет рассматривать слова, различающиеся приставками пре- и при-, в качестве лексико-словообразовательных вариантов.

Обращают на себя внимание пары глаголов, где вариантной приставкой является церковнославянский префикс из-/ис-, который синонимичен древнерусской приставке вы- (употребление глаголов с приставкой из-/ис- традиционно для церковнославянского языка, придает контексту более книжный характер):

выходити – исходити: не выходѧ ис пещеры – не исходѧ – 7.5;

изводити – възводити: изводит до ѡтпѣтіа (СНА-3935) – възводит от пѣніа (Тит-239) – 26.5. Общая сема этих глаголов 'вести', различия в направлении движения: изводити 'выводить (изнутри наружу)', възводити 'возводить (снизу вверх)';

изгонити – прогонити: бѣсы изгонити (СНА-1281) – бѣсы прогонити (СНА-1297, Соф-1349) – 9/1.5. Глаголы совпадают в значении 'изгнать';

изгорѣти – съгорѣти: и тако изгорѣ (СНА-3935) – згорѣ (А-16.12.11) – съгорѣша (Тит-239) – 10.5. Синонимы в значении 'сгореть'. Появление варианта згорѣ можно объяснить отражением процесса падения редуцированных в произношении писца;

испросити – спросити: и испросиша стефана (СНА-3935) – и спросиша стефана (F.VI.9, Тит-1217) – 3/1.5. В данном контексте эти глаголы употреблены в значении 'просить';

истворити – сотворити: истворити съгрѣшеніа (Трц-715) – сотворити (С-704/812) – 23/2.5. Слово истворити не отмечено в словаре И.И. Срезневского. Глагол сътворити в значении 'сделать, совершить' был более употребительным;

наполнити сѧ – исполнити сѧ: и наполни сѧ церкви вонѧ благоуханныа (Трц-715) – и исполни сѧ церкви... (СНА-1281) – 2.5. Эти глаголы очень близки в семантическом плане, но первый глагол

имел основным конкретное значение ‘наполниться, заполниться’, а второй обозначал более отвлечённое действие. Вторичное чтение, не противоречащее семантике самого слова и семантике контекста, представлено, по нашему мнению, в списке СнА-1281;

приходити – исходити: и тако паки приходѣ къ братіи в пакток на канунъ лазаревы суботы (Трц-715, СнА-1281) – и исхожаше паки к братіи (СнА-1282) – 3/1.5. Употребление слова исходити ‘выходить откуда-либо’ определяется предшествующим контекстом, где говорится, что Феодосий уходил в пещеру. Глагол приходити имеет более широкий круг значений, но в данном контексте является частичным синонимом глагола исходити в значении ‘приходить куда-либо’.

Другие примеры варьирования приставок в однокоренных глаголах представлены следующими разночтениями:

встави́ти – поставити: но свѣтъи цѣлы и сдравы встави а (СнА-3935; Трц-715) – постави (F.VI.9, Тит-1217) – востави (СнА-1282; Тит-239) – 23/1.5. Варианты реализуют в данном контексте значение ‘поставить’;

въложи́ти – вложи́ти: възложи богъ въ сердце (Трц-715) – вложи богъ въ сердце (СнА-3935, СнА-1282; С-704/812) – 7.5. Глагол вложить имел дополнительную сему ‘положить внутрь’, тем самым он более точно передавал смысл контекста. В словаре И.И. Срезневского в словарной статье глагола възложить не указаны значения, представлены только примеры из текстов. Можно предположить, что у данного глагола есть дополнительная сема ‘положить сверху’, что в анализируемом контексте приобретает дополнительный смысл: ‘бог сверху вложил в сердце человека’;

обиходити – обьходити: и видѣвъ монастыря сущаа тамо и обиходивъ я прииде въ единъ (СнА-3935, СнА-1613, С-703/811, УЦ-147) – вбходивъ я (ост. сп. Хут. гр.) – 7.5. Общая сема этих глаголов ‘обходить’;

положити – преложити: положиша ѿ в новую церковь (Трц-715) – преложиса (СнА-1281) – 2.5. У глагола преложити в словаре И.И. Срезневского не отмечается значение ‘переложить с места на место’, которое явно определяется в этом контексте;

почати – учати – начати: оскудѣвати почнет потребами и чернци (СнА-3935) – учнетъ (Фол-374, ОДПФ-212) – начнет (СнА-1271) – 3/1.5. Лексико-словообразовательные варианты синонимичны в значении ‘начать, стать’;

претечи – протечи: здѣ бѣ апостоли не были но оученіа претекоша конца (Трц-715) – претекоша (Трц-716) – 23/2.5. Слова претечи нет в словаре И.И. Срезневского, в данном контексте у него явно прослеживается значение ‘распространиться’;

приити – вънити: приде въ единъ монастырь (СнА-3935) – прииде (СнА-1282) – въниде въ единъ монастырь (Трц-715) – 7.5. Употребле-

ние приставки въ- конкретизирует смысл: 'вошел внутрь монастыря'.
 приходити – находити: но коли прихѡужаше сонь (Трц-715, СНА-1281) – но егда находжаше сонь (СНА-1282) – 3/1.5. Многозначный глагол находити совпадает с лексемой приходити в значении 'приходить'.

Лексико-словообразовательные варианты, характеризующиеся наличием/отсутствием аффикса

Рассмотрим лексико-словообразовательные варианты с наличием/отсутствием приставки. Среди именных частей речи таких примеров немного. В двух из них представлена приставка пре-, указывающая на высшую степень того, что названо словом без приставки:

мудрость – премудрость: великую мудрость божию (СНА-1282) – премудрость (СНА-1294) – 23/1.5;

великийи – превеликийи: о великое чюдо (СНА-3935, СНА-1282) – о превеликое чюдо (Трц-715) – 23/1.5.

Два примера лексико-словообразовательного варьирования по типу наличие/отсутствие аффикса выявлены у наречий:

срѣдѣ – посрѣдѣ: въ хлѣвинѣ своєї срѣдѣ (СНА-3935) – посрѣдѣ хлѣвины его (Тит-239) – 9/2.5. Наречия выражают значение 'посреди';

таи – отаи: ѡтаи ѡтиде (Трц-715) – таи ѡтиде (СНА-1281). В СНА-1282 этого слова нет – 3/1.5. Варианты в значении 'тайно'.

Большая часть лексико-словообразовательных вариантов – это глаголы с приставкой и без неё, при этом приставка не всегда меняет вид глаголов:

ходити – исходити: тамо по всѧ лѣта исхожаше сесь мужь (СНА-3935) – к неи же ходя по всѧ лѣта благовѣрныи тѣ мужь (Тит-239) – 9/2.5;

чѣстити – чтити – почитати: увѣданъ быс всѣми великии антоніи и чстимъ (СНА-3935) – чтимъ (F.VI.9, Тит-1217, Фол- 374, ОЛДП F.212) – почитаемъ (СНА-1282) – чтом (Трц-715) – 7.5. Общее значение данных глаголов 'почитать, уважать';

прѣщати – претити – запрѣщати – съпрещати: въсхотевшѣ ити в ьерусалимъ бѣаше же гѣ лѣт и мати его оувѣдевше съпрещаше емоу яко и раны подъяти емоу (Трц-715) – прещаше (СНА-1282) – претяшше (СНА-1281) – запрѣщаше (С-704/812) – 3/1.5. Однозначный глагол прѣщати имеет значение 'угрожать', глагол прѣтити (претити) имеет дополнительные значения 'удерживать, останавливать', глагол запрѣщати – 'запрещать, не позволять', глагол съпрещати в словаре И.И. Срезневского не отмечен. В данном контексте все эти глаголы выражают значение 'угрожать, запрещать'. Чередования в корне обусловлены закономерными фонетическими процессами праславянского периода;

облѣчи – оболчи: и ризы его яко и вчера облечены (СНА-3935,

Трц-715) – оболчены (СНА-1282) – 23/1.5. Эти варианты интересны еще и своей фонетической оболочкой. Облѣчи – церковнославянизм, лексема оболчи (своеобразная контаминация полногласной и неполногласной формы) не отмечается в Словаре И.И. Срезневского, там представлена только полногласная форма оболочи ‘одеть’;

даяти – предаяти: и се предаю стефана в собѣ мѣсто (Трц-715, СНА-1281) – и се даю вы стефана во свое место (СНА-1282) – 34/1.5. Значение ‘давать’ является общим для данных глаголов;

изимати – яти: изыма разбоиники (СНА-3935) – ятомъ бывшемъ разбоиникомъ (Тит-239) – 3/2.5. Эти глаголы семантически тождественны: яти ‘схватить; поймать’, изимати ‘схватить, взять в плен’. При их употреблении создаются также различия грамматического порядка: активная и пассивная конструкции;

пѣти – вопити: глас поющих во церкви (СНА-1282) – глас вопіющих в церкви (СНА-1294) – 3/2.5. Глаголы въпити и пѣти имеют значение ‘петь’, вероятно, приставочный глагол был более эмоционально окрашенным. Чередования в корне обусловлены праславянскими фонетическими процессами и не нарушают семантического тождества;

платити – исплатити – исплатати: одежда его бѣ худа исплатана (Трц-715, СНА-1281) – одежду носяше худу и плачену (СНА-1282) – исплачена (СНА-1297) – 3/1.5. Глаголы совпадают в значении ‘наложить заплаты’;

почити – опочити – опочивати: николи же на ребрѣх не опочи; мало опочиваше седѣ (Трц-715) – почи; почиваше (СНА-1282) – поупочи; почи (СНА-1281) – 3/1.5. Глаголы опочити – опочивати представляют собой видовую пару. Поэтому в качестве лексико-словообразовательных вариантов мы рассматриваем пару почити – опочити. Оба этих многозначных глагола имеют в качестве основного значение ‘отдохнуть’, что и послужило причиной варьирования. Наличие слова поупочи является, видимо, опиской, так как во второй раз в этом тексте употребляется лексема почи;

встати – стати – востати: вста вѣтръ великъ (СНА-3935) – ста (Тит-239) – воста (СНА-1282) – 9/2.5. В этом контексте у глаголов актуализируется значение ‘подняться’ в переносном употреблении. Варианты встати и востати можно рассматривать как отражение процесса падения редуцированных глагола вѣстати, в первом случае редуцированный вариант закономерно утрачен, во втором он вокализировался. С глаголом стати данные глаголы находятся в лексико-словообразовательных отношениях;

повѣдати – исповѣдати: повѣда блаженому игумену (СНА-3935) – исповѣда блаженому игумену (F.VI.9, Фол-374, ОЛДП F.212, Тит-239) – 3/2.5. Словообразовательные варианты совпадают в значении ‘рассказать’;

Лексико-словообразовательные варианты с наличием/отсутствием суффикса

Приведенные ниже глагольные пары мы рассматриваем как лексико-словообразовательные варианты, с диахронной точки зрения корни данных глаголов представляют собой разные ступени чередования гласных:

влечи – влачити: за оужа влечяхоу (СНА-3935) – за оу(ж) влачаху (F.VI.9, Тит-1217, Фол-374, ОЛДП F.212) – 2.5. Варианты синонимичны в значении ‘тащить’;

просѣсти с_л – просадити с_л: и мѣси просадоут с_л (СНА-3935, Трц-715) – просадат с_л (СНА-1282) – 23/1.5. Глаголы в данном контексте реализуют значение ‘прорваться’.

Различия в плане выражения пары недоумѣти – недоумѣти с_л: людемь недоумѣющим с_л (СНА-3935, Трц-715) – людемь недоумѣющим (СНА-1282) – 23/1.5 – относятся не только к словообразовательным, но и грамматическим (возвратность/невозвратность) и в меньшей мере к лексическим. Глагол недоумѣти имеет несколько значений: ‘не понимать, не постигать; не знать, не уметь.’ Возвратный глагол недоумѣтис_л не отмечается в словаре И.И. Срезневского, но его значение определяется из контекста.

Существительные и прилагательные, в т. ч. и местоимения-прилагательные, различающиеся наличием/отсутствием аффикса, представлены следующими примерами:

чадо – чадце: глагола к нимь чада не боите с_л (СНА-3935, СНА-1282) – чадца (Трц-715) – 23/1.5. Слова совпадают в значении ‘дитя (при обращении к взрослым для выражения ласки)’. У первого более широкий круг значений, а у второго есть значение ‘духовное чадо’, которое тоже не противоречит данному контексту;

великии – веліи: гласом великим (Трц-715, СНА-1282) – веліим (СНА-1281) – 3/1.5; великим гласомь вопіаше (СНА-3935) – веліимъ гласомь въпіаше (Тит-239) – 9/2.5. Эти лишённые экспрессивного качества прилагательные обычно взаимозаменяются в значении ‘сильный по характеру своего проявления’;

весь – всакьи: ѡт всего зла спасает (СНА-3935) – ѡт всякаго зла спасати (СНА-1281) – 9/1.5; извыче всю грамотоу (Трц-715) – всю грамотикю (СНА-1281) – всяко писаніе (СНА-1282) – 3/1.5. Варианты совпадают в обоих значениях ‘всякий; весь’;

сиции – сицевыи: сицемоу скровищоу (Трц-715) – сицевому сокровищу (С-704.812) – 23/1.5. Словообразовательные варианты в значении ‘такой’.

Выводы

Появление лексических вариантов в списках Стишного Пролога может быть обусловлено как собственно языковыми причинами, так и внеязыковыми.

Анализ материала показал, что основную массу лексико-словообразовательных вариантов составляют случаи, имеющие своей основой семантическое тождество. Варьирование у глаголов, в частности варьирование суффиксов, вызвано процессом становления категории вида, когда в языке могли существовать многочисленные видовые корреляции с вариантными имперфективными членами, что отражается и в текстах Стишного Пролога: вливати – вляяти, отвещати – отвещавати и др. Варьирование словообразовательных средств у наречий определяется формированием наречия как части речи.

Лексико-словообразовательные варианты отражают, с одной стороны, действовавшие в языке различные способы образования слов для передачи одного и того же содержания, с другой стороны, вариантность самих словообразовательных средств, которая проявляется либо в образовании слов с помощью разных аффиксов, либо в наличии/отсутствии аффиксов.

Явление вариантности можно рассматривать как внутреннее свойство церковнославянского языка, поскольку вариантность – наиболее общая лингвистическая категория. Следовательно, вариантность является в первую очередь фактом языка определенного периода, основывающимся на системных связях лексических единиц данного периода.

Кроме того, лексико-словообразовательные варианты во многом являются результатом бытования Стишного Пролога на той или иной территории Древней и средневековой Руси в некоторый период и могут отражать предпочтения переписчика.

Причины варьирования чаще всего были стилистические, в нем отражалось стремление к большей эмоциональности повествования (боятис_А – убоятис_А). В лексическом варьировании выражалась тенденция к семантическому выравниванию контекста, что проявлялось в использовании более точных семантически для данного контекста слов (ити – вьнити, възложити – вьложити, наполнити с_А – исполнити с_А).

Наличие в исследуемых русских текстах Стишного Пролога лексико-словообразовательных вариантов свидетельствует о богатстве русского языка XV–XVII вв., а изучение лексической вариативности

в Стишном Прологе, выяснение семантической основы и причин варьирования позволяет установить системные отношения в лексике, дополнить описание лексико-семантической системы русского языка среднерусского периода.

Примечания

I. Анализируемые в работе древнерусские чтения:

1. Перенесение мощей мчч. Бориса и Глеба (2 мая). В зависимости от редакции начало: «По убиении святыю мученику Христову Бориса и Глеба. Бог прославляя и даст има чудотворные дары...» или «Совокупившеся благовернии князи Володимир, Олег, Давыд...».

2. Успение Феодосия Печерского (3 мая). В зависимости от редакции начало: «Феодосий преподобный отец наш бе от града Василева, от благоверну родителю рожся...» или «Во святых отец наш Феодосий бе от града Василева. Беста бо родителя его в вере христианстей живуще...».

3. Слово от жития Феодосия Печерского (3 мая). Начало: «Святому отцу нашему Феодосию, живущу с братиею вкупе...».

4. Слово об Антонии Печерском (7 мая). Начало: «Князю Ярославу, сыну Володимерю, княжачю в Киеве...».

5. Перенесение мощей Николая Чудотворца (9 мая). Начало: «Понеже за умножение грехов наших попущающу Богу на страны христианския зело многия казни...».

6. Слово от чудес Николая Чудотворца (9 мая). Начало: «Добро есть нам божие писание к вам проповедати...».

7. Слово о черноризце, исходящем из монастыря (10 мая). Начало: «В земли Рустей, в граде Киеве есть зовомое Берестовое...».

8. Освящение церкви Св. Богородицы в Киеве (12 мая). Начало: «Освящение церкви святяя Богородица, юже созда благоверный князь Василии, зовомый Володимир...».

9. Обретение мощей Леонтия Ростовского (23 мая). Начало: «Сей бе блаженный Леонтий Константина града рожа и воспитание...».

10. Слово о внесении телесе св. Леонтия в новую церковь и о муже, исцелвшем у гроба его (23 мая). Начало: «Егда создаша церковь камену в Ростове на месте погоревшия церкви...».

11. Слово, како дьявол изводит от пения человека (26 мая). Начало: «Бяше старец, прозорлив духом, в Печерском монастыри именем Матфей...».

II. Списки Стишного Пролога, содержащие русские чтения в мае (в тексте приводятся их шифры):

1. С-704/812 – СП, март-август, 1631 г., русский, 714 л., 1⁰: ОР РНБ, Собрание Соловецкого монастыря. № 704/812.

2. Соф-1350 – СП, март-май, сер. XVI в., русский, 313 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1350.

3. Трц-715 – СП, март-май, 1429 г., русский, 366 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 715.

4. Трц-716 – СП, март-май, XVI в., русский, 644 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 716.
5. А-16.12.11 – СП, март-август, XVI в., русский, 555 л., 1⁰: ОР БАН. Собрание Основное. 16.12.11.
6. F.VI.9 – СП, март-май, 2 пол. XVI в., русский, 729 л., 1⁰: ОР ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). Собрание Красноярское. F.6.9.
7. ОЛДП F.212 – СП, март-май, XVI в., русский, 446 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Общества любителей древней письменности (ОЛДП). Ф. 536. F. 212.
8. С-703/811 – СП, март-август, XVI в., русский, 489 л., 1⁰: Собрание Соловецкого монастыря. № 703/811.
9. СНА-1271 – СП, 6 марта – 27 мая, XV-XVI вв., русский, 310 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1271.
10. СНА-1613 – СП, май-август, нач. XVI в., русский, 341 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 4, 1613.
11. СНА-3935 – СП, март-май, XV в., русский, 348 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 3, 3935.
12. Тит-239 – СП, март-май, XVI в., русский, 430 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 239.
13. Тит-1217 – СП, март-май, XVI в., русский, 394 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 1217.
14. УЦ-147 – СП, 12 марта – август, русский, кон. XVI в., 528 л., 1⁰: ИРЛИ. Собрание Усть-Цилемское. № 147.
15. Фол-374 – СП, март-май, XVI в., русский, 548 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F.I.374.
16. СНА-1281 – СП, март-май, XVI в., русский, 278 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1281.
17. СНА-1297 – СП, май-август, нач. XVII в., русский, 360 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1297.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972. 199 с.
2. *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
3. *Панин Л.Г.* История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам: в 3 т. М., 1989. (Фотомеханическое переиздание томов 1893–1912 гг.).
5. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 355 с.

6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1 – 39. (Издание продолжающееся). М., 1974–2014. Вып. 9. М.: Наука, 1983. 198 с.

REFERENCES

1. Vereshchagin, E.M. (1972) *Iz istorii vozniknoveniya pervogo literaturnogo yazyka slavyan. Var'irovanie sredstv vyrazheniya v perevodcheskoy tekhnike Kirilla i Mefodiya*. Moscow: Moscow State University.

2. Zhukovskaya, L.P. (1976) *Tekstologiya i yazyk drevneyshikh slavyanskikh pamyatnikov* [Textology and language of the most ancient Slavic monuments]. Moscow: Nauka.

3. Panin, L.G. (1995) *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya* [History of the Church Slavonic language and linguistic textology]. Novosibirsk: NSU.

4. Sreznevskiy, I.I. (1989) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym istochnikam* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language from Written Sources]. Moscow: Imperial Academy of Sciences.

5. Shmelev, D.N. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian Language. Lexis]. Moscow: Prosveshchenie.

6. Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 9. Moscow: Nauka.

Щеглова Ольга Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета (Россия).

Olga G. Shcheglova – Novosibirsk State University (Russia).

E-mail: scheglova@post.nsu.ru

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/8

Аксиологические коннотации славянских этнонимов

Н.Ф. Алефиренко¹, И.И. Чумак-Жунь²

^{1,2} Белгородский государственный университет
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14

¹ E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

² E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Авторское резюме

Проблема аксиологической коннотации славянских этнонимов – предмет междисциплинарного исследования этнолингвистики и лингвокультурологии. Представлено метафизическое осмысление первичной природы мира и бытия в ракурсе деления социума на своих/чужих и, соответственно, этнонимы экзонимической и эндонимической природы. В центре внимания находится тонкая грань между этнонимами, беспристрастными названиями народов, и этнофолизмами, обладающими экспрессивно-стилистическими и эмотивными маркерами. Доказывается, что этнофолизмы, заключающие в себе не только познавательный опыт, но и аксиологическое восприятие отличительных этнических признаков, обладают определённой модусной природой (выражают субъективно-личностное отношение к иным этническим сообществам): визуальной, социальной и аудиальной. Рассматриваются обуславливающие аксиологическую коннотацию четыре дискурсивно-прагматических типа этнонимов: 1) имена своих как репрезентанты этнокультурной картины мира; 2) этнонимы, представляющие иную культуру и образ жизни; 3) этнонимы, выражающие отношение к экзохтонным этносам; 4) этнофолизмы, служащие лексико-семантическим инструментом выражения агрессии к «чужим» и средством провокации. Должное внимание отводится проблеме пополнения современного «языка вражды» неологизмами. Выделяются различные социоисторические признаки их внутренней формы. Обращается внимание на то, что, хотя традиция называть жителей других регионов обидными прозвищами не нова, в наше время, когда сообщество находится в турбулентном геополитическом состоянии, пренебрежительное употребление этнонимов, их искажение может усиливать социальную напряжённость.

Ключевые слова: этнонимы, этнофолизмы, аксиология, коннотация, лингвокультура, субъективно-смысловые модусы

Axiological connotations of Slavic ethnonyms

Nikolai F. Alefirenko¹, Irina I. Chumak-Zhun²

^{1,2} Belgorod State University

14 Studentskaya street, Belgorod, 308007, Russia

¹ E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

² E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Author's summary

The problem of axiological connotation of Slavic ethnonyms is the subject of interdisciplinary research of ethnolinguistics and linguoculturology. The article presents a metaphysical understanding of the primary nature of the world and existence in the perspective of the division of society into us / them and, accordingly, the ethnonym of exonymic and endonymic nature. The focus is on the fine line between ethnonyms, impartial names of nations, and ethnopholisms with expressive stylistic and emotive markers. It is proved that ethnopholisms, which include not only cognitive experience, but also axiological perception of distinctive ethnic features, have a certain modus nature (express a subjective and personal attitude to other ethnic communities): visual, social and audial. Four discursive-pragmatic types of ethnonyms that determine the axiological connotation are considered: 1. The names of us as representatives of the ethno-cultural picture of the world. 2. Ethnonyms representing a different culture and way of life. 3. Ethnonyms expressing attitudes towards exochthonous ethnoses. 4. Ethnopholisms that serve as a lexical and semantic tool for expressing aggression towards "others" and a means of provocation. Due attention is paid to the problem of replenishing the modern "language of enmity" with neologisms. Various socio-historical signs of their internal form are distinguished. Attention is drawn to the fact that although the tradition of calling residents of other regions offensive nicknames is not new, nowadays, when the community is in a turbulent geopolitical state, the disparaging use of ethnonyms and their distortion can increase social tension.

Keywords: ethnonyms, ethnopholisms, axiology, connotation, linguoculture, subjective-semantic modi

Введение

Разгадку природы аксиологической коннотации славянских этнонимов следует искать в анналах этнолингвистики (О.В. Белова [2], Ю.В. Бромлей [4], А. Вежбицкая [7], А.С. Гердт [10], Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова [11], Е.С. Мучкина [21], Толстая [28], Г.Г. Шпет [32]). Даже близкородственные языки в ходе познания действительности их носителями формируют самобытный мир. Определяя в нём духовные и моральные предпочтения, они создают некую аксиологическую психоматрицу, которая закладывает ценностную доминанту восприятия образа мира как базового объекта этнокультуры (подробнее об этом см.: [1: 21–22]).

При метафизическом осмыслении первичной природы мира и бытия, предполагающем деление общества на *своих/чужих*, первый признак *чужого* – этнический. Чужой – это носитель иной внешности, иной культуры, иного языка [4; 5]. Основной маркер этнической принадлежности – этноним. Славянские этнонимы (именования народов) – способ автохтонного обозначения и этнического самоопределения (*белорус, русский, украинец, чех, серб, поляк*). Они носят не только денотативный характер, выступая беспристрастными названиями этносов, но и при определённых синонимических вариациях приобретают аксиологические коннотации. В этом случае они настолько отличаются от узуальных названий, что их обозначают отдельным термином «этнофолизмы» (от др.-греч. ἔθνος – *племя, род* и φαῦλος – *дурной, ничтожный*). Этнофолизмы – так называемые вторичные этнонимы, которые используются в качестве неофициальных именований народов, могут быть иронично-доброжелательными и агрессивными. В первом случае – это этнические клички, этнические инвективы, этнодисфемизмы. Этнофолизмы, выражающие агрессию, нередко становятся детонаторами прикрытой и явной неприязни, пренебрежительного отношения к «другим».

1. Этнонимы как средство когнитивно-прагматической репрезентации межэтнических отношений

Этнофолизмы, на первый взгляд, воспринимаются как шутка, выстроенная на бросающемся в глаза отличии чужого этноса от автохтонного. Так, носителями когнитивно-прагматической вербализации межэтнических отношений являются стереотипные чешские прозвища русских – *rusák*, украинцев – *chuchol*, поляков – *pšonek*, словаков – *chobo*, напротив, *pepík* или *caizl* – моравские клички чехов. Ироничные или шуточные коннотации присущи, главным образом, прозвищам представителей своего этноса – эндогенных групп, проживающих

внутри этноса. В качестве яркого примера восточнославянской этнической клички может служить слово *рагуль/рагули*, производное от лексемы *рога*. Так на Западной Украине – надменно и чванливо – горожане называют сельских жителей, поскольку те ухаживают за *рогатым* скотом. Их функционально-стилистическим соответствием в русском языке выступают просторечные лексемы *быдло* ‘люди с низким социальным статусом’ и *лох* ‘пентюх, балбес’. Своеобразие таких этнических кличек, как *рагули*, *западенцы*, состоит в когнитивно-прагматической репрезентации того или иного регионального этнического сообщества. *Рагули* – региональный этнофолизм, бытующий внутри западноукраинского дискурса; *западенцы* – этнофолизм, которым восточные украинцы называют западных.

Для подшучивания над жителями других регионов, иногородних, служат иронические прозвища, примерами которых являются этнофолизмы, бытовавшие внутри Московского государства: тверичи – *козлы*, рязанцы – *косопузые* и *кособрюхие*, вятичи – *слепороды* и *свистоплясы*, коломенцы – *чернонёбые*; дмитровцы – *лягушечники*, ростовцы – *вислоухие* и *лапшееды*.

В сибирской диалектной речи для названия коренных русских жителей Сибири употребляется этнофолизм *чалдон/челдон*. В разговорной речи данный этнофолизм приобрёл, согласно Толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, сниженную и даже бранную коннотацию – ‘тот, кто вызывает неудовольствие, раздражение, гнев’ [8]. Кстати, с этой же коннотацией употребляется и содержащий эту лексему региональный (костромской) фразеологизм *чалдон пустой* у кого – презр. ‘О глупом, легкомысленном человеке’ [20]. Слово *чалдон* в костромских говорах употребляется в значении ‘голова’ [14].

Если этнофолизмы, обозначающие автохтонные территориальные этнические группы, носят преимущественно шуточный смысл, то прозвища иноземцев чаще всего таят в себе прикрытую неприязнь, пренебрежительное отношение и даже агрессию. Причиной агрессии служат, как правило, иррациональные аксиологемы. Они находятся вне светлой зоны сознания, поскольку, как утверждал Лев Гумилёв, основаны на «эмоциях: симпатиях – антипатиях, любви – ненависти» [12: 253]. Ярким примером тому служит этническая кличка *свидомит*. Это российское название, содержащее открытое презрение к жителям Украины, активно поддерживающим нынешний киевский режим. Образован он от украинского прилагательного *свідомий* (рус. *сознательный*). В современном украинском дискурсе популярно выражение *свідомі громадяни* – рус. *сознательные граждане*. Этнофолизм *свідомиты* является синкретизмом двух слов *свідомі* + *садомиты*. Вторая составляющая этнофолизма придаёт прозвищу язвительно

уничижительную коннотацию, выражающую предельное презрение к украинским националистам.

Поскольку этнофолизмы отражают восприятие отличительных этнических признаков, они обладают определённой субъективно-смысловой природой (отношением к *иным* сквозь личностную призму коммуниканта): **визуальной** (*кацап, хохол*), **социальной** или **социально-бытовой** (*литвин, москвитянин, москаль*) или **аудиальной** (*пшек*).

1. Носителями визуального модуса¹ являются, например, весьма употребительные этнонимы *хохол* и *кацап*. Визуальные истоки этимона слова *хохол* восходят, как полагал В.И. Даль, к облику запорожских казаков, которые выбривали головы и оставляли чубы, называемые *оселедцем*. Даль разъясняет: «*хохолок, -лочек, хохлик, хохлица* – чуб, клоч шерсти, волос, перьев на голове; взбитые вверх волосы надо лбом, причёска хохлом; клоч длинных волос на темени» [13: 579]. Кроме этого, бывает голубь с хохлом, хохлатая курица (с хохолком на голове), хохлатый жаворонок и даже хохлатый подорожник.

Следует отметить, что слово *хохол* употреблялось без оценочно-стилистической коннотации, о чём свидетельствуют пословично-поговорочные выражения типа: «*Чужую курицу как хошь дери, а свою за хохол держи. Рада б курочка в пир, да за хохол тащат!*». И только в статусе этнонима это слово обретает в паремиях аксиологические коннотации: «*Хохол глупее вороны, а хитрее черта. Хохол не соврёт, да и правды не скажет*» [13: 579].

Этимон слова *кацап* также основан на визуальном восприятии украинцами образа великорусов. Бритому с хохлом на голове запорожцу бородатый великоросс казался подобием козла (*козёл* – по-украински *цап*). Основанием такого сравнения было наличие у козла (*цапа*) бороды. По этому признаку великоросс воспринимался как *цап*. В результате слияния усечения сравнительного союза (*как* → *ка*), ставшего экспрессивной приставкой, с существительным *цап* и возник этноним *кацап*, который стал употребляться в качестве экспрессивно-стилистического синонима к слову *москаль* [29: 213].

Как показывает даже небольшой лингво-исторический экскурс, изначально *хохлами* и *москалями* называли лиц, принадлежавших к воинскому сословию, и лишь позже этими словами стали именовать современных украинцев и русских. Данные этнонимы употребляются как парные именованья. Они существуют в одном дискурсивном пространстве. Особенно это свойственно массмедийному дискурсу.

2. Социальный модус этнонимов определяется беспристрастным восприятием другого этноса (*литвин, москаль/москвитянин, болгарин*).

Обычно возникновение подобных этнонимов связано с определёнными социально-историческими условиями жизни этноса. Так, слово

литвин как именование белорусов – политоним социально-исторического содержания. Он указывал лишь на подданство Великому княжеству Литовскому вне зависимости от этнической принадлежности человека. Слово *литвин* соотносимо с широкозначным словом *россиянин*. Так же, как россиянами являются все этносы, входящие в состав РФ (татары, якуты, калмыки, башкиры и др.), литвинами могли называться и другие этносы, входившие когда-то в состав Великого княжества Литовского (украинцы, великороссы), – отсюда восточнославянские фамилии *Литвиненко*, *Литвин*, *Литвинов*. Тем не менее, с этнонимом *литвины* идентифицируют себя чаще всего белорусы.

Социально значимыми смыслами характеризуются также этнонимы *москаль* и *московитянин*. *Москаль* – этническое прозвище, которым украинцы, белорусы и поляки называли русских, точнее, солдат российской армии [18]. Оно зафиксировано в письменных источниках уже с XVII в. В произведениях Тараса Шевченко выражение «*забрили в москалі*» означает «забрали на 25-летнюю службу в армию». В исторических летописях Великое княжество Московское называлось короче – *Московия* [6: 24]. Поэтому наряду с этнонимом *москаль* встречаем его синонимы *московит*, *московитянин*, *москвитянин*.

Изначально слово *москаль* указывало на геополитическую принадлежность человека к Москве и Московии. Но с течением времени слово *москаль* начало приобретать негативный оттенок именно на территориях Польши, Беларуси, Литвы и Украины, которые были включены в состав Российского государства. Украинское слово *москаль* и белорусское *маскаль* от польского *moskal* ‘выходец из Москвы (Московии)’ означало ‘русский (солдат)’. В этом значении слово *москаль* фиксируется и в словаре Даля. Межэтническое напряжение того времени отразилось на семантике слова *москаль*, в частности, в составе паремий. Ср.: «С **москалем** дружись, а камень за пазухой держи (а за кол держись). Мутит, как **москаль** на селе» [13: 579].

Выражение «Мутит, как **москаль** на селе» связано с расселением солдат по сельским хатам, поскольку русская армия до второй половины XIX в. не имела казарм. Прозвище не сразу приобрело негативный оттенок. С нейтральной коннотацией (‘воин’) оно употреблялось и болгарами: «По време на кампаниите руските войски не живееха в казарми и лагери, а в колибите на кореното население, което ги хранеше. Дали **войникът (Москал)** щепъде сит или гладен, зависеше от способността му да “договаря” със собствениците на къщата за ларви».

Однако нередко квартировавшие солдаты, забыв про обещания в верности, оставляли обольщённых местных девушек. Болгарский автор пишет: «И когато дългът повика войник в други земи, връзки те

с местните момичета бяха забравени. Тогава се появява глаголт “москалит” – мамя, мамя // А когда долг звал солдата в другие земли, связи с местными девушками забывались (<https://minikar.ru/bg/happiness/obidnye-i-ne-ochen-prozishcha-russkih-obidnoe-prozishche/>). Не случайно, со временем в болгарском языке появился глагол «москалите» в значении ‘обманывать’. Подобные случаи, разумеется, отразились и на формировании малороссийского образа москаля и пейоративной аксиологической коннотации слова *москаль* в украинском языке.

Вспомним отрывок из поэмы Т.Г. Шевченко «Катерина»:

*Кохайтеся, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине...*

В отличие от чужого москаля, «свои» этнонимы наделяются положительными смыслами. Поиск социальной мотивации этнонимов побуждает некоторых националистически настроенных «этнографов» искать сомнительные этимологии этнонима хохол, чтобы перевести экзонимический этноним в эндонимический.

Аудиальный модус этнофолизимов порождается слуховым восприятием чужой речи. Он лежит в основании, пожалуй, единственного славянского этнонима *пшеки* (*пшек*) – поляки. Слуховому восприятию польской речи обязан и чешский этнофолизим *Pšonci* (мн. ч. – ‘поляки’), *Pšonek*, *Pšonec*, *Pšon* – (ед. ч. ‘поляк’). В польском издании «Przeglądu Tygodniowego» (Еженедельный обзор) даётся следующее толкование этого этнического прозвища: «*Pšonek to czeskie niezbyt sympatyczne określenie Polaków*» (www.tygodnikprzeglad.pl – 3 sierpnia, 2015) // «*Пишонец* – чешское не совсем добродушное именование поляка». Несомненно, возникновение данного этнического прозвища обязано «шипящему» характеру польской речи. Достаточно вспомнить шуточное использование этой «шепелявости» М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города», где упоминаются паны **Пшекшицюльский** и **Кшепшицюльский**. Вообще, по речевому своеобразию нередко называют соседние этнотерриториальные группы. Так южнорусское население (например, в Тамбовской и Воронежской областях) получило прозвище *цуканы* (цекуны, *цуканы*). Ср. в Словаре Даля: *цукан* – муж., тамб., вор. цокальщик, кто говорит [ц] вместо [ч]. Одну из самых западных автохтонных этнических групп русинского народа, проживающего на северных склонах Карпат (на Украине, в Польше

и Словакии), называют лемками. В их речи часто встречается заимствованное у словаков слова *лем* – ‘только, лишь’ [34: 219].

Отражая примитивные представления, предрассудки, предубеждения и даже вражду, такие этнонимы изначально представляют собой просторечный пейоративный лексикон с уничижительной, презрительной, пренебрежительной коннотацией.

II. Типы аксиологической коннотации славянских этнонимов

Векторы аксиологической коннотации обуславливаются четырьмя дискурсивно-прагматическими истоками этнонимов.

1. Имена *своих* как репрезентанты этнокультурной картины мира. Этнонимы, по мнению исследователей, раскрывают некоторые особенности «национальной души» [25; 26]. Канонизируясь, название территории приобретает конвенциональные смыслы, превращаясь в священное имя нации. Употребление этнонима вызывает в сознании носителей языка свёрнутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах, оценки референтов, коллективные пресуппозиции об общности истории, «крови», интересов, культурной традиции. Так, в Средние века жителей Восточной Славии (особого, по сути, единого сильного суперэтноса) именовали словосочетанием *руський народ* или *руськи люди*. Наряду с ним древнейшим названием всех восточных славян (нынешних белорусов, русских и украинцев) было слово *русь* как обобщенное название всех жителей древнерусских земель по аналогии с *весь, водь, чудь, мурома*. В данном случае название этноса употреблялось как омоним топонима *Русь* (*Киевская Русь*). Причём стоит обратить внимание, что происхождение самого топонима *Русь* восходит к названию одного из племён Восточной Славии – *росов/русов*.

Названием отдельного члена данного сообщества служило слово *русин*, которое несколько раз встречается в «Повести временных лет» (1110-е годы). В списке «Слова» 1800 г. также употребляется этноним *русичи* (*русици*) [27: 29]. Этнонимом *русины* именовались жители древнерусского княжества и в литовских, и в польских документах.

Употреблялся данный этноним и в XVIII в. во времена Гетманщины, когда часть «руських» земель, управляемых гетманом, оказалась под протекторатом (покровительством, защитой) русского царя. Этноним *русины* встречается, например, в драме «Милость Божия» (1728 г.), поставленной в Киеве в честь возведения в гетманы Войска Запорожского миргородского полковника Данила Апостола.

Стереотипы, которые стоят за этнонимами, находят отражение в фольклорном, песенном, юмористическом дискурсах. Одним из

доказательств того, что этноним *русин* употреблялся кобзарями в середине XIX в., является фраза, записанная в думе черниговского кобзаря Андрія Шута: «...в нас гетьман Хмельницький, **русин**». Даже в конце XIX в. этот этноним фиксируется в труде М. Номиса «Українські приказки, прислів'я і таке інше» [22]. Русичей из центральных регионов Руси, поселившихся на землях западных славян, называли *руснаками* или *русаками*.

Осознанию автохтонного этнического пространства способствует употребление этнонимов в фольклорном и художественном дискурсах. Ср. самоидентификацию белорусов как литвинов в песне белорусского ансамбля «Ліцвіны»: «*Ой дарожка доўгая да дому За Вялікае Княства за Карону Пераможам ворага ў спакусы Мы ж Літвіны, Мы ж Беларусь*». Именования этнических групп внутри одного и того же народа обычно лишены аксиологических коннотаций. Так, украинцев и белорусов, населяющих Полесье, называют *полищуками* (прозвище закрепилось в фамилии *Полищук*).

Название поляков в фольклорных сборниках – **Polacy**. Данный этноним зафиксирован А. Афанасьевым в работе «Поэтические воззрения славян на природу»: «*Pod koniec XIX wieku na Gromnicznq Polacy zapalali tyle świec ilu było członków rodziny, wierząc, czyja świeczka zgaśnie pierwsza ten wkrótce umrze*» [24]. Более информативным в лингвокультурологическом отношении является этноним *ляхи* (поляки). Им летописец Нестор называл все западнославянские племена – полян, лютичей, мазовшан и поморян, обосновавшихся на Висле, т. е. там, где располагается современная Польша: «Словѣне же ови пришедше и съдоша на Вислѣ, и прозвашася ляховѣ, а от тѣхъ ляховѣ прозвашася поляне, ляховѣ друзии – лютицѣ, инии мазовшане, а инии поморяне» [23]. Слово *ляхи* имеет этимологическое родство с нынешним этнонимом – *поляки*. Их роднит сема, указывающая на местность (*поле* – засеиваемая, возделываемая безлесная равнина; обширное пространство; *ополье* – то, что вокруг полей (ср. название города *Ополе*); *поляк* – этноним, образованный от названия жившего на равнине славянского племени «поляне»). Налицо его этимологическое родство с другим этнонимом – *лях*. Выдающийся словацкий славист Павол Йосеф Шафарик в своём фундаментальном исследовании «Славянские древности» отмечал, что слово *ляха* встречается во всех славянских языках со значением 'поле, гряда, борозда' [31]. Пётр Алексеевич Лавровский, профессор-славист Харьковского и позже ректор Варшавского университета, углубляет идею П. Шафарика. Он указывает, что издревле лексические дублиеты *лѣх*, *лях* и *лех* обозначали человека, занимающегося расчисткой выжженного для земледелия леса. Учёный утверждал, что в слове *лях* (= *лех*) рус-

ское «я» появилось на месте носового Δ (= ен) [15]. Впоследствии слово *лях* стало этнонимом, обозначающим поляков. Существует и более поэтическое, легендарное объяснение происхождения этого этнонима – в одной из древнечешских хроник легендарный родоначальник поляков называется Лех, а братья Лех, Чех и Рус, гласит легенда, стали основателями славянских этносов [9].

2. Этнонимы, представляющие иную культуру и образ жизни. Этнофолизмы в лингвокультуре – экспликативные пейоративные коннотации в именовании чужого. В ранних произведениях, написанных на русском языке, но представляющих украинскую картину мира, Н.В. Гоголь употребляет этнофолизмы, иронично характеризуя *москалей* и *ляхов* как представителей этносов, которые выступают по отношению к украинцам как чужие [30]. Так же иронична его языковая игра с номинантом *кацапня*, образованном от этнофолизма *кацап*, в письме к Максимовичу: *Бросьте, на самом деле, кацапню и едите на гетманщину*. Такие этнофолизмы лишены коннотации агрессивности, служат средством выражения добродушной иронии. Подобную шутивную коннотацию несёт и этнофолизм *Рерісі*, которым поляки и словаки называют чехов. Его происхождение не поддаётся научной этимологии. Имеются предположения, что данный этнофолизм является видоизменённой уменьшительно-ласкательной формой весьма популярного у чехов имени Йозеф или модифицированной до неузнаваемости лексемы *пражанин* [33].

Гастрономические предпочтения, пожалуй, наиболее ярко отражены в белорусских этнофолизмах. Кухня белорусов отличается множеством разнообразных блюд из картофеля («бульбы» по-белорусски), которым славится белорусская земля. Этим и объясняется происхождение этнонима *бульбаш*, которым называют белорусов их соседи – русские и украинцы. Он, кстати, не приобрёл оскорбительной коннотации, и в наше время также остаётся средством выражения доброжелательной иронии.

3. Этнонимы, выражающие отношение к экзохтонным этносам (гр. *exo* снаружи + *genesis* происхождение).

Единицы данной группы этнофолизмов, как правило, служат как для безмодусного описания в художественных текстах *чужих как* иных, так и как способ выразить отношение к чужому. *Не пора, не пора, не пора Москалеві й ляхові служити; Довершилась України кривда стара – Нам пора для України жити!* (И. Франко). Слова *москаль* и *лях* для украинского поэта – экзохтонные этнофолизмы с денотативными значениями, не содержащие аксиологической коннотации.

4. Этнофолизм как лексико-семантический инструмент выражения агрессии к чужим и как средство провокации. Этнофолизмы данной

группы выражают стереотипное восприятие, под которым обычно понимается упрощённый, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех её представителей [19; 21]. Коннотация агрессивности этнических прозвищ особенно явно проявляется в современном медиадискурсе. Чаще всего такой медиадискурс рассчитан на поколение молодых реципиентов, чтобы внедрить в их сознание не только пренебрежительное отношение к другим народам, но и вызвать агрессивные по отношению к ним действия [17]. Такие этнофолизмы активно используются в провокационных лозунгах и речёвках для разжигания безумной ненависти к представителям другого народа (*бей жидов, спасай Россию; кто не скачет, той москаль*), причем в зависимости от политической атмосферы объект может меняться. Так, в украинском сегменте интернета детализируется история слогана *москаляку на гіляку*: «Слоган виник у часи паціфікації у варіанті “**поляка** на гіляку”, <...> видозмінився зі згадкою **комуняк**, а потім і **москаляк**».

Современный «язык вражды» пополняется новыми этнофолизмами. Их внутренней формой служат различные социоисторические признаки. Внутренней формой слова *рашка* (*рашковане, рашисты*) служит аудиальное восприятие английского слова *Russia* [раша]. *Орки* – этнофолизм, используемый в украинских СМИ, заимствован из английской лингвокультуры. В западноевропейских сказках и легендах им называли уродливых и агрессивных гуманоидов, которые контрастировали добрым эльфам. Буквально лексема *орки* означает ‘чужеземцы’, несущие зло (для англичан таковыми были норманны). Подобным образом орки представлены английским писателем Джоном Рональдом Руэлом Толкиным в романе «Властелин колец», написанном во время Второй мировой войны. В 2001–2003 гг. роман был экранизирован Питером Джексоном. Фильм не оставил равнодушными зрителей многих стран. Это, конечно, стимулировало появление этнофолизма в украинской прессе.

Этнофолизмы *угро-финны* и *угро-буряты*, которыми обзывают русских в украинских СМИ, имеют внутреннюю форму: признак, подразумевающий влияние угро-финнского этноса на формирование антропологической и этнокультурной природы русских. Такого рода этнофолизмы имеют ксенофобскую попытку разорвать исторические и генетические связи восточнославянских народов. На самом деле, В.В. Бунак установил незначительную угро-финскую долю в генетике русского этноса [6]. Другие выражения, встречающиеся в украинских СМИ, являются этнофолизмами, которые свидетельствуют, скорее, о необузданной русской ксенофобии, оскорбляющей все другие восточные народы: *тупая восточная шваль, угробурятская недонация, чухонь*.

Если первые два выражения, скорее, не этнофолизмы в прямом смысле, а открытые хуления и бичевания, то *чухонь/чухонцы (чудь)* – уничижительная кличка финно-угорских народов [29: 389].

Оскорбительную коннотацию несёт этнофолизм *ватники* – интернет-мем, ироническое прозвище людей, которые высказывают в современном конфликте пророссийские настроения [16]. В основе этого этнофолизма лежит убеждение, что *ватник* как предмет одежды (телогрейка) – изобретение русских. Употребляющие этот этнофолизм не знают того, что ещё в X веке ватник использовался в качестве военной униформы (лёгкой брони) для византийских пехотинцев, а в годы Великой Отечественной войны, охраняя от стужи, сохранял людям жизнь.

Внутренней формой этнофолизма *укропы* служит именование сторонников Евромайдана и современного киевского режима, ориентированных на Запад и преисполненных антироссийских убеждений. В сознании тех, кто поддерживает киевский режим, УКРОП – это вовсе не этнофолизм, а сокращённое именование ‘украинское объединение патриотов’. В этом смысле *укроп* является акронимом, который в отличие от аббревиатуры, произносимой по названиям букв, озвучивается и воспринимается как обычное слово [16].

Противопоставление *свой/чужой* в этой группе этнофолизмов аксиологически реализуется в виде оппозиции «хороший – плохой» [3] с резко отрицательной коннотацией относительно того, что принадлежит запредельному миру. Когнитивно-прагматическая природа таких этнонимов предопределяется тем, что они совмещают в себе, с одной стороны, парадоксальные, нелепые, обыденные жизненные наблюдения, а с другой – эмоционально окрашенные впечатления о поведении и привычках другого народа. Причём когнитивный план этнонимов данной группы вторичен по отношению к изначально доминантному прагматическому аспекту. И в этом отношении они представляют собой многогранный объект лингвокультурологии, поскольку являются носителями различной социокультурной информации (антропологической, гносеологической, дискурсивной, этнографической, социально-психологической и др.).

Экспликация данной информации обуславливает актуальность и научную значимость исследования аксиологических коннотаций славянских этнонимов.

Заключение

Изначально этнофолизмы возникают как словесные ярлыки на основе стереотипов, обыденных представлений, нередко с преизбыточными мифическими и вульгарными смыслами. Они используются

в речи как поверхностные, шаблонные, но явные или скрытые предвзятые определения, лишённые объективной аксиологии.

Аксиологические коннотации славянских этнофолизмов порождаются нездоровым социальным климатом, политическими противоречиями, экономической нестабильностью. Однако славянские этнонимы выражают этническую нетерпимость только в том случае, когда отношение к самому этносу выходит за пределы толерантности. В толерантных пределах у них снижается уничижительный накал. Иными словами, этническая толерантность уменьшается пропорционально росту деструктивных тенденций, когда ответственность за общественные неурядицы безосновно возлагается на представителей какой-либо этнической группы или на весь этнос. Название этноса становится своеобразным средством отвлечения от прямой межэтнической конфронтации, когда негативные эмоции, направленные на какой-либо этнос, переносятся на его ксенофобское прозвище. Этнофолизмы как средства выражения ксенофобии опасны в контексте новых вызовов современности, среди которых возрастает межэтническая нетерпимость и спровоцированный ею интерес к поиску аргументации (как правило, ложной) своего этнокультурного и цивилизационного превосходства.

Среди прочих факторов нормализации межэтнических отношений славянских народов может служить осмысление их генеалогического родства и единых культурно-исторических корней. В частности, адекватное понимание этнонимов служит укреплению и оживлению генетической памяти, необходимой для достижения межэтнического согласия.

Примечание

1. Под модусом нами понимается отношение к этносу через призму субъективного, эмоционально-личностного восприятия (модальная часть диктума, по Ш. Балли).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2016. 288 с.

2. *Белова О.В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 2006. 48 с.

3. *Березович Е.Л.* О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–18.

4. *Бромлей Ю.В.* К вопросу о выделении этносов среди других человеческих общностей // *Этнос и политика.* М.: Наука, 2000. С. 13–20.
5. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
6. *Бунак В.В.* Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965. 414 с.
7. *Вержбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки русской культуры, 2001. 380 с.
8. *Ефремова Т.С.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2: П–Я. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
9. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 267 с.
10. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 457 с.
11. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 369 с.
12. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. СПб.: ЮНА, 1992. 272 с.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 579.
14. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / отв. ред. Н.С. Ганцевская. Кострома: ГУОВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. 347 с.
15. Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 10.
16. *Карпьяк О.* Вата с укропом: язык политических мемов // BBC Украина. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/08/140808_ru_s_new_words (дата обращения: 12.05.2023).
17. *Кирилина А.В.* Отражение этнической напряженности в российском Интернете (на материале сайта демотиваторов и жанров «блог» и «читательский комментарий к тексту СМИ») // *Круглый стол Института языкознания РАН и Московского института лингвистики «Межэтническое общение. Контакты и конфликты», 27–28 октября 2011.*
18. *Ляшенко И.В., Ромашина О.Ю., Федюнина И.Э.* Актуализация «устаревшего» прозвища *москаль* в украинской и российской блогосферах // *Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики».* URL: <http://researchresult.ru/media/linguistics/2016/3> (дата обращения: 08.09.2016).
19. *Маслова В.А.* Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.* 2008. Т. 4. С. 30–37.
20. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп. 2007. 784 с.
21. *Мучкина Е.С.* Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов // *Филология и человек.* 2010. № 4. С. 107–188.

22. Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В. Марковича і других. Спорудив М. Номис. СПб., 1864.

23. Повесть временных лет / подг. текста, пер. [на современную орфографию] и коммен. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. 543 с. По Ипатьевскому списку, хранящемуся в Библиотеке. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 10.06.2023).

24. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А. Афанасьев. Репринтное издание. М.: Сов. писатель, 1995. Т. 3. 840 с.

25. Садохин А.П. Этнология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003. 320 с.

26. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988. С. 4–10.

27. Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

28. Толстая С.М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы. 2012. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения: 12.05.2023).

29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (Т–Ящур) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

30. Чумак-Жуль И.И. Язык как маркер эпохи: свои/чужие в коллективном сознании и в языковой среде // VIII Путилинские чтения. Белгород: БелЮИ МВД России им. И.Д. Путилина, 2022. С. 150–155.

31. Шафарик П.Й. Славянские древности. От Геродота до падения Гуннской и Римской держав (465 до н.э. – 469–476 н.э.) / пер. с чеш. О.М. Бодянского. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2015. 476 с.

32. Шнет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Алетейя, 1996. 156 с.

33. Šubrt J. Vzpomínka na pražské Pepíky // Večerní národní listy. 1940. № 80. S. 3.

34. Етимологічний словник української мови: у 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні / редкол. О.С. Мельничук (головний ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1983. Т. 3. 552 с.

REFERENCES

1. Alefirenko, N.F. (2016) *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. The value-semantic space of language]. Moscow: Flinta: Nauka.

2. Belova, O.V. (2006) *Etnicheskie stereotipy po dannym yazyka i narodnoy kul'tury slavyan (etnolingvisticheskoe issledovanie)* [Ethnic stereotypes according to the language and folk culture of the Slavs (an ethnolinguistic research)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

3. Berezovich, E.L. (2006) O yavlenii leksicheskoy ksenomotivatsii [On the phenomenon of lexical xenomotivation]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 3–18.

4. Bromley, Yu.V. (2000) K voprosu o vydelenii etnosov sredi drugikh chelovecheskikh obshchnostey [On distinguishing ethnic groups from other human communities]. In: *Etnos i politika* [Ethnicity and Politics]. Moscow: Nauka. pp. 13–20.

5. Bromley, Yu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnicity]. Moscow: Nauka.

6. Bunak, V.V. (1965) *Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya russkogo naroda po antropologicheskim dannym* [The origin and ethnic history of the Russian people according to anthropological data]. Moscow: [s.n.].

7. Verzhbitskaya, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

8. Efremova, T.S. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

9. Yanin, V.L. (1987) “*Velikaya khronika*” o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh XI–XIII vv. [The “Great Chronicle” about Poland, Rus and their neighbors in the 11th–13th centuries]. Moscow: Moscow State University.

10. Gerd, A.S. (2005) *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to ethnolinguistics: a course of lectures and a reader]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

11. Grishaeva, L.I. & Tsurikova, L.V. (2003) *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. Voronezh: VSU.

12. Gumilev, L.N. (1992) *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. St. Petersburg: YuNA.

13. Dal', V.I. (1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. St. Petersburg: M.O. Volf. p. 579.

14. Gantsevskaya, N.S. (ed.) (2006) *Zhivoe kostromskoe slovo. Kratkiy kostromskoy oblastnoy slovar'* [The living Kostroma word. A Brief Kostroma Regional Dictionary]. Kostroma: KSU.

15. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. (1870) 10.

16. Karpuyak, O. (2014) *Vata s ukropom: yazyk politicheskikh memov* [Vata with ukrop: The language of political memes]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/08/140808_ru_s_new_words (Accessed: 12th May 2023).

17. Kirilina, A.V. (2011) Otrazhenie etnicheskoy napryazhennosti v rossiyskom Internete (na materiale sayta demotivatorov i zhanrov “blog” i “chitatel’skiy kommentariy k tekstu SMI”) [Reflection of ethnic tensions on the Russian Internet (based on the site of demotivators and the genres “blog” and “reader’s commentary on the media text”).] *Kruglyy stol Instituta yazykoznaniya RAN i Moskovskogo instituta lingvistiki “Mezhetnicheskoe obshchenie. Kontakty i konflikty”* [Round table of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and the Moscow Institute of Linguistics “Interethnic Communication. Contacts and Conflicts”]. October, 27–28. 2011.

18. Lyashenko, I.V., Romashina, O.Yu. & Fedyunina, I.E. (2016) *Aktualizatsiya “ustarevshogo” prozvishcha moskal’ v ukrainskoy i rossiyskoy blogosferakh* [Updating the “outdated” nickname Moskal in the Ukrainian and Russian blogospheres]. [Online] Available from: <http://researchresult.ru/media/linguistics/2016/3> (Accessed: 8th September 2016).

19. Maslova, V.A. (2008) Kul’turnyy stereotip i ego rol’ v povedenii skvoz’ prizmu yazyka [Cultural stereotype and its role in behavior through the prism of language]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudvrstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova*. 4. pp. 30–37.

20. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2007) *Bol’shoy slovar’ russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: Olma Media Grupp.

21. Muchkina, E.S. (2010) Etnicheskie stereotipy i ikh otrazhenie v semantike etnonimov [Ethnic stereotypes and their reflection in the semantics of ethnonyms]. *Filologiya i chelovek*. 4. pp. 107–188.

22. Nomis, M. (1864) *Ukrains’ki prikazki, prisliv’ya i take inshe. Zbirniki O.V. Markovicha i drugikh. Sporudiv M. Nomis*. St. Petersburg: [s.n.].

23. Tvorogov, O.V. (ed.) (1997) *Povest’ vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A. Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4869> (Accessed: 10th June 2023).

24. Afanasiev, A. (1995) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature: In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Sov. pisatel’.

25. Sadokhin, A.P. (2003) *Etnologiya* [Ethnology]. Moscow: [s.n.].

26. Sorokin, Yu.A. & Markovina, I.Yu. (1988) Ponyatie “chuzhoy” v yazykovom i kul’turnom kontekste [The concept of “alien” in the linguistic and cultural context]. In: *Yazyk: etnokul’turnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Language: Ethnocultural and Pragmatic Aspects]. Dnepropetrovsk: [s.n.]. pp. 4–10.

27. Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.

28. Tolstaya, S.M. (2012) *Etnolingvistika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Ethnolinguistics: Current State and Prospects]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (Accessed: 12th May 2023).

29. Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [A Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

30. Chumak-Zhun, I.I. (2022) Yazyk kak marker epokhi: svoi/chuzhie v kollektivnom soznanii i v yazykovoy srede [Language as a marker of an era: us/them in the collective consciousness and in the linguistic environment]. In: *VIII Putilinskie chteniya* [The 8th Putilin Readings]. Belgorod: MIA of Russia. pp. 150–155.

31. Shafarik, P.Y. (2015) *Slavyanskije drevnosti. Ot Gerodota do padeniya Gunnskoj i Rimskoj derzhav (465 do n.e. – 469–476 n.e.)* [Slavic antiquities. From Herodotus to the fall of the Hunnic and Roman powers (465 BC – 469–476 AD)]. Translated from Czech by O.M. Bodyansky. Moscow: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater.

32. Shpet, G.G. (1996) *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic Psychology]. St. Petersburg: Aleteyya.

33. Šubrt, J. (1940) Vzpomínka na pražské Pepíky. *Večerní národní listy*. 80. p. 3.

34. Melnichuk, O.S. (ed.) (1983) *Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: u 7 t.* [Etymological dictionary of Ukrainian language: 7 vols]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Nikolai F. Alefirenko – Belgorod State University (Russia).

E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Irina I. Chumak-Zhun – Belgorod State National Research University (Russia).

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

УДК 811.163.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/9

Пространственные и отпространственные смыслы глагольной префиксации в старославянском языке

Ю.В. Филь¹, И.Я. Конончук², А.И. Дударева³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: ineskon@mail.ru

³ E-mail: dudareva-anastasiya@mail.ru

Авторское резюме

Исследование продолжает работы, посвящённые категории пространства, её интерпретации и средствам репрезентации в языке (это исследования функционально-семантической категории локативности; пространственно-дистанционных наречий и предлогов; пространственных моделей преобразования языковых единиц и др.). Средства, служащие в языке выразителями пространственных отношений, не только фиксируют физическое пространство в его разных проявлениях, но и интерпретируют пространство с точки зрения его разных критериев и форм. Рассматриваются глагольные префиксы при- и из- старославянского языка, зафиксировавшего «начальные этапы» формирования широкого спектра значений глагольных приставок как средств выражения пространственных и аспектуальных смыслов в современных славянских языках. Указанные приставки, как и другие славянские префиксы, полисемичны, их значения развиваются из исконного пространственного, а происходящие смысловые преобразования предопределены как семантикой самого префикса, так и лексическим значением глагола и контекстом его употребления. Вторичность отпространственных значений приставок в научной литературе интерпретируется по-разному, однако связь между пространственными и непространственными смыслами считается генетически обусловленной. Анализ приставочных глаголов позволяет выявить устойчивые модели, по которым происходит трансформация пространственного значения приставки в смежные сферы. Такие динамические переходы от одного значения префикса к другому мотивированы общими когнитивными и языковыми закономерностями. Расширение сферы употребления приставки

может привести к преобразованию её пространственной семантики, формированию отпространственных смыслов, а иногда полной потере пространственного значения префиксом. Установлено, что направления указанных преобразований могут быть разные, в том числе в сторону грамматикализации приставки.

Ключевые слова: старославянский язык, префиксы, префиксальные глаголы, пространственные и отпространственные смыслы

Spatial and transdimensional meanings of verbal prefixation in the Old Church Slavonic language

Yulia V. Fil¹, Inessa Ya. Kononchuk²,
Anastasiya I. Dudareva³

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: 2fil@inbox.ru

² E-mail: ineskon@mail.ru

³ E-mail: dudareva-anastasiya@mail.ru

Abstract

Like other works studying the functional-semantic category of locativity, spatial-distance adverbs and prepositions, spatial models of transformation of linguistic units etc., this research focuses on the category of space, its interpretation and representations in language. The language means that express spatial relations not only record various manifestations of physical space, but also interpret space in terms of its forms and other criteria. The article examines the Old Church Slavonic verbal prefixes “*pri-*” and “*iz-*”, which recorded the “initial stages” of the formation of a wide range of meanings of verbal prefixes as means of expressing space and aspect in modern Slavic languages. Like other Slavic prefixes, these prefixes are polysemic, with their meanings developing from the original spatial one. The semantic transformations that occur are predetermined both by the semantics of the prefix itself and by the lexical meaning of the verb and the context of its use. The secondary nature of the spatial meanings of prefixes is interpreted in different ways, but the connection between spatial and non-spatial meanings is considered to be genetically determined. The analysis of prefixal verbs allows identifying stable models according to which the spatial meaning of the prefix is transformed into adjacent ones. Such dynamic transitions from one

prefix meaning to another are motivated by general cognitive and linguistic patterns. Expanding the scope of a prefix use can lead to a transformation of its spatial semantics, the formation or, sometimes, a complete loss of spatial meaning. It has been established that the directions of these transformations can be different, including towards the grammaticalization of the prefix.

Keywords: Old Church Slavonic language, prefixes, prefixal verbs, spatial and non-spatial meanings

Актуальность данного исследования определяется его направленностью на изучение категории пространства и её представленности в языковых единицах разного уровня и формата. Пространственные смыслы как слагаемые более крупных семантических структур обладают высокой способностью к порождению других смыслов, их значимость для образования всё новых и новых единиц общеизвестна. Не являются исключением и глагольные приставки (в прошлом предлоги), специализирующиеся на передаче указанных смыслов.

Новый всплеск интереса к глагольной префиксации в начале столетия, связанный с международным проектом по формальному описанию приставок (Российский государственный гуманитарный университет (Россия) и университет Пари-7 (Франция)) [9], в который были вовлечены российские и французские учёные, объясним, на наш взгляд, тем, что префиксы как словообразовательные средства языка были и остаются исследовательским полем, в рамках которого ставятся и решаются спорные вопросы современной лингвистики. Прежде всего, это вопрос о семантической вариативности языковых единиц, ответы на который уже не ищут через поиск инвариантов, а обращаются к анализу семантических блоков, смысловых приращений, языковых преобразований единиц, рождающихся ещё на когнитивном уровне, а уже затем отражающихся на языковом. Не менее активно идёт работа над поиском путей формализации описания семантической стороны языка, направленной на исчисление инвентаря не только базовых значений языковых единиц, но и периферийных, в т. ч. порождаемых контекстом (в случае с префиксальными глаголами речь идёт о выработке специфического формата описания глаголов, единого толкования многозначных единиц, которое подойдет к любому контексту [3: 14]).

Пространство определяет важнейшие свойства и характеристики физических, психических и социальных объектов, но для лингвиста более важно то, каким образом пространство воспринимается носителем языка и отражается в нём. Показателем интереса к данным вопросам является многообразие исследований, выполненных в

указанном направлении. В исследовательском фокусе находятся содержание категории пространства, типы пространства (физическое, социальное и др.), средства выражения пространственных отношений, вторичные значения единиц с пространственной семантикой, пространственные архетипы и т. п. В качестве объектов описания выступают разноуровневые языковые единицы, организующие категорию локативности (теория функциональной грамматики); единицы поверхностного уровня, отражающие параллелизм в представлении глубинных пространственных и темпоральных отношений (топологическая семантика); пространственно-дистанционные наречия и предлоги, семантика которых складывается вокруг пространственного архетипа; русские именные и глагольные приставки, отражающие когнитивные образы пространственных ситуаций и семантические схемы, по которым выстраивается значение префиксального глагола и его взаимодействие с контекстом.

В качестве объекта данного исследования выступают глаголы старославянского языка с приставками *при-* и *из-*, имеющими яркое пространственное значение и обладающими как в указанном языке, так и в других славянских языках широким спектром иных значений. Акцент в данном случае делается именно на префиксах и их значениях, которые представляются результатом семантической трансформации исконного значения.

Цель исследования – определить основные направления семантической деривации (в терминологии Анны А. Зализняк [5: 70]) префиксов *при-* и *из-* в старославянском языке, установив связи между их пространственными и отпространственными значениями. Дополнительным этапом исследования стал анализ древнегреческих аналогов (при их наличии в лексикографических источниках) старославянских единиц с приставками *при-* и *из-* для выявления потенциального древнегреческого влияния в сфере глагольной префиксации. В данном случае опора «одновременно на факты диахронии и на семантико-типологические закономерности» [5: 70] представляется целесообразной, так как рассматриваемые префиксы имеют аналоги в древнегреческом языке. Естественно предположить, что наличие богатой в семантическом отношении подсистемы древнегреческой префиксации так или иначе могло повлиять на возможности старославянского языка в обозначении пространственных параметров и аспектуальных характеристик действия.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы, посвящённые изучению префиксальных глаголов и собственно префиксов в славянских (в т. ч. старославянском) языках (А.В. Исаченко, Л.И. Ройзензон, Е.В. Петрухина, М.А. Кронгауз, О.А. Димитриева,

Л.В. Табаченко и др.); выбору и обоснованию принципов описания семантики предлогов и префиксов (Г.Е. Крейдлин, А.А. Зализняк, М.А. Кронгауз, Е.Р. Добрушина и Д. Пайар, Л.И. Горбунова, В.А. Плунгян и др.); полемике о природе и статусе семантических преобразований, протекающих в содержательной структуре языковых единиц с первоначальным пространственным значением (Р. Лангакер, В.Г. Гак, Г.И. Кустова, Д. Пайар, В.А. Плунгян, Т.Н. Маляр, Е.В. Рахилина и др.).

В качестве основных положений, на которых строится наше исследование, отметим следующие.

1. Префиксы в славянских языках являются одновременно грамматическими и словообразовательными единицами (даже в случае, если их причисляют к чистовидовым, а значит, «пустым» в лексико-семантическом отношении). Они обладают собственным значением разной степени абстракции [8: 152], что подтверждается, прежде всего, возможностью образовывать различающиеся по семантике единицы от одной глагольной основы и разных приставок. Несмотря на связанный характер, несамостоятельность и зависимость от глагола и контекста, преобладающее большинство приставок обладает ярко выраженным содержанием, которое устойчиво, хотя и неоднозначно осознаётся носителями языка вне глагольной основы (**в-** – «внутри, внутри чего-то», **на-** – «на поверхности чего-то», **из-** – «изнутри наружу» и др.).

2. Приставки – специализированное для славянских языков средство выражения пространственных отношений. Функция обозначать различные пространственные локализации является для них первичной, т. к. как значимость «физических параметров окружающего мира подтверждается способностью человека видеть его, а зрение, наблюдение, зрительное восприятие являются более простыми операциями человеческого мозга, результаты которых в первую очередь зафиксированы языком» [7: 194]. Таким образом, пространственные (в другой терминологии – пространственно-направительные) значения приставок считаются базовыми, отправными для дальнейшего расширения префиксальной семантики. На базе пространственного значения может формироваться как последующее пространственное подзначение (отдельный фрагмент общего значения приставки), так и отпространственное значение, являющееся результатом сопоставления физических параметров и ориентиров с темпоральными, количественными, обстоятельственными. При этом подзначения одного префикса «тем или иным образом связаны как между собой, так и с другими, ненаправительными её подзначениями» [1: 172], даже если эта связь не является очевидной. Учитывая данные связи, можно представить все подзначения приставки «не в виде простого набора,

а в виде достаточно упорядоченной структуры, которая вписывается как фрагмент в общую структуру значения данной приставки» [1: 172].

3. Многозначность приставок, взаимопроникновение семантики префикса и глагольной основы ведут к диффузности префиксальной семантики, из-за которой осложнены дифференциация отдельных значений и подзначений префикса и определение траектории его семантических преобразований. Происходящие со временем смысловые преобразования в структуре префикса предопределены рядом факторов: семантикой самого префикса, типом пространственной локализации, которую он передаёт, лексическим значением глагола, контекстом его употребления. Расширение сферы употребления приставки может привести к преобразованию (а иногда полной потере) её пространственной семантики, формированию отпространственных смыслов. Траектория семантических преобразований префикса, нацеленных на изменение его исконного пространственного значения и «прорастание» в иные смысловые сферы, направлена от более конкретного значения к более абстрактному, в т. ч. в сторону того уровня абстракции, которой в аспектологии принято называть грамматическим. Так, например, от значения движения субъекта/объекта в соответствии с пространственным ориентиром к значению интенсивности совершаемого действия и значению завершения действия и получения результата, характеризующемуся как наиболее близкое к грамматикализованному (перфектному) значению приставки.

Таким образом, в центре данного исследования находится не статичная совокупность значений одной приставки, а динамические переходы от одного значения префикса к другому, при этом связь между пространственными и непространственными смыслами генетически обусловлена и выводима.

Далее исследуем глагольные префиксы *при-* и *из-* в старославянском языке и через сопоставление приставочных и бесприставочных глаголов и анализ преобразований семантики производящего глагола рассмотрим первичные (пространственные) и производные значения указанных префиксов.

Глаголы с префиксом *при-* характерны практически для всех славянских языков, словари старославянского языка [11; 12. Т. 3] зафиксировали значительное количество единиц с данной приставкой (около 190 глаголов с учётом коррелятивных видовых единиц). Данный префикс продуктивен в языке и представлен в глаголах разных лексико-семантических групп (далее группы располагаются в порядке убывания единиц в группе):

– глаголы присоединения (*прибити*, *прибивати*, *придрожити* с л. «присоединиться, принять участие», *придѣти* «приложить», *прикоу-*

питу «присоединить», *прильнѣти* «прилипнуть, пристать, прильнуть», *приставити* «приставить, прибавить», *присъвькоупити* «присоединить, присовокупить, соединить» и др.);

– глаголы перемещения (*приваждати* «приводить», *привалити*, *привеслати* «привезти на корабле», *привитати* «поселиться, найти приют», *привлачати* «притягивать, привлекать» и др.);

– глаголы ментальной деятельности, в т. ч. восприятия (*пригладати* «принимать во внимание», *призирати* «смотреть», *призьрѣти* «посмотреть, призреть», *притькнѣти* «доказать», *приѣти* «принять», *пригласити* «посвятить», *приложити* «приравнять, сравнить» и др.);

– глаголы речевой деятельности (*привъзложити* «обратиться к кому-н. (за советом)», *приглашати* «звать», *призапрѣтити* «погрозить», *призьвати* «позвать, призвать, вызвать, пригласить, назвать», *принарицати* «называть кого-н. кем-н.», *приповѣдати* «ходатайствовать, жаловаться», *пристати* «согласиться», *привъливати* «призывать, взывать» и др.);

– глаголы однонаправленного движения (*присътити* «посетить», *прибъгати*, *прибыти*, *прилетѣти*, *примѣтити* *сѧ* «появляться, появиться», *припадати* «падать перед кем-н. (на колени), бросаться в ноги», «подходить», *прискочити* «подскочить, подбежать» и др.);

– глаголы эмоционально-оценочного отношения, пребывания в эмоциональном состоянии (*приблюдати* «заботиться», *прилежати* «отдаваться, предаваться», «заботиться о ком-н., о чем-н.», *прилюбити* «полюбить», *пристрашити* «испугать, устраивать» и др.);

– глаголы физического воздействия на объект (*прижигати*, *прикрывати*, *прикрыти*, *приплести* «сплести», *приломити* «надломить» и др.);

– глаголы социальной деятельности, социальных отношений (*приноудити*, *приноуждати*, *прилежати* «настойчиво требовать», *привести* «пожертвовать, принести в жертву», *пристроити* «обеспечить», *причетати* «соединяться браком, вступать в брак», *причинити* «вооружиться» и др.) [11; 12. Т. 3].

Как показывает проведённый анализ, префикс *при-* в старославянском языке реализуется в нескольких значениях.

В качестве первого значения данной приставки следует отметить прямое значение – «приближение к какой-то точке» или «близость вообще», соответственно глаголы с приставкой с указанными семантическими компонентами реализуют значение «достигнуть какого-либо места, прибыть или доставить в какое-нибудь место, соединиться с чем-нибудь» [2: 37–38]. Глаголы с данным значением префикса преобладают, среди них единицы со значениями движения и перемещения, конкретных физических действий, ментальной сферы: *привязати* «привязывать, привязать» (*привязѣжштааго* к

виноградоу жръбѣ своѣ) [12. Т. 3: 264], **прикасати сѧ** «прикасаться, общаться» (*не прикасаи сѧ мьнѣ*) [12. Т. 3: 276], **прибѣти** «прибить» [12. Т. 3: 256] (греч. *ὀρύσσω* – 1. «рыть, выкапывать», а также 4. «вколачивать» [4. Т. 2: 1197]), **прибѣжати** «прибежать» (*людие еже не поѡтъ тѧ прибѣжѣтъ*) [12. Т. 3: 259] (греч. *καταφεύγω* – 1. «убегать, бежать», 3. «прибегать» [4. Т. 1: 915]), **привалити** «привалить» [11: 500] (греч. *προσκλίω* – «подкатывать», а также «приваливать» [4. Т. 2: 1414]), **привеслати** «привезти на корабле» (без греч. аналога) [12. Т. 3: 260].

При соединении приставки с глаголами ментально-психической (в т. ч. перцептивной) деятельности её пространственное значение начинает восприниматься как переносное: **привлѣщи** «притащить, привлечь» (*въсѧ привлѣкѣ къ себѣ*) [12. Т. 3: 262] (греч. *ἐλκέω* 1. «тащить, влечь», 3. «чинить насилие»; *ἔλκω* и *ἐλκύω* 1. «тянуть, тащить, волочить», 2. «тянуть, везти», 16. «притягивать, привлекать» [4. Т. 1: 514]; *ἐπισπάω* – 1. «тянуть, тащить, влечь», 3. «притягивать к себе», 5. «привлекать, манить» [4. Т. 1: 635]), **пригладати** «принимать во внимание» (*ихъже смотрѣно пригладѣемъ*) [12. Т. 3: 266] (греч. *ἐπιτηρέω* 1. «высматривать, выслеживать, подстергать» [4. Т. 1: 642]), а также **призърѣти** «посмотреть, призреть» [12. Т. 3: 273], **примѣнити** «причислить» (*примѣнѣнъ быхъ съ низъходѣшатиши въ ровѣ*) [12. Т. 3: 290].

Рассматривая внутреннюю структуру глаголов с **при-**, исследователи отмечают, что действие глаголов с данной приставкой совершается линейно, поверхностно, без нарушения границ какого-либо объекта, сема предела перемещения при этом остается невыраженной [2: 37–38], в отличие от действий, обозначаемых приставками **в-** (*войти*), **раз-** (*разрезать*), **пере-** (*перейти*) и т. д.

Это значение можно считать прототипическим пространственным значением приставки, которое служит точкой отсчёта для дальнейшего развития ее отпространственных значений [7: 207]. Ближайшим значением, сформированным от пространственного, является наиболее близкое к нему, в котором пространственный предел начинает восприниматься как предел абстрактный, точнее – предел любого действия, доведённого до конца, который носитель языка расценивает как обычный конечный результат называемого действия. Так складывается общерезультативное значение префикса – «довести действие до результата». Данное значение реализуется в глаголах разных лексико-семантических групп, более того – в глаголах, уже имеющих префикс: **приготовити** (*дрѣво приготовихъ повѣсити*) [12. Т. 3: 266–267] (греч. *ἐξαρτώ* 1. «устраивать, готовить» [4. Т. 1: 563]; *ἐτοιμάζω* 1. «приготавливать»; 2. «приготавливать для себя, запасаться» [4. Т. 1: 679]; *παρασκευάζω* 1. «приготавливать, готовить») [4. Т. 3: 1251]; **примирити** (*и примири сѧ съ правовѣрными*) [12. Т. 3: 288] (греч.

καταλλάσσω 1. «обменивать», 3. «примирять, мирить» [4. Т. 1: 896]), **призапрѣтити** «погрозить» [12. Т. 3: 269], **принарицати** «называть, назвать кого-н. кем-н». (без греч. аналога) [12. Т. 3 : 291], **прибидѣти** «обидеть» (без греч. аналога) [12. Т. 3: 295], **присванѣти** «увянуть, засохнуть» (*присванѣхъ яко ствно исъше срьдьце мое*) [12. Т. 3: 303], **пристрашити** «испугать» (*слышавъ...пристрашень бывъ...*) (без греч. аналога) [12. Т. 3: 310], **прилюбити** «полюбить» (без греч. аналога) [12. Т. 3: 288].

Можно охарактеризовать данный тип деривации как типичный для славянских языков, в которых сложился феномен степеней действия, а затем и вида с приставочными средствами передачи. Некоторые из префиксов просто фиксируют предел действия, обозначенного глаголом, другие сохраняют пространственные подзначения – «приближение», «близость». Следует отметить и то, что вопрос о значении собственно приставки в отдельных старославянских единицах остаётся открытым из-за недостатка данных в словарях или их не всегда корректного отображения (для словарей старославянского языка характерна ориентация в большей степени на общеглагольное, иногда контекстно детерминированное значение, а не на префиксальную часть семантики глагола).

Первое и второе значения приставки следует отнести к ядерным, реализованным в преобладающем большинстве глаголов с **при-**.

Периферийным для старославянского языка является ещё одно отпространственное значение приставки – «совершить действие с незначительной интенсивностью, не полностью». Основой диминутивного, или смягчительного, значения приставки является представление пространственных параметров действия как количественных, оцениваемых как неинтенсивных, незначительных. Носитель языка легко трактует приближение к чему-то без нарушения границ как не абсолютное, т. е. неполное приближение, а также неполное действие вообще [14: 294]. Отметим, что данное значение префикс развил уже на русской почве, в старославянском языке представлены единичные глаголы со смягчительной семантикой: **приломити** «надломить» [12. Т. 3: 285] (греч. *κατάγνυμι* 1. «ломать, разбивать», 2. «надламывать», 3. «подрывать, ослаблять» [4. Т. 1: 884]), **притѣплити** «притуплять» (*мысли нашае остроуоу притоуплѣють*) (без греч. аналога) [12. Т. 3: 320].

Значение смягчительности у глаголов с приставкой **при-** чуть чаще выражается как дополнительное (комплетивное) – «дополнительное воздействие на объект, прибавление чего-то к тому, что уже имеется». При этом данное значение (в большей степени «присоединительное», более близкое к пространственному) складывается, по всей видимости, на основе диминутивного, ведь прибавляемая часть по

сравнению с той, что уже есть в наличии, всегда меньше. Такие глаголы также мало характерны для старославянского языка, однако характеризуются бóльшим количеством по сравнению с диминутивными и бóльшим разнообразием лексико-семантических групп: **прикладати** «прибавлять» » [12. Т. 3: 276], **прикоупити** «заработать, присоединить» (*к негоже съмени прикоуплени соуть*) [12. Т. 3: 279] (греч. *κερδαίνω* 1. «извлекать пользу, получать выгоду», 2. «приобретать, получать», 3. «извлекать прибыль, наживать, зарабатывать» [4. Т. 1: 937]), **придати** «добавить, прибавить» [12. Т. 3: 267], **примъсити** «примешать, присоединить, соединить» (*всѣакомъ же дъльгъ блазъ примъси*) [12. Т. 3: 290] (греч. *συνάπτω* 1. «связывать, соединять, сочетать, присоединять»; *ἐγκαταμίγνυμι* 1. «примешивать, смешивать» » [4. Т. 1: 449]; *οἰκείεω* 1. «сближать», 2. «присваивать себе или считать своим» [4. Т. 2 : 1155]), **приповельвати** «дополнительно приказывать» (*обаче по чловъкоу оутвържена завѣта никтоже ѡтмътаесть или приповельва приповельваесть*) [12. Т. 3: 300] (греч. *ἐπιδιατάσσομαι* «делать или добавлять новое распоряжение» [4. Т. 1: 607]), **приръкати** «добавлять, прибавлять, присовокуплять» (без греч. аналога) [12. Т. 3: 302–303].

Таким образом, анализ семантической деривации приставки **при-** позволяет выделить следующие направления изменения её значений:

(1) «достигнуть какого-либо места, прибыть или доставить в какое-нибудь место, соединиться с чем-нибудь» → «довести действие до результата»;

(2) «достигнуть какого-либо места, прибыть или доставить в какое-нибудь место, соединиться с чем-нибудь» → «совершить действие с незначительной интенсивностью, не полностью»;

(3) «достигнуть какого-либо места, прибыть или доставить в какое-нибудь место, соединиться с чем-нибудь» → «совершить действие с незначительной интенсивностью, не полностью» → «дополнительно совершить действие, прибавить к тому, что уже имеется».

При сопоставлении старославянских глаголов с приставкой **при-** и древнегреческих глаголов, указанных в лексикографических источниках в качестве аналогов **при-**единиц, установлено, что в этой роли выступают бесприставочные глаголы, глаголы с приставками, семантические характеристики которых аналогичны русской **при-** или принципиально с ней не совпадают.

Анализ показал, что чаще других приставке **при-** в древнегреческих глаголах соответствует префикс **κατα-**, у которого словари фиксируют следующие значения: 1) «движение вниз» (*καταβάλλω*); 2) «противодействие или враждебность» (*καταγελᾶω*, *καταβῶω*); 3) «усиление» (*κατακόπτω*); 4) «переходность» (*καταθρηνέω*); 5) «завер-

шённость» (*καταφαγεῖν*), а также в глаголе *κατάγυρι* 2. «надламывать, подрывать, ослаблять» [4. Т. 1: 882–892]. Исконная пространственная семантика направленности вниз (в отличие от приближения к чему-л.), как и большинство значений данного префикса, не совпадает с семантической зоной приставки *при-*, за исключением отдельных оттенков значения в некоторых глаголах. Исключением, по всей видимости, не является и значение «доведение действия до результата», которое можно расценивать как общерезультативное (в другой терминологии – видовое) [6], в то время как древнегреческие приставки, являющиеся, в отличие от славянских, исключительно средством словообразования, таких значений лишены.

Несколько иные результаты показывает анализ старославянских глаголов с приставкой *из-*, которая связана «с книжнославянской письменностью и церковнославянским богослужением» [2: 47] и имеет разветвлённую семантическую структуру. В словарях старославянского языка зафиксировано около 180 глаголов с данным префиксом разных лексико-семантических групп, что, как и в случае с приставкой *при-*, свидетельствует о продуктивности префикса в данном языке.

Это следующие группы (располагаются в порядке убывания единиц):

– глаголы перемещения (*извести* «вывести», *извлачити* «извлекать, извлечь», *излагати* «вытеснять», *изгънати* «выгнать», *искыдати* «выбросить, вылить», *испасти* «упасть», *изметати* «выбросить» и др.);

– глаголы физического воздействия на объект (как правило, деструктивного), в т. ч. извлечения (*издърати* «вырвать», *издрыти* «вырыть», *извалити* «вывалить», *ископати* «выкопать», *избити* «перебить, избить», *изломити* «сломать», *исклати* «заколоть» и др.);

– глаголы ментальной деятельности (*изволити* «предпочесть, хотеть», *испытати* «исследовать», *измърити* «измерить», *искоусити* «испытать, испробовать», *изволяти* «соглашаться», *истагнѣти* «абстрагировать», *изобрѣтати* «изобретать, находить» и др.);

– глаголы речевой деятельности (*исказати* «объяснять», *изглаголати* «произнести, сказать, рассказать», *извъстьствовати* «уверить», *извъстити* «известить», *исповѣдати* «исповедовать», *искоусити* «обсудить» и др.);

– глаголы созидательной деятельности (*издѣлати* «сделать, изготовить», *изврачевати* «вылечить», *истъкати* «выткать», *исплести* «сплести», *извъвати* «веять (зерно)», *изгладити* «украсить», *изнести* «произвести на свет» и др.);

– глаголы качественного и функционального состояния (*испоустити* «выпустить», *избавити* «освободить», *испочити* «отдохнуть»,

истачати «источать», *измъждати* «ослаблять, изнурять», *измънити* «изменить» и др.);

– глаголы отношения (приобретения, потери, владения) (*искрасти* «украсть», *искоупити* «выкупить, искупить», *изоставити* «оставить» и др.) [11; 12. Т. 1].

Как и в случае с приставкой *при-*, при анализе учитывались бесприставочные глаголы, являющиеся производящими для префиксальных единиц. Их сопоставление позволило увидеть, что практически во всех случаях исследуемые единицы, получая приставку, значительно трансформируются семантически.

Ядерное значение приставки *из-* – «начало перемещения субъекта/объекта во внутренней части пространственного ориентира до появления наружу» [2: 48], которое она реализует в целом ряде глаголов: *избъгнѣти* «выбежать» (*вожвода избъже вьнь*) [12. Т. 1: 724] (греч. *ἐκφεύγω* 1. «убегать», 2. «избегать, избавляться, ускользать», 3. «вылетать, устремляться» [4. Т. 1: 504]; *διαφεύγω* 1. «убегать», 2. «ускользать, избегать» [4. Т. 1: 393]); *извести* «вывести» (*пилать же слышавъ та словеса изведе вьнь*) [12. Т. 1: 725–726] (греч. *ἐξάγω* 1. «выводить, уводить, вести», 2. «отправляться, идти», 8. «выводить прочь, удалять из организма» [4. Т. 1: 555]; *προάγω* 1. «вести вперед», 2. «выводить (наружу)» [4. Т. 2: 1369]; *ἀνάγω* 1. «вести наверх; приводить», 2. воен. «выводить, развёртывать», 4. «выводить в открытое море» [4. Т. 1: 113] и т. д.); *исходити* «выходить» (*исхождааше вьнь из града*) [11: 274] (греч. *ἐκβαίνω* 1. «выходить, высаживаться, сходить», 2. «выходить, уходить» [4. Т. 1: 478]; *ἐκδίδομι* 1. «выдавать, передавать, отдавать», 2. «выдавать замуж», 6. «выносить наружу, приносить» [4. Т. 1: 481]; *ἐκχωρέω* 1. «уходить, уезжать», 2. «отступить, уходить» [4. Т. 1: 506]; *ἐκπορεύω* 1. «заставлять или просить выйти, выводить, вызывать», 2. «выходить, удаляться, отправляться» [4. Т. 1: 496]; *ἐξέρχομαι* 1. «выходить, уходить» и т. п.) и др. [4. Т. 1: 568].

В указанных единицах приставка *из-* содержит в своей семантике указание на наличие пространственного предела во внутренней части некоего вместилища, реализующееся в основном в глаголах перемещения.

В большинстве случаев древнегреческие аналоги старославянских глаголов содержат приставку *ἐκ-* (*ἐξ-*), обозначающую: 1. «отделение, удаление» (*ἐκπεράω*); 2. «завершение» (*ἐκπεραίνω*); 3. «высокую степень» (*ἐκδηλος*); 4. «происхождение» (*ἐκγίγνομαι*) [4. Т. 1: 480–493]. Как и для *из-*, для нее характерно прямое значение удаления, однако в семантике русского префикса акцент делается на появлении наружу, т. е. на пересечении некоего предела, а для древнегреческой приставки, по всей видимости, значимо отделение и удаление от аналогичного предела.

Следует отметить и другие префиксы, использующиеся с глаголами, указанными в лексикографических источниках как аналоги приставочных единиц с *из-*. Это префиксы – *προ-*: 1. «перед, впереди» (*πρόδομος*) [4. Т. 2: 1377]; 2. «вперёд или наружу» (*προφέρω*) [4. Т. 2: 1430]; *ἀνά-*: 1. «движения вверх» (*ἀναβάλλω*) [4. Т. 1: 110]; 2. «усилительность» (*ἀνακρίνω*); *κατα-*: 1. «движение вниз» и т. д. [4. Т. 1: 120], которые маркируют более «точные» пространственные ориентиры, конкретизируя локализацию объекта/ субъекта действия, в отличие от славянского префикса.

Следующее подзначение (вариация первого значения приставки) *из-* непосредственно связано с пространственной семантикой префикса – «совершить действие, включающее движение изнутри наружу». Оно реализуется в глаголах перемещения, воздействия на объект: *излити* «вылить» (*γλο вода излихъ съа*) [12. Т. 1: 746], *извльщи* «извлечь» (*и извлькоша и внь из винограда*) [12. Т. 1: 726], *искыдати* «выбросить» [12. Т. 1: 798] (греч. *ἀποκλιόω* 1. «откатывать, отваливать» (*τον λίθον ντ*); 2. «катиться, лететь кувырком» (*ἐπί κεφαλῆν*) [4. Т. 1: 206]; *ἐκκενόω* 1. «делать пустым, очищать (от людей)», 2. «опустошать» [4. Т. 1: 485]), а также глаголах, обозначающих действия, аналогичные движению изнутри наружу: *изглаголати* «сказать» (*бждж азъ исповьдень ...сего еже колиждо изглаголахъ*) [12. Т. 1: 735] (греч. *λέγω* 1. «говорить, сообщать, рассказывать» [4. Т. 1: 1015]; *λαλέω* 1. «говорить зря, болтать, молоть языком»; 2. «говорить, владеть речью», 3. «говорить, рассказывать, беседовать» [4. Т. 1: 1009]), *извьстити* «известить, подтвердить» (*и извьститвь слово изгънати дъвицъ стави*) [12. Т. 1: 730–731] (греч. *πληροφορέω* 1. «исполнять» (*διακονίαν ντ*); 2. «полностью удостоверять») [4. Т. 2: 1328].

Представление о преодолении предела, требующего усилий (в отличие от действий, обозначенных глаголами с приставкой *при-*) от субъекта действия, формирует дальнейшие значения приставки *из-* – «с усилием удалить часть из центра, предмет внутри целого» (*издърати* «выдрать» [12. Т. 1: 743], *ископати* «выкопать» (*ископа точило т създа стльпъ*) [12. Т. 1: 793], *извалити* «извергнуть» (*жтробж въсж изваливъ*) [12. Т. 1: 724], *искрасти* «выкрасть» [12. Т. 1: 794]) и «создать действием новый объект» (*истъкати* «выткать» (*бъ же хитонъ нешьвень т с врхоу истъканъ въсь*) [12. Т. 1: 825]), *исплетсти* «сплести» (*исплетъше вьнець отъ тръний възложиша на главъ емоу*) [12. Т. 1: 800]), *извѣзати* «связать» (*во снопъ извѣзавъ самъ всобъ на рамъ свои воскладаше*) [12. Т. 1: 734]), *извити* «свить, соединить» [11: 250]).

В приведенных глаголах семантика созидания коррелирует с предельным значением префикса, кроме того, на созидание указывает глагольная основа.

Анализ аналогичных древнегреческих глаголов демонстрирует наличие у них соответствующих смыслов, передаваемых глаголом и глаголом с приставкой: **издърати** (греч. ἀνασπάω 1. «тянуть вверх, вытягивать, вытаскивать» [4. Т. 1: 131]); **исхватити** (греч. ἐξαρπάζω 1. «похищать», 2. «выхватывать, вырывать» [4. Т. 1: 563]); **истъкати** (греч. ὑφαίνω 1. «ткать», 2. «вить» [4. Т. 2: 1706]); **извити** (греч. κλώθω «прясть») [4. Т. 1 : 956].

Если значение «с усилием удалить часть из центра, предмет внутри целого» ещё содержит ориентацию на пространственный предел, расположенный в центре, то следующее значение префикса эту «пространственность» теряет, становясь более абстрактным, – «совершить действие интенсивно, энергично, в полную меру». При этом предполагается смысловой компонент приставки «с усилием», сохраняющийся от представления о преодолении предела (не обязательно пространственного): **извыкнѣти** «выучить наизусть, хорошо запомнить» (*никѣтоже оубо пѣтидесѣтъ ѡалма извыкнѣти можетъ* [12. Т. 1: 730]); **искоренити** «вырвать с корнем» [12. Т. 1: 793] (греч. ἐκρίζω «удалять с корнем, искоренять» [4. Т. 1: 498]); **изгорѣти** «сгореть совсем, полностью» (*горе есть зѣло оумьрьшоу изгорѣти*) [12. Т. 1: 736].

Совершенно естественно предположить, что действие, совершённое интенсивно, с прилагаемым усилием, может привести к «разрушению, уничтожению объекта»: **изгоубити** «погубить всех, полностью» (*и изгоубиша многы*) [12. Т. 1: 736–737] (греч. ἀπόλλυμι 1. «губить, уничтожать», 2. «терять, утрачивать» [4. Т. 1: 207]); **изгнити** «сгноить» [12. Т. 1: 736] (греч. σήπω «приводить в состояние гниения, подвергать гниению или порче, гноить, портить, разлагать» [4. Т. 2: 1470]); **избити** «убить» [12. Т. 1: 720] (*изби всѣ отрокѣи въ видѣеми*); **изморити** «истребить полностью» [11: 255], **изломити** «сломать» (*и изломи ногѣ прѣдънѣжѣ*) [12. Т. 1: 748], **исклати** «заколоть» [11: 265]; **избостити** «забодать» (ср. *бостити* «колоть») (*о тебѣ врагы нашиѣ избодемъ рогы*) [11: 249]. В данном случае очевидно тесное взаимодействие глагольной основы и префикса, при котором деструктивная семантика дублируется.

Как правило, все эти значения и подзначения приставки находятся в отношениях производности между ними и поддерживаются семантикой самого глагола. При этом чем дальше сформированный смысл находится от денотативного ядерного значения, тем более ассоциативной будет связь между оттенками значений. Таким образом, приставка, «разрастаясь» в семантике, «наращивая» новые и новые ветви во внутренней структуре собственного значения, может постепенно достичь той степени абстрактности смысла, за которой начинается грамматическая зона. Пределом в случае с префиксом

из- будет считаться факт пересечения физической или мысленной границы некоторого пространственного ориентира, предмета либо ментального объекта; факт отсутствия объекта, уничтоженного действием, потеря объектом целостности либо физическая или мыслимая граница нового осязаемого или ментального объекта, факт достижения желаемого, которое человек метафорически представляет в качестве ориентира. Грамматикализованной может считаться та приставка, которая утратила с течением времени свое лексическое значение в структуре префиксального глагола и является лишь носителем и показателем его грамматического значения [10]. В нашем случае к грамматикализованному значению старославянской приставки **из-** приближается значение «завершение действия, получение полного результата». Данный тип семантики «имеет первостепенное значение в сфере обозначения и интерпретации действия» и находится «в поле видовых отношений и в современных славянских языках интерпретируются зачастую как частные значения совершенного вида» [13: 39]. При этом, если при сопоставлении имеющегося непроставочного глагола с приставочным оказывается, что значение префикса указывает на совершённое действие без влияния на то глагола, такое значение можно считать видовым. Обратимся к следующим примерам, свидетельствующим о том, что в старославянских текстах отразились сложившиеся видовые пары глагольных единиц, в которых значение совершенного действия передается префиксом:

источити «истечь кровью» (*видъхомъ ѿго и свѣтою ребро источивъшоу кровь и водъ*) [12. Т. 1: 820] – **точити** «течь, истекать по капле» (*и дажди мнѣ господи очима моима слъзы точити*) [11: 699]; **истаяти** «растаять» (греч. *ἐκτίκω* 1. «расплавлять, растоплять» [4. Т. 1: 500]) – **таяти** «таять, топиться»; **испытати** «выявить, исследовать» [11: 270] (греч. *ἐξερρεῖνω* 1. «расспрашивать, разузнавать», 2. «разведывать, исследовать» [4. Т. 1: 567]) – **пытати** «выявлять» [11: 558]; **исправити** «направить» (*слоухъ бѣхъ исправимъ ме словомъ*) [12. Т. 1: 807–808] – **правити** «направлять» (*знаа и да править пѣтъ твою*) [11: 495]; **измѣнити** «изменить» – **мѣнити** «менять» [12. Т. 1: 751] и т. п.

Сопоставление приставки **из-** в старославянских глаголах и ее древнегреческого аналога *ἐκ-* позволяет говорить об определённой семантической корреляции между указанными приставками и значительном сходстве, которые отсутствуют между рассмотренной выше приставкой **при-** и её морфемными аналогами в древнегреческом языке.

Обобщая сказанное, отметим следующие направления (и этапы) семантических преобразований приставки **из-**:

(1) «начало перемещения субъекта/объекта во внутренней части пространственного ориентира до появления наружу» → «совершение

действия, включающего движение изнутри наружу» → «удаление с усилием части из центра» → «разрушение, уничтожение объекта» → «завершение действия, получение полного результата»;

(2) «начало перемещения субъекта/объекта во внутренней части пространственного ориентира до появления наружу» → «совершение действия, включающего движение изнутри наружу» → «создание нового объекта» → «завершение действия, получение полного результата»;

(3) «начало перемещения субъекта/объекта во внутренней части пространственного ориентира до появления наружу» → «совершение действия, включающего движение изнутри наружу» → «завершение действия, получение полного результата»;

(4) «начало перемещения субъекта/объекта во внутренней части пространственного ориентира до появления наружу» → «совершение действия, включающего движение изнутри наружу» → «завершение действия, получение полного результата».

Утверждая, что глагольная единица в старославянском языке может рассматриваться как выражающая значение, сходное с современным значением совершенного и несовершенного вида, следует отметить, что подобные значения в старославянском языке выражались и посредством грамматических форм времени.

Таким образом, старославянские префиксы, приспособленные для обозначения разнообразных пространственных отношений, одновременно с ними обозначают качественные и количественные параметры.

Проведённое исследование показало ряд семантических преобразований пространственных значений приставок. Производные отпространственные значения приставок обнаруживают прямую или ассоциативную связь с пространственным значением, т. к. традиционно в сознании человека, говорящего и «думающего» на языке, присутствуют глубинные метафоры типа «пространство как количество объекта», «пространство как количество усилий» и т. п.

Анализ первичных и производных значений рассматриваемых префиксов продемонстрировал превращение префиксов из пространственно-направительных элементов глагола в результативные показатели действия, которые в некоторых случаях можно рассматривать как видовые.

Корреляция между рассмотренными старославянскими глаголами и их древнегреческими аналогами, а также между соответствующими приставками наблюдается не всегда, что свидетельствует об индивидуальной траектории развития префиксальных средств каждого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валеева Н.Т.* Пространственно-направительные приставочные модели в современном русском языке: фрагмент словаря // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5, № 1. С. 171–198.

2. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. 196 с.

3. *Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д.* Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. 270 с.

4. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского. М.: ГИС, 1958. Т. 1. 1043 с.; Т. 2. С. 1045–1904.

5. *Зализняк А.А.* Семантическая деривация в значении русской приставки у- // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5, № 1. С. 69–84.

6. *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с. (Studia philologica).

7. *Королева Ю.В.* Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) [раздел в коллективной монографии] // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др.; отв. ред. З.И. Резанова. Томск: UFO-plus, 2007. С. 188–225.

8. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.

9. *Кронгауз М.А.* От редколлегии тематического выпуска // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5, № 1. С. 6.

10. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.

11. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

12. Словарь старославянского языка: в 4 т. / под ред. Р.А. Алексеев, А.С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. Т. 1. 950 с., Т. 3. 680 с.

13. *Филь Ю.В.* О глагольной полипрефиксации в старославянском языке // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 37–41.

14. *Филь Ю.В., Конончук И.Я.* Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики) // Русини. 2022. № 68. С. 280–298. DOI: 10.17223/18572685/68/15

REFERENCES

1. Valeeva, N.T. (2001) Prostranstvenno-napravitel'nye pristavochnye modeli v sovremennom russkom yazyke: fragment slovyara [Spatial-directional

prefix models in modern Russian: a fragment of a dictionary]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 5(1). pp. 171–198.

2. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: The semantic structure and systematic relationships]. Voronezh: Voronezh State University.

3. Dobrushina, E.R., Mellina, E.A. & Pajar, D. (2001) *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo* [The Russian prefixes: Polysemy and semantic unity]. Moscow: Russkie slovari.

4. Dvoretzkiy, I.Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar': v 2 t.* [Ancient Greek-Russian Dictionary. In 2 vols]. Moscow: GIS.

5. Zaliznyak, A.A. (2001) Semanticheskaya derivatsiya v znachenii russkoy pristavki u- [Semantic derivation in the meaning of the Russian prefix u-]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 5(1). pp. 69–84.

6. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

7. Koroleva, Yu.V. (2007) Kategoriya prostranstva i sposoby ee transformatsii v yazyke (na materiale russkikh glagol'nykh prefiksov) [Category of space and ways of its transformation in the language (on the material of Russian verbal prefixes). In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [The Pictures of the Russian World: Spatial Models in Language and Text]. Tomsk: UFO-plus. pp. 188–225.

8. Krongauz, M.A. (1998) *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [The prefixes and verbs in the Russian language: The semantic grammar]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

9. Krongauz, M.A. (2001) Ot redkollegii tematicheskogo vypuska [From the editorial board of the thematic issue]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 5(1). p. 6.

10. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar: in 2 vols]. Moscow: Nauka.

11. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1999) *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Church Slavonic Dictionary (based on the manuscripts of the 10th – 11th century)]. Moscow: Russian language.

12. Alekseev, A.A. (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Old Church Slavonic Language. In 4 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

13. Fil, Yu.V. (2011) Polyprefixation of verbs in the Old Church Slavonic language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 37–41 (in Russian).

14. Fil, Yu.V. & Kononchuk, I.Ya. (2022) The semantics of attenuation in the Old Slavonic and Russian Languages (based on verbal vocabulary)]. *Rusin*. 68. pp. 280–298 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/68/15

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

Конончук Инесса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inessa Y. Kononchuk – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ineskon@mail.ru

Дударева Анастасия Игоревна – магистрант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Anastasiya I. Dudareva – Tomsk State University (Russia).

E-mail: dudareva-anastasiya@mail.ru

УДК 811.112.2:811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/10

Формальные и семантические сходства славянских и германских языков: белорусские, русские и украинские префиксальные глаголы и существительные для немецкоязычных

К.А. Шишигин¹, Н.Б. Лебедева²

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

² Кемеровский государственный университет
Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Авторское резюме

Представлены результаты исследования, проводимого в русле сопоставительной лингвистики и мультилингводидактики, призванного, в частности, популяризировать изучение восточнославянских языков носителями немецкого языка. Выделены и проанализированы типы формально-семантических сходств в сфере префиксальных глаголов и префиксальных существительных в соотношении «иностранные белорусский, русский, украинский языки – родной немецкий язык». На примере префиксальных глаголов и существительных, которые обозначают конкретно-физические ситуации и конкретные субстанции или абстрактно-семантически сводимы к таковым, показана дидактико-методическая возможность обучения одновременно трём восточнославянским языкам на базе немецкого языка по принципу «от простого к более сложному»: от быстрого усвоения структуры, общей для изучаемых и сопоставляемых языков, к основным сходным значениям и до частичных формальных и формально-семантических соответствий. Усвоение формальных семантических сходств префиксальных глаголов и существительных позволяет оптимизировать обучение и изучение одного или нескольких восточнославянских языков носителями немецкого языка.

Ключевые слова: семантика, семантическое сходство, мультилингводидактика, белорусский язык, русский язык, украинский язык, немецкий язык, префиксальный глагол, префиксальное существительное

Formal and semantic similarities of Slavic and Germanic languages: Belarusian, Russian, and Ukrainian prefixed verbs and nouns for German speakers

Kirill A. Shishigin¹, Natalia B. Lebedeva²

¹ Plekhanov Russian University of Economics
Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997, Russia
E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

² Kemerovo State University
Krasnaya street, 6, Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of a study within the framework of comparative linguistics and didactics of plurilingualism, which was designed to popularize East Slavic languages with German native speakers, since the number of people learning Belarusian as a foreign language is small, the number of people learning Russian as a foreign language is decreasing, and the interest in Ukrainian as a foreign language is growing. The authors have identified and analyzed the types of formal semantic similarities in prefixed verbs and nouns in the relationship “foreign Belarusian, Russian, and Ukrainian languages – native German.” Using the example of prefixed verbs and nouns that denote physical situations and substances or are abstractly and semantically reducible to such, the authors demonstrate the didactic and methodological potential of teaching simultaneously three East Slavic languages on the basis of the German language according to the principle “from simple to more complex”: from fast assimilation of the structure common to the languages being studied and compared, through basic similar meanings to partial formal and formal-semantic correspondences. The assimilation of the formal semantic similarities of prefixed verbs and nouns allows for optimization of the teaching and learning of one or more East Slavic languages by German native speakers.

Keywords: semantics, semantic similarity, didactics of plurilingualism, Belarusian, Russian, Ukrainian, German, prefixed verb, prefixed noun

В настоящей статье представлены некоторые результаты реализуемого авторами лингводидактического исследования, которое имеет тройную цель: 1) проанализировать пласт формально-семантически общей и/или близкой глагольной и субстантивной лексики немецкого языка и восточнославянских языков (в соотношении «иностранные белорусский, русский, украинский языки – родной немецкий язык»); 2) на примере префиксальных глаголов и префиксальных существительных показать дидактико-методическую возможность обучения и изучения одновременно трёх восточнославянских языков – белорусского, русского и украинского – на базе генетически родственного им немецкого языка; 3) популяризировать белорусский, русский и украинский среди носителей немецкого языка (с изданием монографии и учебного пособия в ближайшей перспективе).

Актуальность исследования обуславливается тремя факторами, которые связаны как с конкретными теоретическими и практическими решениями (п. 1 и 2 ниже), так и с существующими социолингвистическими проблемами (п. 3).

1. Описание и дидактизация сходств в форме и семантике языковых единиц родственных языков, и близкородственных в особенности, позволяют оптимизировать их изучение на базе родного языка (либо доминантного иностранного), чему посвящён ряд отечественных исследований, рассматривающих преимущественно такие вопросы, как концепция мультилингводидактики и плюрилингвизма [2; 3; 26; 29], мультилингводидактика и использование родного/доминантного языка при овладении иностранными [15; 16; 27; 30]. Так, И. де Флорио-Хансен в диссертации «К разговору о словах. Объяснение лексики на уроках итальянского языка для взрослых» отмечает своё наблюдение, что взрослые, изучающие иностранный язык, в существенной мере склонны к «семантизации новых слов на базе уже имеющихся у них знаний»¹ [24] (цит. по: [28: 131]), и это, как показывают наблюдения авторов настоящей статьи, касается в первую очередь базы родного языка.

2. Внимание российских и зарубежных учёных и преподавателей иностранных языков на протяжении текущей четверти века привлекает теория и практика последовательного, параллельного и – в последнее время всё чаще – **одновременного** преподавания двух и более иностранных языков.

Так, «<...> в Пятигорском госуниверситете впервые было организовано обучение четырём иностранным языкам <...> на начальном

этапе – последовательно, на продвинутом этапе – одновременно», а «в Кемеровском государственном университете Я.Р. Хайдаровым создана авторская языковая студия, в которой <...> организовано обучение трём иностранным языкам одновременно» [4: 8–9] (см. также [17]).

Вопросы многоязычного обучения разрабатываются также в Европейском союзе, где последовательное, параллельное или одновременное преподавание двух и более иностранных языков получило наименование *плюрилингводидактики* (англ. *didactics of plurilingualism*, нем. *Mehrsprachigkeitsdidaktik*, фр. *didactique du plurilinguisme*), причём под *плюрилингвизмом* понимается педагогически плановое и планируемое интегративное многоязычие – в отличие от мультилингвизма как многоязычия естественного и спонтанного [28: 126].

3. Белорусский, русский и украинский языки в современную эпоху стоят перед разнохарактерными вызовами, которые, в частности, диктуют необходимость популяризации их изучения как иностранных.

Белорусский язык, по данным «Всемирного атласа языков» ЮНЕСКО, является потенциально уязвимым [33], поскольку «<...> в Республике Беларусь <...> этнический язык белорусов оказался вытеснен из большинства сфер общественной жизни престижным близкородственным языком» [13: 259] – русским. Сайт «Научная электронная библиотека. eLIBRARY.RU» индексирует лишь пять работ по преподаванию белорусского языка как иностранного, из них только две непосредственно посвящены методическим и дидактическим вопросам [1; 13]. Кроме того, в 2017 г. вышел учебник А.А. Сомина «Белорусский язык. Самоучитель» [12].

Русский язык теряет число изучающих его как иностранный. Так, в Германии, по данным Федерального статистического ведомства ФРГ, с 1992 по 2021 г. число школьников, выбирающих русский как второй иностранный, снизилось на 83 % [32]. М.Н. Русецкая в телеграм-канале Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина в феврале 2022 г. отметила, что за рубежом «за последние годы произошло сокращение тех, кто имеет возможность русский язык изучать в школе как учебный предмет» [7].

Украинский язык, как пишет австрийская газета «Штандард», с марта 2022 г., напротив, испытал 485-процентный рост числа интересующихся его изучением [31]. Что касается исследований и учебников по украинскому языку, то сайт «Научная электронная библиотека. eLIBRARY.RU» индексирует более 60 наименований таковых за период 2010–2022 гг., в т. ч. перекликающихся с проблематикой нашего исследования [8–11].

Цель настоящей статьи – описать типы формальных и семантических соответствий в сфере префиксальных глаголов и существитель-

ных белорусского, русского и украинского языков и немецкого языка, что может способствовать оптимизации одновременного преподавания и изучения трёх восточнославянских языков (или одного из них) носителями немецкого языка.

Идея разработки мультилингводидактического проекта возникла у одного из авторов настоящей статьи:

а) как результат многолетнего опыта (2002 – 2015 гг.) преподавания авторского спецкурса «Введение в идиш» [19]: в спецкурсе идишский материал подавался на основе материала немецкого языка, который студентами изучался как основной иностранный;

б) на основе частного опыта преподавания немецкого и русского языков как иностранных, где обучение иностранному осуществляется – при наличии формально-семантических соответствий в лексике, грамматике и фонетике – с опорой на родной язык и в сопоставлении с ним.

В своём исследовании, как и в преподавательской практике, мы основываемся на положении, изложенном В.Н. Ярцевой в работе «Контрастивная грамматика» [23] (которая также затрагивает общеметодические аспекты преподавания и изучения иностранных языков), что при контрастивном сопоставлении языков важно «<...> найти, как точку опоры для сопоставления конструкций, тот общий (т.е. семантически одинаковый) элемент, который может быть выявлен, и дальше проследить “радиацию” значений этих конструкций в <...> сопоставляемых языках», при этом «окказиональные и контекстуально обусловленные значения не должны приниматься в расчёт при использовании вышеуказанной методики контрастивного сравнения. Иначе говоря, учитываются лишь значения парадигматические», где парадигма – это «категория семантически и структурно упорядоченного ряда» [23: 72–73].

В преподавании и изучении одного или одновременно нескольких языков, таким образом, необходимо: а) найти «<...> ту центральную семантическую зону, которая может быть общей для однопорядковых форм <...> языков» [23: 78], т.е. зону, которая (в нашем случае) является полностью или частично сходной как для соотношения «белорусский – русский – украинский», так и для соотношения «иностранное восточнославянское – родной немецкий»; б) понимать, что навыки родного языка не препятствуют, но, наоборот, способствуют изучению одного или нескольких (близко)родственных иностранных.

Глагольная и субстантивная префиксация, как показывает опыт авторов статьи, представляет собой один из наиболее сложных пластов словообразовательной и лексической семантики – как для носителей немецкого языка, изучающих восточнославянские, так и для белорусско-, русско- и украиноязычных, изучающих немецкий.

В связи с этим естественный подход – идти от более простого к более сложному: от основных сходных значений сходных восточнославянских и немецких форм префиксальных глаголов (ПГ) и префиксальных существительных (ПС), усваиваемых проще, – к более сложным, которые носителями немецкого языка усваиваются с меньшей затратой усилий тогда, когда (и если) ими осознаны и тем самым усвоены сходства форм и значений парадигматических.

В исследуемом соотношении «иностранные белорусский, русский, украинский – родной немецкий» мы выделяем и описываем следующие типы сходств – центральную семантическую зону, полностью или частично схожую в четырёх языках для ПГ и ПС, которые описывают **конкретно-физические ситуации и конкретные субстанции или абстрактно сводимы к таковым:**

1. Структурное сходство.
2. Формально-семантические сходства:
 - 2.1. Полные соответствия.
 - 2.2. Частичные соответствия:
 - 2.2.1. Частичные семантические соответствия.
 - 2.2.2. Частичные формальные соответствия.
 - 2.2.3. Частичные формально-семантические соответствия.

Таким образом, в настоящей статье рассматриваются белорусские, русские, украинские и немецкие ПГ и ПС со сходной и близкой семантикой префиксов.

1. Структурное сходство

В исходной словоформе – инфинитиве и номинативе единственно-го числа – морфемно-словообразовательная структура всех ПГ и ПС белорусского, русского, украинского и немецкого языков одинаковая: **префикс + производящая основа.**

Ввиду этого сходства освоение носителями немецкого языка морфемно-словообразовательной структуры восточнославянских ПГ и ПС не представляет трудности, при условии, конечно, что: а) немецкому ПГ соответствуют восточнославянские ПГ; б) немецкому ПС соответствуют восточнославянские ПС.

2. Формально-семантические сходства

Формально-семантические сходства в соотношении «иностранные восточнославянские – родной немецкий» проявляются в первую очередь у части ПГ, описывающих конкретно-физические действия, процессы и состояния или абстрактно сводимых к таковым, а также у части ПС, называющих конкретные субстанции или абстрактные

субстанции, сводимые к конкретным. Здесь можно выделить соответствия полные и частичные.

2.1. Полные соответствия. Полными соответствиями являются ПГ и ПС, у которых семантика префикса и семантика производящей основы (корня) в восточнославянских и в немецком языках совпадают, а именно:

– восточнославянским префиксам (общим по происхождению, форме и семантике), содержащим в своём значении сему, которую условно обозначим как **<NN>**, соответствует немецкий префикс с той же семой **<NN>**;

– восточнославянским производящим основам (общим по происхождению, форме и семантике) с семой **<XX>** соответствует немецкая производящая основа с той же семой **<XX>**.

Полными соответствиями являются, прежде всего, ПГ, описывающие конкретно-физические ситуации. Это, в частности, ПГ с префиксом, который имеет значение ‘изнутри наружу’: бел. *вы-*, рус. *вы-*, укр. *ви-*² и нем. *aus-*, *hinaus-* и *heraus-*, например:³

(1)	бел.	<i>выходзіць:</i>	вы. PREF- ходз .STEM-іць.INF
	рус.	<i>выходить:</i>	вы. PREF- ход .STEM-ить.INF
	укр.	<i>виходити:</i>	ви. PREF- ход .STEM-ити.INF
	нем.	<i>hinausgehen:</i>	hinaus. PREF- geh .STEM-en.INF
		наружу. PREF- ходить .STEM-INF	
		‘выходить’	

Восточнославянский префикс *вы-/вы-/ви-* и немецкий *aus-/hinaus-/heraus-* имеют общую сему <наружу> [5: 368; 25: 57], и это обуславливает сходство описания ситуаций глаголами с ними в четырёх языках. Данные ПГ, как иллюстрирует приведённая выше нотация, представляют собой полные соответствия: а) по семантике префикса: ‘удаление субъекта изнутри наружу’ и б) по семантике производящей основы: ‘перемещаться на ногах’.

Полное соответствие прослеживается также у ПС, обозначающих конкретные субстанции и образованных, например, посредством префикса *над-/под-/нид-* и *unter-* со значением ‘ниже ориентира’, который в восточнославянских и в немецком имеет общую сему <снизу> [14: 12; 25: 882]:

(1a)	бел.	<i>подпіс:</i>	под. PREF- піс .STEM
	рус.	<i>подпись:</i>	под. PREF- пись .STEM
	укр.	<i>підпис:</i>	під. PREF- пис .STEM
	нем.	<i>Unterschrift:</i>	Unter. PREF- schrift .STEM
		снизу. PREF- писать .STEM;VNOUN	
		‘подпись’	

2.2. Частичные соответствия. У частичных соответствий форма и/или семантика производящей основы или префикса в восточнославянских и в немецком различны. Здесь мы выделяем три вида частичных соответствий.

2.2.1. Частичные семантические соответствия. У частичных семантических соответствий общей семантикой обладают только префиксы четырёх языков, т. е. восточнославянским префиксам (общим по происхождению, форме и семантике), содержащим в своём значении сему <NN>, соответствует немецкий префикс с той же семой <NN>. При этом наблюдаются два типа корреляций производящих основ.

1. Семантика производящей основы восточнославянских лексем отлична от семантики производящей основы лексемы немецкой, а именно: с восточнославянскими производящими основами (общими по происхождению, форме и семантике) с семой <XX> коррелирует немецкая производящая основа с иной семой <YY> (примеры (2) и (3)).

2. Семантика производящей основы различается внутри восточнославянской подгруппы, но у некоторых восточнославянских лексем совпадает с семантикой производящей основы в немецком, а именно: в двух восточнославянских и в немецкой производящих основах содержится сема <XX>, при этом одна восточнославянская производящая основа содержит иную сему <TT> (пример (4)).

Так, ПС, образованное с помощью префикса *вы-/вы-/ви-* и *aus-*, с конкретно-физическим или абстрактно-физическим значением 'выбор (возможность выбора)' в восточнославянских языках является производным от глагола – бел. *браць*, рус. *брать*, укр. *брати* – с общей семой <брать> [5: 247; 18: 169; 22: 244], в немецком же семантически эквивалентное ПС представляет собой префиксальную конструкцию от глагола *wählen* 'выбирать', который имеет сему <выбор> и при этом, как и русский *велеть*, восходит к общеиндоевропейскому корню **uel-* 'иметь желание; делать выбор' [25: 907, 933]:

(2)	бел.	выбар:	вы.PREF-бар .STEM
	рус.	выбор:	вы.PREF-бор .STEM
	укр.	вибір:	ви.PREF-бір .STEM
		наружу.PREF-брать .STEM;VNOUN	
		'выбор (возможность выбора)'	
	нем.	Auswahl:	aus.PREF-wahl .STEM
		наружу.PREF-делать выбор .STEM;VNOUN	
		'выбор (возможность выбора)'	

В сфере ПГ также имеются семантические соответствия, например с префиксом *прад-/пред-/пред-* и *vor-* с общей семой <спереди> [14: 13; 25: 903–904]:

(3)	бел.	<i>прад'яўляць:</i>	прад .PREF- яў .STEM-ляць.SFX_INF
	рус.	<i>предъявлять:</i>	пред .PREF- яв .STEM-лять.SFX_INF
	укр.	<i>пред'являти:</i>	пред .PREF- яв .STEM-ляти.SFX_INF
		спереди .PREF- являть .STEM-SFX_INF 'предъявлять'	
	нем.	<i>vorlegen:</i>	vor .PREF- leg .STEM-en.INF
		спереди .PREF- класть .STEM-INF	
		'предъявлять'	

Восточнославянские ПГ образованы префиксальным способом от глагола – бел. *яўляць*, рус. *являть*, укр. *являти* – с общей для них семей <показывать> [6: 531; 18: 522], а немецкий ПГ – от глагола с семей <класть> [25: 476].

Семантика производящей основы может различаться внутри восточнославянской подгруппы, например:

(4)	бел.	<i>адлюстроўваць:</i>	ад .PREF- люстр .STEM-оўв.SFX-аць.INF
		удаление_от_ориентира .PREF- люстра .STEM;NOUNV-INF	
		'отражать (воспроизводить изображение) / отображать'	
	рус.	<i>от(об)ражать:</i>	от .PREF- (об)раж .STEM-ать.INF
	укр.	<i>відображати:</i>	від .PREF- ображ .STEM-ати.INF
	нем.	<i>abbilden:</i>	ab .PREF- bild .STEM-en.INF
		удаление_от_ориентира .PREF- изображать .STEM-INF	
		'отражать (воспроизводить изображение) / отображать'	

ПГ со значением 'отражать (воспроизводить изображение)' в сопоставляемых языках созданы по двум моделям, которые условно назовём белорусской и русско-украинско-немецкой, причём общей для этих моделей является семантика префикса: *ад-/от-/від-* и *ab-* имеют общую для четырёх языков сему <удаление от ориентира> [5: 390; 25: 15]. При этом белорусский ПГ является префиксальной конструкцией от субстантивной производящей основы *люстра* и представляет собой неологизм 20-х гг. XX в., который был введён белорусским писателем В.Н.Дубовкой (Уладзімір Мікалаевіч Дубоўка) [21: 86]. Украинское *відображати*, по данным «Этимологического словаря украинского языка», является калькой русского ПГ *отображать*, который, в свою очередь, образован путём контаминации слов *отражать* и *образ*, *изображать* [5: 394], т. е. производящая основа русского и украинского, а также немецкого ПГ содержит в своём значении сему <образ>.

Разная семантика производящих основ в восточнославянских и в немецком – но при общности семантики префикса – может осложнять их усвоение носителями немецкого языка, поэтому рационально вводить их после того, как обучающиеся овладеют требуемым объёмом полных соответствий.

2.2.2. Частичные формальные соответствия. У частичных формальных соответствий, которые обнаруживаются только в сфере ПГ,

форма префиксальной лексемы – при общности семантики – различается внутри восточнославянской подгруппы, но у некоторых восточнославянских лексем совпадает с таковой в немецком, а именно: префиксальная лексема одного из восточнославянских языков, которая не является ПГ и содержит семы <NN> и <AA>, коррелирует с ПГ немецкого и двух других восточнославянских языков, у которых префикс содержит сему <NN>, а производящая основа – сему <AA>.

Таковыми частичными формальными соответствиями являются, например, следующие лексемы четырёх языков с префиксами *вы-/вы-/ви-* и *aus-*:

(5)	бел.	выглядаць:	вы. PREF-гляд.STEM-аць.INF
	рус.	выглядеть:	вы. PREF-гляд.STEM-еть.INF
		наружу. PREF-глядеть.STEM-INF	
		'выглядеть (иметь вид)'	
	укр.	мати вигляд:	мати.FUNV ви. PREF-гляд.STEM
		иметь.FUNV ви. PREF-глядеть.VNOUN	
		'выглядеть (иметь вид)'	
	нем.	aussehen:	aus. PREF- seh. STEM-en.INF
		наружу. PREF-глядеть.STEM-INF	
		'выглядеть (иметь вид)'	

Здесь также прослеживаются две модели (ср. пример (4)): а) украинская модель отличается от белорусско-русско-немецкой тем, что представляет собой аналитическую лексему «функциональный глагол *мати* с семой <иметь> + отглагольное ПС *вигляд* с семой <облик>» [5: 532]; б) в белорусско-русско-немецкой модели производящая основа – глаголы с семой <воспринимать зрением> [5: 532; 25: 751]; при этом русский *выглядеть* является калькой второй половины XIX в. от немецкого ПГ *aussehen* [18: 98] с переосмысленным – неаддитивным – значением префикса и производящей основы: современное значение 'выглядеть' немецкого ПГ и его русской кальки не равно значению 'глядеть наружу', которое развилось в нововерхненемецкий период (средневерхненемецкий *ūzsehen* имел значение 'показываться на глаза' [25: 751]). Возможность таких калек, при том что русский *выглядеть* не воспринимается русскоязычными как калька, в свою очередь, также доказывает формально-семантические сходства в некоторой части глагольно- и субстантивно-префиксальных подсистем восточнославянских и немецкого языков, чем следует пользоваться для оптимизации преподавания.

2.2.3. Частичные формально-семантические соответствия. Частичные формально-семантические соответствия обнаруживаются только в сфере немецких адъективированных причастий II и образо-

ванных от них ПС с *unter-*. В белорусском, русском и украинском им соответствуют страдательные (в т. ч. адъективированные) причастия и отглагольные ПС с *неда-/недо-/недо-*. Частичное соответствие здесь выражается в следующем:

1) формально: в частичном сходстве частеречной принадлежности восточнославянских (глагол, страдательное причастие, существительное) и немецких (адъективированное причастие II, существительное) префиксальных лексем;

2) семантически: в частичном сходстве репрезентации ситуации префиксами [20: 216]: так, восточнославянские ПГ, страдательные причастия и ПС описывают ситуации/субстанции недостаточности посредством префикса *неда-/недо-/недо-* с близкими семами <недостижение предела> и <ниже нормы>, которые могут быть представлены:

а) условно **горизонтально**: бел. *недаасказаць*, рус. *недосказать*, *недомовити* в значении '(вы)сказать не до конца' (сема <недостижение предела>);

б) условно **вертикально**: бел. *недаплачваць*, рус. *недоплачивать*, укр. *недоплачувати* в значении 'платить ниже нормы' (сема <ниже нормы>).

Немецкие же адъективированные причастия II и ПС репрезентируют ситуации/субстанции посредством префикса *unter-* с семой <ниже ориентира>, которые представляются только условно **вертикально**: нем. *unterfinanziert* 'недофинансированный' (сема <ниже нормы>).

Проиллюстрируем это на примере причастных лексем четырёх языков:

(6)	бел.	<i>недакормлены:</i>	неда .PREF-корм.STEM-лены.ПТСР2
	рус.	<i>недокормленный:</i>	недо .PREF-корм.STEM-лены.ПТСР2
	укр.	<i>недогодований:</i>	недо .PREF-год.STEM-ований.ПТСР2
	нем.	<i>unterernährt:</i>	unter .PREF-ernähr.STEM-t.ПТСР2
		ниже_нормы .PREF-кормить.STEM-ПТСР2	
		'недокормленный/истощённый'	

С семантической точки зрения сопоставляемые корреляции выражаются, таким образом, в следующем:

– восточнославянские префиксы (общие по происхождению, форме и семантике) содержат две близкие семы <NN> и <NN₁>, значение же немецкого префикса содержит только сему <NN₁>;

– при этом в значении производящих основ всех четырёх языков содержится общая сема <XX>.

Выводы:

1. В настоящей статье проанализированы ПГ и ПС со сходной и частично сходной формой и семантикой в соотношении «иностранные

белорусский, русский, украинский языки – родной немецкий язык».

2. Анализ показывает дидактико-методическую возможность одновременного обучения и изучения ПГ и ПС трёх восточнославянских языков на базе генетически родственного им (родного или доминантного) немецкого языка.

3. Глаголы и существительные с префиксами – один из наиболее сложных для освоения носителями немецкого языка пластов восточнославянского словообразования и лексической семантики. В связи с этим естественный подход – идти от более простого к более сложному:

а) от быстрого осознания и усвоения общей для восточнославянских и немецкого языков структуры ПГ и ПС;

б) к основным сходным значениям сходных восточнославянских и немецких форм ПГ и ПС: полных формально-семантических соответствий, затем частичных семантических соответствий;

в) до более сложного: частичных формальных, затем частичных формально-семантических соответствий.

4. Освоение соответствий целесообразно начинать с тех ПГ и ПС, которые описывают конкретно-физические ситуации и конкретные субстанции либо абстрактно сводимы к таковым, и только после этого переходить к ПГ и ПС с теми префиксами, у которых связь с их исходной, прежде всего, генетически обусловленной семантикой прослеживается лишь на уровне глубинной абстракции.

5. Представленный анализ формально-семантических сходств ПГ и ПС даёт возможность оптимизации обучения и изучения одного или нескольких иностранных – белорусского, русского и украинского – носителями немецкого языка.

Список сокращений и условных обозначений

англ. – английский; бел. – белорусский; нем. – немецкий; ПГ – префиксальный глагол; ПС – префиксальное существительное; рус. – русский; укр. – украинский; фр. – французский; funv – функциональный глагол; inf – инфинитив; popnv – десубстантивный глагол; pref – префикс; ptcr2 – причастие II, страдательное причастие; sfx – суффикс; stem – производящая основа, корень; vponv – отглагольное существительное

Примечания

1. Здесь и далее перевод иноязычных цитат и тезисов выполнен авторами статьи.

2. Далее славянские префиксы перечисляются без указания языка в алфавитном порядке названий языков «белорусский/русский/украинский» (например: *вы-/вы-/ви-*) в их в основной фонематической форме. Немецкий префикс при пере-

числени с восточнославянскими префиксами также даётся без указания языка.

3. В нотациях, данных по лейпцигской системе глоссирования, восточнославянские глаголы приводятся в форме инфинитива несовершенного вида, немецкие глаголы в форме инфинитива. Нотации, приводимые в настоящей статье, следует интерпретировать следующим образом (в порядке сверху вниз): иностранная белорусская, русская и украинская лексема сходна / частично сходна с лексемой той же семантики родного немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барысенка В.У.* Беларуская мова і культура: праца з тэкстам на вучэбных занятках // *Мова*. 2016. № 26. С. 151–155.
2. *Барышников Н.В.* Дидактика многоязычия // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2003. № 3. С. 10–17.
3. *Барышников Н.В.* Мультилингводидактика // *Иностранные языки в школе*. 2004. № 5. С. 19–27.
4. *Барышников Н.В.* Обучение многоязычию: от научного замысла к обобщению опыта // *Иностранные языки в школе*. 2020. № 12. С. 6–12.
5. *Етимологічний словник української мови*. Т. 1 / гол. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982. 634 с.
6. *Етимологічний словник української мови*. Т. 6 / гол. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2012. 568 с.
7. *Институт Пушкина*. Маргарита Русецкая о сокращении количества изучающих русский язык. URL: <https://t.me/s/pushkininstitute/611> (дата обращения: 10.06.2023).
8. *Купрата Н.Я., Ногай В.П.* Українсько-болгарсько-російськи полілог при вивченні української мови як іноземної // *Мова*. 2010. № 15. С. 250–254.
9. *Лесная Г.М.* Особенности преподавания украинского языка как иностранного в близкородственной языковой среде // *Язык – образование – культура – общество: от идеи к реализации*. М.: Пограничная Академия ФСБ России, 2012. С. 189–194.
10. *Лесная Г.М.* Українська фразеологія в аспекті методики її викладання (порівняльний аналіз із фразеологією російської та польської мов) // *Мова і культура*. 2018. Т. 4, № 21 (193). С. 178–185.
11. *Силка А.А.* Реализация принципа опоры на язык-посредник в учебнике украинского языка для иностранных студентов // *Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты*. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2018. С. 131–134.
12. *Сомин А.А.* *Белорусский язык. Самоучитель*. М.: Живой язык, 2017. 224 с.
13. *Сомин А.А.* «Няма такого слова!»: учебник белорусского как иностранного между лексикографией и социолингвистикой // *Лексикография цифровой эпохи* / отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск: Том. гос. ун-т, 2021. С. 259–261. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-86

14. *Табаченко Л.В.* Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 1. С. 7–31.

15. *Торопкина Д.М.* Использование сходств в лексической семантике немецкого и английского языков для оптимизации их изучения // XXV Нижегородская сессия молодых ученых (технические, естественные, гуманитарные науки): материалы тезисов и докладов. Нижний Новгород: Нижегородский научно-информационный центр, 2020. С. 346–348.

16. *Хайдаров Я.Р.* Сопоставительная характеристика гласных фонем французского, итальянского и испанского языков в целях мультилингводидактики // Концепт и культура / отв. ред. Г.И. Лушникова, Л.П. Прохорова; ред. К.А. Шишигин и др. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. С. 473–477.

17. *Хайдаров Я.Р.* Об одном из методов, используемых для формирования коммуникативных компетенций при одновременном преподавании нескольких романских языков // Древняя и Новая Романия. 2018. № 22. С. 76–82.

18. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / ред. С.Г. Бархударов. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

19. *Шишигин К.А.* Введение в идиш: учебное пособие-практикум. Кемерово: Графика, 2002. 132 с.

20. *Шишигин К.А., Лебедева Н.Б.* Славянские языки как фактор гибридизации идиша // Русин. 2015. № 3 (41). С. 210–225. DOI: 10.17223/18572685/41/15

21. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1 / гол. рэд. В.У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. 440 с.

22. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 2 / гол. рэд. А.Я. Міхневіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 344 с.

23. *Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 112 с.

24. *De Florio-Hansen I.* Vom Reden über Wörter. Vokabelerklärungen im Italienischunterricht mit Erwachsenen. Tübingen: Narr, 1995. 626 S.

25. *Duden.* Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2001. 960 S.

26. *Grin F.* Le concept de plurilinguisme dans la définition d'une politique d'enseignement des langues // Babylonia. 2007. № 1. P. 56–61.

27. *Konieczna-Twardzikowa J.* Algunos aspectos del español como lengua extranjera respecto a la lengua polaca // Lengua y cultura en la enseñanza del español a extranjeros. Estudios / coordinadores A. Celis, J. R. Heredia. Cuenca: Universidad de Castilla-La Mancha, 1998. P. 285–289.

28. *Meißner F.-J.* Mehrsprachigkeitsdidaktik *revisited*: über Interkomprehensionsunterricht zum Gesamtcurriculum // Fremdsprachen. Lehren und Lernen. 2005. № 34. S. 125–145.

29. *Neuner G.* Mehrsprachigkeitskonzept und Tertiärsprachendidaktik // Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachen – Deutsch nach Englisch. Strasbourg: Council of Europe, 2003. S. 13–34.

30. *Novia D.* Mehrsprachendidaktische Ansätze im Tertiärsprachenunterricht. Eine Analyse dreier schwedischer DaF-Lehrwerke. Stockholm: Stockholms universitet, 2021. 29 S.

31. Starkes Interesse // Der Standard. 2022. 17.03.

32. Statistisches Bundesamt. Zahl der Woche Nr. 13 vom 29. März 2022. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/Zahl-der-Woche/2022/PD22_13_p002.html (дата обращения: 10.06.2023).

33. *UNESCO.* World Atlas of Languages. Belarusian. URL: <https://en.wal.unesco.org/languages/belarusian> (дата обращения: 10.06.2023).

REFERENCES

1. Barysenka, V.U. (2016) *Belaruskaya mova i kul'tura: pratsa z tekstam na uchebnykh zanyatkakh* [Belarusian language and culture: Working with text in the classroom]. *Mova*. 26. pp. 151–155.
2. Baryshnikov, N.V. (2003) Didaktika mnogoyazychiya [Didactics of multilingualism]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3. pp. 10–17.
3. Baryshnikov, N.V. (2004) Mul'tilingvodidaktika [Didactics of plurilingualism]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 5. pp. 19–27.
4. Baryshnikov, N.V. (2020) Obuchenie mnogoyazychiyu: ot nauchnogo zamysla k obobshcheniyu opyta [Teaching multilingualism: From scientific concept to generalization of experience]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 12. pp. 6–12 (in Russian).
5. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy slovník ukráins'koï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
6. Melnichuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologichniy slovník ukráins'koï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.
7. Rusetskaya, M. (2022) *Margarita Rusetskaya o sokrashchenii kolichestva izuchayushchikh russkiy yazyk* [Margarita Rusetskaya on reducing the number of Russian language learners]. [Online] Available from: <https://t.me/s/pushkininstitute/611> (Accessed: 10th June 2023).
8. Kuprata, N.Ya. & Nogay, V.P. (2010) Ukráins'ko-bolgars'ko-rosiys'ki polilog pri vivchenni ukráins'koï movi yak inozemnoï [Ukrainian-Bulgarian-Russian polylogue when learning Ukrainian as a foreign language]. *Mova*. 15. pp. 250–254.
9. Lesnaya, G.M. (2012) Osobennosti prepodavaniya ukráinskogo yazyka kak inostrannogo v blizkorodstvennoy yazykovoy srede [Teaching Ukrainian as a foreign language in a closely related language environment]. In:

Yazyk – obrazovanie – kul'tura – obshchestvo: ot idei k realizatsii [Language – Education – Culture – Society: From Idea to Implementation]. Moscow: Border Academy of the FSB of Russia. pp. 189–194.

10. Lesnaya, G.M. (2018) Ukraïns'ka frazeologiya v aspekti metodiki її vkladannya (porivnyal'niy analiz iz frazeologiyu rosiys'koï ta pol's'koï mov) [Ukrainian phraseology in terms of teaching methods (comparative analysis with the phraseology of Russian and Polish languages)]. *Mova i kul'tura*. 4.21(193). pp. 178–185.

11. Silka, A.A. (2018) Realizatsiya printsipa opory na yazyk-posrednik v uchebnike ukrainskogo yazyka dlya inostrannykh studentov [Implementation of the principle of reliance on the intermediary language in the textbook of the Ukrainian language for foreign students]. In: *Fenomen rodnogo yazyka: kommunikativno-lingvisticheskiy, sotsiokul'turnyy, filosofskiy i psikhologicheskyy aspekty* [The phenomenon of the native language: Communicative-linguistic, socio-cultural, philosophical, and psychological aspects]. Vitebsk: P.M. Masherov Vitebsk State University. pp. 131–134.

12. Somin, A.A. (2017) *Belorusskiy yazyk. Samouchitel'* [The Belarusian language. A textbook for self-instruction]. Moscow: Zhivoy yazyk.

13. Somin, A.A. (2021) “Nyama takoga slova!”: uchebnik belorusskogo kak inostrannogo mezhdru leksikografey i sotsiolingvistikoy [“There is no such word!”: A textbook of Belarusian as a foreign language between lexicography and sociolinguistics]. In: Yurina, E.A. & Zemicheva, S.S. (eds) *Leksikografiya tsifrovoy epokhi* [Lexicography of the Digital Age]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 259–261. doi: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-86

14. Tabachenko, L.V. (2010) Prstavochnye pozitsionnye glagoly v istorii russkogo yazyka [Prefixed positional verbs in the history of the Russian language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 1. pp. 7–31.

15. Toropkina, D.M. (2020) Ispol'zovanie skhodstv v leksicheskoy semantike nemetskogo i angliyskogo yazykov dlya optimizatsii ikh izucheniya [Using similarities in the lexical semantics of German and English to optimize their learning]. In: *XXV Nizhegorodskaya sessiya molodykh uchenykh (tekhnicheskyye, estestvennyye, gumanitarnyye nauki)* [The 25th Nizhny Novgorod Session of Young Scientists (STEM, Natural Sciences, and Humanities)]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy nauchno-informatsionnyy tsentr. pp. 346–348.

16. Khaydarov, Ya.R. (2012) Sopostavitel'naya kharakteristika glasnykh fonem frantsuzskogo, ital'yanskogo i ispanskogo yazykov v tselyakh mul'tiligvodidaktiki [Comparative characteristics of vowel phonemes of French, Italian and Spanish for the purposes of didactics of plurilingualism]. In: Lushnikova, G.I. (ed.) *Kontsept i kul'tura* [Concept and Culture]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 473–477.

17. Khaydarov, Ya.R. (2018) One of the methods used for creation of communicative skills in simultaneous teaching of several Romance languages. *Drevnyaya i novaya Romaniya*. 22. pp. 76–82. (In Russian).

18. Shanskiy, N.M., Ivanov, V.V. & Shanskaya, T.V. (1971) *Kratkiy etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [A Brief Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie.

19. Shishigin, K.A. (2002) *Vvedenie v idish: Uchebnoe posobie-praktikum* [Introduction to Yiddish: A practical Textbook]. Kemerovo: Grafika.

20. Shishigin, K.A. & Lebedeva, N.B. (2015) The Slavic languages as a factor of Yiddish hybridization. *Rusin*. 3(41). pp. 210–225. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/41/15

21. Martynaw, V.U. (ed.) (1978) *Etymalagichny slownik belaruskaj movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1. Minsk: Navuka i tehnika.

22. Mikhnevich, A.Ya. (ed.) (1980) *Etymalagichny slownik belaruskaj movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 2. Minsk: Navuka i tehnika.

23. Yartseva, V.N. (1981) *Kontrastivnaya grammatika* [Contrastive Grammar]. Moscow: Nauka.

24. De Florio-Hansen, I. (1995) *Vom Reden über Wörter. Vokabelerklärungen im Italienischunterricht mit Erwachsenen*. Tübingen: Narr.

25. Duden. (2001) *Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. Mannheim u.a.: Dudenverlag.

26. Grin, F. (2007) Le concept de plurilinguisme dans la définition d'une politique d'enseignement des langues. *Babylonia*. 1. pp. 56–61.

27. Konieczna-Twardzikowa, J. (1998) Algunos aspectos del español como lengua extranjera respecto a la lengua polaca. In: Celis, A. & Heredia, J.R. (eds) *Lengua y cultura en la enseñanza del español a extranjeros. Estudios*. Cuenca: Universidad de Castilla-La Mancha. pp. 285–289.

28. Meißner, F.-J. (2005) Mehrsprachigkeitsdidaktik *revisited*: über Interkomprehensionsunterricht zum Gesamtcurriculum. *Fremdsprachen. Lehren und Lernen*. 34. pp. 125–145.

29. Neuner, G. (2003) Mehrsprachigkeitskonzept und Tertiärsprachendidaktik. In: Hufeisen, B. & Neuner, G. (eds) *Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachen – Deutsch nach Englisch*. Strasbourg: Council of Europe. pp. 13–34.

30. Novia, D. (2021) *Mehrsprachendidaktische Ansätze im Tertiärsprachenunterricht. Eine Analyse dreier schwedischer DaF-Lehrwerke*. Stockholm: Stockholms universitet.

31. Der Standard. (2022) *Starkes Interesse*. 17. März.

32. Statistisches Bundesamt. (2022) *Zahl der Woche Nr. 13 vom 29. März 2022*. [Online] Available from: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/Zahl-der-Woche/2022/PD22_13_p002.html (Accessed: 10th June 2023).

33. UNESCO. (n.d.) *World Atlas of Languages. Belarusian*. [Online] Available from: <https://en.wal.unesco.org/languages/belarusian> (Accessed: 10th June 2023).

Шишигин Кирилл Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия).

Kirill A. Shishigin – Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (Россия).

Natalia B. Lebedeva – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: nlebedevab@yandex.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/11

Русинское шум, слав. *šimь* в контексте исторических связей

Л.П. Дронова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

История русин, которая складывалась на пересечении разных славянских и не-славянских культур, оставила в языке следы своих исторических встреч. Результатом одной из таких встреч является русинское слово шум, соотносящееся своими значениями, на первый взгляд, с совершенно разными понятиями – «шум», «лес; кустарник» и «пена (на воде)». Сложность семантической структуры слова шум подтверждают и другие авторы словарей русинского языка, бойковских, гуцульских, лемковских говоров (Дм. Поп, А. Гнат, М.И. Онишкевич, Я. Горошак и др.), а также данные украинского словаря Б. Гринченко и словаря XIX в. Е. Желеховского. Исторический анализ показал, что понятие «лес (лиственный)» в русинском языке производно от понятия «шум» как «шумящий лес» (видимо, в отличие от бора, соснового леса), как и в ряде других славянских языков (болг., с.-хорв., словен., чеш.). Смежность признаков «шумный» и «пенящийся» при восприятии шумящего и пенящегося потока воды, водоворота (характерных для рек Карпат) и формальное сходство с польским и чешским обозначением пены (szum, šim из ср.-в.-нем. schûm 'пена'), которое было заимствовано в русинский язык, послужило причиной сближения выражения понятий «шум» и «пена». Русинское шум в значении 'шум', имеющее соответствия в других славянских языках, неоднозначно оценивается с точки зрения происхождения. В статье рассматривается не учитывающееся авторами этимологических словарей славянских языков предположение В.И. Абаева о возможной связи слав. *šimь с осетинским sum|sum 'звук; шум' и 'молчание' (дигорское). Анализ историко-лингвистический и историко-культурный, ареальный (на основе данных истории и археологии в зоне Карпат, территории Румынии, Молдавии, Украины первых веков нашей эры) позволяет, наряду с гипотезой о звукоподражательной природе слав. *šimь, считать имеющей основание и версию В.И. Абаева о возможности заимствования слав. *šimь из ираноязычного субстрата.

Ключевые слова: русинский язык, расселение ранних славян, языковые контакты, субстрат, энантиосемия

The Rusinian *shum*, Slavic *šumъ* and their historical links

Liubov P. Dronova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

The Rusinian history has shaped at the intersection of various Slavic and non-Slavic cultures, which can be seen in the Rusinian language. Thus, for example, the Rusinian word *shum* has meanings that correlate with apparently very different concepts – those of “noise”; “forest”, “bush”, and “foam” (on water). The complex semantics of *shum* is confirmed in the Dictionaries of the Ukrainian language by Boris Grinchenko, Evgeniy Zhelekhovsky, of the Rusinian language as well as Boyko, Hutsul, and Lemko dialects (Dmitry Pop, Andrej Hnat, Mikhailo Onishkevich, Ya. Goroshchak). The diachronic analysis has shown that the concept “forest” (deciduous) in the Rusinian language is derived from the concept “noise” as in “noisy forest” (apparently, in contrast to a pine forest). The same is true for a number of other Slavic languages (Bulgarian, Serbo-Croatian, Slovenian, Czech). The contiguity of the concepts “noisy” and “foamy” when perceiving a strident and foamy water stream, or a whirlpool (typical for the Carpathian Mountains), and the formal similarity with the Middle High German *schûm* ‘foam’ caused the convergence of the expression of the concepts “noise” and “foam” in Czech and Polish. The Rusinian *shum* ‘noise’, has correspondences in other Slavic languages, is not clearly assessed in terms of origin. The article examines Vasily Abaev’s assumption, not reflected in Slavic etymological dictionaries, that **šumъ* could be connected with the Ossetian *sym|sum* ‘sound’, ‘noise’, and ‘silence’ (Digor Ossetian). Abaev’s version describes the Slav. **šumъ* as borrowed from the Iranian substrate. The diachronic linguistic analysis, the analysis of cultural history, and the geographical analysis based on data from the Carpathian Mountains, Romania, Moldavia, and Ukraine from the first centuries AD have shown that, together with the hypothesis of the onomatopoeic nature of the Slav. **šumъ*, Abaev’s assumption of borrowing **šumъ* from Iranian-language substrate appears eligible.

Keywords: Rusinian language, settlement of early Slavs, linguistic contacts, substrate, auto-antonymy

Введение

История русин, которая складывалась на пересечении разных славянских и неславянских культур, оставила в языке следы своих исторических встреч. Расселение славян в активной фазе на территориях, прилегающих к Карпатам, археологи, историки связывают с формированием черняховской культуры (II в. н. э.).

Ранний этап становления славянской истории связан с Верхнеднестровским и Подольско-Днепровским регионами черняховской культуры. В Верхнеднестровском регионе, охватывающем бассейн верхнего течения Днестра со смежными землями Западного и Южного Буга, Стыри, Горыни, становление черняховской культуры происходило на основе волыно-подольской группы пшеворской культуры. С этим фактом связывают отмечаемую здесь малочисленность скифо-сарматских (иранских) особенностей и вельбарских (германских) элементов. Выводом в этой ситуации является мнение о заселении Верхнеднестровского региона в позднем римском периоде преимущественно славянами (об этом в обобщающем историко-археологическом исследовании В.В. Седова [13: 97–198]). Процессу формирования черняховской культуры предшествовало расселение в Верхнем Поднестровье и смежных с ним землях с середины I в. н. э. пшеворского (праславянского) населения, где оно чересполосно проживало с гетами (карпами). Метисные древности этого региона археологи назвали волыно-подольской культурой. Как показывают историко-археологические исследования, в конце II в. н. э. носители пшеворских и пшеворско-зарубинецких древностей вошли в состав населения черняховской культуры, наряду с гето-даками Днестровско-Дунайского междуречья и скифо-сарматами Северного Причерноморья. Начальный этап формирования этой культуры совпадает с проникновением в Северное Причерноморье носителей вельбарской культуры – готов [13: 166–167].

Мы глубоко погружаемся в историю территории раннего проживания славян, территорию Карпатской Руси, поскольку без этого в рассматриваемом случае, как нам кажется, культурно-языковые следы исторических встреч русинского *шум* и его общеславянского предшественника не определяются.

Изложение основного материала исследования

История народов Карпатской Руси на протяжении двух тысяч лет, как уже отмечалось выше, богата на перемены и встречи с народами разных культур. Результатом одной из таких встреч, очевидно, является русинское слово *шум*, соотносящееся своими значениями, на пер-

вый взгляд, с совершенно разными понятиями, ср.: 1) '(на воде) пена', 2) 'кустарник', 3) (мед. физ.) 'шум'. Прилагательное *шумовый* обозначает и '(фон, импульс) шумовой', и '(слух, концентрат) пенный'. Часть производных связана либо с понятием «шум» (*шуміти* 'шуметь', *шумлячий* 'шумящий', *шумоніти* 'шелестеть'), либо с понятием «пена» (*шумовина* 'пена', *шумовати* 'пениться', *шумоватый* 'пенящийся', *шумило* 'шипучий напиток'), и еще особняком стоит *шумный* – это 'красивый, пышный' [8: 597]. В русско-русинском словаре И. Керчи рус. *пениться* переводится как 'пінити ся, шумовати', *пена* = *шум* [9: 96]. Таким образом, понятие «шум, шумный» в русинском языке оказывается соотношенным с понятиями «кустарник, лес», «пена» и «красивый, привлекательный». Подтверждение этих связей находим в словарях русинского языка Дм. Попа, А. Гната (А. Hnat) [12: 309; 19: 112] и в словарях лемковских, бойковских говоров (Я. Горошак, М.И. Онишкевич, П. Пиртей [3: 168; 10: 391; 11: 355]). Аналогичные лексико-семантические варианты у слова *шум* представляет и «Малоруско-німецкой словарь» XIX в. Е. Желеховского: *шум* 1) 'пенящийся поток воды на мельничном колесе, в шлюзе'; 2) 'шум, шорох, шелест; суматоха'; 3) 'вид весенней народной игры'; 4) 'пена' [6: 1101].

Связь признаков «шумный» и «пенящийся» в реальности (шумящий и пенящийся поток воды, водоворот; шипучий напиток), очевидно, и послужила основой сближения понятий «шум» и «пена», ср. подобное в нем. Brausen 'шум (моря, леса), рев (волн)'; 2) 'шипение (лимоиана и т.п.)'; 3) *перен.* 'кипение (крови)'; 4) 'поливка, обливание (из душа, лейки); душ' [6: 1101]. И в словаре украинского языка Б. Гринченко (1907–1909) слово *шум* отмечено как семантически сложное, имеющее тот же разброс значений: с одной стороны, *шум* обозначает пену, накипь при варении, мыльную пенящуюся воду и пену на воде при волнении, водовороте, а с другой – имеет значение 'шум', 'хороводная игра; название живого существа, упоминаемого в песнях при этой игре'. Глаголы же даются как омонимы: *шуміти* I 'пениться, волноваться' и *шуміти* II 'шуметь' [4: 2935–2936].

Подобная понятийная связь косвенно отразилась и в диалектах русского языка, ср.: с одной стороны, пск., твер. *шумь* 'шумный говор' (*На сходке шумью шумят*), а с другой стороны, *шумы* вор. 'мельничное водяное колесо' (*Шумы шумят*), *шум* – влад. 'буковище, бучало под мельницею' (*Углубить шум*) и *шум* новг., твер. 'комнатный сор, сметь' (*Не кидай шуму за порог*), вариант – *шума* южн., зап. 'тж', значение которых, вероятно, производно от значения 'пена' [5: 668].

Шум, возникающий в лиственном лесу при ветре, – очевидная основа в реальности для сближения понятий «шум» и «лес (лиственный)» (ср. поэт. *зеленый шум*) через признак «шумящий лес» (в отличие от

бора, соснового леса). Отсюда не только в русинском, бойковских говорах, но и в целом ряде славянских языков *шум*, *шума* – название лиственного леса (болг. *шума* ‘листва, лес’, с.-хорв. *шума* ‘лес’, *шумацт*, *шумнат* ‘лесистый’, ‘ветвистый’, густо покрытый листвой (о дереве)’ при *шум* ‘шум’, *шуман* ‘шумный’, словен. *šuma* ‘листья, хворост’, ст.-чеш. *šuma* ‘лес’) [15: 1091; 16: 487].

Еще одно направление развития в русинском языке переносного значения у слова *шум*, его производного *шумный*: формирование значения русинского прилагательного *шумный*, вероятно, объясняется как ‘шумный’ → ‘весёлый, привлекающий к себе внимание’ → ‘красивый, пышный’ (региональная семантическая изоглосса: то же и в чешском, польском языках) [21: 645].

Таким образом, сложная семантическая структура русин. *шум* определяется как сформировавшаяся на основе сходств по признаку (метафорический перенос) и по смежности признаков (метонимический перенос) и является результатом региональных семантических процессов в ряде славянских языков. Но не все ныне очевидное, как известно, подтверждается исторически. В нашем случае оказывается, что связь признаков «шумный» и «пенящийся» у слова *шум* – это не совсем славянская (региональная) инновация, а результат контактного влияния: русин. *шум* ‘(на воде) пена’ – заимствование через польский (*szum*, *szumować* ‘снимать пену’) и чешский (*šum* ‘пена’) языки из ср.-в.-нем. *schûm* ‘пена’ (совр. нем. *Schaum*), откуда и рус. диал. *шумовать* ‘снимать пену, накипь (с варева)’ (южн., зап., Даль), производное *шумовка*, укр. *шумувати*, блр. *шумоваць* [16: 486].

Русинское *шум* в значении ‘шум’ относят – без сомнений – к праславянскому/общеславянскому слою лексики, и оно имеет во всех славянских языках соответствия той же формы и семантики [16: 486]. Сомнения вызывает неясность происхождения этого общеславянского образования. Часть версий о происхождении слова *шум* уже отвергнута (типа сближения с цслав. *сысати* ‘шипеть, свистеть’, литов. *šaukti* ‘кричать’, греч. *κωκύω* ‘кричу’), остается предположение о звукоподражательном характере происхождения слова *шум* [16: 486; 18: 489]) и предположение, подвергающее сомнению звукоподражательный характер происхождения слова *шум* в историко-этимологическом словаре русского языка П.Я. Черных [17: 428]. Это предположение исходит из того, что старшее значение могло быть не ‘шум’, а то, что его вызывает, его причина, «ср. в Остр. ев. и др., XI в. *шумь* ‘буря; волнение на море’ (хотя и наряду со значениями ‘шум’, ‘грохот’, ‘крик’, ‘треск’): не исключено, что он восходит к и.-е. **seu-* (> о.слав. **sju-* → **šu-*м-ъ) – ‘приводить в движение, поворачивать, гнать’, откуда, возможно, ‘производить шум’; ср. от того же и.-е. кор-

ня литов. *siaūsti* ‘жужжать, гудеть, шуметь» [17: 428]. Однако анализ семантики рассматриваемого обозначения шума и его производных в славянских языках не обнаруживает предполагаемую связь.

Полагаем, что заслуживает внимания не учитывающееся в этимологических словарях русского и других славянских языков предположение В.И.Абаева о связи осетинского *sym|sum* ‘звук’, ‘шум’ и ‘молчание’ (диг.) со слав. **šumь*. Отмечая, что иран. *s* и *š* уже в сарматском совпали в один сибиллянт, имевший, во всяком случае в некоторых наречиях, шипящее произношение, В.И.Абаев приводит пример заимствования из осетинского *saw* груз. *šavi* ‘чёрный’ и вероятным заимствованием из скифо-сарматского считает ст.-слав. *šumь*, рус. *шум* [1: 197–198].

Если исходить из этой гипотезы В.И.Абаева, то получается, что слав. **šumь* вместе со своим скифо-сарматским источником продолжают иран. **srauma-* (от **sraw-*; осет. *s < sr*), восходящего к и.-е. **k'leu-* ‘слышать’, т. е. исходно как медиальное образование (*шу-м-ь*) означает ‘быть слышимым’. То есть шум – это ‘нечто слышимое’ (ср. о реконструкции семантики однокорневых образований в германских языках: **hlūda-* adj. ‘loud’. Possibly, the adjective is to be analyzed as a *vrddhi-gerundive* originally meaning ‘hearable’ [20: 230].

Интересен тот факт, что энантиосемия в осетинском (*sym|sum* ‘звук’, ‘шум’ и ‘молчание’) оказывается не совсем необычным явлением в этимологическом гнезде, к которому относится осетинское слово. Подобное явление обнаружено и в германских производных того же и.-е. корня **k'leu-* – в пассивном причастии **k'luto-*: в восточно- и северногерманских языках видим то же отражение смежности понятий «шум» и «молчание, тишина» – гот. *hliup(s)* ‘Stille’, швед. *ljud*, норв. *ljod* ‘молчание, тишина’, др.-сев., исл. *hljóð* 1 ‘звук, крик, голос’, *hljóð* 2 ‘молчание, тишина’ < прагерм. **hleupa-* ‘listening’ при гот. *hliup** n. ‘hearing’, др.-сев. *hljóð* n. ‘listening; silence; sound’; в то время как в западногерманских языках однокорневые образования связаны только с понятием «шум» (др.-фриз., др.-сакс., англосакс. *hlūd-*, англ. *loud*, нем. *laut* ‘громкий, шумный’, нем. *Laut* ‘звук, тон’) [1: 198; 7: 290; 20: 231–232]. В данном случае важно, что именно восточногерманские племена, переселившиеся из Скандинавии и начавшие Великое переселение народов в Европе, прошли на юг, к Дунаю (вестготы) и в Северное Причерноморье (остготы), т. е. на территорию, где их пути пересеклись со скифо-сарматами. Таким образом, наличие факта энантиосемии в осетинском языке, наследнике скифо-сарматского, и в восточно- и северногерманских языках может иметь историко-культурное объяснение: вестготское и остготское королевства («Великая Готия», I–IV вв. н. э) располагались на территории, ранее занимаемой ираноязычными скифо-сарматскими племенами.

С территорией расселения связано и своеобразие наследника ирано-язычного Причерноморья, осетинского языка, в кругу других иранских языков, его особая близость к языкам европейского ареала: по ряду признаков – лексических, фонетических (ср. $p > f$), грамматических – осетинский язык, порывая с другими иранскими языками, смыкается с европейскими языками (славянскими, балтийскими, германскими, итальянскими, кельтскими [2]).

Если историко-культурная ситуация рассматриваемого ареала в первые века нашей эры позволяет говорить о наличии здесь тесного контакта раннеславянского и ираноязычного населения с носителями восточногерманских языков и о возможности возникновения рассматриваемой энантиосемии в генетически родственной лексике, то с языковой точки зрения не все гладко: во-первых, видим отсутствие подобной энантиосемии в славянских языках, во-вторых, с точки зрения языковой требует объяснения «формат» встречи этой генетически близкой, но существовавшей в формально разных вариантах лексики («кентумная» реализация в германских языках и «сатемная» в иранском осетинском языке). Это формальное различие исключает в данном случае простое заимствование. Вероятно, речь может идти о ситуации билингвизма, когда на основе билингвизма усваивается энантиосемичная семантическая модель в иранском скифском языке. Распространение энантиосемичной модели, совмещающей признаки «звук/шум» и «молчание/тишина», шло, возможно, из восточногерманских языков, с учетом того что подобное явление характерно и для скандинавских языков, из ареала которых вышли носители восточногерманских языков. В предположении о возможности появления энантиосемии у осетинского $sum|sum$ 'звук', 'шум' и 'молчание' (диг.) в ситуации билингвизма мы исходим из того, что аланы – предки осетин и потомки скифо-сарматов – в придунайских областях оказались в тесном контакте с восточногерманскими народами с II в. н. э. («Великая Скифия / Сарматия» сменилась «Великой Готией» на территории современных Румынии, Молдовы, Украины, рис. 1).

О дальнейшей судьбе алан известно, что в ходе так называемого Великого переселения народов в Европе они в союзе с вандалами и свевами в самом начале V в. под давлением готов и гуннов продвинулись из придунайских территорий Паннонии в Галлию через Рейн, затем вторглись в Испанию, позже были вытеснены вестготами в северную Африку, где образовали алано-вандальское королевство (439–534 гг.). Какая-то часть алан осталась в Причерноморье и переселилась на Кавказ, нынешнюю территорию проживания алан/осетин.

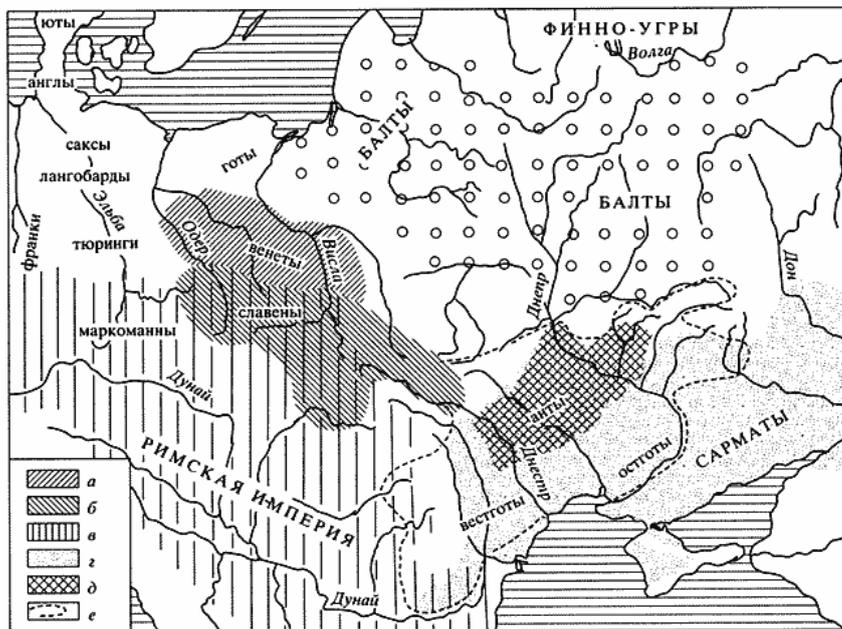

Рис. 1. Славяне в римское время (по [14])

Логика возникновения энантиосемии в данном случае можно увидеть в соотношении семантики русских однокорневых образований – *слово*, *слава* и *слух*, *слушать*: первые два слова соотносятся с понятиями «звук», «громкость», а слушать можно только молча, в тишине!

Предположение В.И. Абаева о возможности заимствования слав. **šumъ* из ираноязычного субстрата имеет основание историко-культурного характера, учитывающее расселение славян в Подольско-Днепровском регионе в рамках черняховской культуры. Обычное явление с точки зрения языковых контактов, что многозначное слово заимствуется в каком-то одном значении.

Таким образом, рассмотрение языковых фактов – осмысления результата когнитивной обработки смежных признаков разных объектов/реалий («шум»/ «пена»), с которой мы начали анализ на примере русинского *шум*, вывело нас на энантиосемию в семантике русинского *шум*, а затем через анализ происхождения слова *шум*/**šumъ* в славянских языках определился еще один вариант энантиосемии в родственной лексике – ‘звук; громкость’ и ‘молчание; тишина’. Возможные истоки вариантов энантиосемии в генетически близкой лексике, связанной с понятием «шум», ведут и в историю контактов русин, и, как оказывается, еще глубже – в славянские

лингвокультурные связи с германским и скифо-сарматским миром (через его отголосок – осетин и их язык).

Список сокращений

Языки: англ. – английский; англосакс. – англосаксонский; блр. – белорусский; болг. – болгарский; гот. – готский; греч. – греческий; груз. – грузинский; др.-сакс. – древнесаксонский; др.-сев. – древнесеверный; др.-фриз. – древнефризский; и.-е. – индоевропейский; иран. – иранский; исл. – исландский; литов. – литовский; нем. – немецкий; норв. – норвежский; осет. – осетинский; прагерм. – прагерманский; рус. – русский; русин. – русинский; слав. – славянский; словен. – словенский; с.-хорв. – сербо-хорватский; слав. – славянский; словен. – словенский; ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий; ст.-чеш. – старочешский; укр. – украинский; цслав. – церковнославянский; чеш. – чешский; швед. – шведский.

Диалекты: влад. – владимирский; вор. – воронежский, диг. – дигорский; зап. – западный; новг. – новгородский; пск. – псковский; твер. – тверской; южн. – южный.

Другие сокращения: в. – век; вып. – выпуск; диал. – диалектный; перен. – переносное; совр. – современный.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Л., 1979. Т. 3. 360 с.
2. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и запада. М., 1965. 168 с.
3. *Горошак Я.* Словник лемківсько-польській, польско-лемківській. Варшава, 2004.
4. *Гринченко Б.* Словарь української мови: у 4 т. Київ, 1907–1909. Т. 4.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. 3-е изд. М., 1955. Т. 4.
6. *Желеховский Е.* Малорусско-німецкий словарь: в 2 т. Львів, 1886. Т. 2.
7. Исландско-русский словарь. Около 35 000 слов / сост. В.П. Берков. М., 1962. 1032 с.
8. *Керча И.* Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2. (О–Я). Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.
9. *Керча И.* Русско-русинский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 598 с.
10. *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок: у 2 ч. Киев: Наукова думка, 1984. Ч. 2. 515 с.
11. *Пиртей П.* Короткий словник лемківських говірок. Ивано-Франківськ, 2004.

12. Поп Дм. Словарь русиньско-украиньско-руський и русско-украинско-русинский. Ужгород, 2007.
13. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 622 с.
14. Седов В.В. Этногенез ранних славян // Труды Отделения историко-филологических наук / отв. ред. А.П. Деревянко. М.: Наука, 2005. С. 212.
15. Сербско-хорватско-русский словарь. Около 50 000 слов / сост. Н.И. Толстой. М., 1957. 1174 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1973. Т. 4.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 2.
18. Этимологический словарь украинского языка / голов. ред. О.С. Мельничук: у 7 т. Київ: Наукова думка. Т. 6: У–Я. 2012. 567 с.
19. Hnát A. Krátky rusínsky slovník. Trebišov, 2003.
20. Kroonen G. Etymological dictionary of Proto-Germanic. Leiden-Boston: Brill, 2013.
21. Rejzek J. Český etymologický slovník. Leda, 2001.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. (1965) *Skifo-evropeyskie izoglossy. Na styke Vostoka i zapada* [Scythian-European isoglosses. The meeting point of East and West]. Moscow: GRVL.
2. Abaev, V.I. (1979) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vol. 3. Leningrad: USSR AS.
3. Goroshchak, Ya. (2004) *Slovník lemківsko-pol'skiy, pol'sko-lemkivs'* [Lemkos-Polish and Polish-Lemkos Dictionary]. Warsaw: [s.n.].
4. Grinchenko, B. (1907–1909) *Slovar' ukráins'koï movi* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: [s.n.].
5. Daľ, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. 3rd ed. Moscow: Progress, Univers Publishing Group.
6. Zhelekhovskiy, E. (1886) *Malorusko-nimetskiy slovar'* [Little Russian – German Dictionary]. Lviv: [s.n.].
7. Berkov, V.P. (1962) *Islandsko-russkiy slovar'* [Icelandic-Russian Dictionary]. Moscow: GIINS.
8. Kercha, I. (2007) *Rusínsko-russkiy slovar'* [The Rusinian -Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
9. Kercha, I. (2012) *Rusínsko-russkiy slovar'* [The Rusinian -Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

10. Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykivs'kikh govirok* [A Dictionary of Boykos Dialects]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
11. Pirtey, P. (2004) *Korotkiy slovník lemkiivs'kikh govirok* [A Short Dictionary of Lemkos Dialects]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].
12. Pop, Dm. (2007) *Slovar' rusin'sko-ukrayin'sko-rus'kiy i rusko-ukrayinsko-rusinskiy* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary]. Uzhhorod: [s.n.].
13. Sedov, V.V. (2002) *Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [The Slavs. A Historical and Archeological Study]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
14. Sedov, V.V. (2005) Etnogenez rannikh slavyan [ethnogenesis of the early Slavs]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Trudy otdeleniya ist.-filolog. nauk* [Proceedings of the Department of History and Philology]. Moscow: Nauka.
15. Tolstoy, I.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'* [Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: GIS.
16. Vasmer, M. (1973) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
17. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Melnichuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.
19. Hnát, A. (2003) *Krátky rusínsky slovník*. Trebišov: [s.n.].
20. Kroonen, G. (2013) *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden-Boston: Brill
21. Rejzek, J. (2001) *Český etymologický slovník*. Leda: [s.n.].

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Liubov P. Dronova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/12

Мотивация выбора языка билингвами в системе современных социокультурных практик (русско-тюркское языковое взаимодействие в Южной Сибири)*

В.С. Диброва

Томский государственный университет

Россия, 634050 г. Томск, пр. Ленина 36

E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Авторское резюме

Выявляется мотивация выбора языка коммуникации в ситуации взаимодействия русского и материнских (херитажных) языков в аспекте реализуемых билингвами социокультурных практик. Материалом исследования послужили данные базы данных RuTurkSocLing и корпуса RuTuBiC, включающие в себя информацию о субъективном самооценивании и записи спонтанной устной речи татарско-русских, хакасско-русских и шорско-русских билингвов соответственно. Анализ данных позволил выделить две группы факторов: социолингвистические, в которые входят оценки вовлечения в различные социокультурные практики, и мотивационные, отражающие эмоционально-образное отношение к родному и усвоенным языкам и состоящие из ответов респондентов на высказывания прагматического и эмоционального и культурного характера. Результаты показывают, что мотивация выбора материнского языка значительно преобладает в группе высказываний, отражающих культурную значимость и/или эмоциональное отношение к языкам, что может быть обусловлено такими факторами, как рост национального самосознания, а также семейное воспитание и в некоторой степени проживание в местах исконного населения. Русский язык, в свою очередь, выбирается главным образом в социокультурных практиках институциональных дискурсов, что связано с такими факторами, как доминирование русского языка во всех сферах жизни российского социума по причине его статуса государственного языка РФ, языка институционального общения, языка образования на всех его этапах.

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Ключевые слова: тюркско-русский билингвизм, язык внутрисемейного общения, мотивация выбора языка, социокультурные практики

Motivation of bilinguals' language choice in the system of modern sociocultural practices (Russian-Turkic language interaction in Southern Siberia)*

Veronika S. Dibrova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Abstract

The purpose of the work is to identify the motivation for choosing the language of communication in situations of interaction of the Russian language and the use of their (heritage) languages in the aspect of sociocultural practices implemented by bilinguals. We used the database RuTurkSocLing and the corpus RuTuBiC, which contain information about subjective self-assessment and recordings of spontaneous oral speech of Tatar-Russian, Khakas-Russian, and Shor-Russian bilinguals in order to collect the data for the analysis. The analysis has identified two groups of factors: sociolinguistic, which include assessments of involvement in various sociocultural practices, and motivational, reflecting an emotional and imaginative attitude to native and learned languages and consisting of responses to pragmatic, emotional, and cultural statements. It has been revealed that the motivational factors for choosing L1 significantly prevail for the statements of cultural significance and/or emotional attitude to languages, which can be explained by the growth of national consciousness, family upbringing and, to some extent, living in places of the original population. L2 is chosen mainly in the sociocultural practices of institutional discourses, which can be explained by the dominance of the Russian language in all spheres of Russian social life due to its status of the state language, the language of institutional communication, and of all education stages.

Key words: Turkic-Russian bilingualism, family language, motivation of language choice, sociocultural practices

* The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority2030).

В статье анализируется мотивация языкового выбора в системе современных социокультурных практик тюркско-русскими билингвами, (татарско-русскими, хакасско-русскими и шорско-русскими), проживающими на территориях их исторического поселения в пределах Южной Сибири.

Билингвизм как сложное социально-лингвистическое явление представляет исключительный интерес для исследователей различных направлений науки – лингвистов, психологов, социологов, этнокультурологов, нейробиологов и др. В настоящее время существуют различные трактовки данного понятия в зависимости от школ, направлений и наук, в рамках которых изучается билингвизм.

В лингвистике под билингвизмом понимают «практику попеременного пользования двумя языками» [5: 25]. Данное определение раскрывает суть понятия как индивидуального явления, связанного с языковыми и когнитивными способностями личности. Всё многообразие концепций двуязычия в данной трактовке можно объединить в две группы. Представители первой относят к билингвизму только случаи свободного владения обоими языками (узкое понимание), в то время как представители второй допускают значительные различия в уровне владения языками, однако предполагают пользование вторым языком в естественной ситуации общения (широкое понимание) [8: 101]. Но если рассматривать билингвизм в контексте социолингвистики, он представляет собой социальное явление в аспекте взаимосвязи формы и содержания речи с социальным поведением человека [9: 124] и понимается как «сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта» [16: 111].

В статье представлены результаты анализа типа билингвизма, сложившегося в Южной Сибири как в регионе славянско-тюркского языкового взаимодействия. В настоящее время языковая ситуация характеризуется как несбалансированная с преобладанием русского языка во всех сферах жизни людей. При этом следует отметить, что в разных конкретных вариантах такой тип билингвизма характерен для всей территории РФ. Вследствие этого тюркские языки в регионе смещаются в позицию херитажных (эритажных) языков, использующихся в ограниченном количестве коммуникативных практик [10: 102]. Херитажный язык в социолингвистическом плане – это язык меньшинства в стране, где языки большинства – имеющие официальный статус языки, на которых говорит более широкое языковое сообщество [3: 2]. В статье мы будем называть исследуемый тип

билингвизма херитажным, отмечая его отличительные особенности: на основании признака возраста он типологизируется как ранний, обусловленный жизнью в двуязычной культуре с детства; на основании признака механизма усвоения определяется как естественный, т.е. второй язык является усвоенным, а не выученным; в аспекте функционального соотношения языков херитажный язык характеризуется как используемый преимущественно в межличностном общении – в кругу семьи, друзей и соседей и ограниченный в использовании его в институциональных дискурсах [6: 25–48]. При этом данная черта является базовой для определения херитажного типа билингвизма – родной (материнский) язык является первым усвоенным, однако в контексте его социокультурных практик он используется крайне редко и только в определённых ситуациях, в то время как второй язык является абсолютно доминирующим во всех коммуникативных ситуациях.

При изучении мотивации выбора языка билингвами мы считаем важным раскрыть такую часть социального поведения человека, как социокультурные практики. В современном обществе фундаментом общественной жизни являются социальные взаимодействия. Согласно М.А. Шабановой, социальные практики – это системы устойчивых и массовых социальных действий и взаимодействий [15: 19]. Структура общества является в определённом смысле следствием культурно-ценностных ориентаций социальных институтов, в рамках которых социальные интеракции носят название «социокультурные практики» [14: 1]. Одним из актуальных направлений в современном научном сообществе является изучение коммуникативных практик, что связано с особой важностью коммуникации как основополагающей характеристики социума. В.А. Сергодеев определяет коммуникативные практики как «вид социальных практик, связанных с получением и передачей информации и воспроизводством коммуникации. Это опривыченные социальные действия, основанные на коллективном опыте и нацеленные на поддержание и развитие коммуникаций» [13: 384]. Кроме того, коммуникативные практики могут рассматриваться как подвид социокультурных практик, исходя из семиологической и символической трактовки культуры, которые утверждают, что язык есть центральный феномен культуры [17: 14]. В нашей работе социокультурные практики будут пониматься как вид социальных практик целевой группы населения, в данном случае тюркско-русских билингвов Южной Сибири, связанных с устойчивыми, воспроизводимыми, массовыми и нормативными действиями и взаимодействиями в коммуникативной сфере личности вне зависимости от языка коммуникации.

Данное исследование призвано ответить на вопрос, какова мотивация выбора языка билингвами в ситуации взаимодействия русского и материнских (херитажных) языков в контексте современных социокультурных практик на территории Южной Сибири.

Источником материала послужили данные о субъективном самооценивании тюркско-русских билингвов Южной Сибири, представленные в базе данных RuTurkSocLing, созданной в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант № 14.Y26.31.0014). Данные были собраны в ходе экспедиций членов Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета в 2017–2019 гг. в различные районы Томской, Кемеровской, Новосибирской областей и Республики Хакассия. Инструментом сбора являлась социолингвистическая анкета О.А. Казакевич, которая широко применяется исследователями для изучения социальных условий бытования языка [7: 222], а также языковая анкета билингва (разработчики Мариан, Блюменфельд и Каушанская) [2: 966–967], адаптированная сотрудниками Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ, используемая для определения порядка усвоения языков, частоты их использования, факторов, влияющих на усвоение языков, и др. В ходе исследования, в котором участникам необходимо было оценить собственный языковой и социальный опыт, было опрошено 247 респондентов и получено около 29 000 реакций. В исследовании мы также обращались к текстовым данным корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC, включающего в себя материалы записей спонтанной речи татарско-русских, хакасско-русских и шорско-русских билингвов (550 часов звучания) и созданного в рамках названного проекта [4: 200].

Очевидно, что человек является частью социума, некоторого сообщества, в рамках которого он реализует социальные практики; можно сказать, что человек проживает свою жизнь в контексте различных практик, включая и коммуникативные, например, система обучения и работы, актуализация культурных и этнических убеждений и стереотипов и т. д. Предполагается, что данные практики влияют на различные стороны его жизни, в том числе и на мотивацию выбора языка как для успешной реализации коммуникативного акта, так и для самовыражения себя как личности.

БД RuTurkSocLing и корпус устной речи билингвов RuTuBiC включают в себя данные о социокультурных практиках носителей исследуемого типа билингвизма в разных типах дискурсов (по О.Ф. Русаковой [12: 29]):

- в персональных дискурсах, в которых говорящий выступает как личность во всём богатстве своего внутреннего мира (частотность использования языков в общении с семьёй, друзьями, соседями);
- в институциональных дискурсах, где говорящий является представителем определённого социального института (использование языков в рамках статусно-ролевых отношений в таких местах, как школа, магазин, больница, администрация, а также вне определённых локаций с незнакомыми людьми разных национальностей);
- в культурно-мировоззренческих дискурсах (знание и воспроизведение фольклора на различных языках, проведение религиозных обрядов).

На основе анализа данных об оценках применения первого, материнского, и второго, усвоенного, языков были выделены две группы факторов, которые впоследствии будут участвовать в анализе мотивации выбора языка: *социолингвистические*, включающие в себя субъективное оценивание респондентами своего вовлечения в различные языковые действия и взаимодействия на протяжении всей жизни, и *мотивационные*, отражающие эмоционально-образное отношение билингва к языкам, которыми он владеет.

Группа социолингвистических факторов включает в себя ответы респондентов об использовании всех усвоенных языков в различных коммуникативных практиках.

В группу мотивационных факторов входят субъективные оценки отношения людей к языкам, которыми они владеют. Ниже представлены высказывания из социолингвистической анкеты, которым участники давали оценку своего отношения посредством указания родного и усвоенных языков (одного или нескольких) при согласии с утверждением без шкалированного показателя:

- Люблю говорить на этом языке.
- По-моему, важно хорошо владеть этим языком.
- Хочу, чтобы дети/внуки говорили на этом языке.
- Скучаю по этому языку.
- Этот язык очень выразителен.
- Этот язык имеет хорошие перспективы.
- Мне стыдно говорить на этом языке.
- Этот язык помогает найти хорошую работу.
- Этот язык помогает мне чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке.
- Этот язык помогает в получении образования.
- Этот язык помогает самореализации.
- Забываю/теряю этот язык.

(Следует отметить, что респондентам была дана возможность не отвечать на любое из нижеприведённых утверждений.)

Все утверждения были разделены на две группы в зависимости от типов дискурсов, в которых реализованы коммуникативные практики: оценка языка в аспекте прагматизма, т. е. целесообразности его употребления, и оценка в аспекте культурной значимости и/или эмоционального отношения. В первую вошли утверждения, связанные с использованием языка преимущественно в институциональных дискурсах – на работе и при получении образования, а также с оценкой перспективности развития языка в обществе в целом:

- Этот язык имеет хорошие перспективы.
- Этот язык помогает найти хорошую работу.
- Этот язык помогает в получении образования.
- Этот язык помогает самореализации.

Группа, отражающая оценивание языка в аспекте культурной значимости и/или эмоционального отношения, связана с использованием языка преимущественно в персональных и культурно-мировоззренческих дискурсах и представлена следующими высказываниями:

- Люблю говорить на этом языке.
- По-моему, важно хорошо владеть этим языком.
- Хочу, чтобы дети/внуки говорили на этом языке.
- Скучаю по этому языку.
- Этот язык очень выразителен.
- Мне стыдно говорить на этом языке.
- Этот язык помогает мне чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке.
- Этот язык помогает самореализации.
- Забываю/теряю этот язык.

Следует отметить, что оценка языка с точки зрения его полезности при самореализации была внесена в обе группы. В анкете данный вопрос не был конкретизирован, вследствие чего можно считать, что участники могли рассматривать самореализацию во всех типах социокультурных практик.

Рассмотрим результаты самооценивания мотивации респондентов. На рис. 1 показано количественное соотношение ответов респондентов в социолингвистических практиках институциональных дискурсов.

Как можно видеть на графике, в целом от 20 до 40 % респондентов давали положительную оценку материнскому языку с точки зрения целесообразности/полезности, что показывает безусловное доминирование русского языка в данном аспекте жизни участников.

Вышеприведённые результаты можно объяснить тем, что русский язык используется во всех сферах институциональной коммуникации, вследствие чего использование русского языка в социокультурных практиках будет более мотивированным для успешной реализации

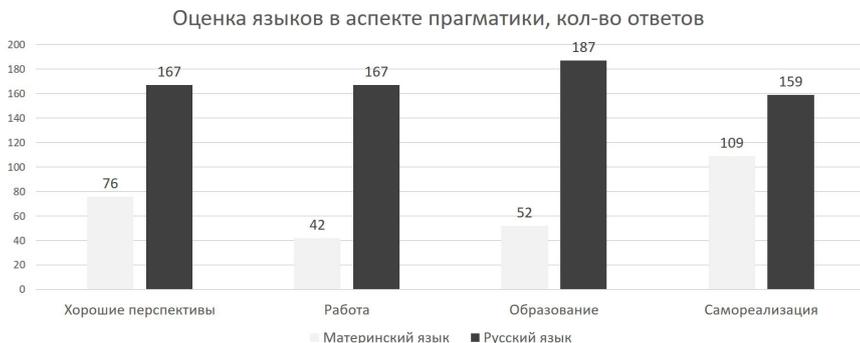

Рис. 1. Оценка языков с точки зрения полезности и целесообразности его употребления, количество ответов

коммуникативных актов; современное законодательство РФ определяет в качестве государственного языка русский язык на территории РФ; русский язык является языком образования на всех его этапах.

Если рассматривать конкретные социокультурные практики, оценки которых представлены в БД RuTurkSocLing, то можно наблюдать, что подавляющее большинство респондентов имеют среднее и / или высшее образование, полученное на русском языке, причем частотность использования херитажного языка неуклонно снижалась на каждом этапе образования: более половины респондентов не использовали материнский язык уже к началу обучения в старшей школе по сравнению с использованием языка до школы.

При ответе на вопрос об использовании языков в различных коммуникативных ситуациях все респонденты (247 человек) выбрали русский язык как основной для применения его в рамках институциональных дискурсов, при этом материнский язык указали только 23 % опрошенных. Следует отметить, что 74 респондента (31 %) указали, что им было запрещено использовать материнский язык во время обучения в школе, что, возможно, повлияло на решение отказаться от коммуникации на родном языке в рамках институциональных дискурсов. Также нельзя не упомянуть влияние места работы на мотивацию выбора языка. Среди тех участников, которые используют материнский язык в институциональных дискурсах, подавляющая часть работают в сфере культуры, связанной с родным языком, например, работа в Центре татарской культуры г. Томска или в Центре шорской культуры, языка и литературы «Часқы» г. Таштагола.

Результаты оценивания языков в аспекте культурной значимости и/или эмоционального отношения отображены на рис. 2.

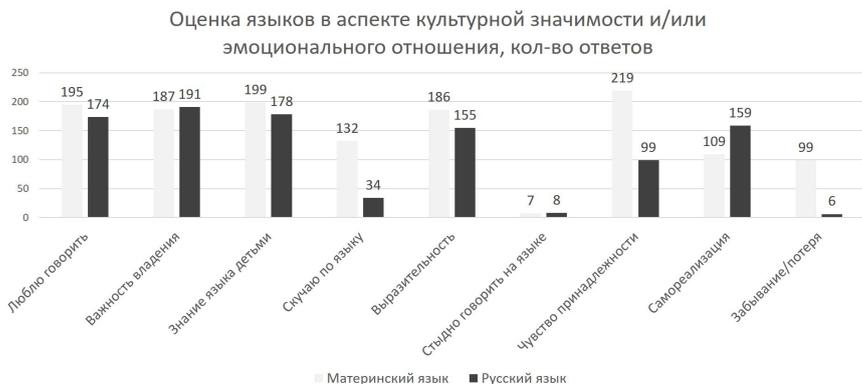

Рис. 2. Оценка языков с точки зрения культурной значимости и/или эмоционального отношения, количество ответов

Данные, полученные в ходе анкетирования, свидетельствуют, что при оценивании языков в данном аспекте преобладает положительная оценка материнского языка по сравнению с русским. Рассмотрим результаты более подробно.

Оценивание первых трёх высказываний («Люблю говорить на этом языке», «По-моему, важно хорошо владеть этим языком», «Хочу, чтобы дети/внуки говорили на этом языке») набрало практически одинаковое количество ответов для каждого языка (разница между ответами составляет не более 3 %). Это можно интерпретировать следующим образом: данные утверждения возможно рассматривать в контексте использования социокультурных практик во всех выделенных в рамках данной работы видах дискурса. В частности, важность владения русским языком как лично, так и в отношении последующих поколений обусловлена необходимостью знания языка как государственного языка места проживания, общение на котором происходит во всех ситуациях коммуникации человека.

Примечательны результаты оценивания такого высказывания, как «Мне стыдно говорить на этом языке», которое отражает негативное отношение к языку, в отличие от остальных утверждений. При интерпретации ответов были использованы дополнительные данные (из БД RuTurkSocLing и корпуса RuTuBiC) только тех респондентов, которые отреагировали на это высказывание. При анализе таких данных были выявлены отличительные черты, которые дифференцируют эту группу от других участников: использование материнского языка резко снизилось в начало процесса социализации (начало обучения в школе); материнский язык билингвы применяют преимущественно в межлич-

ностном общении; субъективное самооценивание уровня владения материнским языком в различных видах речевой деятельности по трёхзначной шкале «отлично», «неплохо» и «с трудом» варьируется от оценки «неплохо» до оценки «с трудом»; внутренняя мотивация данных респондентов изучать и/или совершенствовать материнский язык отсутствует: на вопрос «Хотели бы Вы лучше владеть одним или несколькими из своих языков?» ни один билингв из отреагировавших на утверждение не указал материнский язык.

Таким образом, ощущение стыда при использовании материнского языка в общении можно объяснить достаточно низким уровнем владения и ограниченным кругом его использования вне зависимости от различных социальных параметров и самоопределения национальности.

Также неоднозначны результаты оценивания высказывания «Забываю/теряю этот язык», где шесть респондентов указали русский язык в качестве исчезающего. При анализе фрагментов записей спонтанной речи данных билингвов была выявлена частная причина утраты русского языка¹: **Интервьюер:** *А забывается, теряете какой-то язык?* **Респондент:** *Тут возрастное, оба два, назрно. Вот слова теряю. Это возрастное, слова, вот, забудешь. Предмет вижу, а слово не могу вспомнить. Имена внуков, вот это вот. А потом, два же ребёнка всего, и путаться, когда пошло-то. Кошка была, так я ещё кошку стала приплетать: «Соня, Соня!» (Г.С., хакасско-русский билингвизм, 64 года).*

Следует отметить, что при анализе двух приведённых высказываний нельзя игнорировать недостатки анкетирования как социолингвистического метода сбора данных, которые в своей работе выделил З. Дёрнеи. В рамках данного исследования релевантными недостатками являются:

- слабая возможность исправить ошибки респондентов или её отсутствие (исследователь не имеет возможности перепроверить достоверность ответов);

- эффект усталости (в случае длинного опросника ответы в конце могут быть неточными) [1: 18–21].

Вследствие этого некоторые ответы можно считать погрешностью анкетирования.

Утверждение «Этот язык помогает самореализации» недопустимо анализировать в данном контексте вследствие крайнего обобщения вопроса и двойственности его понимания.

Таким образом, только высказывания «Скучаю по этому языку», «Этот язык очень выразителен», «Этот язык помогает мне чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке» демон-

стрируют преобладание положительного оценивания материнского языка в сравнении с русским. Этому может способствовать фактор роста национального самосознания в настоящее время, увеличение количества функций применения материнских языков – использование их в институциональных дискурсах, актуализация этнической и эстетической функций [11: 65].

Рассматривая социокультурные практики, реализуемые преимущественно в персональных и культурных дискурсах, можно заметить стремление участников актуализировать использование материнского языка как отражение культурных и этнических особенностей национальности, к которой они себя относят. Например, на вопрос из языковой анкеты билингва, где респондента просили оценить свою принадлежность к какой-либо культуре по шкале от 1 до 10 (участник мог причислить себя к представителям нескольких культур одновременно), 167 человек (68 % от общего числа) дали ответ о принадлежности к тюркской культуре, в то время как принадлежность к славянской культуре отметили 140 человек (56 % от общего числа). Примечательно, что из 167 человек, которые считают себя представителями тюркской культуры, 124 человека дали ответ «больше среднего» (по шкале от 1 до 10 – от 5 и выше), при этом из 63 человек, которые оценили свою принадлежность к тюркской культуре 10 баллами, только 39 человек отметили принадлежность к славянской культуре путем оценивания по шкале. Результаты показывают, что уровень национальной идентичности тюркско-русских билингвов достаточно высок, вне зависимости от проживания в рамках славянской культуры. Такие социокультурные практики, как проведение обрядов, а также вовлеченность в фольклор (знание песен и сказок, а также их воспроизведение), подтверждают этот вывод: из 153 человек, которые отметили, что проводят обряды, 135 (88 %) предпочитают проводить их на материнском языке; из 235 человек 225 (96 %) указали, что знают песни на материнском языке, среди которых 143 человека (61 %) могут их спеть; из 228 человек, которые знакомы с какими-либо сказками, 90 человек (39 %) знают их на материнском языке, при этом 70 (30 %) из них могут их рассказать.

Также внутреннюю мотивацию можно отследить, опираясь на ответы билингвов на вопрос о желании улучшить владение каким-либо из своих языков. Из 169 человек, которые обозначили желание повысить уровень владения языком, 102 человека (60 %) указали родной язык, при этом основными мотиваторами являлись причины этнокультурного характера и желание самореализации себя как члена определённого этноса.

Таким образом, отвечая на вопрос «Какова мотивация выбора языка билингвами в ситуации взаимодействия русского и материнских (херитажных) языков в контексте современных социокультурных практик на территории Южной Сибири?», необходимо отметить следующее. Мотивация выбора русского языка продиктована в первую очередь условиями социума: он является государственным языком РФ, языком институционального общения, языком образования на всех этапах, вследствие чего мы полагаем, что респонденты вынуждены использовать русский язык в социокультурных практиках для успешного коммуницирования в социуме. Выбор родного языка также может определяться ростом национального самосознания, в некоторой степени семейным воспитанием, а для части респондентов – компактностью проживания в местах исконного населения, где херитажный язык употребляется значительно чаще по причине устоявшихся традиций по его сохранению и использованию.

Примечание

1. Здесь фрагмент речи приводится из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингов Южной Сибири, хранящейся в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации, имена респондентов не приводятся. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором, дополнительно фиксируются тип билингвизма, возраст на время записи. Записи речи в корпусе и в данной статье не редактируются, в них отражены отклонения от норм литературной речи, в том числе в произношении (включая произношение имён собственных), а также особенности устной речи, обусловленные спонтанным, неподготовленным характером говорения (неканоническая редукция, хезитация и под.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dörnyei Z.* Questionnaires in second language research: Construction, administration, and processing. 2nd ed. New York: Routledge, 2010. 165 p.
2. *Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M.* Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*. 2007. № 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (дата обращения: 29.09.2022).
3. *Montrul S.A.* Is the heritage language like a second language? // *Eurosla Yearbook*. 2012. № 12 (1). P. 1–29.
4. *Rezanova Z.I., Temnikova I.G., Artemenko E.D. et al.* Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2019. Vol. Suppl, № 18. С. 200–210.

5. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. 1972. № 6. С. 25–61.
6. *Верещагин Е.М.* Психологическая и метрическая характеристика двуязычия. М.: Изд-во МГУ, 1969. 322 с.
7. *Казакевич О.А.* Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.
8. *Одишелашвили И.Р., Кириллова Т.С.* Межкультурная коммуникация и билингвизм // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4 (36). С. 100–106.
9. *Оршанская Е.Г.* Лингвистический и социолингвистический подходы к изучению проблемы билингвизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 120–128.
10. *Резанова З.И.* Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев // Interface. 2020. Is. 13. С. 97–120.
11. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7
12. *Русакова О.Ф.* Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ (серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 11–30.
13. *Сергодеев В.А.* Коммуникативная культура интернет-сообществ: специфика и возможности операционализации // European Social Science Journal. 2014. Т. 1, № 6. С. 382–388.
14. *Сергодеева Е.А., Бурчинова Е.О.* Коммуникативные практики в повседневности информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 317–319.
15. *Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 4. С. 11–26.
16. *Швейцер А.Д.* Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. 213 с.
17. *Ячин С.Е.* Язык как основание и универсальная модель культуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 14–34.

REFERENCES

1. Dörnyei, Z. (2010) *Questionnaires in second language research: Construction, administration, and processing*. 2nd ed. New York: Routledge.

2. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (Accessed: 29th September 2022).

3. Montrul, S.A. (2012) Is the heritage language like a second language? *Eurosla Yearbook*. 12(1). pp. 1–29.

4. Rezanova, Z.I. Temnikova, I.G. Artemenko, E.D. et al. (2019) Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Vol. 18 (suppl.). pp. 200–210 (In Russian).

5. Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and multilingualism]. *Novoe v lingvistike*. 6. pp. 25–61.

6. Vereshchagin, E.M. (1969) *Psikhologicheskaya i metricheskaya kharakteristika dvuyazychiya* [Psychological and metric characteristics of bilingualism]. Moscow: Moscow State University.

7. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of the endangered languages of Siberia (based on the material of two villages in the Krasnoyarsk Territory)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231.

8. Odishelashvili, I.R. & Kirillova, T.S. (2017) Mezkul'turnaya kommunikatsiya i bilingvizm [Intercultural communication and bilingualism]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 4(36). pp. 100–106.

9. Orshanskaya, E.G. (2008) Lingvisticheskiy i sotsiolingvisticheskiy podkhody k izucheniyu problemy bilingvizma [Linguistic and sociolinguistic approaches to the study of the problem of bilingualism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 21. pp. 120–128.

10. Rezanova, Z.I. (2020) Obraz yazyka v diskursakh etnolingvisticheskoy i etnokul'turnoy samoidentifikatsii u sovremennykh sibirskikh shortsev [The image of language in the discourses of ethnolinguistic and ethno-cultural self-identification among modern Siberian Shors]. *Interface*. 13. pp. 97–120.

11. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of sociolinguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/436/7

12. Rusakova, O.F. (2006) Sovremennye teorii diskursa: opyt klassifikatsiy [Modern theories of discourse: Classifications]. In: Rusakova, O.F. (ed.) *Sovremennye teorii diskursa. Mul'tidistsiplinarnyy analiz* [Modern theories of discourse. Multidisciplinary analysis]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi. pp. 11–30.

13. Sergodeev, V.A. (2014) Kommunikativnaya kul'tura internet-soobshchestv: spetsifika i vozmozhnosti operatsionalizatsii [Communicative culture of the

Internet community: specifics and possibilities of operationalization]. *European Social Science Journal*. 1(6). pp. 382–388.

14. Sergodeeva, E.A. & Burchikova, E.O. (2015) Kommunikativnye praktiki v povsednevnosti informatsionnogo obshchestva [Communicative practices in the everyday life of the information society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 12. pp. 317–319.

15. Shabanova, M.A. (2006) O nekotorykh preimushchestvakh integratsii ekonomicheskogo i sotsiologicheskogo analiza institutsional'nykh izmeneniy. Stat'ya 1: Instituty, praktiki, roli [About some advantages of integration of economic and sociological analysis of institutional changes. Article 1: Institutions, practices, roles]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 7(4). pp. 11–26.

16. Shveytser, A.D. (1978) *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Introduction to Sociolinguistics]. Moscow: HSE.

17. Yachin, S.E. (2010) Yazyk kak osnovanie i universal'naya model' kul'tury [Language as the foundation and universal model of culture]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 1. pp. 14–34.

Диброва Вероника Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета, младший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Veronika S. Dibrova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: klobukova-veronika@list.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/13

Понятие «скорость» в истории русинского языка

С.А. Толстик

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

Языковое представление базовых понятий находится в сфере интересов современных лингвистов. Скорость – одно из значимых пространственно-временных характеристик объекта, передающих степень быстроты его движения, поэтому языковая репрезентация этого понятия находится в сфере интересов, прежде всего, историков языка. В статье представлена история формирования важнейшего пространственно-временного понятия «скорость» в русинском языке. Сравнительно-исторический и лингвогеографический анализ синонимического ряда позволил выявить, что данное языковое выражение исследуемого понятия в основном праславянского происхождения в значении скорости, что выражается шестью русинскими существительными: двумя с корнем *(с)кор* – *скорота*, *скорость*, а также лексемами *быстрота*, *прудкость* и их однокорневыми образованиями. На формирование русинского понятия скорости отчасти, оказано инокультурное влияние: *скорота*, доминанта синонимического ряда, унаследована из церковнославянского в результате диглоссии. *Швытїнь* – германизм, пришедший в русинский из украинско-польского ареала. Наиболее позднее в переносном значении существительное *ступень* используется только для обозначения скорости движения автомобиля (от 'шаг, ступень, степень').

Ключевые слова: русинский язык, славянские языки, мотивация, сравнительно-историческое языкознание, этимология, диахрония, историческая лексикология

The concept of "speed" in the history of the Rusinian language

Svetlana A. Tolstik

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

The linguistic representation of basic concepts has always been of interest for modern linguists. Speed is a significant spatio-temporal characteristic of an object that conveys its quickness; therefore, the linguistic representation of the concept is in the sphere of interests primarily of language historians. The article discusses the formation of the concept "speed" in the Rusinian language. The comparative-historical and linguo-geographical analysis of the synonymic series has revealed that the linguistic representation of the concept is mainly of Proto-Slavic origin in the meaning of speed, which is expressed by four Rusinian nouns: two with the root *(s)kor-* *skorota*, *skorost'*, as well as lexemes *bystrota*, *prudkost'* and their single root formations. Foreign cultures and languages have partly influenced the formation of the Rusinian concept of "speed". For instance, *skorota*, the dominant of the synonymic series, may have been borrowed from Old Church Slavonic. *Shvytin'* is a Germanism that came to Rusinian from the Ukrainian-Polish area. The latest in a figurative sense, the noun *stupen'* is used only to denote automobile speed (from 'step, degree').

Key words: Rusinian language, Slavic linguistics, motivation, comparative historical linguistics, etymology, diachrony, historical lexicology

Скорость – одна из значимых пространственно-временных характеристик объекта, передающая степень быстроты его движения, и языковая репрезентация этого понятия находится в сфере интересов современных лингвистов, прежде всего историков языка. Поэтому исследование реализации понятия скорости в славянских и других языках является в настоящее время актуальным.

Славянской лексике со значением скорости посвящен ряд работ Ж.Ж. Варбот, где говорится о значимости представлений о скорости в национальной языковой картине мира: «Представление о скорости как объективно-существенной характеристике движения и его субъекта является, очевидно, конструктивным и информативным элементом картины мира» [4: 99]. Так, в статье «К этимологии сла-

вянских прилагательных со значением 'быстрый'» рассматривается происхождение праславянского прилагательного **(s)korъjь* и некоторых других адъективов. Автор говорит о связи с корнем **(s)kor-* со значением 'резать' [3: 112–114]. Развитие праславянской семантики **(s)korъjь*, по мнению автора, шло таким образом: 'обрезанный, острый, режущий' → 'вспыльчивый, нетерпеливый, горячий' → 'быстрый' [3: 114–115]. Но это семантическое развитие носит праславянский характер, нас же интересует способ выражения понятия скорости в русинском языке.

В другой статье Ж.Ж. Варбот «К этимологии славянских (в том числе диалектных) прилагательных со значением 'быстрый'. III» определяются многочисленные типы первичной мотивации славянских прилагательных со значением 'быстрый' ('большой' → 'быстрый', 'бодрый' → 'быстрый', 'горячий' → 'быстрый', 'крепкий, здоровый' → 'быстрый' и др.), что позволяет выявить происхождение так называемых темных лексических единиц с интересующим нас значением [4: 35].

В статье «Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира)» Ж.Ж. Варбот предлагает отличную от общепринятой версии этимологию анализируемого нами материала с корнем *швид-/швид-* как межславянское заимствование из польского в украинский и другие славянские языки: от польск. диал. *świtki* ← *świtać* 'быстро бежать, скакать' [5: 110–111].

Кандидатская диссертация Е.О. Борисовой посвящена происхождению русской диалектной лексики и фразеологии со значением скорости (как быстрых действий, так и медленных). Исследователем выявлены критерии смысловой дифференциации русских слов со значением 'быстро/медленно', семантические классы данной лексики, проведен мотивационный анализ [1].

В.А. Старков в статье «Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского как источник изучения древнерусской языковой игры» говорит, что утраченное древнерусское *скорота* соответствует современному украинскому *швидкість* [33: 83].

Мы опираемся прежде всего на часть выводов указанных выше работ Ж.Ж. Варбот, но рассматриваем лексику со значением скорости как репрезентацию соответствующего понятия на материале русинского языка.

Следует определить, как формировалось это понятие в русинском, самостоятельно или под влиянием других языков и культур. Глубину формирования понятия в русинском языке выявляем на основе анализа языковых данных с использованием сравнительно-исторического и ареального методов. Для этого обращаемся сначала к репрезентантам понятия анализируемого языка, далее – контактных славянских языков,

затем – по мере необходимости к данным родственным другим восточнославянских, потом всех остальных славянских языков.

Анализируемые лексические единицы набирались по «Русско-русинскому словарю» И. Керчи. Так, в русинском языке понятие «скорость» выражают существительные *скорота*, *скорость* (*скорўсть*), *быстрота*, *прудкость*, *швытінь*, *ступень* и их однокорневые слова [12: 105; 13: 373; 43: 226].

Доминантой синонимического ряда является *скорота*, стоящее на первом месте в словаре И. Керчи и выражающее разные аспекты рассматриваемого понятия по сравнению с синонимами: если учитывать двуязычный характер словаря, объясняющий через соответствие русским словам, то *скорота* соответствует русским *скорость* и *быстрота* [15: 340, 373], имеющим значения русск. *скорость* 'степень быстроты движения кого-, чего-л. или распространения чего-л. // степень быстроты совершения какого-л. действия, протекания какого-л. процесса и т.п.', разг. 'большая быстрота движения или осуществления чего-л. // поспешность, торопливость', русск. *быстрота* 'большая скорость, стремительность // скорость // способность к мгновенной реакции, живость (ума, мысли)' [23: 129; 24: 118]. Русинское слово *скорость* соответствует русскому *скорость* [15: 340]. *Скорота* указывает не только на быстроту движения, торопливость, происходящее раньше срока явление, но и на интеллектуальные способности, связанные с быстротой человеческого ума. Получается, что семантический объём у слова *скорота* больше: этот объём покрывают два русских синонима *скорость* и *быстрота*.

Контексты для исследуемых русинских существительных-синонимов были найдены только для *скорўсть* во фразеологическом словаре Ю. Чори как характеристика движения в целом, а также движения машин: *скорўсть движеній*, *скорость машины*, *скорўсть поїзда (автобуса)* [44: 226]. Возможно, слово используется и как характеристика движения человека, но контексты не были найдены. Но судя по семантике словообразовательного гнезда (*с*)*кор-*, по всей видимости, и о человеке тоже (ср. контексты для *скорый*).

В лексикографических источниках представлены контексты для ряда однокорневых обозначений. Так, в русинском языке представлено достаточно большое количество однокорневых образований к существительным *скорость* и *скорота*. Производящее прилагательное *скорый* по отношению к предметам / явлениям 'скорый, быстрый': *Скорый бег*. *Скорі кроки* 'быстрые шаги', 'скоростной': *Скорый пароход / поїзд*, 'частый' (о дыхании): *Скорое дыханіє*, 'ранний, скороспелый': *скорый плод файта*, что является признаками степени быстроты движения/распространения чего-либо, временной

признак преждевременности – раннего протекания процесса, более раннего проявления / развития. О человеке *скорый* употребляется как характеристика быстрых темпов работы, характеристика быстрой умственной и языковой деятельности: *Скорый до работы / Скорый на руку. Скорый на разум. Скорый на язык / на слово.* Данное прилагательное часто употребляется терминологически: *скора помуч* ‘скорая помощь’, *скори тиски* ‘скоростной пресс’ [15: 340–341; 43: 226]. *Скорий* – не только ‘скорее’, но и ‘раньше’: *Сватанкы так были, же были скори, так и 5–6 тыжднюв {до свадьбы}*: ‘Сватанье так устраивали, чтоб так даже недель на 5–6 раньше свадьбы’, *скорити* ‘наступать раньше’, *скорший* ‘ранний’: *скорша творчость* ‘раннее, предшествующее творчество’ [15: 340–341].

Производное от *скорый* наречие *соро* / *skori* / *skore* тоже содержит в семантической структуре признаки быстроты, поспешности движения, раннего проявления / действия ‘соро, быстро, живо’: *Соро, под кліпа ока*, ‘вскорости’: *Соро світ*, ‘рано’: *Ко соро встає, тому Бог дає* ‘Кто рано встает, тому Бог подает’. *Соро* употребляется также в значении служебного слова ‘если’, ‘поскольку’, ‘только лишь, только-только’: *Як соро ся чоловік уродит, нараз* [15: 340; 43: 226; 55: 146]. Глаголы продолжают ту же семантику: *скорити* ‘ускоряться’, *скорити* ‘частить, спешить, ускорять’: *Годинка скорит десять минут* ‘Часы спешат на десять минут’ [15: 340; 44: 241]. Производное от *скорость* прилагательное *скоростный* соответствует в двуязычном словаре Керчи русскому *быстрый*, т.е. характеризует в основном движение машин, транспорта: *скоросный поїзд*, а также в терминах *скоросна плавка / обработка* [15: 340; 43: 226]. Слово *скорота* является малоупотребительным в русинском языке, производных слов от него не обнаружено, что можно связать с церковнославянским происхождением данной лексемы.

Достаточно часто производные лексемы образованы с помощью сложения: с семантикой быстроты действия: например, *скорописный* ‘стенографический, скорописный’, *сороходный* ‘быстроходный’, *скорочинный* ‘быстродействующий’, *соровоз* ‘экспресс’ и др.; со значением раннего развития, преждевременности: *скорозрілий* ‘скороспелый’, *скороздра* ‘ячмень-) скороспелка’ [15: 340–341].

Итак, в основе русинского понятия, в его ядерной зоне, находится достаточно многочисленная лексика с корнем *сдор-*, характеризующая структуру понятия с помощью признаков быстрого движения, поспешности / торопливости, умения быстро мыслить и преждевременности.

Для уточнения формирования направления развития семантики анализируемых существительных мы рассмотрели материал с корнем *сдор-* в языке-основе для русинского – древнерусском [22: 250]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. существительное *скорота* не

отмечается, только у И.И. Срезневского со значением быстрого движения как 'быстрота, скорость': *Скоротоу яко крилато събраніе святихъ и оусрътаніе въ второе пришествіе его преже являя, глаголаше* (Георг. Ам.) [32: 384; 33: 83].

Слово *скорость* в древнерусском языке характеризовало тоже, с одной стороны, быстроту и поспешность движения, действия, противопоставляя долготерпению, неспешности: *Луче скорости длъготръпие и насилия попущение* (Гр. Наз., XI в.). С другой стороны, оно выражало временное значение: *Мнѣ же къ симъ ничѣсо же хужее въ скорости цѣлению мнѣть ся, иже камень онѣ на лядвѣну исту взливѣ* (Ж. Феод. Студ. XII в.) [22: 250].

Производящее прилагательное *скорый* имеет значения 'совершающийся с большой скоростью, быстрый': *Чюдити ся о премудрости и разуме дѣтища и о скорѣмъ его учении*, 'способный к быстрым движениям, проворный' (о человеке): *Скорая же врача и цѣлителя*, 'краткий, протекающий в короткий срок, кратковременный': *Мнѣ же чудѣнь зъло скорѣи спу путь, у<до>бое на нбо въсхождение*, 'предстоящий в скором времени, наступающий вскорѣ': *Скорое печальнѣмъ избавление* [22: 253–254].

Древнерусское словообразовательное гнездо *скор-* является очень объемным (около 100 лексических единиц). Родственная древнерусская лексика продолжает указанные значения вершины гнезда, образуя в том числе многочисленные сложные производные (*скорогибнущий* и *скороисчезаемый* 'недолговечный, быстротечный', *скорогнѣвие* 'гневливость, вспыльчивость, несдержанность', *скороногий* 'быстроногий' и др.) [22: 242–254].

Чтобы выяснить глубину возникновения значения скорости у производных от *(с)кор-*, обратимся далее к общеславянском материалу. Производящее для анализируемых существительных прилагательное является праславянским **(s)korъ* (русск. *скорый*, блр. *скоры*, укр. *скорий*, чешск., словц., *skorý*, польск. *skory*, ст.-сл. *SKOPŦ*, в остальных языках – производные наречия: в-луж., н-луж., с-хорв., болг., ст.-сл., словен., макед. [9: 281; 17: 309; 28: 299; 38: 654; 44: 147; 52: <https://sjp.pl/skoru>]). Итак, значение скорости движения в гнезде **(s)korъ* имеет праславянскую глубину. Ж.Ж. Варбот предполагает развитие от деструктивного значения 'режущий, острый' → 'вспыльчивый, нетерпеливый, горячий' → 'быстрый' [3: 114–115; 4: 35].

Рассмотрев древнерусский и общеславянский материал с целью выявить возможное влияние на формирование понятия «скорость», обратимся к материалу контактных родственных языков.

Русинский язык формировался в окружении таких славянских языков, как словацкий, польский и украинский, следовательно,

необходимо посмотреть в них наличие исследуемых лексем и однокорневую лексику, их семантическую структуру с целью выявить общие, возможно, совместные признаки понятия.

Словацкое производящее прилагательное *skorý* выступает во временных значениях: 'ранний': *skorý stredovek* 'раннее средневековье', 'преждевременный': *skorá smrť* 'преждевременная смерть' [25: 467]. Наречие *skoro* выступает не только как обозначение времени и быстрого движения 'вскоре', 'рано' и 'быстро': *skoro ráno* 'рано утром', но и в грамматическом значении как служебное слово 'почти, почти что', 'чуть ли не': *Skoro omdlel od strachu* 'Он чуть не упал в обморок' [25: 467]. Автор этимологического словаря словацкого языка Л. Кралик говорит о фиксации прилагательного в данном языке только с XVII в. [51: 534].

В польском языке прилагательное *skory* имеет только значения 'склонный к чему-либо, всегда готовый': *skory do bicia*, 'нетерпеливый, желающий, жаждущий' [6: 971; 52]. С XVI в. данный адъектив зафиксирован в значении 'быстрый, скорый' [48: 553]. Существительные с корнем *skor-* в польском языке для обозначения скорости не используются. Однокорневой лексики к *skory* очень мало: *skoro* 'связка, выполняющая несколько функций в предложении; чаще всего используется во фразе: «Если слово X есть в словаре, то почему нет слова Y?»'), как союз 'лишь, если', а также небольшое количество сложных слов, например *skoroszyt* 'скоросшиватель' [6: 971]. Наиболее частотное польское значение 'нетерпеливый, желающий' – скорее всего, это более раннее значение, чем 'быстрый, скорый', сохранившееся в польском (ср. с [3: 114–115; 4: 35]).

В русских говорах, например, тоже достаточно часто встречаются лексические единицы с этим корнем не только для обозначения быстроты движения, времени, ума, но и для выражения желания сделать что-то быстро, нетерпеливости, гнева, вспыльчивости, т. е. каких-то резких проявлений скорости: *скорошник* 'нетерпеливый, торопливый человек' (яросл.) [20: 107], *скоросый* 'вспыльчивый, горячий' (арх., волог., пск., симб.), 'сердитый, вздорный, сварливый' (яросл., костром., волог., арх., нижегор., перм.) [20: 105], *скоропостижный* 'торопливый, опрометчивый' (волог., перм.), 'вспыльчивый, горячий, нервный' (арх., иркут., сиб.) [20: 102].

В украинском языке субстантив *скорість* представлен в тех же значениях, что и в русинском языке: объясняется через существительное *швидкість* 'скорость движения/распространения, быстрота, темп какого-л. действия, процесса, величина тяговой силы машин, механическая характеристика движения пройденного тела в определенный промежуток времени': *Там бессонний пілот розвиває невидану скорість* [28: 299; 29: 430–431]. В значении 'вскороности,

в ближайшее время' употребляется в сочетаниях у *скорости*: *Після того в скорості подався наш Ярмо із села* [28: 299]. Производящее прилагательное *скорий* тоже имеет значения быстроты движения и времени ('такой, который быстро движется': *Нараз обізвалися, шибки, грубі і скорі каплі дощу*, 'такой, который проводится быстро, в короткое время': *Де руки й охота, там скоро робота*, положительная интеллектуальная оценка 'быстрый в действиях, решениях' *Андрійко скорий був, палкий, як іскра*) [28: 298–299]. *Скоро* тоже представлено не только как наречие в значении 'вскоре, в ближайшее время', но и как служебное слово 'только, лишь только; в таком случае': *Суха солома, як порох, бралася враз огнем скоро він до неї доторкався* [28: 300].

Понятие скорости в украинском, польском, словацком языках обозначается и другими лексическими средствами (с другими корнями): польск. *szybkość* 'быстрота, скорость', адъектив *rychły* в основном как временная характеристика, укр. *шибкість*, *шибкий* 'передвигающийся с большой скоростью, стремительный', 'такой, который должен появиться через короткий промежуток времени'; слвц. *rychlost* 'быстрота движения', 'автомобильная скорость', *rychly* 'быстрый, скорый' (о времени и движении) [6: 940; 26: 451–452; 27: 449–450]. Укр. *шибкий*, *шибкість*, возможно, заимствовано из польского, так как семантика других украинских слов не связана со скоростью. Польские и лужицкие слова с корнем *rychl-* (ср. **ruch* 'движение', **rušiti* по уже известной деструктивной модели 'ломать, рушить' → '(быстро) двигаться') характеризуют быстроту движения, что также представлено в других западных и восточнославянских языках (польск., луж., чешск., слвц., блр., укр., русск., в русинском – нет) [9: 85; 39: 435–436]. В украинском это, по всей видимости, заимствование из польского [9: 85; 27: 545]. Следовательно, это уже относительно поздняя славянская лексика, обозначающая скорость, возникшая только в ряде славянских языков, поэтому, вероятно, это тоже вторичная ареальная лексико-семантическая инновация.

Таким образом, в словацком и польском контактных языках исследуемые существительные с корнем (*с*)*кор-* отсутствуют, чешск., слвц. *rychlost* 'быстрота движения', польск. *szybkość* 'быстрота, скорость' – западнославянская семантическая инновация.

Материал этих контактных славянских языков показал, что понятие скорости во всех этих языках выражается лексикой с корнем (*с*)*кор-* в основном адъективной, глагольной и адвербиальной (кроме украинского существительного *скорість*, семантика которого в целом совпадает во всех восточнославянских языках) [24: 117–118; 28: 298; 37]. Но эта лексика в словацком, польском и украинском не является основной и наиболее частотной для выражения понятия скорости.

Существительное *скорость* и однокорневые слова представлены во всех восточнославянских языках в тех же значениях, что и в уже приведенных выше языках (русск. *скорость*, укр. *скорість*, блр. *скорасць* и в части южнославянских: болг. *скорост*, с-хорв. *skorost* со значением быстроты движения, в родственных словах – в основном как временная характеристика) [2: 611; 24: 118; 37; 38: 875; 56: 266]. *Скорота* как обозначение скорости почти не встречается в славянских языках: только русин., ц.-сл., ст.-сл., др.-болг. *СКОРОТА* имеет значение ‘скорость, быстрота’: *ПОДВИЗАИИИ БОЖИѢА СКОРОТЫ ДРОУГ ДРОУГА ВАРѢШТЕ* [33: 606; 34: 185]. Ст.-сл. *скорота* и *скорость* характеризовали разные аспекты понятия: в старославянском словаре объясняются с помощью разных латинских слов *скорость* как ‘celeritas – скорость, быстрота’ (о движении), *скорота* как ‘alacritas – бодрость, живость, рвение, настойчивость’ (о бодром, живом характере человека) [26: 91]. Лексема *skorota* есть и в моравских говорах во временном значении ‘рано’: *Belo pět hodin, to néni taková skorota* = ‘tak časně’ – ‘так рано’ [47: 380]. В русинском же языке существительное *скорость* является более употребительным, чем *скорота*, что связано с его происхождением.

Ареал позволяет предположить старославянское влияние: в русинский язык слово *скорота*, по всей видимости, было унаследовано из церковнославянского поскольку именно этот язык долгое время был литературным языком русинов, и большое количество церковнославянизмов – одна из характерных черт русинской лексики [35: 185; 36: 132]. Моравское слово *skorota* тоже может объясняться влиянием старославянского языка во время миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия на данной территории.

Мы подробно рассмотрели историю ядерной лексики с корнем (*с*)*кор-*, характеризующую понятие скорости в русинском. Остальные лексические единицы с другими корнями *быстр-*, *пруд-*, *швид-* / *швыт-* / *швит-* не будем анализировать так подробно в диахронии, тем более что практически нет данных по истории русинской лексики.

Наиболее близкие к ядру (центральная зона) русинские существительные *быстрота*, *прудкость* и родственная им лексика тоже репрезентируют признак скорого движения в своих основных значениях. К периферии относится существительное *швытїнь* в переносном значении ‘быстрота движения’ и как характеристика движения природного объекта ‘стремнина’; к дальней периферии – существительное *ступень* в переносном значении как характеристика автомобильной скорости: *Ити третім ступнѣм* ‘двигаться на третьей скорости’ [13: 73; 15: 396].

В русинском языке слово *быстрота* имеет значения скорости движения и скорости ума, сообразительности: *Быстрота думкы*

– ‘сообразительность’, производящее *быстрый* – ‘быстрый’, ‘сообразительный, остроумный’ [14: 105]. Родственная русинская лексика имеет ту же семантику (*быстро* ‘быстро, скоро’, *быстроногий* ‘быстроногий’, *быстроокий* ‘наблюдательный, пронизательный’, *быстроумность* ‘остроумие’), а также обозначает быстроту течения водных объектов (*быстрина* ‘быстрое течение; стремнина’) и преждевременность, скорость созревания (*быстриця* ‘слива-венгерка; чернослив’) [14: 105].

Существительные с этими корнями в трех контактных языках в значении скорости могут совпадать с соответствующими русинскими. Так, со значением остроты ума отмечено укр. *бистрота* ‘остроумие, пронизательность’, в западных языках с другим суффиксом – словц. *bystrost’* как быстрота движения и ума, польск. *bystrość* ‘то же’ и ‘острота слуха’ [6: 88; 45: 152–153], прилагательное с этим корнем передает ту же семантику, что и приведенные существительные [40: 129; 46: 153]. В русинский анализируемая лексика унаследована из праславянского состояния. В южнославянских (и реже в некоторых других) славянских языках лексика с этим корнем имеет значения чистоты, прозрачности, что, по всей видимости, говорит об исходном праславянском обозначении течения водоемов [7: 186; 16: 57], но в русинском употребляется только в значении быстроты движения и остроумия.

Русинская лексическая единица *прудкость* соответствует по семантической структуре русскому *быстрота* и обозначает, судя и по однокорневой лексике прежде всего скорость движения: производящее прилагательное *прудкий* ‘скорый, быстрый’: *Поступ бесчоловічній орди був прудкий, прудко* ‘скоро, быстро’, *прудити* ‘мчаться, нестись’ [15: 228], *Прудка ріка береги розмывать* [43: 153]. Значение ума и хитрости представлено в контексте у Ю. Чори: *Прудка чортиця, як лисиця* [43: 153].

Вершиной гнезда в русинском языке является существительное *пруд*, имеющее значение движения реки ‘поток, течение’: *У Анонімуса зве ся Тисција давноіранськоє «тачая»: быстрого пруда, прудка; ...циже Тиса – прудка* [ox], ‘направление; порыв’ [10: 616; 15: 228; 42: 76–77].

Лексика, относящаяся к **pręd-/*prąd-*, имеет следующую семантику в контактных с русинским языках: укр. *пруд* ‘быстрое движение воды, реки’, *прудкість* ‘свойство быстрого’, укр. *прудкий* ‘быстрый, скорый’, ‘выражающийся быстрыми движениями’ и некоторые другие; польск. *prąd* ‘течение’, ‘ток’, ‘движение’, *prędkość* как ‘быстрота’, ‘величина, характеризующая движение тела во времени’, ‘автомобильная скорость’ [6: 788, 791; 27: 359–360; 52; 54: 51–52], *prędkі* как характеристика быстроты движения и временная, а также горячий,

пылкий характер человека (с XVI в.); в словацком нет существительного, соответствующего русин. *прудкость*, есть слвц. *prud* (с XVI в.) ‘течение’, ‘струя’, ‘ток’, ‘поток’ и другие значения, прилагательное *prudký* ‘стремительный, резкий’, ‘сильный, резкий’, ‘горячий, вспыльчивый’, ‘крутой, отвесный’, а также другая однокорневая лексика [26: 413; 27: 360; 48: 747–748; 49: 348; 51: 481; 53: 266–277].

В древнерусском зафиксировано прилагательное *проудькъ* как характеристика дерзкого человека – ‘горячий, дерзкий, своенравный’: *снь страха оца твоего по рокоу [родоу] бивь проудькъ и лють...* [19: 283; 21: 17]. В старорусский период есть и существительное *прудкость* ‘скорость, быстроходность’, и прилагательное *прудкий / пруткий* ‘быстрый, стремительный’, ‘обладающий быстрым, сильным действием’, ‘вспыльчивый, горячий, резкий’ (о человеке) и некоорые другие, заимствованные из польского [21: 17]. Ареал прилагательного с этим корнем со значением быстрого движения и переносные – восточнославянские языки и польский; *пруд* как ‘течение’, ‘водоем’, ‘отмель’, ‘водяная мельница’ и т.п. встречается и в остальных славянских языках [8: 616; 21: 17; 41: 76].

В других славянских языках семантика скорости в производных **pręd-* / **prąd-* развивается еще в праславянский период на базе ‘двигаться’, ‘совершать резкие движения’ (опять образовано по деструктивной модели) [5: 103–104; 48: 747–748], ср. укр. *прудкий* ‘выражающийся быстрыми движениями’ [27: 359]. В русинский, таким образом, значение ‘скорость, быстрота’ унаследовано из праславянского.

Итак, материал русинского, контактных и других славянских языков показал, что центральная зона исследуемого понятия в русинском языке обозначается лексикой с корнями **bystr-*, **pręd-* / **prąd-*, где значение скорости имеет праславянскую глубину формирования (как и уже у проанализированного **(s)kor-*) [5: 104].

Существительное *швытїнь*, относящееся к периферии, зафиксировано в русинском языке как в абстрактном значении ‘скорость’, так и в конкретном ‘стремнина’ как характеристика природного объекта: *Швытїнь – місто, де ріка тече дуже быстро* [15: 583].

В однокорневой лексике представлена та же семантика быстроты движения: адъектив *швыткый / швидкий / швидкий* ‘быстрый, скорый’: *Швидкий (швидка), як мотыль* [43: 442], и наречие *швытко* ‘быстро, скоро’: *Гадав єм ся завісити в шталові на клюку, // а тогды єм ся здогадав: я пуйду в прилуку; // я не пуйду у прилуку, в прилуци не видко, // а я пуйду ид дорозі, там ня найдут шибко* [15: 583; 18: 419].

С целью выявить производящую основу и исходное для семантики скорости значение обратимся к данным других славянских языков.

Вариант *швытїнь* не встречается в контактных языках (в украинском, польском, словацком), но однокорневой аффиктив и другие родственные слова представлены. В украинском языке понятие скорости же передается однокорневым словом / словообразовательным вариантом *швидкість* 'скорость движения / распространения, быстрота', 'темп какого-л. действия, процесса', 'величина тяговой силы машин', 'мех. характеристика движения пройденного тела в определенный промежуток времени', прилагательным *швидкий* 'такой, который передвигается с большой скоростью, стремительный', 'такой, который должен появиться через короткий промежуток времени', 'такой, который характеризуется особой скоростью осуществления' [29: 430–431], а также следующей родственной лексикой: *швидко* 'соро, быстро', *швидкісний* 'скоростной', 'такой, который движется с большой скоростью', 'характеризующийся ускоренным темпом', диал. *швидкати* 'поспешать' и др. [10: 398; 11: 1085; 29: 429–433; 39: 419].

В польском литературном языке анализируемый материал не представлен, есть только польские диалектные прилагательные со значением быстроты движения, торопливости, поспешности и интеллектуальной деятельности, сопряженной с быстротой: 'быстро соображающий', *szwytki* 'ловкий, проворный; удалец', *świtki* 'ловкий, смекалистый': *wośm dziewek świtkich*, однокорневое наречие *szwydko / szwytko / świtko* 'быстро, проворно, торопливо' наблюдается тоже только в диалектах [10: 398; 39: 419; 50: 332, 372].

Помимо указанных языков, только прилагательное встречается в юго-западных диалектах белорусского и русского языков. Русск. диал. *швидкий* 'быстрый' (южн., калуж., твер.), *швидкий* зафиксировано в значении 'быстрый, прыткий, ретивый' (о человеке и животном) (курск., южн., зап., смол.), *швидко* 'энергично' [10: 398; 25: 132; 39: 419]. Блр. диал. *швидкі / швідкі*, как и в русинском языке, характеризует скорость движения, в том числе природных явлений о течении реки 'быстрый' (*Верацяя гэдака швидка*), 'шустрый' о животных (*Карова Пчолка – рэкардзістка і швидкая да паши*) и человека, а также его живой, бойкий характер 'ловкий, бойкий, проворный, разбитной' (*Бяруць швидку бабу за сваньку*) [31: 476; 37], 'быстрый' о времени, о темпе работы (*Разгорнем тэмп работы швидкі Праз гутаркі і чыткі*. Колас) [37].

Таким образом, это польско-украинско-русинско-белорусско-юго-западнорусская изоглосса. Вероятно, в белорусские говоры и литературный украинский язык эта лексика была заимствована из польского языка, а затем – в западнорусские диалекты [5: 110–111; 10: 398].

Этимологи неоднозначно представляют этот пласт славянской лексики. А.Г. Преображенский и М. Фасмер характеризует как неясное [17: 93; 39: 419–420]. А.А. Потехня предполагает заимствование из

немецкого (*ge*)*schwind* ‘быстрый, стремительный’ [39: 419–420]. Авторы ЕСУМ тоже склоняются в пользу германского происхождения украинского слова: заимствование из др.-в.-нем. *swið* ‘сильный, быстрый, ловкий’ через посредство польских диалектов, ср. др.-англ. *swið* и ср.-в. (*ge*)*schwind* ‘быстрый, неистовый’, др.-в.-нем. *schwind(e)*, др.-фриз. *swithe* ‘очень’, др.-исл. *svinnr* ‘разумный’, гот. *swinþs* ‘сильный’ [8: 398]. Скорее всего, в русинский язык лексика с этим корнем пришла через посредство польского [8: 398], далее, возможно, – украинского языка. Наличие в конце корня русинского слова согласного *m* тоже можно объяснить польским посредничеством, ср. *szwytki, świtki*, так как в других славянских языках (а также в германских, откуда произошло заимствование в славянские) отмечаются формы с конечным согласным корня звонким *d*.

Другая этимология, которую предлагает Ж.Ж. Варбот, – межславянское заимствование, источником которого послужил польский язык: ср. польск. диал. *świtnąc* ‘брыкнуть, лягнуть; побежать’, *świtać* ‘быстро бежать, скакать’ (о коне), *zawinąc* ‘поспешить’, *zawij ać się, uwij ać się* ‘спешить’, *wijać* ‘уходить, убираться’, *świnąc* ‘свернуть, смотать’. Следовательно, для польск. диал. *świtki* Ж.Ж. Варбот выделяет исходную форму **świtykь(jь)*, производную от **świti* [5: 110–111].

На наш взгляд, более убедительной с формальной и семантической точки зрения является версия германского происхождения и польского посредничества.

Итак, на основании проанализированных языковых фактов можно сделать следующие выводы.

Русинские лексические единицы с корнем (*c*)*кор-*, входящие в ядерную часть понятия, центральную зону (*быстр-* и *пруд-*), имеющие значение скорости в качестве основного, являются по происхождению исконными, унаследованными из праславянского языка с семантикой быстроты движения.

Другие значения этих лексем в славянском ареале те же, что и в русинском: временная характеристика, значение быстрой интеллектуальной деятельности [9: 281; 48: 553].

В меньшей степени понятие скорости в русинском языке складывается под влиянием других языков. В первую очередь, это влияние родственных славянских языков. Доминанта синонимического ряда *скорота* пришло из церковнославянского языка. Возможно, статус доминанты именно этого существительного можно объяснить и его церковнославянским происхождением, что связано с историей культуры и литературного языка русинов. До появления *скороты*, возможно для выражения понятия скорости, использовалось не только производное прилагательное, но разные суффиксальные образования от (*c*)*кор-*. Так, в русских диалектах, например, нет слов *скорота* и *ско-*

рость, но зафиксировано для обозначения понятия скорости родственное существительное *скорина* (пск., твер.) [20: 89].

Заимствованное *швытїнь*, находящееся на периферии обозначения понятия, по всей видимости, вошло в язык в достаточно позднее время (не раньше XVIII в.). Об этом говорит и его небольшой ареал, и отсутствие лексем с данным корнем в славянских языках эпохи Средневековья. Пришедшее из западноевропейского мира (немецкое через польские диалекты) *швытїнь* появилось в русинском языке уже в значении быстроты движения.

Новый, самый поздний аспект понятия скорости в русинском стало обозначать исконное по происхождению существительное *ступень*, которое находится на дальней периферии анализируемого синонимического ряда и обозначает только автомобильную скорость в переносном значении [13: 396]. Это значение появилось на основе семантического изменения 'шаг, ступень, степень' → 'передача, переключение на другую степень скорости'. В контактных языках этим словом скорость автомобиля или скорость вообще не обозначается, это уже собственно русинская инновация.

Список сокращений

Арх. – архангельский; блр. – белорусский; болг. – болгарский; в.-луж. – верхнелужицкий; волог. – вологодский; гот. – готский; диал. – диалектный; др.-англ. – древнеанглийский; др.-болг. – древнеболгарский; др.-в.-нем. – древневерхненемецкий; др.-исл. – древнеисландский; др.-фриз. – древнефризский; др.-рус. – древнерусский, зап. – западный; иркут. – иркутский; калуж. – калужский; костром. – костромской; курск. – курский; луж. – лужицкий; макед. – македонский; нем. – немецкий; нижегор. – нижегородский; н.-луж. – нижнелужицкий; новг. – новгородский; перм. – пермский; польск. – польский; праслав. – праславянский; пск. – псковский; разг. – разговорный; русин. – русинский; русск. – русский; симб. – симбирский; сиб. – сибирский; слвц. – словацкий; словен. – словенский; смол. – смоленский; ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий; ст.-польск. – старопольский; ст.-сл. – старославянский; с.-хорв. – сербохорватский; твер. – тверской; укр. – украинский; ц.-сл. – церковнославянский; чешск. – чешский; южн. – южный; яросл. – ярославский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова Е.О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2016. 306 с.

2. *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1975. 768 с.

3. Варбот Ж.Ж. К етимології слов'янських прикметних со значенням 'швидкий' // Дослідження по російській і слов'янській етимології. СПб.: Нестор-Історія, 2011. С. 112–119.

4. Варбот Ж.Ж. К етимології слов'янських прикметних со значенням 'швидкий' III // Етимологія 1994–1996. М.: Наука, 1997. С. 35–46.

5. Варбот Ж.Ж. Слов'янські уявлення о швидкості в світлі етимології (к реконструкції слов'янської картини світу) // Дослідження по російській і слов'янській етимології. СПб.: Нестор-Історія, 2011. С. 99–111.

6. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь = Wielki słownik polsko-rosyjski. Москва: Рус. яз.; Варшава: Ведза Повшехна, 1967. 1344 с.

7. Етимологічний словник української мови = Етимологічний словник української мови: в 7 т. Т. 1: А–Г / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова і др. Київ: Наукова думка, 1982. 632, [2] с.

8. Етимологічний словник української мови = Етимологічний словник української мови: в 7 т. Т. 4: Н–П / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, В.Г. Склярєнко. Київ: Наукова думка, 2003. 656 с.

9. Етимологічний словник української мови = Етимологічний словник української мови: в 7 т. Т. 5: Р–Т / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова. Київ: Наукова думка, 2006. 704 с.

10. Етимологічний словник української мови = Етимологічний словник української мови: в 7 т. Т. 6: У–Я / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова. Київ: Наукова думка, 2012. 568 с.

11. Желеховский Э. Малорусско-немецкий словарь. Ruthe-nian-deutsches Wörterbuch: в 2 т. Т. 2: П–Я. Львів; Lemberg, 1886. 1117, [1] с.

12. Керча И. Російсько-руси́нський словник – 65 000 слів = Русско-руси́нский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 580 с.

13. Керча И. Російсько-руси́нський словник – 65 000 слів = Русско-руси́нский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 596 с.

14. Керча И. Руси́нсько-росі́йський словник. Понад 58 000 слів = Руси́нско-руси́нский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

15. Керча И. Руси́нсько-росі́йський словник. Понад 58 000 слів = Руси́нско-руси́нский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

16. Преображенский А.Г. Етимологічний словник російської мови. Труды института русского языка. Т. 1: А–О. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 674 с.

17. Преображенский А.Г. Етимологічний словник російської мови. Труды института русского языка. Выпуск последний: Тело-Яшур. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 674 с.

18. Сабадош І. Словник Закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород: Ліраб, 2008. 480 с.

19. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 вып. / гл. ред. В.Б. Крысько. Вып. 9. М.: Русский язык; ЛЕКСРУС, 2012. 480 с.
20. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. Вып. 38: Подель–Поко-роче / гл. ред. Ф.П. Сороколетов; ред. П.И. Павленко, Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2004. 373 с.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. Вып. 21: Прочный–Рас-кидати / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1995. 292 с.
22. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. Вып. 24: Се–Скорый / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 2000. 254 с.
23. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А–Й / ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 696 с.
24. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С–Я / ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 800 с.
25. Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / ред. А.И. Иванова. Вып. 11. Смоленск: Смолен. гос. пед. ин-т им. Карла Маркса, 2005. 272 с.
26. Словарь старославянского языка. Репринтное издание: в 4 т. Т. 4: С–V. СПб.: Изд-во СПб. ун-на, 2006. 1054 с.
27. Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов = Slovensko – ruský slovník. Москва; Братислава: Рус. яз.; Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.
28. Словник української мови: в 11 т. Т. 8: Природа–Ряхтливий / зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1977. 929 с.
29. Словник української мови: в 11 т. Т. 9: С / зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1978. 918 с.
30. Словник української мови: в 11 т. Т. 11: Х–Ь / зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1980. 700 с.
31. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе паграніч-ча: в 5 т. Т. 5: С–Я / рэд. Ю.Ф. Мацкевіча. Мінск, 1986. 563 с.
32. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Типография Императорской АН, 1912. Т. 3. 1684 с.
33. *Старков В.А.* «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского як джерело вивчення давньоруської ігрової культури // Дри-новський збірник. Т. 4. Харків; Софія, 2013. С. 82–91.
34. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). Около 10 000 слов / ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
35. Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С.А. Аверина, Л.М. Навтанович, М.Б. Попов и др. // Учебно-методический комплекс по курсу «Старославянский язык». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 448 с.
36. *Супрун А.Е.* Введение в славянскую филологию: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. 2-е изд., перераб. Минск: Выш. шк., 1989. 480 с.
37. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. URL: <http://https://www.skarnik.by> (дата обращения: 29.03.2023).

38. Толстой Н.И. Сербско-хорватско-русский словарь. Около 50 000 слов. М.: ГИС, 1957. 1168 с.
39. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: Муза – Сят. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубочёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: Т–Ящур. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубочёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1987, 864.
41. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Пантомима. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.
42. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2: Панцирь–Ящур. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.
43. Чорі Ю. Фразеологізми русинського мови: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород, 2015. 499 с.
44. Шило Г. Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. 288 с.
45. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: в 15 вып. Вып. 12: С / Р.М. Малько [і шш.]; рэд. Г.А. Цыхун. Мшск: Беларус. навука, 2008. 366 с.
46. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1984. Вып. 11. 220 с.
47. Bartoš F. Dialektický slovník moravský. D. 2. Praha, 1906. 566 s.
48. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. 863 s.
49. Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. Т. 4: P. Kraków: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellockiego, 1906. 466 s.
50. Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. Т. 5: R S Ś T. Kraków: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellockiego, 1907. 462 s.
51. Kralik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. 704 s.
52. Słownik języka polskiego. URL: <http://https://www.https://sjp.pl> (дата обращения: 29.03.2023).
53. Słownik polszczyzny XVI wieku: w 36 t. / redaktor tomu K. Wilczewska. Т. 30. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk: Zaktad Narodowy im. Ossolinskich; Polska Akademia Nauk, 2002. 515 s.
54. Słownik staropolski. Redaktor naczelny, kierownik S. Urbanczyk: w 11 t. Т. 7–1. Wrocław; Warszawa; Krakow: Polska Akademia Nauk, 1973. 82 s.
55. Šišková R. Areálová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV CR, 2009. 200 s.
56. Skok P. Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: v 3 kn. Kn. 3: Poni–Ž. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.

REFERENCES

1. Borisova, E.O. (2016) *Russkaya leksika so znacheniem bystryy i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte* [Russian lexis with the meaning of speed and slowness in the semantic-motivational aspect]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
2. Bernstein, S.B. (1975) *Bolgarsko-russkiy slovar'* [The Bulgarian Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Warbot, Zh.Zh. (2011a) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic Etymology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 112–119.
4. Warbot, Zh.Zh. (1997) K etimologii slavyanskikh prilagatel'nykh so znacheniem 'bystryy' III [On the etymology of Slavic adjectives meaning 'fast' III]. In: Warbot, Zh.Zh. Klimov, G.A., Kurkina, L.V., Petleva, I.P., Toporov, V.N. & Trubachev, O.N. *Etimologiya 1994–1996* [Etymology 1994–1996]. Moscow: Nauka. Pp. 35–46.
5. Warbot, Zh.Zh. (2011b) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic Etymology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 99–111.
6. Gessen, D. & Stypula, R. (1967) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar'* [The Large Polish-Russian Dictionary]. Warsaw – Moscow: Wiedza Powszechna – Sovetskaya entsiklopediya.
7. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy clovnik ukraïn'skoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
8. Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichniy clovnik ukraïn'skoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.
9. Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichniy clovnik ukraïn'skoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.
10. Melnichuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologichniy clovnik ukraïn'skoï movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka.
11. Zhelekhovskiy, E. (1886) *Malorusko-nemetskiy slovar* [Ruthenian-Deutsches Wörterbuch]. Vol. 2. Lwow – Lemberg: [s.n.].
12. Kercha, I. (2012a) *Rosiy's'ko-rusins'kiy slovnik* [The Russian- Rusinian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
13. Kercha, I. (2012b) *Rosiy's'ko-rusins'kiy slovnik* [The Russian- Rusinian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
14. Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rusiy's'kiy slovnik* [The Rusinian -Russian dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

15. Kercha, I. (2007b) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovnik* [The Rusinian -Russian dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
16. Preobrazhenskiy, A.G. (1959a) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
17. Preobrazhenskiy, A.G. (1959b) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
18. Sabadosh, I. (2008) *Slovník Zakarpats'koj govorky sela Sokirnit'sya Khust'skogo rayonu* [The Dictionary of Transcarpathian dialect of Sokirnit'sya village, Khust district]. Uzhhorod: Lirab.
19. Krysko, V.B. (ed.) (2012) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (the 11th – 14th century)]. Vol. 9. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2004) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 38. St. Petersburg: Nauka.
21. Filin, F.P. (ed.) (1995) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language. The 11th – 17th century]. Vol. 21. Moscow: Nauka.
22. Filin, F.P. (ed.) (2000) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language. The 11th – 17th century]. Vol. 24. Moscow: Nauka.
23. Evgenieva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Evgenieva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
25. Ivanova, A.I. (ed.) (2005) *Slovar' smolenskikh govorov* [A Dictionary of Smolensk Dialects]. Vol. 11. Smolensk: Smol. pedin-t im. Karla Marksa.
26. Kurz, J. (ed.) (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka* [The Dictionary of the Old Church Slavonic Language]. Vol. 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
27. Kollar, D., Dorotyakova, V. et al. (eds) (1976) *Slovensko-ruský slovník* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Russkiy yazyk; Slovatsk. ped. izd-vo.
28. Mandrika, M.L. (ed.) (1977) *Slovník ukraïn'skoi movi* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 8. Kyiv: Naukova dumka.
29. Mandrika, M.L. (ed.) (1978) *Slovník ukraïn'skoi movi* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka.
30. Mandrika, M.L. (ed.) (1980) *Slovník ukraïn'skoi movi* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 11. Kyiv: Naukova dumka.
31. Matskevich, Yu.F. (1986) *Sloŭnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zakhodnyaj Belarusi i yae pagranichcha* [The Dictionary of the Belarusian dialects of Nord-Western Belarus and its border]. Vol. 5. Minsk: [s.n.].
32. Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [The Materials for the Old Russian Dictionary]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

33. Starkov, V.A. (2013) "Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka" I.I. Sreznevskogo yak dzherelo vivchennya davn'orus'koï igrovoi kul'turi. In: *Drinov'skiy sbornik* [The Drinov Collection]. Vol. 4. Kharkiv; Sofia: Marin Drinov. pp. 82–91.

34. Tseytlin, R.M., Večerka, R. & Blagova, E. (eds) (1994) *Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Church Slavonic Dictionary: by manuscripts of the 10th – 11th century]. Moscow: Russkiy yazyk.

35. Averina, S.A., Navtanovich, L.M., Popov, M.B. et al. (2013) *Staroslavjanskiy yazyk* [Old Church Slavonic]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

36. Suprun, A.E. (1989) *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [The Introduction to Slavic Philology]. Minsk: Vysshaya shkola.

37. Belarus. (n.d.) *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskay movy* [The Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. [Online] Available from: <https://skarnik.by> (Accessed: 29th March 2023).

38. Tolstoy, N.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'* [The Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: GIS.

39. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 3. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

40. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

41. Chernykh, P.Ya. (1999a) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd. ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

42. Chernykh, P.Ya. (1999b) *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd. ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

43. Chori, Yu. (2015) *Frazeologizmy rusins'kogo yazyka: v 2 t.* [Phraseology of the Rusin language: In 2 vols]. Vol. 2. Uzhhorod: [s.n.].

44. Shilo, G. (2008) *Naddnistrians'kiy regional'niy slovník* [The Upon Dniester Regional Dictionary]. Lviv, New-York: I. Kripyakevich Institute of Ukrainian Studies.

45. Martynaw, V.U. (ed.) (2008) *Etymalagichny slounik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 12. Minsk: Navuka i tekhnika.

46. Trubachev, O.N. (ed.) (1984) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 11. Moscow: Nauka.

47. Bartoš, F. (1906) *Dialektický slovník moravský* [The Moravian Dialect Dictionary]. Vol. 2. Praha: [s.n.].

48. Boryś, W. (2005) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow: Wydawnictwo literackie.

49. Karłowicz, J. (1906) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish Dialects]. Vol. 4. Krakow: Jagiellonian University.
50. Karłowicz, J. (1907) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish Dialects]. Vol. 5. Krakow: Jagiellonian University.
51. Kralik, L. (2015) *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [The Brief Etymological Dictionary of Slovak Language]. Bratislava: Veda.
52. Poland. (s.n.) *Słownik języka polskiego* [The Polish Language Dictionary]. [Online] Available from: <http://sjp.pl> (Accessed: 29th March 2022).
53. Wilczewska, K. (2002) *Słownik polszczyzny XVI wieku* [The Dictionary of Polish Language. The 16th century]. Vol. 30. Wrocław; Warsaw; Krakow; Gdansk: Polska Akademia Nauk.
54. Urbanczyk, S. (1973) *Słownik staropolski* [The Old Polish Language Dictionary]. Vol. 7-1. Wrocław; Warsaw; Krakow: Polska Akademia Nauk.
55. Šišková, R. (2009) *Areálová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník* [The Areal Study of Vocabulary of Rusin Dialects of Eastern Slovakia. The Differential Dictionary]. Prague: Slovansky Ostav AV CR.
56. Skok, P. (1973) *Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian and Serbian languages]. Vol. 3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Svetlana A. Tolstik – Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/14

Оценка вклада доминирующих аудиальной и визуальной модальностей в семантику слов, контактирующих языков (славянско-тюркское языковое взаимодействие)*

И.С. Коршунова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Авторское резюме

Анализируются оценки вклада доминирующих аудиальной и визуальной модальностей в семантику слов контактирующих языков. Актуальность данного исследования обусловлена неизученностью влияния языкового контактирования на функционирование языка, в том числе восприятие его единиц носителями языка. Одной из актуальных проблем, активно разрабатываемых в современной психолингвистике, является проблема отражения перцептивного опыта в семантике слов и факторов, воздействующих на данные процессы. Таким фактором является билингвизм, наличие в ментальном лексиконе носителя языка двух систем, единицы которых могут влиять друг на друга. Представлены результаты проверки гипотезы о возможном влиянии фактора билингвизма на оценку вклада модальностей восприятия в семантику слова и то, как это проявляется при когнитивной обработке носителями двух языков. Исследование выполнено на материале психолингвистической базы данных (ПБД) RuWordPerception. Оценки вклада аудиальной и визуальной модальностей в семантику русских существительных, прилагательных и глаголов, полученные от носителей русского языка как родного, татарско-русских билингвов, послужили материалом исследования. Татарско-русские билингвы являются представителями херитажного типа билингвизма, у них русский язык доминирующий, а материнский

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

язык имеет ограниченную сферу использования, функционируя преимущественно в качестве средства семейного и дружеского общения. Чтобы проследить это влияние, анализируется, как носители русского языка как родного и татарско-русские билингвы оценивают вклад модальностей в семантику слов. Планируя исследование, автор предполагал, что из-за влияния родного языка у татарско-русских билингвов будет значимая разница в оценках русских слов в сравнении с носителями русского языка как родного. Однако в результате были выявлены схожие тенденции в оценках двух групп респондентов, это может быть обусловлено активностью использования русского языка и уменьшением активации паттернов материнского языка в процессах коммуникации; общностью социокультурных факторов.

Ключевые слова: билингвизм, база данных, аудиальная модальность, визуальная модальность

Evaluation of the contribution of dominant auditory and visual modalities to the semantics of words in contacting languages (Slavic-Turkic language interaction)*

Irina S. Korshunova

Tomsk State University
Russia, 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36
E-mail: korshunova-61818@mail.ru

Abstract

The article presents an analysis of the evaluation of the contribution of the dominant auditory and visual modalities to the semantics of words in contacting languages. The relevance of this study is determined by the lack of understanding how language contacts affect language functioning, including the perception of its units by native speakers. An urgent problem actively developed in modern psycholinguistics is that of perceptual experience reflected in the semantics of words and factors that influence these processes. Among such factors is bilingualism – when a native speaker's mental lexicon comprises two systems, whose units can influence each other. The author has tested the hypothesis about the possible influence of the bilingualism on

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority2030).

the evaluation of the contribution of perception modalities to the semantics of the word and how this manifests itself in cognitive processing by bilinguals. The study was performed on the material of the psycholinguistic database RuWordPerception [2]. The contribution of auditory and visual modalities to the semantics of Russian nouns, adjectives, and verbs is assessed by native Russian speakers and Tatar-Russian bilinguals. Tatar-Russian bilinguals belong to the heritage type of bilingualism, with Russian as dominant, and the mother tongue having a limited scope of use, mainly in family and friendly communication. The article analyzes how native Russian speakers and Tatar-Russian bilinguals assess the contribution of modalities to the semantics of words. The hypothesis was that under the influence of their native language, Tatar-Russian bilinguals would demonstrate a significant difference in the evaluation of Russian words in comparison with native Russian speakers. However, the study has identified similar trends in the evaluation in the two groups of respondents, which is probably due to the active use of Russian, a decreased activation of mother tongue patterns in communication, and common sociocultural background.

Keywords: bilingualism, database, auditory modality, visual modality

Язык – это одновременно грамматическая система, которая развивается в сознании отдельных говорящих, и социальная конструкция, которая позволяет отдельным говорящим общаться, формировать группы на основе их общения и использования языка и в то же время определять свою языковую идентичность посредством социальных и коммуникативных практик. Социальные группы формируются на основе общих интересов, целей или признаков их участников. Кроме того, выделяют группы носителей языка в зависимости от количества языков, которыми владеет человек (монолингвы, би- и полилингвы), от времени овладения этими языками (ранние, поздние билингвы) и от того, в каком соотношении находятся данные языки в жизни человека (сбалансированные, несбалансированные, херитажные билингвы). В последние годы языки наследия / херитажные языки все чаще признаются в качестве уникального источника знаний о языке, и их данные внесли большой вклад в развитие лингвистических тематик и построение теорий. Как известно, языковое поле херитажных языков столь же динамично, сколь и сложно [12]. Об этом свидетельствует многообразие определений, которые были предложены самому термину «язык наследия / херитажный язык». Некоторые из них сосредоточены на самом языке [13: 15–16], в то время как другие сосредоточены на носителях [14; 18]. Точно так же языки наследия изучались через призму приобретения лингвистической формы и функции, а также через изучение коммуникативных практик и,

довольно часто, через педагогику, дидактику и оценку. Подходы к изучению языков наследия крайне разнообразны – от корпусных исследований до генеративной лингвистики. С эмпирической точки зрения исследователи, занимающиеся херитажными билингвами и языками наследия, поднимают много важных вопросов, на которые ученые пытаются найти ответ, применяя различные подходы и используя методологию разных научных направлений – собственно лингвистическую, социолингвистическую, психолингвистическую.

Как известно, психолингвистика – это междисциплинарная область, изучающая языковое поведение и лежащие в его основе когнитивные процессы. В современной психолингвистике фундаментальным является когнитивный взгляд на язык. Овладение языком наряду с пониманием языка, производством речи являются ключевыми областями изучения психолингвистики, поэтому существует естественная близость между психолингвистикой и изучением языков наследия. При этом психолингвистика обычно использует технологически продвинутые методы эмпирического исследования языка, которые могут быть особенно полезны для исследования херитажных билингвов.

Анализ научной литературы нам показывает, что носители языков наследия относительно мало изучены в психолингвистике по сравнению с другими группами пользователей языка, не говоря уже о представителях херитажного типа билингвизма, которые находятся в среде функционирования русского языка, поэтому есть много возможных направлений для будущих исследований. До сих пор было проведено очень мало исследований с использованием психолингвистических и нейролингвистических методов исследования в реальном времени, таких как отслеживание взгляда, самостоятельное чтение и ЭЭГ (электроэнцефалография). Ученые начали признавать, что некоторые из более традиционных методов исследования могут быть не оптимальными при изучении когнитивных процессов и языковых практик носителей херитажных языков, однако было проведено очень мало исследований для сравнения различных методов друг с другом [7; 11].

В данной статье мы представляем результаты исследования, полученные с применением методов анкетирования на этапе сбора материала и корреляционного анализа – на этапе его обработки и анализа. В сфере нашего внимания находятся носители херитажного типа билингвизма: татарско-русские билингвы. Этот вариант билингвизма характерен для ряда регионов Южной Сибири. Носители сибирского диалекта татарского языка, по данным анкетирования респондентов, получили образование на русском языке и в настоящее время используют русский язык в большинстве ситуаций, при этом находятся под влиянием двух разных культур.

Исследовательская проблема, которая решается в статье, – подвсргаются ли влиянию родного языка две базовые модальности восприятия, аудиальная и визуальная, при восприятии слов осваиваемого (русского) языка. Мы решаем эту проблему на ограниченном материале, полученном в результате анкетирования татарско-русских билингвов и носителей русского языка как родного.

Проблема связи между модальностями восприятия и оценка их вклада в семантику слов – одна из частных проблем, решаемых в теории воплощённого познания. Сенсорная информация, извлечённая из опыта, лежит в основе нашего понимания мира. Теория воплощённого познания предполагает, что сенсорная информация способствует пониманию языка [9]. Это подтверждается многочисленными поведенческими исследованиями, обнаружившими, что сенсорная кора активируется во время понимания слов. Большинство доказательств роли сенсорной информации в понимании языка исходит от зрительных и слуховых модальностей, потому что зрение и слух оказывают наибольшее влияние на восприятие слов [8; 19]. Кроме того, это наиболее изученные органы чувств человека [5; 6]. Сказанное подчеркивает важность оценки вклада отдельных сенсорных модальностей в семантику слов и проведения сравнений между оценками вклада каждой модальности.

Один из способов измерить вклад модальности восприятия в значении слова – попросить участников оценить слова по сенсорным модальностям в соответствии с их перцептивным опытом. Это обеспечивает точную непрерывную оценку вклада модальностей в семантику слов, которую можно использовать для более детальной оценки в экспериментах. Оценки вклада модальностей восприятия в семантику слов, которые дают респонденты, приобретают все большее значение для разработки и анализа экспериментов. В последние годы было выпущено несколько баз данных норм сенсорной модальности для ряда языков [1; 4; 8; 10; 16; 17; 20]. Нормы сенсорной модальности отражают суждения участников о том, как понятия связаны с сенсорными модальностями. Участников просят оценить, в какой степени значение слова связано с перцептивным опытом в одной из модальностей. Как показали уже собранные данные, вклад модальностей восприятия в семантику слов неравномерен, это также подтверждается и на нашем материале. При этом значительный интерес представляет классификация по доминирующей модальности на основе наивысшей силы модальности. Например, слово «фиолетовый» тесно связано со зрительным восприятием, а слово «цитрусовый» тесно связано с восприятием вкуса. Поэтому в нашем исследовании мы также используем словники с доминирующими аудиальной и визуальной модальностями (подробнее будут описаны далее).

Материалом для данного исследования послужили оценки вклада аудиальной и визуальной модальностей в семантику русских существительных, прилагательных и глаголов, данные носителями русского языка как родного и татарско-русскими билингвами. Исследование выполнено на материале психолингвистической базы данных (ПБД) RuWordPerception [1; 2]. Данные были получены с использованием анкетирования, которое проводилось либо посредством бумажных анкет, либо онлайн с помощью Google Forms. Словник базы данных формировался методом ненаправленной выборки из академических словарей русского языка. Задача респондентов заключалась в том, чтобы оценить то, насколько слово связано с каждой из пяти модальностей восприятия (аудиальной, визуальной, вкусовой, обонятельной и осязательной) по семибалльной шкале Ликерта, где 1 обозначает слабую связь слова с модальностью, а 7 – максимальную связь. Объем базы данных в настоящее время составляет 645 773 оценки русских слов, данных 251 носителем русского и тюркских языков. Ознакомиться с RuWordPerception можно по ссылке [15].

После проведения статистического анализа было выявлено, что в составе словника, сформированного методом ненаправленной выборки, присутствуют амодальные слова или слова, имеющие слабую связь с модальностями восприятия, что, в свою очередь, влияет на коэффициенты корреляции при анализе связей модальностей восприятия. Мы решили, что это могло произойти из-за особенностей формирования словника, поэтому далее нами были отобраны слова каждой части речи с доминирующей визуальной и аудиальной модальностями (значение средней оценки по параметру $\geq 3,5$), что позволило исключить из анализа амодальные слова и слова с низкими значениями по данным модальностям. Таким образом, мы убрали все слова, средние оценки которых были ниже 3,5, что означает, что респонденты посчитали связь слова с параметром аудиальной или визуальной модальностей слабой, и сформировали новый словник.

В сформированном новом корпусе единиц выявилась частеречная асимметрия: в составе слов с доминирующей аудиальной и визуальной модальностями, по оценкам носителей русского языка, преобладают существительные, по оценкам, данным татарско-русскими билингвами, с доминирующей аудиальной модальностью также преобладают существительные, а с доминирующей визуальной модальностью – прилагательные.

Пример оценок вклада аудиальной и визуальной модальностей в семантику слов (носители русского языка как родного и татарско-русские билингвы) на материале словника с доминирующей аудиальной модальностью представлен в табл. 1

Таблица 1

**Оценки слов с доминирующей аудиальной или визуальной модальностью
(значение средней оценки по параметру $\geq 3,5$)**

Слово	Носители русского как родного	Слово	Татарско-русские билингвы
Аудиальная модальность			
шум	6,69	кричать	6,02
будильник	6,53	шум	6
кричать	6,29	музыкант	5,9
музыкант	6,26	завизжать	5,88
мелодичный	6,22	стучать	5,78
проигрыватель	6,09	мелодичный	5,71
тишина	6,09	хлопать	5,55
завизжать	6,05	говорить	5,53
засвистеть	6	будильник	5,52
храпеть	5,92	звонить	5,41
топот	5,88	храпеть	5,22
говорить	5,81	проигрыватель	5,19
скандал	5,81	вечеринка	5,16
щелчок	5,8	звать	5,16
стучать	5,71	покашлять	5,12
Визуальная модальность			
смотреть	6,46	видеть	6,28
видеть	6,37	свет	6,19
свет	6,29	смотреть	5,96
бордовый	6,25	глядеть	5,78
глядеть	6,24	голубой	5,7
бежевый	6,1	бирюзовый	5,6
бирюзовый	6,09	ослепительный	5,6
голубой	5,99	светлый	5,6
просмотр	5,99	бежевый	5,45
пестрый	5,93	стеклянный	5,43
рыжий	5,9	солнечный	5,38
сияние	5,88	рельефный	5,36
светлый	5,84	сияние	5,33
лампа	5,71	бордовый	5,32
солнечный	5,64	пестрый	5,32

Данные свидетельствуют о значительном уровне корреляции состава слов с доминирующими визуальной и аудиальной модальностями по оценкам, данным носителями русского как родного и татарско-русскими билингвами.

В статье представлены данные о том, как татарско-русские билингвы (представители херитажного типа билингвизма) и носители русского языка как родного оценивают вклад двух ведущих модальностей восприятия в семантику слов. Такое исследование было проведено, чтобы выявить наличие или отсутствие влияния родного языка на оценку вклада аудиальной и визуальной модальностей у татарско-русских билингвов в ситуации функционального доминирования русского языка. Однако мы предположили, что татарско-русские билингвы будут оценивать русские слова не так, как носители русского языка как родного, находясь под влиянием материнского языка.

Для того чтобы проверить гипотезу, был проведён корреляционный анализ, который показал уровень и характер связи между несколькими переменными; в данном случае мы анализировали связь между аудиальной и визуальной модальностями. Была проведена проверка выборок отобранных лексических единиц с доминирующими визуальной и аудиальной модальностями на нормальность распределения, чтобы определить выбор возможных методов статистического анализа данных. Проверка выявила, что распределение данных является ненормальным, поэтому был в дальнейшем использован непараметрический метод анализа – корреляционный анализ Спирмена. С использованием данного метода мы проанализировали и сравнили выборки, вычислили коэффициент корреляции (табл. 2):

- для оценок вклада в семантику слов аудиальной и визуальной модальностей, данных носителями русского языка как родного, представленных в ПБД RuWordPerception;

- оценок вклада в семантику слов аудиальной и визуальной модальностей, данных носителями татарско-русского билингвизма, представленных в ПБД RuWordPerception;

- оценок вклада в семантику слов аудиальной и визуальной модальностей, данных носителями русского языка как родного, представленных в корпусе слов с доминирующей аудиальной модальностью;

- оценок вклада в семантику слов аудиальной и визуальной модальностей, данных носителями татарско-русского билингвизма, представленных в корпусе слов с доминирующей аудиальной модальностью;

- оценок вклада в семантику слов аудиальной и визуальной модальностей, данных носителями русского языка как родного,

представленных в корпусе слов с доминирующей визуальной модальностью;

– оценок вклада в семантику слов аудиальной и визуальной модальностей, полученных от татарско-русских билингвов, представленных в корпусе слов с доминирующей визуальной модальностью.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции аудиальной или визуальной модальностей

Показатель	Полный корпус слов ПБД RuWordPerception	Корпус слов с доминирующей аудиальной модальностью	Корпус слов с доминирующей визуальной модальностью
Носители русского как родного	-0,13	-0,45	-0,32
Татарско-русские билингвы	-0,1	-0,31	-0,47

В результате анализа было выявлено увеличение коэффициентов корреляции оценок двух групп респондентов в сравнении с анализом, проводимым на материале полного словника ПБД RuWordPerception. В оценках, данных носителями русского языка как родного, коэффициент корреляции Спирмена изменился с $-0,13$ до $-0,45$ при анализе единиц с доминирующей аудиальной модальностью и с $-0,13$ до $-0,32$ при анализе корпуса слов с доминирующей визуальной модальностью. В оценках, данных татарско-русскими билингвами, соотношение следующее: коэффициент корреляции Спирмена изменился с $-0,1$ до $-0,31$ при анализе единиц с доминирующей аудиальной модальностью и с $-0,1$ до $-0,47$ при анализе корпуса слов с доминирующей визуальной модальностью.

Как можно видеть, на материале русского языка при оценке слов с доминирующей аудиальной или визуальной модальностями двумя группами респондентов были выявлены умеренные отрицательные корреляции, хотя в оценках слов полного корпуса слов ПБД RuWordPerception, который формировался методом случайной выборки лексических единиц, были выявлены только слабые отрицательные корреляции между оценками двух ведущих модальностей восприятия. При этом мы наблюдаем схожие тенденции в оценках двух групп респондентов, что опровергает нашу гипотезу. Мы предполагали, что из-за влияния родного языка у татарско-русских билингвов будет значимая разница в оценках русских слов в сравнении с носителями русского языка как родного. Однако в результате исследования были выявлены схожие тенденции в оценках двух групп респондентов, это

может быть обусловлено активностью использования русского языка и уменьшением активации паттернов материнского языка в процессах коммуникации; общностью социокультурных факторов. Как мы отмечали ранее, наши респонденты – представители татарско-русского билингвизма, проживающие на территории Южной Сибири, живут в активном взаимодействии с русским языком и культурой, что могло повлиять на полученные результаты.

Тем не менее отрицательные коэффициенты корреляций аудиальной и визуальной модальностей соотносятся с данными, полученными на материале других языков [3]. Согласно данным, чем больше слово связано с аудиальной модальностью, тем меньше с визуальной, и наоборот.

Вовлечение славянских языков и сбор оценок на материале этих языков позволяют сравнивать наши данные с полученными на материале других языков и вписывать их в мировую психолингвистическую парадигму.

На данном этапе наше исследование еще продолжается и наличие нормативных данных по аудиальной и визуальной модальностям дают нам возможность проверить, являются ли эти параметры значимыми при когнитивной обработке слов (проверяется влияние на время реакции). Это позволит нам исследовать более глубокие процессы взаимодействия языков в ментальном лексиконе билингов и выяснить, как это будет проявляться в речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 49–57. DOI: 10.17223/15617793/450/6

2. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021622890 Российская Федерация. Психолингвистическая база данных оценок слов русского языка RuWordPerception: № 2021622722 : заявл. 30.11.2021 : опубл. 10.12.2021 / Е.Д. Артеменко, А.С. Буб, Д.К. Гнетов [и др.]. Заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

3. Chedid G., Brambat S., Bedetti Ch., Rey A., Wilson M., Vallet G. Visual and auditory perceptual strength norms for 3,596 French nouns and their relationship with other psycholinguistic variables // Behavior Research Methods. 2019. Vol. 51. DOI: 10.3758/s13428-019-01254-w

4. *Chen I.H., Zhao Q., Lon Y., Lu Q., Huang C.R.* Mandarin Chinese modality exclusivity norms // *PLoS ONE*. 2019. Vol. 14, e0211336. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211336>

5. *Colavita F.B.* Human sensory dominance // *Perception and Psychophysics*. 1974. Vol. 16. P. 409–412. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03203962>

6. *Hecht D., Reiner M.* Sensory dominance in combinations of audio, visual and haptic stimuli // *Experimental Brain Research*. 2009. Vol. 193. P. 307–314. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00221-008-1626-z>

7. *Jegerski J., Keating G.D.* Processing Difficulty in Heritage Bilingual Sentence Comprehension: A Comparison of Self-Paced Reading and Eyetracking // Paper presented at the Bilingualism Forum. University of Illinois at Chicago, IL. 2018. October.

8. *Lynot D., Connell L.* Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // *Behavior Research Methods*. 2013. Vol. 45. P. 516–526. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-012-0267-0>

9. *Meteyard L., Cuadrad S.R., Bahrami B., Vigliocco G.* Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics // *Cortex*. 2012. Vol. 48. P. 788–804.

10. *Miklashevsky A.* Perceptual experience norms for 506 Russian nouns: Modality rating, spatial localization, manipulability, imageability and other variables // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2018. Vol. 47. P. 641–661.

11. *Montrul S., Foote R.* Age of Acquisition Interactions in Bilingual Lexical Access: A Study of the Weaker Language of L2 Learners and Heritage Speakers // *The International Journal of Bilingualism*. 2014. Vol. 18 (3). P. 274–303.

12. *Montrul S., Polinsky M.* *The Cambridge handbook of heritage languages and linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. DOI: [10.1017/9781108766340](https://doi.org/10.1017/9781108766340)

13. *Montrul S.* *The acquisition of heritage languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. DOI: [10.1017/CBO9781139030502](https://doi.org/10.1017/CBO9781139030502)

14. *Rothman J.* Understanding the nature and outcomes of early bilingualism: Romance languages as heritage languages // *International Journal of Bilingualism*. 2015. Vol. 13 (2). P. 155–163. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367006909339814>

15. *RuWordPerception* // Психолингвистическая база данных, 2021. URL: <http://clingv.ru:3839> (дата обращения: 20.05.2023).

16. *Speed L.J., Majid A.* Dutch modality exclusivity norms: Simulating perceptual modality in space // *Behavior Research Methods*. 2017. Vol. 49. P. 2204–2218.

17. *Speed L.J., Majid A.* An exception to mental simulation: No evidence for embodied odor language // *Cognitive Science*. 2018. Vol. 42 (4). P. 1146–1178

18. *Valdés F., Guadalupe.* Introduction // *Spanish for native speakers. AATSP professional development series handbook for teachers k-16*. New York: Harcourt College, 2000. Vol. 1. P. 1–20.

19. Van Dantzig S., Cowell R.A., Zeelenberg R., Pecher D. A sharp image or a sharp knife: Norms for the modality-exclusivity of 774 concept-property items // *Behavior Research Methods*. 2011. Vol. 43. P. 145–154. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-010-0038-8>

20. Winter B. Taste and smell words form an affectively loaded and emotionally flexible part of the English lexicon // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2016. Vol. 31. P. 975–988.

REFERENCES

1. Rezanova, Z.I., Mashanlo, T.E. & Stepanenko, A.A. (2020) Perceptual component of the semantics of nouns, adjectives, verbs of the Russian language in a bilingual perspective (psycholinguistic database RuWordPerception). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 49–57 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/455/5

2. Artemenko, E.D., Bub, A.S. & Gnetov, D.K. et al. (2021) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2021622890 Rossiyskaya Federatsiya. Psikholingvisticheskaya baza dannykh otsenok slov russkogo yazyka RuWordPerception: № 2021622722: zayavl. 30.11.2021: opubl. 10.12.2021* [Certificate of state registration of Database No. 2021622890 Russian Federation. Psycholinguistic database of evaluations of Russian words RuWordPerception: No. 2021622722: Appl. 11/30/2021: publ. December 10, 2021]. Applicant: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University.”

3. Chedid, G. & Brambati, S., Bedetti, C., Rey, A., Wilson, M. & Vallet, G. (2019) Visual and auditory perceptual strength norms for 3,596 French nouns and their relationship with other psycholinguistic variables. *Behavior Research Methods*. 51. doi: 10.3758/s13428-019-01254-w

4. Chen, I.H., Zhao, Q., Long, Y., Lu, Q. & Huang, C.R. (2019) Mandarin Chinese modality exclusivity norms. *PLoS ONE*. 14. e0211336. doi: 10.1371/journal.pone.0211336

5. Colavita, F.B. (1974). Human sensory dominance. *Perception & Psychophysics*. 16. pp. 409–412. doi: 10.3758/BF03203962

6. Hecht, D. & Reiner, M. (2009) Sensory dominance in combinations of audio, visual and haptic stimuli. *Experimental Brain Research*. 193. pp. 307–314. doi: 10.1007/s00221-008-1626-z

7. Jegerski, J. & Keating, G.D. (2018) *Processing Difficulty in Heritage Bilingual Sentence Comprehension: A Comparison of Self-Paced Reading and Eyetracking*. Paper presented at the Bilingualism Forum, University of Illinois at Chicago.

8. Lynott, D. & Connell, L. (2013) Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods*. 45. pp. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0

9. Meteyard, L., Cuadrado, S.R., Bahrami, B. & Vigliocco, G. (2012) Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*. 48. pp. 788–804.
10. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual experience norms for 506 Russian nouns: Modality rating, spatial localization, manipulability, imageability and other variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 47. pp. 641–661. doi: 10.1007/s10936-017-9548-1
11. Montrul, S. & Foote, R. (2014) Age of Acquisition Interactions in Bilingual Lexical Access: A Study of the Weaker Language of L2 Learners and Heritage Speakers. *The International Journal of Bilingualism*. 18(3). pp. 274–303. doi: 10.1177/1367006912443431
12. Montrul, S. & Polinsky, M. (2021) *The Cambridge Handbook of Heritage Languages and Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781108766340
13. Montrul, S. (2015) *The Acquisition of Heritage Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9781139030502
14. Rothman, J. (2009) Understanding the nature and outcomes of early bilingualism: Romance languages as heritage languages. *International Journal of Bilingualism*. 13(2). pp. 155–163. doi: 10.1177/1367006909339814.
15. *RuWordPerception*. Psycholinguistic database, 2021. [Online] Available from: <http://clingv.ru:3839/> (Accessed: 20th May 2023).
16. Speed, L.J. & Majid, A. (2017) Dutch modality exclusivity norms: Simulating perceptual modality in space. *Behavior Research Methods*. 49. pp. 2204–2218. doi: 10.3758/s13428-017-0852-3
17. Speed, L.J. & Majid, A. (2018) An exception to mental simulation: No evidence for embodied odor language. *Cognitive Science*. 42(4). pp. 1146–1178. doi: 10.1111/cogs.12593
18. Valdés, F.G. (2000) Introduction. In Sandstedt, L.A. (ed.) *Spanish for native speakers: AATSP professional development series handbook for teachers k-16*. Vol. 1. pp. 1–20. New York: Harcourt College.
19. Van Dantzig, S., Cowell, R.A., Zeelenberg, R. & Pecher, D. (2011) A sharp image or a sharp knife: Norms for the modality-exclusivity of 774 concept-property items. *Behavior Research Methods*. 43. pp. 145–154. doi: 10.3758/s13428-010-0038-8
20. Winter, B. (2016). Taste and smell words form an affectively loaded and emotionally flexible part of the English lexicon. *Language, Cognition and Neuroscience*. 31. pp. 975–988.

Коршунова Ирина Сергеевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Irina S. Korshunova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: korshunova-61818@mail.ru

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/72/15

Длина слова в русинском языке

И.А. Меркулова

Воронежский государственный университет
Россия, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: igel1@yandex.ru

Авторское резюме

Длина слова является косвенным показателем его функциональной активности. Выделяется функциональное ядро русинской лексики путём ранжирования лексических единиц по их длине. Это позволяет сделать методика параметрического анализа лексики, при которой одним из параметров выступает функциональный параметр, косвенно оцениваемый по длине слова. Источником анализа является «Русинско-русский словарь» И. Керчи. В ходе исследования было получено функциональное ядро русинской лексики в 1 764 слова длиной от 2 до 4 букв. Максимум слов в словаре-источнике приходится на длину в 8 букв. Форма распределения слов по длине является односторонней, что сближает русинский с другими восточнославянскими языками. С точки зрения частеречного распределения функциональное ядро русинского языка характеризуется значительным преобладанием имён существительных над другими частями речи. По сравнению с другими восточнославянскими языками, русинский характеризуется максимальным значением средней длины слова. Форма и семантика слов функционального ядра русинской лексики, общих со словами других восточнославянских языков, в большей части совпадают. Основа короткой по длине лексики русинского языка – слова общеславянского происхождения, хотя удельный вес праславянского словаря сохраняется не в равной степени в разных славянских языках. В функциональном ядре русинской лексики можно выделить и уникальные для функциональных ядер языков восточнославянской группы лексемы.

Ключевые слова: длина слова, функциональное ядро, параметрический анализ словаря, русинская лексика

Word length in the Rusinian language

Inna A. Merkulova

Voronezh State University

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia

E-mail: igel1@yandex.ru

Abstract

The word length is an indirect indicator of its functional activity. The aim of the research is to find the functional core of the Rusinian vocabulary by ranking lexis according to their length. This can be done by the method of parametric analysis of vocabulary, in which one of the parameters is a functional parameter, indirectly estimated by the word length. The analysis conducted on Igor Kercha's Rusinian-Russian Dictionary has identified the functional core of the Rusinian vocabulary of 1,764 words of 2 to 4 letters. The maximum number of words in the source dictionary is 8 letters long. The distribution of words in length is single-vertex, which brings Rusinian closer to other East Slavic languages. In terms of part-of-speech distribution, the functional core of the Rusinian language is characterized by a significant prevalence of nouns over other parts of speech. Compared to other East Slavic languages, Rusinian is characterized by the maximum average word length. The form and semantics of the words in the functional core of the Rusinian lexicon, common to the words of other East Slavic languages, largely coincide. The basis of the short-length vocabulary of the Rusinian language is made of words of common Slavic origin, although the proportion of the Proto-Slavic vocabulary is not equal in different Slavic languages. The functional core of the Rusinian lexicon also contains lexemes that are unique to the functional cores of the languages of the East Slavic group.

Keywords: length, functional core, parametric analysis of a dictionary, Rusinian lexicon

Длина слова считается важным показателем характеристики языка, который можно рассматривать как количественно-типологический критерий. «Длина слова считается важным количественно-типологическим критерием, который прогнозирует не только структурные черты языка, но и индивидуальные и функциональные особенности текстов и словарей» [14: 110]. Несомненно, она связана с другими характеристиками текста и словаря (частотность, словообразование, вариативность, возраст слова, многозначность и т. д.). Современные исследователи часто обращаются к рассмотрению этих взаимосвязей [9: 41–45; 10: 193–199; 15: 23–38; 17: 224–281]. С момента появле-

ния работ американского лингвиста Дж.К. Ципфа в первой половине XX в. его гипотеза о том, что длина слов в целом имеет тенденцию находиться в обратной (не обязательно пропорциональной) зависимости от количества вхождений, стала общепринятой [6: 366–566]. Можно сказать, что длина слова является косвенным показателем его функциональной активности, который востребован при автоматической обработке текста, в алгоритмах проверки правописания, в методике обучения языку и т. п.

Целью исследования является выделение функционального ядра русинской лексики путём ранжирования лексических единиц по их длине.

Объектом исследования послужил русинско-русский словарь объёмом около 54 000 слов [3], обработанный как электронная база данных Microsoft Office Excel. Этот словарь уже становился объектом исследования в плане сравнительно-сопоставительных лингвистических исследований лексико-семантических групп слов [12: 25] и фразеологического описания русинского языка [4: 97]. В ходе работы применялись количественные методы анализа материала. Выбор двуязычного словаря обусловлен прежде всего отсутствием относительно единого и достаточно полного толкового словаря русинского языка. Кроме того, используемая методика параметрического анализа лексики предполагает именно такой тип словаря, что в дальнейшем обеспечит возможность сопоставления с другими языками.

Измерять длину слова можно по-разному: и в буквах, и в звуках, и в слогах, а для славянских языков – ещё и в морфемах. Естественно, что в словаре длина слова проще всего измеряется в буквах. Данные о длине слов в звуках можно получить, введя коэффициент, отражающий отношение числа звуков к числу букв. Высчитанный по формуле, предложенной в [13: 18], данный коэффициент показывает, что для славянских языков в целом расхождение в длинах слов, выраженных разными способами, можно считать несущественным (данный коэффициент приближается к 1) [7: 45]. Для русинского языка он составляет 0,993, следовательно, данные о длине в буквах можно считать релевантными. Результаты обработки словаря-источника приводятся в таблице.

Функциональная стратификация русинской лексики

Кол-во букв	Кол-во слов	Накопленное	Ф-вес
1	2	3	4
2	27	27	0,9995
3	400	428	0,9915

Кол-во букв	Кол-во слов	Накопленное	Ф-вес
4	1 337	1 764	0,9651
5	3 234	4 998	0,9011
6	5 112	10 110	0,7999
7	7 131	17 241	0,6588
8	8 471	25 712	0,4911
9	8 198	33 910	0,3289
10	6 462	40 372	0,2010
11	4 648	45 020	0,1090
12	2 694	47 714	0,0557
13	1 492	49 206	0,0261
14	735	49 941	0,0116
15	335	50 276	0,0049
16	144	50 420	0,0021
17	57	50 477	0,0010
18	21	50 498	0,0006
19	19	50 517	0,0002
20	6	50 523	0,0001
21	3	50 526	0,0000

Таблица содержит информацию о количестве слов, имеющих определённую длину в буквах (столбцы 1 и 2). Столбец «Накопленное» полезен тем, что позволяет увидеть границу между ядром и периферией, проходящую в нашем случае между 4-м и 5-м рангами. Для функциональной стратификации лексики вводится такой параметр, как функциональный вес (Ф-вес). Он определяется на всём корпусе словаря путём деления разности суммы единиц всех рангов и накопленной суммы единиц от первого до данного ранга на сумму единиц всех рангов и позволяет более точно оценить «весомость» единицы словаря. Формула в данном случае выглядит следующим образом:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где $\sum r$ – сумма единиц всех рангов; R_{1-i} – сумма единиц от первого до данного; Pr_i – вес i -го ранга.

Как следует из таблицы, функциональное ядро включает в себя первые три ранга: слова длиной в 2, 3 и 4 буквы. Такое количество

обуславливается тем, что элементарный уровень общения на языке возможен при активном владении 1 000 слов [13: 112], хотя данные русинского языка позволяют определить размер ядра с небольшим запасом – функциональное ядро русинской лексики составляют 1 764 слова длиной от 2 до 4 букв. За пределами нашего рассмотрения остаются местоимения и служебные слова, традиционно являющиеся короткими в языке и не несущими самостоятельного лексического значения.

Распределение русинских слов по дине в словаре-источнике наглядно представлено на графике (рис. 1).

Форма распределения слов по длине также имеет значение: русинский имеет одновершинное распределение. Максимум слов приходится на длину в 8 букв, что хорошо просматривается на рисунке. Однако стоит заметить, что максимально приближены к ним слова в 9 букв. Разница в их количестве составляет всего лишь 273 слова. Обращает на себя внимание тот факт, что самыми длинными словами оказались *вулгарномарксистичный* ‘вульгарномарксистский’, *научнозглядательный* ‘научно-исследовательский’, *интернаціоналістичный* ‘интернационалистский’ (21 буква). Эти слова представляют собой терминологическую лексику и по сути являются лексикализованными словосочетаниями, использующимися как одно слово.

Обратимся к содержательной характеристике коротких слов. Среди полнзначных слов длиной в 2 буквы отметим следующие: *ад* ‘ад’, *ас* ‘ас; туз’, *ар* ‘ар’, *їд* ‘яд; досада; злоба’, *їз* ‘боны; ростверк’, *уд* ‘член; конечность’, *уй* ‘дядя; дядюшка’, *ум* ‘рассудок; разум’, *ус* ‘ус’, *уш* ‘вошь’, *ча* ‘вправо’, *юг* ‘юг’, *юш* ‘право (на что)’, *яд* ‘яд; досада; злоба’, *яс* ‘сияние;

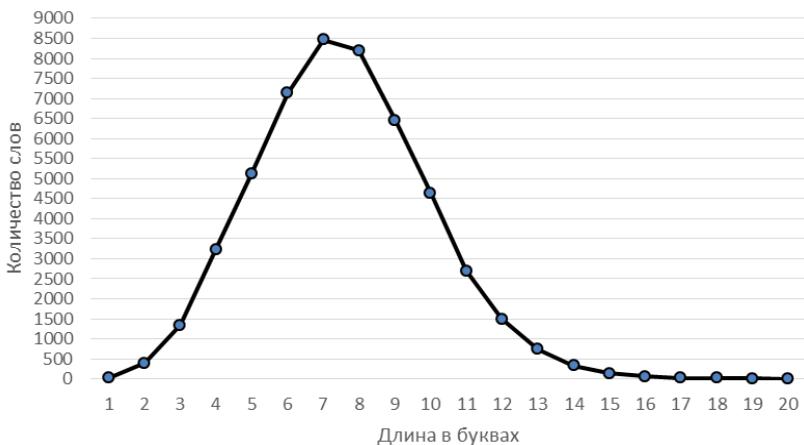

Рис. 1. Распределение русинских слов по длине в буквах

блеск'. Ряд специальных слов также входит в эту группу: названия нот (*ре, ми, си* и проч.), букв (*бе, юс*) и математическое *пи* 'знак «пи»'.

Семантические группы трех- и четырёхбуквенных слов отражают сферы материального и духовного мира и в большей степени характеризуют представителей исследуемого языка. К таким группам относят, например, названия частей человеческого тела: *нус* 'нос', *нухт* 'ноготь', *око* 'око; глаз', *риф* 'локоть', *рука* 'рука; кисть; почерк', *тіло* 'тело, плоть', *ухо* 'ухо', *шия* 'шея'; названия орудий труда и их частей, названия продуктов сельского труда и возделываемых культур: *брэк* 'большой воз; фура; ломовая подвода', *мука* 'мука', *коло* 'круг; колесо', *куш* 'сушилка; кузов; камера для копчения', *буб* 'боб', *бача* 'овчар; чабан', *булі* 'картофель; картошка', *зак* 'багор; крюк', *гоз* 'сорняк; бурьян', *жом* 'выжимки', *кул* 'кол', *куш* 'большая корзина', *лан* 'большое поле', *лен* 'лён', *лут* 'лыко', *мед* 'мёд', *нуж* 'нож', *пац* 'маринад', *уль* 'улей' и др.; термины родства и свойства: *кум* 'кум; крёстный отец', *сын* 'сын', *кума* 'кума; крёстная мать', *неня* 'старшая сестра; свояченица', *уйко* 'дядя', *уйна* 'тётя; тётка', *отьо/апо* 'отец; папа', *муж* 'муж'). Нельзя не отметить немалое количество названий домашних животных, также рыб и птиц среди функционально ядерной лексики: например, *кунь* 'конь', *куре* 'куры', *мыш* 'мышь', *мнюх* 'налим (рыба)', *пес* 'собака', *теля* 'телёнок', *ухін* 'сова ушастая', *цапа* 'акула', *ягня* 'ягнёнок', *цап* 'козел', *юга* 'овца'. Абстрактная лексика в меньшем объеме, но также вошла в функциональное ядро лексики русинского языка: *бытя* 'бытие; существование', *туга* 'мечта; томление, жажда; сильное желание; печаль, тоска, грусть', *туск* 'тоска; хандра', *нудь* 'скука, скучища', *чар* 'волшебство, очарование; прелесть'.

Относительно грамматической характеристики функционального ядра лексики заметим, что 90 % самых коротких слов в русинском языке – существительные. Прилагательные и глаголы в сумме составляют всего 10 %, при этом можем заметить численный перевес глаголов над прилагательными. К ним относятся: *ити* 'идти; котироваться', *яти* 'приняться; начать; взяться; приступить; стать; осознать', *бути* 'обувать туфли', *вити* 'вить, мотать, наматывать', *выти* 'выть', *дати* 'дать, придать; предоставить', *діти* 'всовывать, совать; девать, деть', *дути* 'дуть; пулять', *жити* 'жить', *їсти* 'есть; (разг) кушать; досаждать кому', *лати* 'ругаться, чертыхаться; выражаться', *лячи* 'лечь', *мати* 'иметь; обладать чем', *ріхт мати* 'иметь отношение к чему; иметь право на что', *мыти* 'мыть, умывать; стирать', *ныти* 'ныть', *няти* 'братъ', *печи* 'печь; надувать, облапошивать; саднить', *пити* 'пить; принимать', *піти* 'петь; кукарекать', *разы* 'умножить на', *речи* 'говорить; сказать', *рыти* 'рыть; подкапывать; подкапываться', *січи* 'резать; сечь; крошить; рубить', *течи* 'течь', *тыти* 'жиреть, полнеть, поправляться, толстеть; разъедаться', *уйти* 'пойти;

взойти; вылинять, *уати* 'исключить, не включать; изъять; вычесть, *чуги* 'слышать; чувствовать, *шити* 'шить; строчить; тачать.

Среди прилагательных отметим следующие, вошедшие в функциональное ядро: *пик* 'пиковый', *сей* 'настоящий', *фер* 'корректный', *гала* 'праздничный; торжественный', *еден* 'единственный; единый', *злый* 'злой; плохой', *млак* 'гребенчатый', *млый* 'вялый, усталый, слабый; бледный, тусклый, бесцветный; дурманящий, одурманенный', *псув* 'пёсий', *спач* 'спящий', *телї* 'столькие, многие', *міст* 'служащий', *треф* 'трефовый', *ухач* 'ушастый', *фест* 'крепко, сильно; крепкий, сильный', *шунд* 'низкопробный', *ялый* 'должный, такой как нужно; уместный; подобающий; пристойный', *ярый* 'яростный, буйный, истовый, свирепый; яровой'.

Предложенный способ не прямой, а косвенной оценки функциональной активности слова может оказаться действенным инструментом для типологического описания лексики языка (хотя этот подход и не безупречен). Частота слов может изменяться под влиянием социокультурных факторов, а краткость может быть связана с фонетическими процессами, заимствованием из других близкородственных языков.

Таким образом, появляется возможность представить длину слова в русинском языке в аспекте сопоставления с другими восточнославянскими языками. Методика анализа использовалась та же самая, статистические данные изложены в [7: 52–57].

Для характеристики других восточнославянских языков использовались следующие лексикографические источники. Для белорусского языка использовался двуязычный белорусско-русский словарь С.М. Грабчикова [1]. Как отмечается в предисловии, в словарь включены только те слова, которые имеют какое-либо отличие в белорусском и русском языках, и слова типа *бог* и *нос* в него не попали, поэтому полученные данные были скорректированы привлечением трёхбуквенных слов из первой тысячи словаря Н.С. Мажейки [5: 578–598]. Для русского языка был также взят двуязычный словарь в паре с неславянским языком [16]. Для определения функционального ядра украинского языка использовался украинско-русский словарь объёмом около 22 тыс. слов [2]. Таким образом, было обеспечено единое основание лексикографического источника – двуязычный характер словаря.

Типологически важной величиной является средняя длина слова. Она определяется делением суммарной длины всех слов на их общее количество.

Результаты вычисления средней длины для восточнославянских словарей представлены на рис. 2.

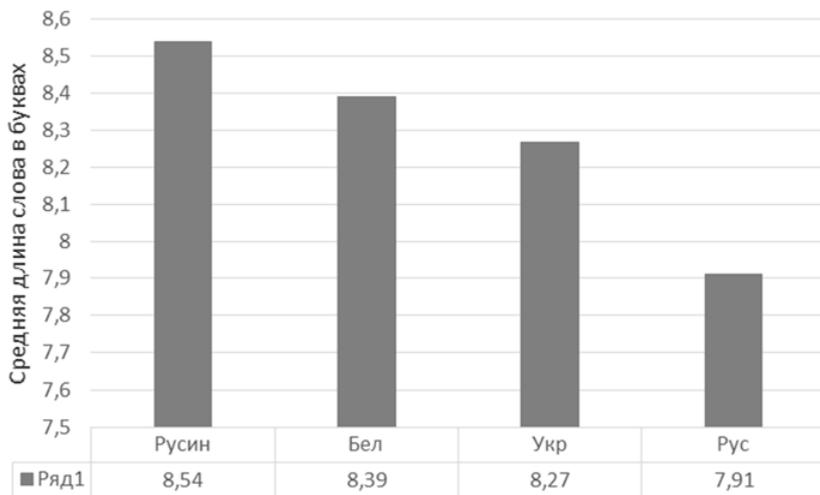

Рис. 2. Средняя длина слова в восточнославянских языках

Максимальная средняя длина приходится на русинский язык. Далее следуют белорусский и украинский. Средняя длина слов в русском языке лишь приближается к 8. Возможно, такое положение русинского языка отчасти объясняется большим количеством слов из письменной художественной речи, составивших картотеку словаря; в обиходно-бытовой речи средняя длина слова, как известно, меньше.

При сопоставлении русинского языка с другими славянскими языками на основе полученных ранее по аналогичной методике функциональных ядер других восточнославянских языков появилась возможность сопоставить количественные результаты и наложить график распределения русинских слов по длине на графики распределения длины слов в других восточнославянских языках. Результаты отражены на рис. 3.

Результаты показывают, что максимум слов в восточнославянских языках приходится на длину в 7 (русский язык) и 8 (русинский, белорусский, украинский языки) букв. Форма распределения длины совпадает – одновершинное распределение, в то время как, например, тюркские языки характеризуются двuverшинным распределением (см., например: [11: 92]). Функциональные ядра этих языков образуют лексемы длиной от 2 до 4 букв.

Форма таких слов русинского языка в большей части совпадает с данными восточнославянских языков, значения слов – полностью. Приведём список совпавших значений: 'бог', 'бык', 'дом', 'дно', 'дым', 'дуб', 'зуб', 'конь', 'кот', 'лев', 'лёд', 'нос', 'нож', 'рак', 'рог', 'соль', 'сон', 'сын', 'тон',

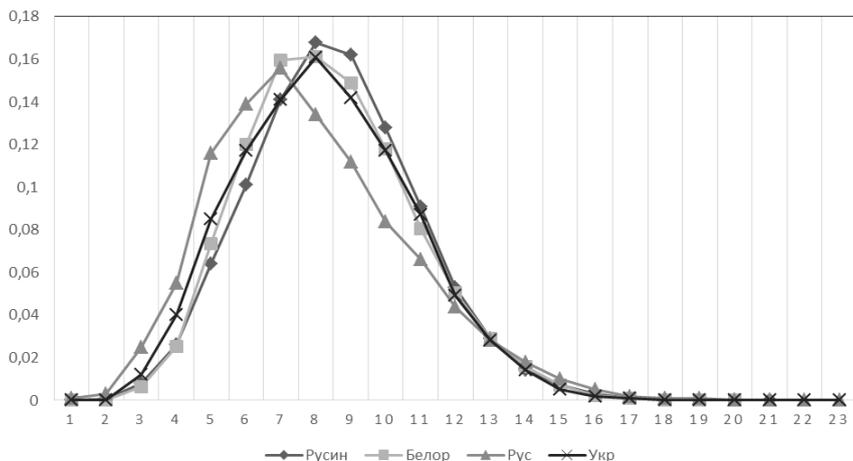

Рис. 3. Распределение слов по длине в восточнославянских языках

'*тыл*', '*тын*', '*узы*', '*чин*', '*щит*', '*яма*'. Данное наблюдение подтверждает факт постепенного укорачивания слов, употреблявшихся регулярно частотно. Так, по данным «Этимологического словаря славянских языков», в соответствующих словарных статьях указано, что *дом* от и.-е. **domu-s* (ср. лат. *domus* 'дом, семья'); *дым* восходит к и.-е. **dhūto-* (ср. лат. *fūmus*); *нос* – к праслав. **нозь*, первоначально корневому имени, оформленному по типу основ на -о, родственно др.-прусс. *pozu* ж.р., 'нос', *ronasse* 'верхняя губа'; *нож* является праславянским производным с суф. -j- от гл. **noziti* (см.): **нозь* < **nozjos* с первичным значением 'инструмент для прокалывания'; *ночь* в праславянском **noktъ*, относившееся в и.-е. языке, очевидно, к основам на согласный, впоследствии было преобразовано по типу основ на -i, причём -t- рассматривается обычно в качестве суффикса (родственно лит. *paktis* 'ночь', лтш. *nakts*); исходная й-основа у *лёд* также была длиннее; *сон* – праславянское **съпъ* из **сърпъ*, родственного **сърати* 'спать'; *сын* восходит к древней основе на -и. *Лев* и *тон* – заимствования. Нетрудно заметить, что основа короткой по длине лексики русинского языка – слова славянского происхождения, хотя удельный вес праславянского словаря сохраняется не в равной степени в разных славянских языках.

Нельзя не сказать о присутствии в русинском языке ряда лексических единиц, заимствованных из неславянских языков, таких как венгерский и румынский. Сюда входят как историзмы, связанные с пастырской деятельностью (из румынского), так и номинации, связанные с современной жизнью. Наличие венгерских заимствований

заметно отличает лексику русинского языка от лексики других восточнославянских языков. А.Ю. Мусорин выделил следующие примеры мадьяризмов в русинском языке: «...от венгерского *haszon* ‘польза’ происходит русинский глагол *хосновати* ‘использоваться’, а также все производные от него: *хоснованя*, *хоснований*, *хоснуочий*. К венгерскому языку восходит также *газда* ‘хозяин’ (венг. *gazda*), *мачка* ‘кошка’ (венг. *maczka*), *варош* ‘город’ (венг. *város*) [8: 332–336]. Как правило, такие единицы имеют длину, превышающую 4 буквы.

Есть в функциональном ядре русинского языка и уникальные слова, не отмеченные в ядрах других восточнославянских языков. *алч* ‘плотник’, *булі* ‘картофель, картошка’, *віц* ‘анекдот’, *вур* ‘ограда из жердей; плот’, *гея* ‘ястреб’, *гоб* ‘пена’, *гоз* ‘сорняк’, *гоф* ‘двор’, *гро* ‘основная часть’, *дѣк* ‘сосок вымени’, *дії* ‘история’, *дюг* ‘ярость’, *коч* ‘экипаж’, *кін* ‘мучение’, *лам* ‘столбец, колонка’, *лан* ‘большое поле’, *лач* ‘сквернослов’, *лия* ‘ливень’, *лос* ‘лотерейный билет; жребий’, *лум* ‘ворох, куча, нагромождение; хлам, старье, рухлядь, ошметки; заросли, завалы; лом’, *луп* ‘трофей, добыча’, *мет* ‘проекция’, *нер* ‘низина; впадина’, *нец* ‘авоська; сетка’, *ник* ‘зрение’, *ніт* ‘заклепка’, *пыт* ‘осязание’, *пяц* ‘базар’, *рен* ‘северный олень’, *руб* ‘удар’, *сик* ‘струя’, *уль* ‘улей’, *фан* ‘марля’, *фуш* ‘халтура’, *хов* ‘разведение скота’, *цол* ‘дюйм’, *чир* ‘кукурузная каша с молоком’, *чік* ‘вьюн’, *чуф* ‘насмешка’, *шур* ‘соня’, *ярь* ‘весна’.

Безусловно, некоторые значения можно обнаружить и в других восточнославянских языках, например, белорусском *бульба* – *картофель*, но слово шестибуквенное и в функциональное ядро белорусского языка не попадает. Другие лексемы представляют собой лакуны, не имеющие, например, в русском языке однословного эквивалента. Всё это – уникалии функционального ядра русинского языка.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги.

Функциональное ядро русинской лексики, выделенной на основе лексикографического источника, составляет 1 764 слова длиной от 2 до 4 букв. Форма распределения слов по длине является одновершинной, что сближает русинский с другими восточнославянскими языками. С точки зрения частеречного распределения функциональное ядро русинского языка характеризуется значительным преобладанием имён существительных над другими частями речи.

По сравнению с другими восточнославянскими языками, русинский характеризуется максимальным значением средней длины слова. Форма и семантика слов функционального ядра русинской лексики, общих со словами других восточнославянских языков, в большей части совпадают. Основа короткой по длине лексики русинского языка – слова общеславянского происхождения, хотя удельный вес праславянского словаря сохраняется не в равной степени в разных

славянских языках. В функциональном ядре русинской лексики можно выделить и уникальные для функциональных ядер языков восточнославянской группы лексемы.

Автор выражает благодарность бакалавру лингвистики К.Э. Лахиной за помощь в обработке словаря и получении электронной базы Microsoft Office Excel.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грабчиков С.М.* Белорусско-русский словарь / под ред. А.Е. Баханькова. 2-е изд., перераб. Минск, 1975. 240 с.
2. *Загнітко А.П., Вінтонів М.О., Данилюк І.Г.* Великий українсько-російський і російсько-український словник. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2007. 949 с.
3. *Керча И.* Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 1221 с.
4. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Очерки русинской фразеологии. М.: РУДН, 2021. 97 с.
5. *Мажэйка Н.С.* Частотны слоўнік беларускай мовы. Минск: Зоркі гор, 2006. 658 с.
6. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Иностран. лит., 1963. Вып. 3. С. 366–566.
7. *Меркулова И.А.* Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. 255 с.
8. *Мусорин А.Ю.* Из наблюдений над лексикой русинского языка // Актуальные проблемы словообразования и лексикологии. Вып. X. Новосибирск, 2007. С. 332–336.
9. *Ольховская А.И.* Семантико-парадигмальные возможности лексических единиц на фоне их категориальных и некоторых других языковых свойств // Русский язык за рубежом. Международный аспирантский вестник. 2012. № 1. С. 41–45.
10. *Пиперски А.Ч.* Длина слова и сохранность сильных глаголов в истории немецкого языка // Acta linguistica petropolitana. 2016. Т. 12, № 1. С. 193–199.
11. *Семенова И.Д.* Параметрический анализ лексики карачаево-балкарского языка на тюркском фоне: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 339 с.
12. *Старикова Г.Н.* О «Русинско-русском словаре» И. Керчи и дополнениях к нему // Русин. 2015. № 3 (41). С. 25–38. DOI: 10.17223/18572685/41/2
13. *Титов В.Т.* Общая количественная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. 240 с.
14. *Тулдава Ю.А.* Проблемы и методы количественно-системного исследования лексики. Таллинн: Валгус, 1987. 204 с.
15. *Altmann G.* Aspects of word length // Issues in Quantitative Linguistics. Vol. 3. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2013. P. 23–38.

16. Hiltunen A., Heino Ulla-Liisa. Punainen sanakirja venäjä-suomi-venäjä. WSOY. Porvoo, 1969. 305 p.

17. Popescu I., Naumann S., Kelih E. et al. Word length: Aspects and languages // Issues in Quantitative Linguistics. Vol. 3. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2013. P. 224–281.

REFERENCES

1. Grabchikov, S.M. (1975) *Belorussko-russkiy slovar'* [Belarusian-Russian Dictionary]. 2nd ed. Minsk: [s.n.].

2. Zagnitko A.P., Vintoniv, M.O. & Danilyuk I.G. (2007) *Velikiy ukraïns'ko-rosiys'kiy i rosiys'ko-ukraïns'kiy slovník* [Large Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian dictionary]. Donetsk: TOV VKF 'BAO'.

3. Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.

4. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021) *Ocherki rusinskoj frazeologii* [Essays on Rusinian phraseology]. Moscow: RUDN University.

5. Mazheyka, N.S. (2006) *Chastotny složnik belaruskaj movy* [Frequency Dictionary of the Belarusian Language]. Minsk: Zorki gor.

6. Martine, A. (1963) Osnovy obščey lingvistiki [Fundamentals of general linguistics]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Vol. 3. Moscow. Inostr. lit. pp. 366–566.

7. Merkulova, I.A. (2021) *Leksiko-semanticheskie yadra slavyanskikh yazykov v sopostavitel'nom aspekte* [Lexico-semantic cores of Slavic languages in a comparative aspect]. Voronezh: Voronezh State University.

8. Musorin, A.Yu. (2007) Iz nablyudeniy nad leksikoy rusinskogo yazyka [From observations on the Russian lexis]. In: *Aktual'nye problemy slovoobrazovaniya i leksikologii* [Topical problems of word formation and lexicology]. Vyp. 10. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 332–336.

9. Olkhovskaya, A.I. (2012) Semantic-paradigmatic possibilities of lexical units against the background of their categorial and some other linguistic properties. *Russkiy yazyk za rubezhom. Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik – Russian Language Abroad*. 1. pp. 41–45.

10. Piperski, A.Ch. (2016) Word length and preservation of strong verbs in the history of the German language. *Acta linguistica petropolitana*. 12(1). pp. 193–199 (in Russian).

11. Semenova, I.D. (2017) *Parametricheskij analiz leksiki karachaevobalkarskogo yazyka na tyurkskom fone* [Parametric analysis of the vocabulary of the Karachay-Balkar language on a Turkic background]. Philology Cand. Diss. Moscow.

12. Starikova, G.N. (2015) Kercha's Rusinian-Russian Dictionary and Supplements to it. *Rusin*. 3(41). pp. 25–38 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/41/2

13. Titov, V.T. (2002) *Obshchaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh yazykov* [General quantitative lexicology of Romance languages]. Voronezh: Voronezh State University.

14. Tuldava, Yu.A. (1987) *Problemy i metody kvantitativno-sistemnogo issledovaniya leksiki* [Problems and methods of quantitative and systematic vocabulary research]. Tallinn: Valgus.

15. Altmann, G. (2013) Aspects of word length. In: Köhler R. & Altmann, G. (eds) *Issues in Quantitative Linguistics*. Vol. 3. Lüdenscheid: RAM-Verlag. pp. 23–38.

16. Hiltunen, A. & Heino, U.-L. (1969) *Punainen sanakirja venäjä-suomi-venäjä*. WSOY, Porvoo.

17. Popescu, I., Naumann, S., Kelih, E., et al. (2013) Word length: Aspects and languages. In: Köhler R. & Altmann, G. (eds) *Issues in Quantitative Linguistics*. Vol. 3. Lüdenscheid: RAM-Verlag. pp. 224–281.

Меркулова Инна Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета (Россия).

Inna A. Merkulova – Voronezh State University (Russia).

E-mail: igel1@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **Русины**

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2023. № 72

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)
Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 306 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusin.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.07.2023.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 19/1023.

Отпечатано в типографии «Таисом».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2023 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

